

ЕВГЕНИЙ
ФИЛЕНКО

ЭПИЦЕНТР

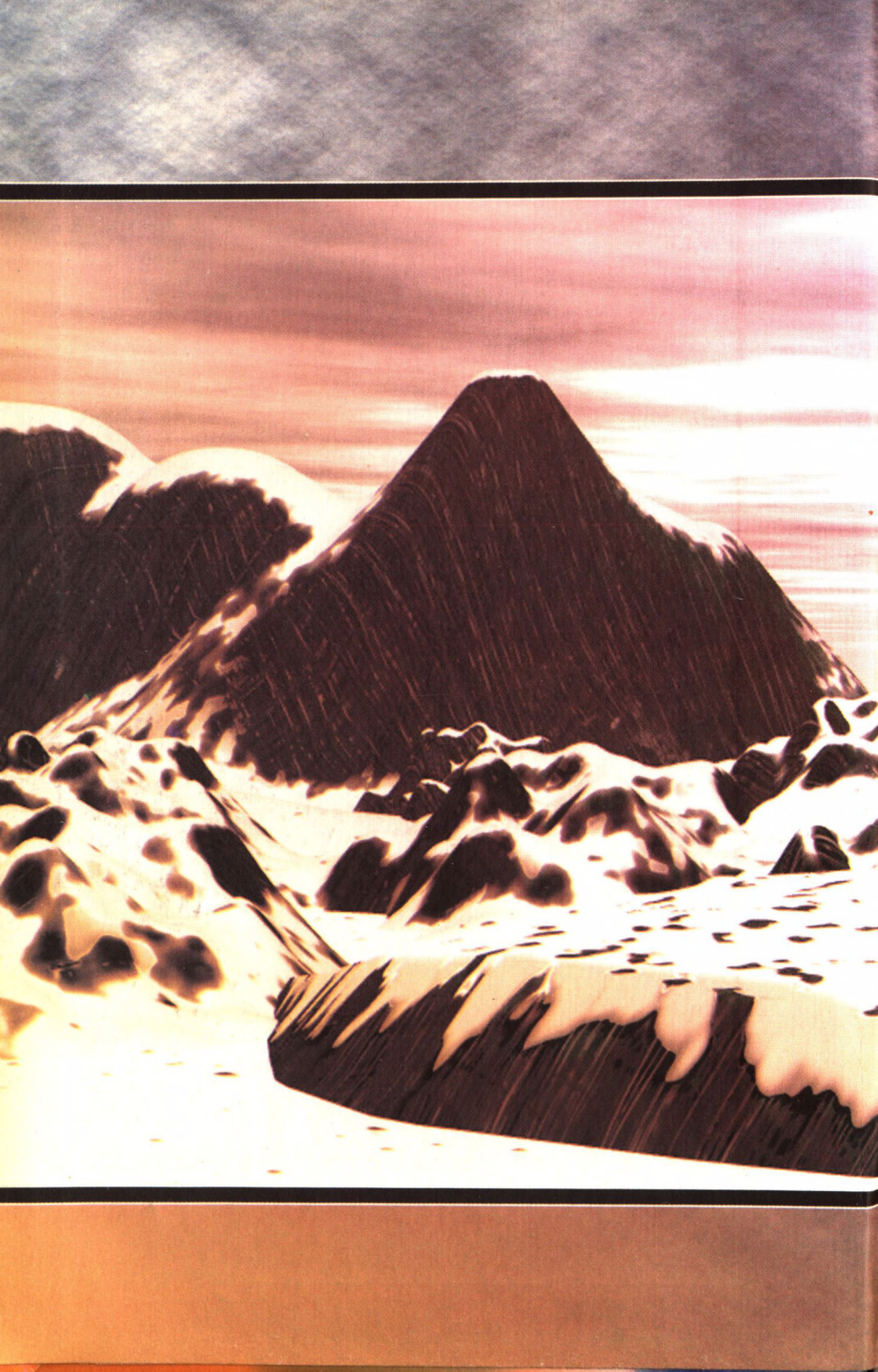
ЭПИЦЕНТР

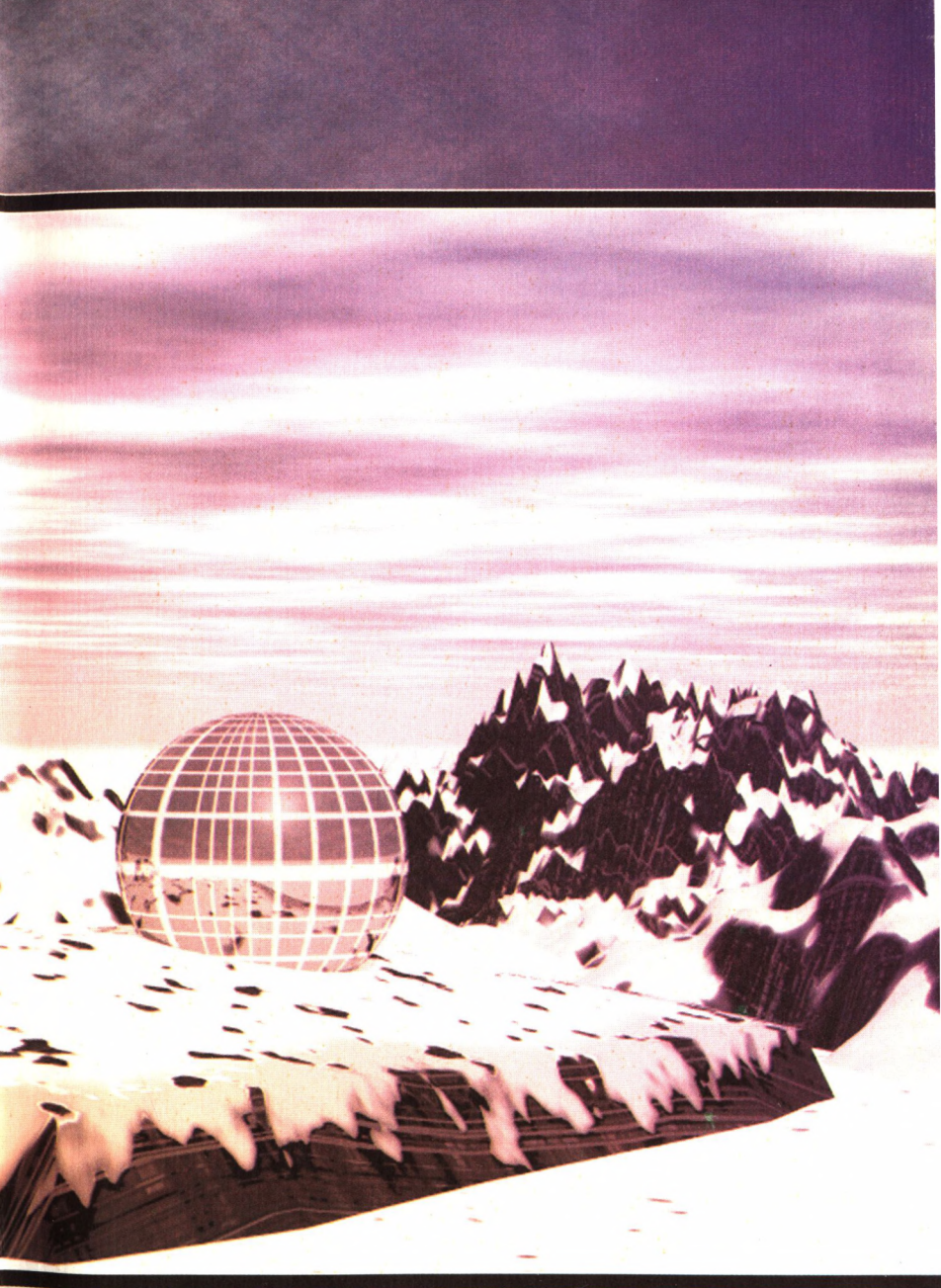
ЕВГЕНИЙ
ФИЛЕНКО

З В Е З Д Ы Й

ЛАБИРИНТ

З В Е З Д Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

7 4 1 2 3 4 5

ЛАБИРИНТ

ЗВЕЗДАНЫЙ

ЕВГЕНИЙ
ФИЛЕНКО

ЭПИЦЕНТР

из цикла
«ГАЛАКТИЧЕСКИЙ
КОНСУЛ»

ИЗДАТЕЛЬСТВО **АСТ** • МОСКВА • 1999

Серия основана в 1997 году

Серийное оформление А. Кудряцева

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Александра Корженевского.*

Иллюстрации В. Мартыненко

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Филенко Е.

Ф52 Эпицентр: Роман. – М.: ООО “Фирма “Издательство АСТ”, 1999. – 464 с. – (Звездный лабиринт).

ISBN 5-237-02162-X

Он – галактический консул.

Тайная миссия ведет его сквозь опасности и приключения, от звезды к звезде, от планеты к планете...

К планете, где, в результате чудовищной ошибки, животные обрели разум, но сохранили звериную жестокость...

К планете, оказавшейся в центре запутанного политического конфликта одновременно «открывших» ее рас...

К планетам, где обитают гуманоиды и негуманоиды и где правят чуждые человеку законы...

К планетам, которые надо спасти, пока еще не поздно...

© Текст. Е. Филенко, 1999

© Иллюстрации. В. Мартыненко, 1999

© ООО “Фирма “Издательство АСТ”, 1999

Прелюдия

Большой пассажирский лайнер класса «огр», обтекаемыми формами напоминавший гигантского скаторяка (сходство увеличивалось — наверное, вполне осознанно — вынесенными далеко вперед двумя крохотными наблюдательными башенками на носу), прохладным вечером поднялся из порта Оронго, держа курс на Абакан. Кратов стоял на нижней палубе и, свесившись через парапет насколько позволяли системы безопасности, смотрел, как чудовищная ромбовидная тень со светящимися контурами отражалась в зеркале озера. Странное, совершенно незнакомое чувство возникло в душе: ему не хотелось улетать. Даже недалеко, даже ненадолго. Он становился домоседом.

*Вечно в дороге,
 словно скиталец бездомный.
Беды-заботы,
 все на путях-перепутьях.
Сколько же может
 молодость ваша длиться?
Странника скоро
 и вспоминать позабудут...¹*

В пути ожидались многочисленные остановки во всех живописных местах северо-западной Монголии. Что под этим подразумевалось программой круиза, Кратову было положительно неизвестно. При всем своем врожденном патриотизме он полагал, что более однообразных и унылых ландшафтов в мире не существует... хотя, если поразмыслить и поискать, в бесконечной Галактике существует все что угодно. К тому же, частые причаливания увеличивали и без того чрезмерно растя-

¹ Ли Паньлун (1514 — 1570). Пер. с китайского И. Смирнова.

нудное время полета. Лайнер двигался неспешно, как и подобало столь солидному сооружению: десять палуб, едва наполовину заполненных, с тремя танцевальными залами, тремя же ресторанами (один — для сугубо интимного общения в тишине, а двум другим, как утверждалось в рекламном буклете, приданы были для вящего украшения первоклассные варьете, «Чингиз-шоу» и «Пти Мулен Руж» — хотя вряд ли кто слышал эти громкие названия за пределами монгольских степей) и немалым числом баров. А также с двумя бассейнами, один из которых для сугубой экзотики располагался на верхней открытой палубе и насквозь продувался атмосферными токами. Иными словами, пассажирам отводился разумный срок для наслаждения всеми прелестями увеселительного путешествия... Кратова это не очень устраивало: он давно отвык от долгих перемещений в замкнутых пространствах. Но перспектива пяти-, а то и шестичасового заточения в тесной кабине легкого и стремительного гравитра его влекла и того меньше. Ему хотелось, чтобы вокруг были люди. Много незнакомых людей, которым до него нет никакого дела. И это тоже входило в число его новых душевных обретений.

Впрочем, в пределах Хакасии он твердо намеревался оставить гостеприимные палубы воздушного корабля и далее передвигаться все же исключительно гравитрами.

Глубокой, совершенно непроглядной ночью «огр» элегантно причалил к полыхавшей разноцветными окнами скучновато-типовой башне порта Убсу-Нур, что на берегу озера, носившего то же имя. Стоянка предполагалась непродолжительной — чтобы желающим хватило времени полюбоваться на бликующие под высокими звездами темные воды... Кратов накинул куртку и спустился на сухую стылую землю. Постоял у трапа, подождал — никто не явился. Было бы наивно рассчитывать,

что все разрешится так просто и быстро... Для очистки совести он совершил паломничество к озеру, окунул пальцы в ледяную воду. Полюбовался на смутные очертания громоздившегося вдалеке хребта Танну-Ола. Потом скорым шагом обошел кругом весь порт и никого не встретил, кроме пары дремлющих с прикрытыми глазами верблюдов, жевавших выдранную из-под каменных стен колючку.

Ничего не произошло и в Шагонаре, и в трех других портах, названия которых Кратов не стал и запоминать. (А что, собственно, должно было произойти? Сказано было только: «Встретимся по дороге...») Дорога предстояла длинная. Вполне могло стать, что они разминутся. Трагедия небольшая. Тем более, что он боялся этой встречи никак не меньше, чем мечтал о ней!).

Наслаждаясь безраздельной праздностью, Кратов заглянул в пустой бар, где выпил предложенного ему печальным барменом фирменного коктейля «Развесистый саксаул». Коктейль сильно отдавал пыльной полынью. Возможно, саксаул на вкус был именно таков.

— Хотите анекдот? — с надеждой спросил бармен.

На вид ему было лет восемнадцать-двадцать, хотя в своем форменном лиловом скюртуке, галстук «кис-кис» и пышных бакенбардах издала он вполне мог сойти за растленного содержателя притона. Наверное, он об этом не мог и знать, но на разбитной планетке Эльдorado или вовсе уж inferнальном Тайкуне хозяева наркотических курилен выглядели именно так. Хотя вряд ли при этом они стали бы красить волосы в зеленый и желтый цвета...

Кратов отрицательно помотал головой. Ему хотелось только тишины.

— Сами, надо думать, тоже не расскажете... — проворчал юнец и, отвернувшись, включил видеосет.

Помещение сразу наполнилось дерганой, аритмичной музыкой. В клубах густого тумана извивались люди-драконы. Временами их флюоресцирующие конечности простирались за пределы экрана. Мордаха бармена сияла от удовольствия. Кратов допил свой «саксаул», спросил банку какого-нибудь светлого пива, тут же откупорил (это был его любимый «Карлсберг») и отправился путешествовать дальше.

В танцзале, под такую же непонятную и даже неприятную его слуху музыку, плавно двигались призрачные пары. Кратов, в своем простецком дорожном наряде, с недопитой банкой в руках, ощутил себя абсолютно неуместным и поспешил исчезнуть. Конечно, он мог бы без особого труда раздобыть подходящий вечерний костюм в каком-нибудь салоне здесь же, не удаляясь от зала даже на десять метров. Но сейчас у него не было и тени душевного расположения к танцам. Впрочем, как и необходимой уверенности в своих подрастерявшихся танцевальных навыках. К тому же, в строгом вечернем костюме он обычно выглядел, как слон в купальнике.

Кратов миновал кегельбан — из-за приоткрытых зазывно дверей не доносилось ни единого звука. Зато в ресторане (не том, что для интимного общения) дым стоял коромыслом, гремели канканные ритмы, а на маленькой сцене с тяжелым бархатным задником задорно работали девочки из «Чингиз-шоу».

Он поднялся на самую верхнюю палубу. Нашел свободное кресло с пледом, завернулся в него на манер улитки и устроился в слабо продуваемом закуточке. Над головой раскинулся низкий купол черного неба. Вокруг — ни единой живой души, хотя со стороны бассейна долетали невнятные голоса и плеск. Необходимая мера покоя, кажется, была обретена... Кратов блаженно смежил веки. Он даже не пошевелился, когда театраль-

ный шепот информатора объявлял очередную остановку «среди степных чудес и диковин».

Часа четыре он просто проспал.

* * *

Кратов открыл глаза. Какое-то время ему понадобилось, чтобы окончательно проснуться, стряхнуть с себя остатки сновидений. Он огляделся: палуба на всем обозримом пространстве пустовала. Над бассейном, что оказался совсем рядом, курился парок. На перилах осели мелкие капельки влаги. Ночь сменилась холодным прозрачным рассветом.

Лайнер плыл над Саянами, едва не задевая брюхом облысевшие вершины. Кратов позавтракал в ресторане (для интимного общения). Утомленные ночными бдениями, но неизменно профессионально подтянутые девочки из «Чингиз-шоу» пили кофе. Все они были одинаково невысоки, черноволосы, как бы и на одно лицо. Из их приглушенного хихиканья и отдельных понятных с детства слов на местном монгольском диалекте Кратов понял, что одну зовут Сугар, другую — Мягмар, а третью отчего-то Надя, и что вертихвостки обсуждают достоинства его фигуры и безвкусицу в выборе костюма. Ну, к этому он уже привык.

После завтрака (а полагалось бы «до»; узнай о таком неподобстве Руточка Скайдре — убила бы на месте, чтобы никогда впредь не изнуял свой несчастный организм!) Кратов искупался в бассейне. Вода показалась ему излишне нагретой. Заглянул в одну из носовых башенок, но не снес и получаса толкотни среди прочих любопытствующих. Даже приятное ощущение где-то на уровне локтя упругого плеча одной из шоу-девушек (Сугар-Мягмар-Надюши) его не удержало.

Чтобы не терять времени понапрасну, он поднялся на среднюю палубу, где устроен был узел связи, и первым долгом сообщил маме, что с ним все в порядке. Что ночью он спал, а не выплясывал без уговону (это было почти полной правдой).

В свою очередь он был поставлен в известность, что Зика едва не съела Люцифера, потому что у того вдруг сбились биологические часы и он, старый дуралей, вылез на свет божий с восходом солнца.

Что Кит ведет себя смирно, позволяет чистить скребницей бока и даже пытается заговаривать (тут Ольга Олеговна явно выдавала желаемое за действительное).

Что звонил некий Уго Торрент, доктор социопсихологии, вел себя довольно настырно и даже нагло, то есть чересчур нагло для доктора, допытывался его, Кратова, местонахождения и личного номера, но (здесь мама надменно усмехнулась) мало в том преуспел.

И что заходила эта девочка... Марси... ни о чем не спросила, выглядела весьма растерянной и чем-то сильно озабоченной, а правильнее сказать — озадаченной. Должно быть, лицу Кратова также сообщилось озадаченное выражение, что дало маме повод спросить, все ли его уверения в здоровом образе времяпровождения правдивы.

Наспех закончив разговор, Кратов попытался связаться с Марси — в миллионный уже, кажется, раз. И снова... как это сказала Ольга Олеговна... «мало в том преуспел». Ладно. Иного он и не ожидал.

Придвинув к экрану кресло, Кратов высветил подробную карту того места, куда держал путь. И хотя взгляд его блуждал среди крохотных взгорий, утыканных игрушечными кедрами и разделенных голубыми ниточками рек, мысли были заняты совсем иным пред-

метом. Что происходило между ним и Марси — одному богу было известно. Да и понятно, впрочем, лишь ему же. (Ох, уж эти непростые, сложные, странные женщины!..) Если следовать рассудку, то сейчас Кратов должен был бы плюнуть на все свои невыполнимые планы, забыть про всякие неназначенные встречи и очертя голову нестись назад, в Оронго. Взять, вот так прямо угнать с верхней палубы спасательный гравитр — будто впервой! — и скорее до дому. А уж там, на месте, употребить все свои навыки разведчика и следопыта и отыскать эту взбалмошную соплячку. Хватит деликатничать и миндальничать. Хватит играть в прятки. Он найдет ее в два счета, отроет из-под земли, вытащит из любой кротовой норы. Тем более, что вряд ли она скрывается от него в каких-то там норах. Отсиживается, по всей вероятности, у подружек. Или в одном из бесчисленных отелей на нижнем ярусе Оронго. И полагает, что так и нужно поступать с этим не первой уже молодости мужиком, рассиропившимся при виде ее девичьих прелестей, чтобы пробудить в нем еще больше страсти... хотя куда уж, казалось бы, больше-то!

Кратов злился, и стыдился того, что злился из-за женщины, и от этого стыда злился еще сильнее. А еще и оттого, что совершенно точно знал: никуда он не сорвется и не полетит. Потому что ни к чему хорошему его натиск не приведет, а только все непоправимо испортит. Потому что он не понимает, что послужило причиной их внезапного, без объяснений, расставания. И пока не поймет, пока не уяснит всю степень собственной вины — если в том, конечно, была его вина! — не сделает ни шагу назад. Хотя, разумеется, было бы ему лучше оказаться дома этим утром, когда чем-то непостижимо озадаченная Марси впервые за последние несколько недель переступила его порог...

Он стукнул кулаком по подлокотнику кресла. И скривил жалкую усмешку, тотчас же без пощады отразившуюся в контрольном зеркальце под экраном. «Земля-матушка, — подумал он печально. — Земные проблемы. Земные переживания. Вернулся, что называется, домой... Узнают в Парадизе, что какая-то белобрысая мадемуазель залучила под каблук самого Галактического Консула — со смеху поумирают, придется новых специалистов набирать в миссию. А кто не умрет на месте — меня самого до смерти заест, когда вернусь...»

— Еще бы, — услышал он сочувственный голос.

«И телепатов мне только не хватало для полного комфорта!»

Он обернулся. Сзади стоял, заложив руки за спину, рослый костистый старец в легкомысленном джинсовом костюме — обтерханные брюки, жилетка поверх ковбойки и огромный пестрый платок вместо галстука. Совершенно очевидно было, что уж он-то не питал никаких комплексов по поводу своего наряда. И ни секунды бы не заколебался на пороге самого рафинированного общества.

— Я бывал в этих местах лет десять назад, — зычно продолжал старец, глядя поверх кротовской головы на карту. — Глухомань чудовищная, древняя. Эвены называют ее Сон Духов. Там и вправду все спит. Деревья, трясины, звери... Я сам видел спящего медведя, самого большого медведя в моей жизни, наверное — моего ровесника, а ведь я пожил! Обыкновенный бурый медведь, «хозяин», только крупнее любого матерого гризли или, там, кодыака! Он и ухом не повел, когда я переступил через его лапу, вот такую примерно, — сморщенные ладони широко раздвинулись. — Что я ему — легкая закуска... А может быть, это был какой-нибудь местный дух?

— Нет там никаких духов, — сказал Кратов не слишком уверенно.

— Отчего же нет? Эвены живут в этой тайге тысячу лет, они лучше знают. Эвенам следует верить... Боюсь, кроме моей ноги, туда ничья больше и не ступала. И еще тыщу лет, бог даст, не ступит. Что могло там понадобиться вам, коллега?

— У меня там... назначена встреча.

— Вы, часом, не шаман? — в блекло-голубых глазенках старика светилось искреннее любопытство. — Я слышал, некогда там устраивались такие шаманские симпозиумы. А вернее, ристалища. Кто битием в бубен и дикими криками привлечет к себе внимание самого древнего и сильного духа, тот и самый могущественный шаман. Правда, это было давно, пожалуй, даже до моего рождения. Но было бы занятно эту славную традицию возродить!

— Я в отпуске, — сказал Кратов осторожно.

— Ну, это не лучшее место для пикника. Если вы решили сплавляться по воде, то рек там практически нет — одни ручьи. Тропинки только самые застарелые — чтобы их найти, потребуется опытный проводник, предпочтительнее из местных, из эвенов. Но решатся ли они нарушить Сон Духов — это еще вопрос!

Старец звонко крикнул, одернул жилетку и вдруг молодецки щелкнул каблуками высоких, замысловато шнурованных ботинок.

— Боюсь, я не представился, — сказал он. — Арнаутов Серапион Гиацинтович. Последние тридцать лет — профессиональный странник.

И старец качнул блестящей, в аккуратном седом венчике, лысиной. Кратов поспешно встал и отрекомендовался:

— Константин. Последний род занятий — беллетристика.

— Я знал многих писателей, — взор старца Серапиона затуманился. — Например, графа Удильщикова... Иванова Сто Тридцать Шестого... а с Гордеем Плотниковым даже имел честь подражаться из-за дамы!

— И кто же оказался прав? — осведомился Кратов.

— Видите ли, дама была моей в ту пору женой. А покойный Плотников был весьма неводержан в своих гормональных позывах. Да что говорить — редкостная была скотина. И писатель, отметим честно с высоты прожитого, говно... А не имел ли я удовольствие?..

— Вот здесь, — Кратов указал пальцем, желая резко сменить тему; — мне обещана избушка.

— Боюсь, вас ввели в заблуждение, — покачал головой старец. — Я проходил здесь и здесь, — выпуклый, крепкий, словно черепаший панцирь, ноготь чиркнул по экрану. — Можно сказать, в прямой видимости. Нет там никакой избушки. Слева топь, справа — зыбь! Хотя... — Арнаутов пожевал губами. — Это темное место, простое. Здесь можно пройти мимо космической базы пришельцев — и не приметить. Есть гипотеза, что именно в этих местах завершил свой маневр Тунгусский метеорит. Слыхали о таком?

— Еще бы, — усмехнулся Кратов.

— Ну так вот, эффектные взрывы над Подкаменной Тунгуской, небесные знамения и прочая пиротехника были всего лишь камуфлирующим антуражем. На тот случай, если бы в начале двадцатого века у Российской империи вдруг наличествовала развитая служба космического слежения. Пришельцы же не ведали реального положения дел на этой удивительной планетке! Над Ванаварой они, стало быть, отметились, а сами спокойно проследовали далее... вот сюда... где и заложили форпост. С помощью изящных, точечных вмешательств в непростые социальные процессы той эпохи добились,

чтобы покой Сна Духов не нарушался. Здесь действительно никто, никогда и ничего не строил. Ни тебе транс-сибирских магистралей, ни тебе дурных нефтепроводов, ни тем более концлагерей. Все катаклизмы обходили эти места стороной... А во благовремени, когда Земля-голубушка созрела, чтобы приобщиться эфирных таинств, означенный форпост был тихонько эвакуирован. Опять-таки с соблюдением всех подобающих мер конспирации.

— Что же они учудили напоследок для отвода глаз? — фыркнул Кратов. — Ведь у России уже была служба космического слежения!

— Ну, скажем, Мангазейский афтершок восемьдесят девятого года. Помните, что тогда творилось?

Кратов пожал плечами:

— Очень смутно...

— Да откуда же вам помнить?! — хохотнул Арнаут. — Вас и на свете-то еще не было... Ну, может быть, из истории вы каким-то чудом знаете, что ранее бытовал обычай перегораживать большие реки плотинами, вроде бобровых, и там устраивать турбины для извлечения электрической энергии из вращения оных.

— Да, я читал, — сказал Кратов без большой уверенности. — Они так и назывались: «водяные мельницы».

— Ну, это совсем другое, — отмахнулся старец. — Как выяснено сейчас, Мангазейский афтершок был отголоском глубоководного тихоокеанского землетрясения, которое прошло практически незамеченным для всех жителей этого региона, кроме специалистов. Бог ведает, какими подземными разломами он докатился до самого сердца материка и какие плутоновы силы возбудил... Но все плотины по Енисею до самого устья оказались порушены прокатившейся гигантской волной. Зона затопления была колоссальной, несколько больших городов попросту смыло...

— Хороша конспирация!

— Под такой шум кто угодно может бесследно эвакуироваться, даже Сатана со всем адом, не то что космическая станция... А знаете, почему я решил, что именно этот кошмар был отвлекающим маневром?

— Просто теряюсь...

— Потому что и Тунгусский метеорит, и Мангазейский афтершок сопровождались одинаковыми последствиями. Разрушения — огромны, жертв — никаких!

— А как же те города, что были смыты?

— К восьмьдесят девятому году Россия обладала не только службой космического слежения, — торжественно заявил старец Серапион. — Но также и прекрасно налаженной службой сейсмической тревоги! И потому все жители пострадавших городов были загодя эвакуированы.

«Просто фантастика, — подумал Кратов. — Не могу поверить. Что со мной происходит? Лечу самым медленным в мире транспортом. Лечу невесть куда, точно зная, что не найду там ничего, на что рассчитываю. При этом ухитряюсь одновременно ломать голову над тем, что творится с моей Марси, постыдно трепетать в ожидании желанно-пугающей встречи, да еще с идиотским почтением выслушивать ту ахиною, что несет этот джинсовый реликт!»

Вслух же он сказал:

— Впечатляющая история. Но боюсь, вы тоже пали жертвой заблуждения, Серапион Гиацинтович. По моим сведениям из... вполне официальных источников Галактического Братства, то, что мы привыкли называть «Тунгусским метеоритом», действительно имело инопланетную природу. Это был беспилотный зонд-разведчик цивилизации нкианхов. Они в ту пору имели обыкновение зондировать все без изъятий желтые карлики в пределах астрономической видимости. К тому

же, Земля уже давно была сферой пересечения интересов нескольких древних цивилизаций. Этот зонд прибыл к нам через Кометный пояс и без того сильно побитый, а в Поясе астероидов ему еще добавили, так что никакая аппаратура не выдержала бы, не только нкианхская...

— Вас не затруднит сделать сноску? — деликатно прервал его Арнауттов.

— Сноску? Какую... ах, да, — спохватился Кратов. — Нкианхи — это самоназвание одной из древнейших цивилизаций, стоявших у истоков Галактического Братства. Они ведут род с пятой планеты Сигмы Октанта, хотя в настоящее время расселились, без преувеличения сказать, по всему Млечному Пути.

— И все же я не стал бы столь безоглядно доверять этим вашим... нкианхам, — с сомнением сказал старец. — Конечно, чтобы пощадить наше самолюбие, сейчас они могут порассказать что угодно. Да только... простите, у вас есть дети?

— Нет.

— Ну, бог еще приведет... Когда дети ни с того ни с сего вдруг начинают стремительно взрослеть и требовать полной самостоятельности, самое разумное — оставить их без присмотра. То есть, как бы без присмотра, чтобы они обрели полную иллюзию свободы поступков. Но при этом ни на час, ни на секунду не спускать с них глаз! Лишь бы они об этом не догадывались...

— Вообще-то в Галактическом Братстве не принято лгать...

Кратов на мгновение запнулся. Это были не его слова. Он услышал их два десятка лет назад, на занесенной серыми песками планете Псамма. Ненавистой планете, что поломала ему судьбу. Что внесла существенные поправки в его жизненный маршрут. И сделала его тем, кто он теперь есть.

— Цена ошибки высока, — закончил он чужую фразу. — Хотя... Нкианхи происходят от рептилий и до сих пор сохраняют размытые морфологические признаки своих прародителей. У них слегка сдавленные с боков головы и большие, далеко расставленные немигающие глаза. Изумительные глаза, словно черный турмалин... Когда глядишь в лицо нкианху, никогда не можешь поймать его взгляд целиком. Только взгляд одного глаза, потом другого. Довольно непривычное для человека ощущение. Словно тебя прямо тут, не сходя с места, дурачат. Вдобавок ко всему, эти потрясающие глаза сидят косят.

— Вот видите! — обрадовался старец.

— Но это ровным счетом ничего не значит, — попытался возражать Кратов. — Нкианхи — одна из самых уважаемых, мудрых и открытых рас во всем межзвездном мире.

— А глаза-то косят! — погрозил пальцем Арнаутов. — Косят! Потому что правда, коллега, никогда не бывает одна.

Оба потрясенно замолчали, пытаясь оценить всю глубину последнего высказывания.

* * *

В полдень «огр» ошвартовался в порту Абакан.

Кратов выходил в числе последних. И, едва ступив на растрескавшиеся бетонные плиты посадочной площадки, увидел Рашиду.

Она стояла чуть в стороне от толпы встречающих, хотя смело могла бы и смешаться с нею. Все равно Кратов сразу бы увидел ее. Эту женщину положительно нельзя было спутать ни с кем на этом свете.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Парадиз

1.

Пузатенький большеголовый человечек на светящемся табло предупредительно топырил трехпалые ладошки, призывая остановиться. По залу гулял зябкий ветерок, и человечку, следовало думать, не жарко было на своем месте. Кратов подмигнул бедолаге как старому знакомому. Такие же человечки сопровождали его на всем пути от Земли до Сфазиса, неизменно указывая на помещения, где будет удобно разместиться и провести время вертикальному гуманоиду. Иногда они явно и беззастенчиво вводили в заблуждение: мало приятного было проторчать битый час в наглухо задраенном скафандре, не видя ни зги за курящимся желтым дымом, как это приключилось на борту попутного галатрампа от Сириуса до какой-то заурядной желтой звездочки, не имевшей даже имени — только замысловатый цифровой

индекс, начинавшийся с пяти нулей кряду. Но тут Кратов мог винить лишь самого себя: не захотел подождать сутки до отлета комфортабельного рейсового трансгала «Сириус-Сфазис», решил на перекладных... Что ж, в Галактике наверняка существовали гуманоиды, которым по вкусу пришлось бы удушливая, кажется — даже ядовитая атмосфера в пассажирском салоне галатрампа. Да и Кратов, в конечном-то итоге, тоже не прогадал. Так или иначе, он уже был на Сфазисе, хотя свободно мог бы еще валяться на диване в отеле «У собаки Баскервилей» (единственная на что-то годная планета на орбите вокруг Большого Сириуса, называлась, естественно, Сенбернар, а все отели носили самые фантастические собачьи имена) и накачиваться пивом, либо празднично слоняться среди нацеленных в черное небо игл стилого газа, в обоих случаях равно околевая от скуки.

Кроме Кратова и человечка-пиктограммы в просторном зале космопорта никого не было. Очевидно, Кратов оказался единственным гуманоидом, прибывшим сюда за весь день. От этой мысли ему сделалось неудобно, и он, чтобы успокоиться и заодно совладать с легким ознобом — скорее от волнения, чем от холода, — тщательно, на все застежки, запаковал свой анорак и поглубже надвинул капюшон. Подавляя дурацкое желание сложить ладони рупором и крикнуть: «Люди! Ау-у!», он двинулся через центр зала к огромной извилистой щели в стене. По всей видимости, щель была окном в местном духе. Оттуда исходил мощный поток холодного воздуха. В окне трепыхался лоскуток светящегося зеленоватого неба.

Откуда-то снизу перед самым лицом Кратова всплыла белая фигура, окаймленная призрачным сиянием. Кратов шарахнулся. Фантом впорхнул в окно и, приговаривая: «Кажется, я не заставил себя ждать», материа-

лизовался в очень высокого человека неопределенных лет, безукоризненно лысого, с крупным хищным носом и пронзительно-голубыми глазами. Пришелец был облачен в шарообразный гермошлем и нечто белое и развевающееся, на манер тоги древнеримского сенатора.

— Рад видеть вас в добром здравии, — учтиво сказал он. — Меня зовут Жан Батист Рошар, я второй секретарь земного представительства на Сфазисе. Мне препоручено встретить вас и снабдить некоторой предварительной информацией.

— Весьма к стати, — серьезно произнес Кратов, быстро приходя в себя.

— К моему глубокому сожалению, — продолжал Рошар, — через несколько минут прибывает еще одно... гм... лицо, которое мне также предписано окружить всевозможной заботой. Ибо оно гораздо более беспомощно в местных условиях, нежели мы, люди. Речь идет об одном ученом из системы Конская Голова.

— Плазмоид? — с живым интересом осведомился Кратов.

— Именно! А плазмоиды, как общеизвестно, испытывают неудобства в любых условиях, где присутствует хотя бы малый намек на силу тяжести. — Рошар выдержал многозначительную паузу и добавил: — Мерцальники планеты Финрволинауэркаф составляют редкое исключение... Поэтому я ограничусь в отношении вас, коллега Кратов, лишь общими указаниями, далее полагаясь на вашу подготовку и жизненный опыт, каковые представляются мне изрядными.

— Я весь внимание, сударь, — не удержался тот.

— Надлежит вам совершить полет на юго-юго-восток в течение достаточно непродолжительного времени. Затем на вашем личном браслете вспыхнет сигнал вызова, указывающий на настоятельную необходимость

снизиться. Там вашему взору явится уголок райской зелени, занимаемый нашим представительством. В своем кругу мы называем его Парадиз... Вы будете лишены возможности ошибиться, ибо упомянутый уголок со всех сторон окружен контрастно пустынными участками различных, но только не зеленых, цветов: их населяют посланцы разумных рас, не питающих пристрастия к хлорофиллу.

— Чувствительно вам признателен, — промолвил Кратов. — Однако же позволено мне будет узнать: каким способом уготовлено мне проследовать к месту моего назначения?

— О, это просто, — с готовностью сказал Рошар. — Вот так.

И он взлетел.

— Сфазианская служба транспорта, — пояснил Рошар, порхая под самым потолком. — Скорость, высоту и направление укажете сами. В принципе вы можете лететь гораздо быстрее звука.

— Вот уж ни к чему, — пробормотал Кратов. — А впрочем... Как вы это делаете?

— Не поверю, что вы никогда не слышали о гравитационных туннелях.

— Слышал, разумеется. В теории.

— Теперь вам представится счастливая возможность ознакомиться с ними на практике. Ну в самом деле, не тратить же бесценное время на перемещения в пространстве! Достаточно в той или иной форме высказать пожелание лететь — и вот вы уже летите. Старожилы обращаются к службе транспорта мысленно. Вам по первости будет извинительно вслух. Однако... — Рошар прислушался. — Мне следует покинуть вас, коллега. Подходите к окну и отважно прыгайте вниз. Только не забудьте указать направление: юго-юго-восток. Не то

вас снесет к Стеле Братства. Километровая плита, имитация под гранит, барельефы, письма, потрясающее зрелище, но сейчас вам туда не надо. И постарайтесь избежать немотивированных снижений. На вас могут обидеться за нарушение экстерриториальности. Последнее — шутка. Где ваш багаж?

— Видите ли, там целый контейнер всяких вещей, а я пока не сориентировался и не знаю, куда обратиться...

— Тогда можете не беспокоиться. Эти хлопоты я возьму на себя.

Кратов церемонно поклонился.

Он не был бы удивлен, если бы Рошар проделал перед ним какой-нибудь реверанс. Но все обошлось. Второй секретарь деловито кивнул, окутался ореолом и бестелесной тенью заскользил к выходу.

Кратов выглянул в щель. Он тут же испытал постыдное головокружение.

Космопорт парил над поверхностью Сфазиса на безумной высоте. Далеко внизу стлались кисейные облака; в просветах между ними привольно кружили почти неразличимые серебристые фигурки.

— Костей не собрать... — проворчал Кратов.

— Исключено, — немедленно ответили ему из пустоты. Голос был нечеловеческий, вероятнее всего — синтезированный. Наверное, так мог бы разговаривать славный деревянный Буратино. — Вашему здоровью на Сфазисе никогда и ничто не угрожает. О вас помнят. О вас заботятся.

— Кто это? — спросил Кратов в легком замешательстве.

— Сфазианская служба персональной безопасности, — с достоинством ответил Буратино.

— Где вы?

— Мы — всегда рядом.

— Рядом... — вздохнул Кратов. — Выходит, вы всегда все обо всех знаете?

— Получается, — согласился Буратино. — Но это не является нарушением свободы личности. Служба персональной безопасности обезличена, поскольку в ней не состоят разумные существа естественного происхождения, и не передает никакой информации за пределы своей компетенции. Обращайте на нас не больше внимания, чем на мебель или одежду. В сущности, мы и есть ваша одежда, хотя в несколько более широком смысле.

— Постараюсь, — сказал Кратов без особенной уверенности. — Умей мои брюки говорить, я бы, скорее всего, носил кильт...

Он еще раз выглянул в окно.

К сердцу подступил холодок.

«Что значит — прыгайте вниз?! Похоже, надо мной здесь решили подшутить. Этот лысый мотылек с кургузными ухватками. А заодно и Буратино-невидимка. Целая планета шутников... Да что я, будто красна девица! — рассердился он. — Подумаешь, не доставили его за ручку до самых апартаментов!.. В конце концов, Рощар занимается своим делом и справедливо полагает, что с Земли не пришлют сопливого юнца, за которым нужен присмотр...»

— Ну как, похож я на сопливого юнца? — пробормотал Кратов, оттягивая неизбежный миг прыжка в бездну.

— Вы хотели бы получить ответ? — откликнулся услужливый голосок.

— Ни за что! — жалобно вскричал Кратов.

— Ну, тогда смелее вперед, — с некоторым, как почувствовалось Кратову, злорадством сказал Буратино.

«Не трусь, звездоход, — подумал Кратов. — На тебя Галактика смотрит!»

Он присел на край окна и перекинул ноги наружу, пятками ощущая громадную высоту. Анорак наполнился упругим ветром, капишон парусом забился над плечами. «Мамочка моя, — подумал Кратов. — Только бы хваленый гравитационный туннель не забарахлил!..» Эта мысль его развеселила: сфазиянская техника НЕ МОГЛА барахлить. Напряженно улыбаясь, он заставил себя разжать пальцы, судорожно впившиеся в подоконник, и тихонько, будто в ледяную воду, соскользнул в бездну...

Вместо того, чтобы камнем ухнуть вниз, он прочно, устойчиво завис в метре от колоссального витка раковины космопорта, лениво разворачивавшейся в струях неживого зеленого света. Светилось само небо — у Сфазиса, искусственной планеты-гиганта, не было солнца. Окно неторопливо уплывало от Кратова куда-то вверх, пока он сражался с паническим желанием вскарабкаться обратно. «Должно быть, я крайне глупо выгляжу со стороны... А как я должен выглядеть? Во мне, как и во всяком нормальном человеке, крепко сидит убеждение, что летать можно лишь на чем-либо. Или внутри чего-либо. На худой конец — за что-либо уцепившись...» Кратов осторожно приблизил руку к лицу — она была охвачена знакомым уже призрачным ореолом.

— Вперед, — попросил он шепотом. — Юго-юго-восток...

Космопорт лихо прыгнул прочь, хотя никакого движения не ощущалось. Даже парусившийся поначалу анорак опал.

— Летим, звездоход! — обрадовался Кратов и уже твердым голосом скомандовал: — Быстрее! Еще быстрее!

2.

Кратов летел над Сфазисом ниже облаков, напоминая себе не то осеннего паучка-путешественника, не то сорванный порывом ветра листик. Ему хотелось бы удивиться как положено. Все же, рожденный ползать — и летит, будто вольный сын эфира!.. Однако для этого необходимо было остановиться, сосредоточиться, попытаться осмыслить первые впечатления, а останавливаться он покуда совсем не желал. Временами Кратов пробовал махать руками на манер крыльев, чтобы как-то управлять движением, но это если и помогало, то слабо, а скорее мешало.

«Дьявольщина, мне же надо направо», — в растерянности подумал он, и его незамедлительно развернуло направо. «Хорошо бы пониже», — возжелал он, ободренный успехом, — и тут же покатился под уклон невидимой воздушной горки.

Чувствуя, что начинает окончательно осваиваться в своем необыкновенном положении, Кратов отважился принять непринужденную сидячую позу, и ему это удалось, хотя и кувыркнуло предварительно через голову несколько раз. Под ногами неторопливо, торжественно распахивалась бескрайняя панорама Сфазиса, разлинованная на правильные разноцветные участки, что придавало ей разительное сходство с гигантской шахматной доской. Кратов напрягал зрение, стараясь разглядеть хотя бы что-нибудь, и порой ему везло. Он видел прямоугольные коробки из ноздреватого белого камня, совершенно безжизненные, словно бы покинутые обитателя-

ми. А у подножия голубых туповерхих термитников, напротив, отмечалось активное копошение... Некоторые клетки шахматной доски были плотно укутаны клубами дыма, спокойно вихрившимися в очерченных для них пределах. В иных от края до края расстилалась бликующая водная гладь, не нарушаемая ни единым всплеском. Третьи живо и болезненно напомнили ему мертво-серые пески Псаммы...

Сигнал вызова сработал внезапно. Перед этим Кратов увлеченно загляделся на строение, до чрезвычайности похожее на руины рыцарского замка, и потому не заметил, как под ним возник прямоугольник «райской зелени» с умилительно аккуратными домиками, крытыми разноцветной черепицей. Заложив крутой вираж — так, что в ушах запело! — Кратов пошел на снижение. Теперь он воображал себя ни дать ни взять бабой-ягой в ступе, атакующей передовые позиции воинства добрых молодцев...

На миг ему померещилось, будто он врезался в упругую перепонку, которая расступилась перед ним и тут же сомкнулась позади. После ряда неуклюжих маневров на малой высоте ему удалось-таки совершить благополучную посадку посреди лужайки, поросшей живописным разнотравьем. Земля больно ударила по пяткам, и Кратов замахал руками, чтобы удержать равновесие.

К лужайке со всех сторон подступали низкие деревья с тяжелыми кронами и кривыми стволами в глянцево-лиловой коре. За ними маячил двухэтажный коттедж — этакий пряничный домик с леденцовыми окошками. После некоторого колебания Кратов двинулся туда, стараясь не помять зеленый ковер под ногами. Но хрусткая жесткая трава, очевидно, была привычна к неделикатному обхождению и моментально распрямлялась следом за ним.

На крыльцо пряничного домика вышла высокая и очень красивая женщина в легком белом сарафане, с корзинкой в руке. Заслонив глаза от света ладошкой, она попыталась получше рассмотреть визитера. Ее золотистые волосы немыслимой длины и роскоши ниспадали через загорелое плечо едва ли не до колен.

— Здравствуйте, — сказала она низким голосом, отдавшимся у Кратова где-то под сердцем. — Вы будете у нас работать? Меня зовут Рута. Добро пожаловать в Парадиз.

— Константин, — представился Кратов, чувствуя себя весьма нелепо в громоздком анорাকে. — Можно Костя...

— А я знаю, — произнесла Рута, легко сбежала по ступенькам и ушла за домик.

«И это все?» — подумал Кратов. Пожав плечами, он поднялся на крыльцо, толкнул дверь и очутился в маленькой прихожей, где пахло сушеными травами и, кажется, грибами. Висевшее на стене маленькое пыльное зеркало безжалостно отразило его вытянутую физиономию.

— Кто там? — послышался недовольный скрипучий голос. — Что ты забыла, Руточка?

— Это не Руточка, — с нарастающим раздражением сказал Кратов и вошел в комнату.

Первым, что бросилось ему в глаза, было огромное кресло. Оно было обито черной кожей, в медных бляхах, с невероятно высокой, выгнутой назад спинкой. В кресле восседал пожилой человек в просторной пижаме восточного орнамента. Изможденное, морщинистое лицо его было запрокинуто, седые кустистые брови страдальчески вздыблены. Это был Григорий Матвеевич Энграф, руководитель представительства Федерации планет Солнца при Галактическом Братстве. По правую руку от Энграфа располагался низенький столик. Он был засыпан листами плотной бумаги, исчерканными вдоль и по-

перек, большей частью скомканными. Такие же листы были обильно рассеяны по полу. Слева находился обширный, во всю стену, мемоселектор, бешено митавший разноцветными индикаторами поиска на десятках экранов. Маленький тумбообразный когитр присосался перифералами к мемоселектору и тоже трудился вовсю. А рядышком — у Кратова даже слюнки потекли — мирно пребывал прекрасно выполненный, компактный и высокопродуктивный лингвар экстра-класса «Мегагениус Креатиф». Стационарного типа, зато избирательность на любом уровне! Там, где до сих пор доводилось работать Кратову, применялись, как правило, лингвистические анализаторы типа «Портатиф де люкс», избирательность которых оставляла желать много лучшего. В контактах с разумными расами, обладавшими звуковой связной речью, они еще куда-то годились. Но едва только доходило до абстрактных категорий пространственной или, не к ночи будь помянуто, тактильной природы, как эти лингвары начинали пробуксовывать... По экрану «Мегагениуса» металась нервная искра, время от времени он прерывал свое размышление и принимался вещать глубоким многозначительным голосом что-нибудь вроде: «Летать... вылетать... пролетать...» На лице Энграфа мелькала гримаса сдержанного отвращения, и смущенный лингвар немедля умолкал. Помимо названного, в комнате не было никакой иной мебели. Кратов успел заметить, что еще два кресла попросту были выкинуты на веранду, где и торчали в жалком состоянии кверху витыми ножками, а затем все его внимание было отдано лингвару.

— Молодой человек, — вдруг сказал Энграф, открывая черные, слегка навывкате, глаза. — Отойдите, вы заслонили мне идеал своим крупом.

Кратов встрепенулся, ток его сладостных мечтаний был прерван. Обернувшись, он обнаружил позади себя

большой экран, по которому медленно ползли, повторяясь через равные промежутки, светящиеся письма.

— Возьмите себе с веранды сиделку и угнездитесь где-нибудь, чтобы ничего не закрывать спиной, — приказал Энграф. Кратов бегом бросился исполнять. — Кстати, как вы сюда попали? — спросил он, когда тот вернулся.

— Меня зовут Константин Кратов... Собственно, мне было предложено прибыть сюда работать.

— Изумительно. В том смысле, что я изумлен... Вы ксенолог третьего класса?

— Собственно...

— Повторяю, я и сам удивлен до чрезвычайности. Обычно к нам направляют специалистов высшей квалификации. Ну, руководство имеет на этот счет свои соображения, а отзывы о вас недурные. Методика трансактивного взаимодействия при спонтанных преконтактных связях — ваших извилин дело?

— Собственно, не только моих...

— Тогда сидите молча.

Потрясенный Кратов едва сдержался, чтобы еще раз не пролепетать: «Собственно...», и съежился в кресле, бросая жалкие взгляды то на экран, то на свирёпого старца. «Чем ему не угодил методика?» — думал он в растерянности. Энграф сидел, впериw недвижный взор в пустоту и беззвучно шевеля губами. Затем, словно взорвавшись, начинал лихорадочно писать, не глядя на бумагу. Период активности сменялся трансом — худые длинные пальцы медленно сгребали густо исчерченный листок в горсть и вялым движением препровождали на пол...

— Разброс параметров велик, — не удержался Кратов. — Вероятно, вследствие избытка металеписов. Типичный тропеический язык.

— Цыц! — рывкнул Энграф. — За что купил, за то и продаю!

— Где?

— Что — где? — опешил Энграф.

— Где купили? — хладнокровно спросил Кратов. Он уже вполне пришел в себя.

На миг ему показалось, что Энграф сейчас ударит его.

Как нельзя кстати вмешавшийся лингвар забормотал: «Неделимый... неделя... раздельник...»

— Бездельник, — брезгливо произнес Григорий Матвеевич и лихо щелкнул пальцами.

Лингвар осекся на полуслове.

— Как вы догадались, коллега, — будто ни в чем не бывало заговорил Энграф, — это изложение в ксенолингвистических метафразах некоего послания. Упомянутое послание поступило на детекторы корабля ксенологической миссии землян, исследовавшей планету Винде-Миатрикс III. Немедленно после этого корабль был атакован и обращен в бегство... Точнее, мы отозвали миссию до выяснения обстоятельств. Ваш покорный слуга возится с этой ахинеей уже целую вечность. Согласитесь, что не столь часто ксенологические миссии подвергаются нападению вот так, за здорово живешь... Вероятно, ключ к разгадке содержится в послании, но куда он недоступен нашему пониманию.

— Необходима моя помощь? — с надеждой спросил Кратов.

— Отнюдь, юноша, — снисходительно промолвил Энграф. — С этим управлюсь я один. Вопрос лишь — когда? Миссия на Винде-Миатрикс III пока не расформирована и в полной боевой выкладке мается на стационаре «Святая Дева», ожидая моего решения... А вы отдыхайте, обживайтесь в нашем прелестном уголке. Вся здешняя растительность доставлена с Земли, только вот запах у нее какой-то... излишне экзотический. Атмосфера влияет, что ли? Но овощи, грибы и ягоды произра-

стают вполне исправно. Половина этого дома свободна, можете занимать. А можете поселиться и в одиночестве — кажется, два или три коттеджа все еще пусты... Имеется пруд, лужайка для спортивных игр, лес для прогулок под луной... вот только луна отсутствует.

— Извините, — ввернул Кратов. — Но я прибыл сюда не ради игр и прогулок.

— Никто и не намеревается позволять вам бездельничать бесконечно, милейший Константин... э-э...

— Костя, — хмуро подсказал тот.

— Допустим. Не позднее завтрашнего вечера к нам поступит оперативная информация со стационара Горчакова, и вы займетесь ее анализом.

— А что там?..

— Не знаю, — отрезал Энграф. — Она еще не поступила, а я не провидец. Сразу предупреждаю: вы прибыли сюда не на день и не на два, как опрометчиво полагаете, а на постоянную работу. То, что вы всего лишь ксенолог третьего класса, дела не меняет: пахать будете не меньше моего. Коли вас направили на Сфазис — значит, вы того заслуживаете. Я, к сожалению, занят, Рошар тоже в трудах, первый секретарь Гунганг в отъезде, остальные — в инспекциях на своих стационарах. Так что на избыток заботы не уповайте. Впрочем... Можете обратиться к Руточке Скайдре, она у нас свободна.

— Тоже ксенолог? — осторожно спросил Кратов.

— Господь с вами! Женщина — и ксенолог?! Руточка у нас эколог. Следит за благополучием Парадиза и его постояльцев.

Кратов поднялся из кресла, сознавая, что становится обременительным собеседником. Энграф выпростал из необъятного рукава и протянул ему старчески хрупкую ладонь.

— Не серчайте, — сказал он. — Мы действительно очень заняты. В нашей работе редко выдаются перерывы. Да вы и сами в том скоро убедитесь.

— Я не сержусь, — вздохнул Кратов и подержал его ладонь, опасаясь повредить чрезмерным пожатием.

— Не могу понять, — произнес Энграф задумчиво. — Как вы умудрились так *проколоться* на Псамме? Судя по вашим аттестациям, этого не могло произойти. Да и методика ваша...

— Тогда я еще не был ксенологом, — сквозь зубы ответил Кратов. — Всего лишь драйвером.

— Следовательно, вы бывший звездоход?.. Занятно. А ведь именно вам приписывается остроумное предотвращение потенциального межрасового конфликта. Очевидно, я что-то упустил, необходимо будет обратиться к материалам миссии на Псамму...

Кратов поспешно вышел на крыльцо.

Он огляделся. Странные корявые деревья вокруг дома по пристальному рассмотрению оказались обычными вишнями, но запах от них исходил действительно непривычный. Кратов медленно стянул с плеч анорак, а поразмыслив, заодно избавился и от свитера. Здесь, в этом уголке райской зелени, ему предстояло жить и работать долгие годы. По крайней мере, до тех пор, пока он будет ощущать себя годным к этой деятельности. Оставалось загадкой, за какие заслуги он, в общем-то заурядный ксенолог с ничтожным опытом, был внезапно направлен сюда, в самое сердце Галактического Братства. Но, так или иначе, это произошло, и теперь ему следовало доказать, что он пришел на свое место, а не на чужое, что ошибки не случилось...

Но он никак не мог понять, нравится ему здесь или нет!

3.

Руточка Скайдре сидела на корточках перед кустом малины и споро, со знанием предмета обирала его. Корзинка ее доверху была полна ягод. Чуть поодаль, на огуречной грядке, примостился мощный мохнатый пес пегой масти и с любовным интересом следил за быстрыми руками Руточки, вывалив розовый влажный язык чуть ли не до земли. При виде Кратова пес весьма сдержанно крутнул пышным хвостом и вопросительно поглядел на женщину, ожидая разъяснений.

— Это Костя, — сказала ему Руточка. — Он будет у нас жить. Люби его и береги.

Пес нехотя оторвал тяжелый зад от теплой грядки и подошел, ткнувшись широкой бородатой мордой Кратову в колени. Тот погладил его по загривку, и пес удалился, полагая, что для первого знакомства достаточно.

— Его зовут, естественно, Полкан, — промолвила Руточка. — В переводе с древнерусского — кентавр. Как еще можно окрестить такого могучего зверя? Он здесь для поддержания нормального психологического климата в коллективе. У него есть подруга по имени Мавка, но сейчас она улетела с Мишей Бурцевым на стационар не то Клермонта, не то Гленарвана. А может, и вовсе на Пратамру... Наш Полкан переживает разлуку, но виду не подает. Он до краев исполнен чувства собственного достоинства, хотя и редкостный бездельник. Эти сумасшедшие ксенологи не обращают на него никакого внимания. Впрочем, и на меня тоже.

— И на меня, — признался Кратов.

— Значит, нас здесь четверо собак... Какой может быть нормальный климат в коллективе, когда они по макушку в своей работе? — пожаловалась Руточка. — Если их не принуждать, они прекратят есть, пить, спать! Спортивные занятия для них — сушая трагедия. Григорий Матвеевич вторую неделю сидит в своем проклятом кресле, в темноте, и неотрывно смотрит на видеал. А это в его возрасте вредно для глаз! Рошар носится с какими-то плазмоидами. Гунганг посреди ночи сорвался и улетел неведомо куда. Я не удивлюсь, если у них уже образовались жировые складки на талиях... Ешьте малину, Костя.

Кратов молча сунул пятерню в корзину, сопровождаемый ревнивым взглядом Полкана.

— Что вы намерены делать, Костя? — спросила Руточка, отбрасывая со лба золотую прядь. Ее милое лицо было перепачкано алым соком и землей, широко расставленные васильковые глаза смотрели с выжидательным любопытством.

— То же, что и все. Способствовать формированию пангалактической культуры или, как любят восклицать дилетанты, Единого Разума Галактики.

— Я тоже люблю так восклицать, когда меня спрашивают, — сказала Руточка. — А который вам годик, если не секрет?

— Тридцать четвертый. На Земле кто-то опрометчиво счел меня крупным специалистом по прикладной ксенологии. Иначе я не ел бы сейчас ваши ягоды.

— Вон что, — усмехнулась Руточка. — Теперь понимаю. Дня три назад Рошар поцапался с Григорием Матвеевичем по теоретическим вопросам, и они раз двадцать упомянули вашу фамилию, причем оба ссылались на какую-то методику чего-то этакого, да еще на какой-то псаммийский прецедент... Вы составите с Энграфом

неплохой альянс. Он — кабинетный мыслитель, вы — умелый практик. Сколько на вашем счету контактов?

— Три, — сдержанно сказал Кратов.

— Небогато... Скоро нелегкая унесет вас отсюда в заоблачные дали, и вы станете изредка возвращаться в свой домик — усталый, задержанный, с нездоровым цветом лица, с полным отсутствием аппетита, с жировыми складками, свисающими через пояс. И будете безобразно спать до полудня, не обращая внимания на нас с Полканом и Мавкой, а если обращая — то лишь затем, чтобы гнать с глаз долой...

— Руточка! — запротестовал Кратов. — Ничего, что я вас так называю?.. Это невозможно! На вас нельзя не обращать внимания. Тем более гонять!

— Правда? — недоверчиво спросила женщина. — Полкан, ты слышал?

Пес привстал с насиженной грядки и заворчал.

— Он понял вас превратно, — пояснила Руточка. — А может быть, учуял признаки лицемерия. К тому же, он вообще недолюбливает ксенологов. Из-за меня и из-за Мавки.

Она подняла голову и к чему-то прислушалась.

— Ну вот, — сказала она удрученно. — Уже пора обедать. Сейчас Григорий Матвеевич будет метать в меня тяжелые предметы. Только, пожалуйста, не вмешивайтесь и не вслушивайтесь в те оскорбления, которыми он станет меня осыпать. Почаще внушайте себе, что по натуре своей это добрейший, деликатнейший человек. Но он делается невыносим, когда чего-то не понимает. Огромная удача для нас, что это случается не так часто. Как правило, Григорий Матвеевич понимает все на белом свете... А правда, Костя, что вы были плоддером?

— Правда, — неохотно сказал Кратов. — Шесть лет. Все тот же «псаммийский прецедент». Он же «инцидент».

— Но Гунганг утверждал, что вы были признаны невиновным в случившемся.

«Я тогда был мальчишкой, — подумал Кратов, нервно покусывая губу. — И очень любил стрелять из фограктора. Любил и умел. Поэтому никому не дано снять с меня ответственность за мои меткие выстрелы...»

— Плоддеры, — Руточка покачала головой. — Добровольные изгнанники. Адский труд и смертельный риск ежечасно... на протяжении шести лет! Вообразить невозможно. Наверное, вы сделаны из гранита.

— Можете отколоть кусочек, — фыркнул Кратов. — А к чему это вы все здесь постоянно прислушиваетесь?

— Ах, да, — промолвила Руточка. — Вы у нас новичок. К сфазрианской службе времени. Подумайте или произнесите вслух: «Время!» И вам сообщат...

— Двенадцать часов сорок пять минут тридцать секунд, — вклинился в беседу знакомый кукольный голосок. — Тридцать три.. тридцать шесть... Второй сегмент пятого малого сфазрианского интервала.

— Вот именно, — подтвердила Руточка. — Кстати, мы обедаем в саду, не опаздывайте.

Она встала, отряхнула подол сарафана от нападавших с куста листьев и высохших плодоножек, а затем неторопливой, но уверенной походкой направилась к пряничному домику, где в одиночестве страдал Энграф. Следом за ней, покачивая крутыми боками, тронулся Полкан. В зубах он нес корзинку. Кратов с сожалением проводил их взглядом. Он вынужден был признаться себе, что был бы непрочь еще поболтать со славной Руточкой. Только бы она не спрашивала про Псамму.

— Коллега Энграф! — донеслось с веранды. — Обедать!

— А поди ты!.. — загремело в ответ.

Все остальное покрыв раздраженный лай Полкана.

Кратов сдернул с малинового куста не замеченную Ручочкой ягоду, вздохнул и побрел куда глаза глядят. Несмотря на отсутствие солнца, не на шутку припекало. Он расстегнул рубашку сверху донизу и закатал рукава.

— Интересно, — пробормотал он. — Как у меня с жировыми отложениями?

— Неважно, — откликнулся неутомимый Буратино. — Они у вас практически незаметны.

— А это кто?

— Сфазиянская служба здоровья. О вас помнят. О вас заботятся.

— Мамоchка моя, — засмеялся Кратов. — Океаны заботы и любви! Даже Полкан — и тот обязан всех любить.

— А как же иначе? — спросил Буратино слегка озадаченно. — Разве бывает по-другому?

— Бывает. К сожалению... А может быть, к добру?

— Где? Где? — всполошился невидимый собеседник. — Назовите координаты!

— Это... м-м... за пределами Сфазиса.

— Жаль, — совсем огорчился Буратино. — Мы со Сфазиса — никуда.

За фруктовыми деревьями неизвестной разновидности Кратов обнаружил обещанный прекрасный пруд в окружении камышей и карликовых плакучих ив. О большем удовольствии нельзя было и мечтать. Сбросив на ходу одежды, Кратов с разбега бултыхнулся в прогретую воду, распугал дремавших у поверхности толстопузых тилапий и со счастливым фырканьем вынырнул на середине. Раскинув руки, он замер в невесомости на легкой волне и прикрыл глаза. Остатки раздражения и неуверенности покидали его душу, вымытые прозрачными струями. «Прелестный уголок, — вспомнил он слова Энграфа. — Мечта... Как здорово и быстро можно

здесь работать! Вместо того, чтобы сидеть перед унылыми когитрами и лингварами и медленно дуреть от их зудения — выйти под самосветящееся небо, погулять по саду, мимоходом срывая переспелые вишни, поболтать с милой женщиной Ручочкой Скайдре. Побегать наперегонки с Полканом, который хотя и обязан любить всех, но однако же любит лишь тех, кто готов платить ему взаимностью — пусть даже обычным похлопыванием по загривку. А затем бултыхнуться в пруд и переплыть его туда-обратно раз этак с несколько. И если после этого в твою башку не придет решение всех проблем — значит, ты безнадежный тупица, не ксенологом тебе быть, а разве что инструктором по атлетизму...»

4.

Григорий Матвеевич с недовольным видом сидел за деревянным столом под вишней, уткнувшись печальным носом в чашку с кумысом.

— Ты исчадие ада, — сказал он Руточке. — Откуда ты произошла на мою голову?

— То ли еще будет, — произнесла Руточка обещающе. — Надоело с вами нянчиться. Вот свяжусь с Землей и наябедничаю на всех — пусть отзывают на принудительный отдых!

— Только посмей! — жалобно вскричал Энграф. — Ну, буду я играть в этот проклятый теннис, и в футбол буду, шут с ним, но ты — молчи!

— Так-то, — сказала Руточка и победоносно поглядела на Кратова.

Тот одобрительно кивал, подметая вторую порцию овощного салата из глубокой глиняной миски.

— Как вы устроились, коллега? — спросил Энграф.

— Думаю, что прекрасно, — сказал Кратов. — Хотя, признаться, у меня еще не было повода заглянуть в свои комнаты. И я где-то потерял свой анорак.

— Пустяки, — промолвил Энграф. — Полкан разыщет. Верно, Полкан?

Пес настороженно покосился на него, словно ожидая подвоха, и нехотя поплелся в глубь сада.

— В отличие от некоторых, — заметила Руточка, — Костя уже успел поплавать в моем пруду. Зачем я, спрашивается, разбила здесь пруд?

— Очень удобно, когда нужно кого-нибудь легко и быстро утопить, — сказал Энграф. Оборотившись к Кратову, он продолжил: — Пусть вас не шокирует скромное убранство наших жилищ. Мы редко принимаем гостей. Кому придет в голову фантазия отправляться в гости в скафандре? Для непосредственных переговоров существуют особые нейтральные зоны. А в повседневной практике мы пользуемся обычными многоканальными видеалами...

— Григорий Матвеевич! — обиженно перебила Руточка. — Вы отнимаете у меня хлеб. Вот вы сейчас убедите в свою келью, а о чем я должна буду целый день говорить с Костей? Не о ксенологии же!

— А ты не встречай, когда старшие беседуют, — сказал Энграф. — В прежние времена это называлось бесчинством. От слова «чин». Титул у тебя, голубушка, не соответствует...

— Кстати, о титулах, — обрадовалась Руточка. — Да будет вам ведомо, Костя, что Григорий Матвеевич в нашем кругу носит неофициальный титул Галактического Посла, что вполне отвечает роду его занятий.

— На ксенологических стационарах его величают точно так же, — подтвердил Кратов.

— Скорость распространения слухов в вакууме намного превышает световую, — с плохо скрытым удовлетворением проворчал Энграф.

— И вот я подумала, — продолжала Руточка, — что поскольку вы, доктор Кратов, станете работать преимущественно в удаленных миссиях, то вам вполне подойдет титул Галактического Консула.

— А что, впечатляет, — согласился Энграф. — Хотя и не без претенциозности.

— Зато красиво, — сказала Руточка. — И куда выразительнее, чем ваши официальные должности.

— Не привьется, — промолвил Кратов. — Ко мне прозвища с детства не льнут. Последний раз я носил титул Великого вождя Шаровая Молния семнадцать лет назад.

— У меня легкая рука, — заверила его Руточка.

— Ах ты, Рутишна, — игриво сказал Энграф. — Чертовка... Не рука у тебя, а язык! Оставляю вас, коллега, на заклятие этой юной, но перспективной ведьме.

Напевая бравадный мотивчик, Галактический Посол удалился решать свои ребусы. Едва только он скрылся за дверью, как из-за деревьев не спеша появился Полкан, старательно задирая морду, чтобы не волочить зажатый в полусомкнутых зубах кратовский анорак по траве.

— Спасибо, коллега, — промолвил Кратов.

Полкан небрежно мотнул хвостом.

— Вы ешьте и пейте, Костя, — сказала Руточка. — А я могу говорить и без вашего участия. В общем-то, мне известны все ваши возможные вопросы. А вам — большинство моих ответов.

— Не думаю, — усмехнулся Кратов. — Можете вы мне объяснить, почему я здесь?

— Не иначе, это все ваша хитроумная методика. Редко случается, чтобы начинающий ксенолог сразу, с ходу, предложил что-то толковое. Обычно это происходит с обретением опыта. Вас приняли за вундеркинда. А вы разве не вундеркинд?

— Боюсь, что нет. У вундеркиндов — врожденные таланты. У меня — только усидчивость и любознательность.

— Еще год назад Гунганг сказал Григорию Матвеевичу: «Вот тоже восходящая звезда — некто Кратов...»

— Ну уж! — зарделся тот.

— Такими словами и сказал! «Хороша звезда, — возразил Григорий Матвеевич. — Так проколется на

Псамме!» — «Проколоться может любой, — заметил Гунганг. — А спасти контакт в подобной провальной ситуации?» — «Озарение!» — упирался Григорий Матвеевич. «Не омраченное пагубным пристрастием к удобным черным креслам», — съязвил Гунганг. Потом они перешли на свой обычный сленг, и я перестала их понимать.

— Вынужден буду принять вашу версию. За неимением лучшего.

— В вас наверняка зреет следующий вопрос: почему нас так мало.

— А почему вас так мало?

— Нас вовсе не мало — здесь постоянно проживают двадцать три человека, хотя не было случая, чтобы все оказались на местах одновременно. За всеми, кроме Энграфа, меня и Полкана с Мавкой, закреплено по несколько ксенологических стационаров. Каждый стационар, в свою очередь, располагает командой примерно из ста квалифицированных ксенологов и без числа обслуживающего персонала. Всевозможные драйверы, экзобиологи, астрофизики, медики... Все это небесное воинство рассредоточено по большим и малым исследовательским миссиям, которые готовят, устанавливают и поддерживают непосредственные контакты с братьями по разуму. И тем самым всемерно способствуют формированию Единого Разума Галактики... Ну, это вы должны знать лучше меня.

— Угу, — сказал Кратов.

— Если я что-то смыслю в ваших делах, — продолжала Ручочка, — то для начала, учитывая ваш скромный опыт в координационной деятельности, вам в епархию будет передан стационар Ивана Ивановича Горчакова «Лернейская Гидра», один из самых благополучных. Там покуда не предвидится никаких проблем. Затем, наконец, стационар Росса Дэйнджерфилда «Моби Дик».

Постепенно на вашу голову свалятся задачки посложнее... Все будут рады переложить излишек забот на ваши плечи, благо они просторные. — Руточка помолчала, разглядывая его без большой застенчивости. — Может быть, из-за них-то вас и пригласили в Парадиз.

— У меня есть один знакомый драйвер, Джед Торонуолу, — произнес Кратов. — Когда он приходит в зоосад, самцы-гориллы начинают прятать своих подружек. Уж тогда лучше бы его сюда...

— А вас — к гориллам? — хихикнула Руточка. — Вот когда ваш знакомый самец придумает какую-нибудь потрясающую методику, Совет ксенологов рассмотрит и его кандидатуру. Были прецеденты... — Она вдруг воздела указательный палец к небесам и заговорила нараспев. — Вы, доктор Кратов, попали в нервный узел, простирающий свои нейроны повсюду, где человечество соприкасается с другими разумными расами — как входящими в Галактическое Братство, так и аутсайдерами. Предрекаю, что вам, относительно молодому человеку, полному сил и творческой энергии, да еще восходящей звезде, уготована участь некоего блуждающего нерва в этой схеме...

— Образно, — отметил Кратов. — Только согласится ли Григорий Матвеевич с вашим прогнозом?

— А это его прогноз. Он даже обрадуется всякой вашей инициативе. Григорий Матвеевич, все знают, великий теоретик, координатор и дипломат. Но дальше порога своего кабинета он не ступает. В космосе он бесполезен, как младенец, или, что вам понятнее, как плазмод в поле тяготения. Обобщать большие объемы информации, делать правильные выводы на основании противоречивых и часто недостоверных данных — это он может. В экстремальных же ситуациях, как точно подметил Гунганг, в цейтноте он теряет весь свой блеск.

Хотя, по легендам, в молодости это был звездный разведчик высокого класса. Как сейчас говорят — звездоход... Но с возрастом ему наскучило метаться по Галактике и жонглировать фогратором, и он подался в ксенологи. Как и вы, Костя.

— Вы полагаете, к ста годам я тоже буду беспомощен, как... гм... плазмод? — озабоченно спросил Кратов.

— А давайте проэкспериментируем! — хихикнула Руточка.

— И откуда вы все знаете?! — сощурился он.

— Я первая всех встречаю и последняя провожаю. Прочим не до того. А я, как известно, эколог, и моя обязанность поддерживать...

— ...нормальный психологический климат в коллективе, — с наслаждением подхватил Кратов.

— Вы уже выучили. Да, я здесь именно для этого. Как и Полкан с Мавкой. Верно, доктор Полкан?

Пес моргнул в знак согласия, улыбаясь во всю широкую медвежью морду.

— Пойдемте, Костя, — сказала Руточка. — Мы покажем вам Парадиз.

— Да, но на столе не прибрано, — в замешательстве проговорил Кратов. — Насколько я понял, у вас принято обходиться без техники?

— Ну, не до такой же степени! Ох, уж мне эти плоддерские ухватки... Существует сфазиянская служба быта. Помните, как в сказке: пойдя туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что?

— Не помню, — соврал Кратов.

— Как-нибудь я расскажу вам эту сказку, — пообещала Руточка.

5.

Этот день мог считаться потерянным. До конца его не состоялось ничего примечательного. Только неспешные прогулки по саду, в котором прятались погруженные в запустение маленькие домики. Хозяева их являлись лишь затем, чтобы выспаться, да и то не каждую ночь.

В ужин, когда над Парадизом начали сгущаться сумерки (в соответствии с установленным Ручкой сценарием биологического цикла) имели место энергичные словопрения его превосходительства Галактического Посла и госпожи эколога. По-видимому, они стали одной из застольных традиций... Впрочем, тоскливое выражение лица Кратова вынудило их прекратить перепалку. Энграф истолковал все по-своему и деловито, с неподдельной заинтересованностью, осведомился у Кратова о граничных значениях коэффициента толерантности для семигуманоидов третьего класса. Кратов поднапряг свою память и дал ему такую справку. Хотя у него возникло тяжкое подозрение, что этот коэффициент нужен Энграфу, примерно как бегемоту веер...

Затем Григорий Матвеевич поднялся, поцеловал Ручку в лоб и величественно удалился к себе. Ручкину бдительность это не усыпило, и она послала вдогонку уведомление о том, что если заметит ночью хотя бы отблеск света в его окнах, то немедленно, не сходя с места, потребует его отправки на Землю, потому что по ночам спят мышата и ежата, и ксенологи тоже спят. На что Энграф небрежно, через плечо, отвечал: «А также по»

росята и котята, не исключая экологов, — вместо того, чтобы заглядывать в чужие окна!»

Руточка не нашлась, что возразить, но лицо ее выразило такое отчаяние, что теперь уже Кратов преисполнился сочувствия.

— Ну, что вы, Руточка, не стоит... — сказал он. — Вы же видите — человек увлечен своей работой!

— Ступайте отдыхать, Костя, — обреченно ответила женщина. — Это вы сейчас такой чуткий. Погляжу я на вас через месяц...

Кратову не хотелось никуда уходить, но здравый смысл подсказывал, что Руточке не до него. Вздохнув, он отправился в свои апартаменты.

Ему достались три комнаты по соседству с Энграфом — гостиная, рабочий кабинет и спальня, совершенно пустые и однако же носящие следы каждодневной уборки.

— Сфазианская служба быта, — произнес Кратов с иронией, но старый приятель Буратино все понял буквально.

— Что бы вы хотели? — спросил он из пустоты.

Кратов смущенно хмыкнул: его снова застали врасплох.

— Какое-нибудь освещение для начала... — пробормотал он, и тут же вспыхнули не примеченные сразу светильники в виде старинных канделябров. — И что-нибудь вроде мебели...

— Какой стиль вы предпочитаете? Ампи́р, рококо, модерн?.. Ну-у, то, о чем вы сейчас подумали, трудно назвать мебелью.

— Возможно. Это была каюта космического корабля. А теперь в голову лезут какие-то гамбсовские стулья...

— У вас на Земле в последнее время стал популярен стиль «бореаль».

— Я согласен. Все равно не знаю, что это такое.

— Могу я просить вас перейти в другую комнату?

Кратов в некоторой растерянности подчинился, оставив дверь открытой. Пол и стены гостиной зашевелились, заколыхались и с аппетитным чмоканьем принялись рождать низкие округлые кресла, приземистый многоугольный стол, пышный диван цвета морской волны...

— Послушайте, — сказал Кратов. — А нельзя ли мне сюда такой же лингвар, как у Григория Матвеевича... я имею в виду «Мегагениус Креатиф»? И заодно хороший, сообразительный когитр средней мощности?

— Лингвар, лингвар... — забормотал Буратино. — Ах, лингвистический анализатор в гуманоидно-ориентированном исполнении! Есть небольшая сложность: необходимо снести со сфазрианской службой информации... Так что раньше утра мы, к нашему сожалению, не сможем вам помочь.

— Меня это вполне устроит, — удовлетворенно сказал Кратов.

— Тогда перейдите, пожалуйста, в гостиную, а мы займемся спальней.

В гостиной Кратов плюхнулся в кресло и с изумлением обнаружил возле подлокотника свой багаж — контейнер со всякой сентиментальной ерундой, личной библиотекой и любимыми костюмами для ношения в соответствующих погодных условиях и особо торжественных случаях. Разбирать вещи он оставил на завтра, подозревая, что грядущий день по насыщенности событиями окажется сродни ушедшему. Единственное, в чем он не сумел себе отказать, так это извлечь томик старояпонской лирики, предусмотрительно помещенный на самом верху.

*На тике горы, где находят приют
Белые облака,*

*Влачу дни свои.
Полным неожиданностей
Этот мир оказался...¹*

— прочел Кратов наугад. И, как всегда, прочитанное было удивительно созвучно его настроению.

Затем он принял душ и направился в свежестроенную спальню. Как выяснилось, стиль «бореаль» предполагал низкое, похожее на раковину морского гребешка, лежбище такой ширины, что на нем вполне могли бы с комфортом разместиться все наличные обитатели Парадиза, не исключая Полкана. Кратов сбросил кимоно и повалился на ложе. Особой мягкостью оно не отличалось. Откуда-то сверху медленно спустилось тончайшее покрывало, язычки теплого нереального пламени в канделябрах замигали и растаяли. Кратов перевернулся на спину, раскинул руки и замер, глядя в темноту.

Итак, он провел первый свой день на Сфазисе.

Грех было пожаловаться на обилие впечатлений. Горстка людей затерялась среди по-домашнему зеленых деревьев и трав. По грядкам с земными овощами разгуливают земные дворовые собаки. В обычном пруду с обычной водой плещется земная рыба. Где-то несутся заурядные куры-пеструшки. Пасутся козы Машка и Катька, строго охраняемые пожилым, но знающим свое дело козлом, обладателем чудного имени «Гэндальф Серый». А со всех сторон к ним подступает совершенно чужой мир.

...Во время прогулки Руточка подвела Кратова к самым границам сектора. Тот ожидал встретить здесь нечто вроде древних пограничных столбов, какой-нибудь силовой барьер, глухую стену, наконец. Однако дальше попросту ничего не было. Травяной ковер внезапно, без

¹ Ямато-моногатари (X в. н. э.). Пер. с японского Л. М. Ермаковой.

перехода, обрывался в никуда, в прозрачную бездонную пустоту. И только протянув руку, Кратов наткнулся на ожидаемую преграду, опознав привычное по исследовательским миссиям изолирующее поле... По ту сторону лежал чужой сектор, надежно укрытый от любопытства землян — точно так же, как и они были упрятаны от посторонних взглядов...

Тогда-то у Кратова впервые и возникла эта странная, навязчивая ассоциация с музеем, где в больших, прекрасно оборудованных витринах помещены живые и очень занятные для посетителей экспонаты. Поддерживаются необходимая температура, освещение, гравитация. Создана соответствующая газовая оболочка. И кто-то невидимый, неосязаемый, невообразимый вращает Сфазис, с любопытством разглядывая величайшую в Галактике коллекцию так называемых «разумных существ»...

6.

Посреди ночи Кратов неожиданно проснулся от ощущения близости чужого присутствия.

Он открыл глаза и потянул покрывало на себя. Нет, он не испугался — эмоциональный фон пришельца не содержал угрозы. Но и не желал бы оказаться захваченным врасплох...

Поначалу не раздавалось ни звука. Затем кто-то шумно завозился в гостиной. С грохотом опрокинулось кресло, широко распахнулась дверь спальни... Кратов неплохо видел в темноте, и всё же ему стало не по себе, когда в нескольких шагах возник белый призрак без головы и рук, с тем, чтобы тяжкой и неотвратимой поступью двинуться к ложу в стиле «бореаль»...

— Свет! — приказал Кратов.

— Дьявольщина! — воскликнул призрак, шарахаясь в сторону. — Кто здесь?!

Это был здоровенный человечище в белом комбинезоне, лицо и кисти рук его по цвету напоминали хорошо обожженную глину. Он растерянно мигал маленькими черными глазками, глядя на подобравшегося Кратова.

Тот сразу припомнил загадочные слова Руточки о горилле, выдумавшей потрясающую ксенологическую методику.

— Меня зовут Фред Гунганг, — хрипло сказал великан. — Мне срочно понадобился видеал. Энграф к своему не подпустит, ползти к себе в коттедж не захотелось, и я сунулся сюда. Я не знал, что здесь уже занято. Ты кто, мальчик?

— Моя фамилия Кратов... — начал было тот, расслабляясь.

Его слова произвели на пришельца неотразимое впечатление.

Воздев руки к потолку и едва не касаясь его, Гунганг заметался по спальне.

— Кратов! — рычал он. — О! Наконец-то! Трансактивное взаимодействие! Поливариантность ксенологического интерфейсинга! О! Кратов!..

Утихомирившись, он рухнул на свободный участок лежбища.

— Далась вам моя методика, — пробормотал польщенный Кратов. — Ну что, что особенного-то? Так и зазнаться недолго...

— Твоя методика, мальчик, открыла глаза мне, старому черномазому черту, на многие вещи, — просипел Гунганг. — Лежи, не вставай. В конце концов, если тебе неловко, я тоже могу лечь... До твоей работы я был противником участия землян в контактах с негуманоидами. Спокон веку считалось, что человек не сможет понять, к примеру, разумную плесень, существуй такая в природе. Нет точек соприкосновения! Ну разве что — через посредников... А ты, сам того не сознавая, заявил мне: ерунда, может. Если не сидеть сложа руки и пялясь на экран лингвара... Кстати, ты когда-нибудь участвовал в контакте с числом посредников более двух?

— Не довелось.

— И не ввязывайся! Посредники имеют обыкновение беспардонно врать, причем собственное вранье сами же принимают за чистую монету и убеждают в этом соседних посредников. В результате самое простое утверждение искажается до полнейшей ахинеи. А потом все удивляются, что возникают межрасовые конфликты...

— Что-нибудь серьезное?

— Было, было серьезное. Хвала небесам, удалось подавить конфликт в зародыше, хотя для этого пришлось организовать дублирующую цепь посредников. Попробуй-ка передать без искажений информацию от колонии полипов к арахноморфам! Первые всю жизнь сиднем сидят на одном месте. Вторые теряют ощущение реальности, если проведут в состоянии покоя более пяти минут... А ты, мальчик, наверняка думал, играя в бирюльки с квазигуманоидами, семигуманоидами и ортогуманоидами, что в Галактическом Братстве царит полное взаимопонимание и благолепие? Что все разумные расы, рука об руку, щупальце о ложноножку, под руководством сверхмудрых тектонов неуклонно движутся к пангалактической культуре?

— Я так не думал, — сдержанно сказал Кратов. — И учили меня не так.

— Все сатанински сложно, коллега. — Похоже, Гунганг слышал только себя. — Я с умилением вспоминаю историю. Наши отчаянно самонадеянные предки еще в конце двадцатого века пытались завязать контакты с иными цивилизациями при помощи радиосигналов. Какое счастье, что им не удалось! Если бы даже они и сподобились пробудить к себе чей-то интерес, пучина непонимания повергла бы их в депрессию. Кто реально мог бы их услышать? Кристаллоимы с Летящей звезды Барнарда. Сам знаешь, какие это любители неформального общения. Медузы-ветроносцы на газовых пузырях Росс 154, что тоже не подарок. Одна надежда на какой-нибудь случившийся поблизости рейдер нкианхов... Человечество заработало бы комплекс неполноценности! Или, имея пагубную привычку рубить гордые узлы, впуталось бы в межрасовый конфликт...

— Лет через сто о нас с вами будут говорить то же самое, — улыбнулся Кратов. И осторожно напомнил: — Помнится, вы искали идеал?

— А ну их всех! — отмахнулся Гунганг. — Могу я впервые за несколько недель поболтать с братом по разуму попросту, без посредников?! Или тебе неприятно мое общество, мальчик?

— Отнюдь, я весь внимание.

— Прибавь еще — «сир»! Уже успел познакомиться с Рошаром. Знакомый лексикон. Так о чем это мы?.. Да! Приступая к работе на высших уровнях Галактического Братства, дружок, ты всю свою жизнь посвящаешь прогулкам по лезвию остро заточенного ножа. Содружество цивилизаций оказалось мало напоминающим слюнявый альянс, воспетый писателями прошлого. Где все только и делают, что изъясняются друг другу в любви да спешат обменяться познаниями... Ни хрена похожего! Это клубок сложных и противоречивых взаимоотношений, строящихся на том объективном обстоятельстве, что для каждой цивилизации самое главное — это ее жизненные интересы, ее среда обитания. А поскольку средой обитания каждой цивилизации является вся Галактика, то функция Галактического Братства в первую очередь сводится к тому, чтобы согласовывать взаимоисключающие устремления. Да еще и направить их в единое русло, потому что альтернативы пангалактической культуре попросту не существует. Бедные тектоны! Как только у них мозги не взрываются?! Ну, разумеется, «многовекторное мышление», то бишь способность думать одновременно во многих плоскостях. Что там еще?.. «Чувство мира», сиречь мгновенное извлечение полной информации о любом участке матушки Галактики. «Дыхание тектона» — неконтролируемые инфразвуковые импульсы, как плата за все эти удовольствия. Да еще скромная помощь всех нас и нам подобных... Хвала небесам, Галактика велика и просторна! Но ведь она пронизана разумом насквозь, скоро

в ней станет тесно. Вот тогда-то всем придется жарковато.

— Неужели так плохо? — спросил Кратов с недоверием.

— Почему плохо? — изумился Гунганг. — Разве я сказал «плохо»? Я сказал — сложно. Это же естественное состояние высокоорганизованной материи. Хорошо и просто живется лишь инфузориям: набрела на лакомый кусочек — лопай, не набрела — впадай в спячку до лучших времен... Конечно, доброжелательность органически присуща всем членам Галактического Братства. Ну, практически всем! — поправился он, увидев ироническую ухмылку Кратова. — Согласись, что Ярхамда и Вифкенх вполне лояльны к базовой идеологии Братства. Что же до эхайнов, то это какое-то нелепое и непонятное отклонение от нормы...

— Кто такие эхайны? — быстро спросил Кратов.

— Зубная боль тектонов. Да теперь и наша тоже, — отмахнулся Гунганг. — Лучше тебе про них не знать. И мне заодно... Так вот, к вопросу о доброжелательности. Когда речь идет о будущем целой разумной расы, приходится наступать на горло самым благим намерениям. Тогда-то и срабатывают законы Братства, которым следует подчиняться неукоснительно, ибо они объективны. Взвешивать не только личную выгоду, но и выгоду соседей. Иначе рано или поздно припрет и тебя... Уметь уступать! Способность уступать — свойство, присущее только высокоразвитым цивилизациям...

Гунганг проворно поднялся и с наслаждением потянулся.

— В сущности, лишь один закон действует в нашей Галактике, — заявил он. — А все прочие — лишь следствия из него.

— Что же это за закон?

— Разум должен быть вечен. Это закон законов. Закон больших звезд! Обведи его себе в рамочку, мальчик, и повесь на стену. Он обуславливает необходимость взаимопонимания между всеми мыслящими существами. И неизбежность образования пангалактической культуры. И то, что убивать себе подобных и неподобных нельзя. И то, что мы с тобой проторчим среди себе неподобных всю жизнь. И то, что ты сейчас уснешь, а я убреду к себе, потому что видеала ты в своих хоромаш пока что не сотворил...

— Это я, к стыду своему, упустил, — покаялся Кратов.

— ...а мне он нужен позарез, и поэтому я спать не буду, как и пять предыдущих ночей и миллион последующих.

— Если это правда, то вам необходимо отдохнуть, Фред, — сказал Кратов рассудительно. — В наших делах нужно иметь свежую голову.

— Пустяки, — беспечно произнес Гунганг. — Я вообще могу не спать. И ты сможешь, когда потребуется. А про «свежую голову» занято было бы рассказать моим нынешним клиентам. — Он захихикал. — Дело в том, что означенный орган у них попросту отсутствует.

— Послушайте, — забеспокоился Кратов. — Вы сейчас уйдете и снова исчезнете. А я хотел бы о многом поговорить с вами.

— Мальчик, — нежно сказал гигант. — Говорить с тобой — одно удовольствие. Потому что ты не перебиваешь, а только поддакиваешь и задаешь не так чтобы уж очень глупые вопросы. Ты гениально слушаешь собеседника, и я с ностальгией буду вспоминать о тебе среди бесцеремонных посредников. Которые постоянно норовят тебя перебить и требуют разъяснения каждому твоему слову, да еще с привлечением синонимов... Я буду стремиться к тебе! Ну, за тот бесконечный промежу-

ток времени, что ты проведешь на Сфазисе, мы наверняка увидимся еще не раз. А теперь я удаляюсь, ибо ночью, как любит подчеркивать милая девочка Руточка, спят мышата и ежата, не спит только старый черт Фред Гунганг. Что же до тебя, то ты еще крайне юн, чтобы обижать ее непослушанием... Кстати, я эту белую девочку не увижу, и потому доверяю тебе поцеловать ее от моего имени в ясный, неомраченный заботами лобик.

С этими словами он ринулся в темную гостиную. Оттуда сразу же донесся грохот роняемого контейнера, хриплые апелляции к дьяволу и звук торопливых тяжелых шагов. Жалобно скрипнуло крыльцо, зашуршала дверь. И все стихло.

7.

Поутру Кратов обнаружил в кабинете обещанный лингвар. Некоторое время он молча стоял возле прибора, затаив дыхание, и упивался сладостью минуты. Никогда еще в его распоряжении не было такого мощного инструмента. Трудно было вообразить, какие горы он не мог бы теперь своротить. Верно, так же чувствовал себя пещерный человек, окунув корявые свои пальцы в лужицу охры... Наконец Кратов отважился погладить «Мегагениус» по матовому боку. Примостившийся у письменного стола когитр взирал на происходящее с философским равнодушием, лениво помигивая глазенками-видеорецепторами.

— Спасибо, — сказал Кратов, обращаясь к незримо-му Буратино.

— Это вы мне? — осведомился когитр и на всякий случай ответил: — Пожалуйста.

На радостях Кратов искупался в пруду — вода показалась ему жутко холодной, — а затем вдоволь надурился на берегу с Полканом, донельзя ему за то благодарным. Придя на лужайку, он застал там Руточку и второго секретаря, ожесточенно рубившихся в бадминтон. Рошар, обнаженный по пояс, бил точно и, как показалось Кратову, безжалостно. Его движения были расчетливы и до автоматизма выверены. На голом черепе проступали мелкие росинки пота. Что же касалось Руточки, то от нее валил пар.

— Достаточно, сударыня, вы побеждены, — с церемонным поклоном объявил Рошар. — Благоволите признать этот очевидный факт.

Закусив губку, Руточка швырнула ракетку в траву и ушла за деревья. Кратову это не слишком понравилось. Он было двинулся следом, лихорадочно вспоминая, какими словами полагается утешать хорошеньких женщин. Но на полпути его перехватил Рошар.

— Приветствую вас, коллега, — невозмутимо произнес он. — Каково почивалось? Как это у русских: «На новом месте приснишь жениху невеста»?.. Пусть вас не смущает несколько подавленное настроение нашего очаровательного эколога. Руточка желала доказать мне, что ввиду чрезмерного усердия в своей деятельности я пренебрегал телесным благополучием и стал-де окончательно немощен. Мы заключили пари. Естественно, я одержал полную викторию, как и в прежние добрые времена. А женщины, да будет вам ведомо, не любят терпеть поражений — нигде и никогда... Какой вид спорта вы предпочитаете?

— Борьбу, — мрачно ответил Кратов, высматривая обиженную Руточку.

— О, достойное похвалы увлечение! — воскликнул Рошар и внезапно кинулся на Кратова, обхватив его жилистыми руками поперек туловища.

Прежде чем застигнутый врасплох Кратов успел опомниться, сработали условные рефлексy. Второй секретарь безо всякого вмешательства сфазианских служб взлетел примерно на высоту собственного роста — только ногами вперед, а затем с воплем обрушился на траву. В последний момент Кратов заботливо подстраховал его и аккуратно приземлил на обе лопатки. А подоспевший к месту событий Полкан тщательно и со вкусом облаял побежденного.

— Пожалуйста, не сердитесь, доктор Рошар, — расстроенно проговорил Кратов. — Но вы первый начали...

— Бесподобно, — просипел Рошар. — Что это было?!

— *Сэоинагэ*, бросок через плечо из классического дзюдо. В комбинации с удушающим захватом *нами-дзюдзи-дзимэ...*

— Звучит впечатляюще. А выглядит и много более того... Но не затруднит ли вас, коллега, убрать руки с моего горла, пока я еще немного дышу?

— Да, разумеется, — смутился Кратов и отпустил Рошара.

— Напрасно, — мстительно промолвила подошедшая Руточка. — Вот было бы славно поставить его на голову и продержат в таком положении до обеда. И унизительно, и хоть какое-то обращение к хатха-йоге...

— Только не это! — запротестовал Рошар. — Мне предстоит аудиенция у коллеги плазмоида, а мое объяснение своего отсутствия под столь экзотическим предлогом вряд ли встретит у него понимание.

— Григорий Матвеевич так и не появлялся, — удрученно заметила Руточка.

— Ночные бдения, — с готовностью наябедничал Рошар.

— Руточка, — наконец отважился Кратов. — Ночью меня посетил Фред Гунганг.

— О боже, — сказала женщина. — Все посходили с ума! Надеюсь, он не приставал к вам с глупостями?

— Он лишь просил поцеловать вас от его имени. Как это он выразился — в неомраченный заботами лобик.

— Отчего же неомраченный? — усмехнулась Руточка. — Еще и как омраченный. Великая забота — отучить взрослых людей от ребячества в отношении своего брэнного и, увы, быстро изнашивающегося тела. Понимаете, Жан? Я хочу, чтобы ваше тело еще вам послужило. Почему я должна этого хотеть, а не вы?

— И действительно! — притворился Рошар. — Что вам за интерес в моем теле? Чем эта старая рухлядь мо-

жет вам послужить, кроме мишени для насмешек? Все мои робкие ухаживания были отринуты еще три года назад, когда я был в прекрасной форме, относительно молод и хорош собой. А нынче, когда здесь появился этот юный супермен...

— Что же, — терпеливо осведомился Кратов. — В лобик нельзя?

— Целуйте куда хотите, — проворчала Руточка.

— Да что же вы медлите, неразумное дитя?! — застонал Рошар. — Исполняйте волю старшего товарища! Эх, где же я-то пропадал всю ночь...

— Валяйте, Костя, — вздохнула Руточка, подставляя щеку.

Стол уже был накрыт, радуя глаз своим изобилием. Преобладали дары местного огорода: молодые, в пупырышках, огурцы и удлинённые, глянцево-красные помидоры, ворох пахучей зелени на деревянном подносе... Самым же замечательным было то, что из домика без приглашения вышел Энграф в неизменном халате. Пробурчав приветствие, он приступил к завтраку. Судя по всему, Галактический Посол был в самом скверном расположении духа. Глаза его, пустые и безразличные, были уставлены в миску с малиной, но, разумеется, не видели ни миски, ни ее содержимого, ни вообще ничего доброго и светлого в этом мире.

— Мне кажется, — сказала Руточка, — что назрела необходимость довести до сведения зсмного руководства...

— Не надо, голубушка, — остановил ее Рошар, погладив по локотку. — Отложи свои нотации до лучших времен. Сейчас контакт с Григорием Матвеевичем невозможен. В ксенологии существует такое понятие: сезонная контактная мобильность. Проиллюстрирую примером. Зимой, скажем, с медведями контакт немыслим,

разве что с шатунами. А знаешь галактическую байку о Молчащих? Так вот...

Энграф резко сдвинул посуду рукавом халата. Его клочковатые брови взметнулись кверху.

— Я ценю ваше чувство юмора, Батист, — лязгнул он. — Однако всему есть мера. Потрудитесь уважать хотя бы мой возраст.

— Простите, Григорий Матвеевич, — пробормотал Рошар. Лицо его сделалось бурым от примешавшейся к загару краски. — Ваш возраст я, безусловно, уважаю...

Энграф опустил голову и нервно побарабанил пальцами по столешнице. Затем молча встал и ушел к себе.

Затянувшуюся паузу первым нарушил Рошар, который выглядел непривычно сконфуженным.

— Скандал в благородном семействе, — сказал он, хорохорясь. — Что это нынче с нашим Послом? Я его таким еще не видывал.

— Зато я вижу каждый день, — произнесла Руточка. — В психологической атмосфере коллектива наблюдается похолодание. Первый заморозок... Нет уж, дудки!

Она выскочила из-за стола и почти бегом направилась к своему коттеджу.

— Да что здесь происходит, наконец? — встревоженно спросил Кратов.

— Руточка всецело права, — сказал Рошар в задумчивости. — Мы крупно заработались. Я тут со своими шуточками... Интересно, хватит ей решимости связаться-таки с Землей?

Громко хлопнула дверь, и на пороге пряничного домика возник Энграф. Оглядевшись, он с неожиданной резвостью бросился вслед за Руточкой.

— Примется уговаривать, — усмехнулся Рошар. — И наверняка в том преуспеет. Крупнейший ксенолог, выдающийся специалист по уговорам — и слабая женщина. А напрасно...

— Да нельзя же так, — вскипел Кратов. — Что-то надо делать!

— Бесспорно. Да только что надо? И кому надо? Ручка чересчур добра, ее способен растрогать кто угодно. Энграф ничего не видит дальше своих манускриптов. Гунганг бывает здесь набегами, преимущественно по ночам, и ему кажется, что все прекрасно. Бурцев не бывает здесь практически никогда. А вам что-нибудь говорят такие имена, как Маккрystal, Осмер, Стигант?

— Говорят. Маккрystal вел у нас спецкурс по инициативным контактам. Работа Осмера с ихтиоморфами-клилкеш была предметом моей статьи в «Ксенологическом вестнике». А со Стигантом я проторчал три месяца в миссии на Лутхеоне, и у нас даже обнаружились общие пристрастия, в частности — светлое пиво...

— Наверное, для вас окажется сюрпризом известие, что эта троица также живет и работает в Парадизе. Вернее, Парадиз является официальным адресом их пребывания. Потому что даже я не могу припомнить, когда имел несравненную честь общаться с кем-либо из упомянутых особ.

— А что же вы?

— А что я? — Рошар пожал плечами. — У меня аудиенция...

Из-за вишен появился Энграф. Утолкав руки в карманы великолепного халата, он приблизился к столу. Остановился, переминаясь с ноги на ногу.

— Батист, — сказал он. — Я был несколько несдержан.

— Да полно, Григорий Матвеевич! — запротестовал Рошар. — Вы абсолютно справедливо заметили, что

нынче мой юмор в значительной степени лишен присущей ему утонченности...

— Хитрец, — горько усмехнулся Энграф. — Вы же знаете — эта история с нападением на корабль вышибла меня из колеи. Оставим же это. У меня к вам просьба: прежде чем вы умчитесь к своему плазмиду, передайте коллеге Кратову дела по стационару Горчакова.

— Всенепременно, — сказал Рошар.

Ссутулившись и волоча ноги, Энграф побрел прочь — куда-то между домов, за пышный куст смородины. На него было больно смотреть.

— У меня такое подозрение, что Руточка не дала себя уговорить, — сказал Кратов.

— Небезосновательно, — согласился Рошар. — Все к лучшему в этом странном мире... Кстати, о стационаре Горчакова.

— Я весь обратился в слух, сударь...

— Собственно, что я могу вам передать? Стационар, сиречь постоянно действующая, плането-независимая ксенологическая база «Лернейская Гидра», содержится Иваном Ивановичем Горчаковым в исключительном порядке. В настоящее время он медленно дрейфует в межзвездном эфире в сторону одной премиленькой планетки, которую мы желали бы исследовать на предмет освоения. Названия планетки, не взыщите, не помню... На его борту обитают семьдесят шесть ксенологов, значительная часть коих трудится на поприще пангалактической культуры в окрестных системах. Никаких проблем, ничего экстраординарного в обозримом будущем там не предвидится. Исчерпывающую информацию вы можете получить по обычным каналам ЭМ-связи от Горчакова лично.

— Могу я там побывать?

— Вне всякого сомнения. Как это проделать, проконсультируйтесь у Руточки... — Рошар обратил лицо к небу и прислушался. — Меня ждут. Принужден покинуть вас, — он усмехнулся, — Ваше превосходительство Галактический Консул.

8.

Взгляд Руточки был печален. В уголках глаз проступили прежде неразличимые под загаром мелкие морщинки.

— Вот и вы — тоже... — сказала она. — Что же, пойдемте в наш зверинец.

— Куда? — опешил Кратов.

Руточка молча шагала впереди. Трусивший рядом Полкан вдруг замер и присел, глухо заворчав. Шерсть на его загривке встопорщилась гребнем, уши отлегли, между подрагивающих губ обнажились страшные белые клыки... А затем могучий и отважный пес поджал хвост и ударился в паническое бегство.

Ошеломленный Кратов увидел, как у самых ног Руточки разверзлась пропасть.

Оттуда выметнулась трепещущая радужная перепонка, вспучилась гигантским мыльным пузырем и бесшумно лопнула. А на ее месте осталась круглая платформа из черного, отполированного до зеркального блеска металла, подпиравшая огромную перламутровую раковину. Внутри раковины выселись постаменты из пористого камня, в большинстве своем пустые.

Но на ближайшем вольготном возлежала серая лоснящаяся туша, похожая на средних размеров кита. Туша была покрыта редкой жесткой шерстью, бока ее чуть заметно вздымались.

— Вот ваш межзвездный транспорт, — сказала Руточка. — Молодой, полный сил и энергии. Как и вы...

— Он что же — живой?!

— Представьте себе. Это биотехн. Специально выращен для экзометральных переходов. Программы старта-финиша заложены в нем на уровне инстинктов. Вдобавок, как и большинство биотехнов, он наделен зачатками разума и способен испытывать привязанность к хозяину. Которого не спутает ни с кем и с которым находится в непрерывном телепатическом контакте. Господи, и здесь это слово — контакт... — поморщилась женщина. — Со временем, когда вы привыкнете друг к другу, он будет о вас трогательно заботиться.

— Как же узнает, что я и есть его хозяин?

— Когда войдете в кабину, опустите ладони на пульт и посидите так минут пять-десять. За это время он успеет вас признать и полюбить. Правда, просто?

Борясь с легким отвращением, Кратов приблизился к биотехну и осторожно потыкал пальцем в бок. Он ощутил упругое и теплое тело, едва заметно дрогнувшее от прикосновения. С громким чмоканьем туша распахнула воронкообразный рот, затянутый белесой пленкой.

— Он приглашает вас в кабину, — пояснила Руточка. — На пленку не обращайтесь внимания: это всего лишь защитный фильтр. Там, внутри, установлен пульт-интерфейс, он сгодится вам на первое время. В нем хранятся система координат и правила ориентировки в экзометрии. Можете назвать место, куда хотите лететь, а интерфейс переведет ваши слова биотехну. Чтобы вернуться из любой точки Галактики сюда, достаточно сказать вслух или мысленно: «Домой». Биотехн всегда помнит, где его дом... Вот, кажется, и все.

Она повернулась и пошла прочь, низко склонив голову. Встер, играя, взбрасывал ее золотые волосы.

— Руточка! — позвал Кратов.

Женщина ускорила шаги.

— Как вы мне надоели... — услышал он.

Кратов едва совладал с желанием догнать ее, обнять за плечи, приласкать и утешить, словно обиженного ребенка. Но это явно не было решением. «Что-то надо делать, — подумал он. — Не опоздай, звездоход!»

— Ладушки, — сказал он вслух. — Лететь так лететь!

Его рука беспрепятственно прошла сквозь экран. Зажмурившись, Кратов пригнулся и полез в отверстие, готовый ко всему. Даже к тому, что его тотчас же начнут жевать и переваривать. Однако пальцы уперлись в сухую податливую преграду. Только тогда он осмелился открыть глаза.

Никаких сюрпризов его не ожидало. Все оказалось как в обычной пилотской кабине. Впрочем, приборы отсутствовали начисто. Имелось углубление в задней стенке, на глазах обернувшееся креслом. Гладкий выступ впереди, очевидно, и был обещанным пультом. Выпуклое бельмо над ним наполнилось светом и стало панорамным экраном. Кратов увидел сходящиеся вокруг постамента стены раковины, а за ними — деревья с застывшими кронами и уходящую Ручочку.

— Здравствуй, зверюга, — сказал он биотехну. — Говорят, я твой хозяин.

Он положил ладони на пульт.

Поначалу он не почувствовал ничего особенного, кроме слабой вибрации. Затем легкое покалывание прошло сквозь кожу ладоней, отозвалось в каждом нерве произвольно напрягшегося тела. Незримые нити связали его с этим чудо-зверем в единое целое.

Кратов откинулся в кресле, погружаясь в медленные, спокойные мысли биотехна...

Биотехн умел думать и принимать решения — иначе ему ни за что не сориентироваться в открытом космосе, тем более в экзометрии. Но способности его были сродни инстинктам птичьих стай, находящих дорогу по

звездам, а побуждения сводились к защите хозяина от малейшей опасности. Раса биотехнов для космических полетов была создана искусственно, на основе живых существ-анаэробов, природной средой обитания которых являлась непосредственно экзометрия — «внемерное пространство», позволяющее кораблям Галактического Братства мгновенно покрывать гигантские расстояния. В экзометрии обитали дикие сородичи биотехна, и встреча с ними по определению сулила не меньше неприятностей, нежели нуль-потoki, отбиравшие энергию. (И то, и другое реально угрожало путешественникам лишь на границах двух пространств. И вообще, за двадцать девять веков полетов был зафиксирован лишь один достоверный случай нападения экзометрального хищника на космический корабль. Да, пожалуй, еще один предполагаемый — двенадцать лет назад, на мини-трамп класса «гиппогриф», бортовой индекс «пятьсот-пятьсот», следовавший от Земли к галактической базе «Антарес». Такова была официально принятая версия. Хотя Кратов совершенно точно знал, что никакое дикое животное здесь не замешано...) Отныне для биотехна не было никого ближе и роднее, чем Кратов, и он был готов служить ему, пока не умрет — а умирать он еще не научился. Если нужно, он будет драться за него до последнего импульса энергии в своих бездонных накопителях, даже если вся Галактика восстанет против них двоих...

Кратов отдернул ладони, и наваждение прервалось. Он снова ощутил себя человеком, а не командным придатком к этой серой туше, до краев преисполненной любви и преданности.

— Хочешь, я стану звать тебя Чудо-Юдо-Рыба-Кит? — спросил он.

Биотехн пришел от этой мысли в шенячий восторг.

— Тогда летим, — сказал Кратов.

— Куда? — с готовностью осведомился Чудо-Юдо.

— Сто метров прямо, — решительно произнес Кратов. — И сядем на зеленой лужайке для спортивных игр. Это можно?

Он ожидал, что получит отказ. Что биотехн выразит удивление. Что ни черта не поймет и попросит разъяснений. Но того лишь развеселила предложенная система координат. Гигантский зверь оказался сообразительным... Он торжественно, без суеты и спешки всплыл над платформой и развернулся тупым носом в указанном направлении.

В течение минуты с небольшим, что ушла на набор высоты, скольжение по-над верхушками деревьев и снижение, Кратов успел несколько раз спросить у себя, правильно ли он поступает.

9.

— Мама! — вскрикнула Руточка.

Она отшатнулась, в испуге заслоняя лицо загорелыми руками.

В двух шагах от нее, возникший из ниоткуда, подрагивая лоснящимися боками, на траву мягко шлепнулся чудовищный биотехн. Из люка высунулась сияющая физиономия Кратова.

— Вы делаете поразительные успехи, — упавшим голосом сказала Руточка.

— Ни к чему комплименты, — твердо промолвил Кратов. — Полезайте в кабину.

— Это зачем?!

— Потом как-нибудь объясню.

Он почти силой втащил ее внутрь и усадил рядом — в предусмотрительно раздвинувшееся кресло.

Затиснутая тяжелым кратовским плечом, Руточка в полной растерянности наблюдала за его манипуляциями. Кратов нежно поглаживал пульт, губы его беззвучно шевелились, по лицу блуждала блаженная улыбка. На экране перед ними стремительно проваливался книзу привычный райский пейзаж.

— Что происходит, Костя? — строго спросила Руточка.

— Ничего особенного, — пояснил тот. — Я вас похитил. Умыкнул!

Руточка не выдержала и рассмеялась.

— И что же вы сделаете со мной? Потребуете выкуп?

— Не исключено, — сказал Кратов серьезно. В его голосе появились официозные нотки. — Мне стало известно, что все свое личное время вы посвятили благополучию Парадиза и населяющих его неблагодарных ксенологов. Что вы, требуя от доктора Энграфа и его коллег уважительного отношения к собственному здоровью, пренебрегаете своим. В частности — не посещаете Землю, а тем паче другие курортные миры, в полагающиеся вам периоды отдыха. Я считаю такое положение вещей ненормальным и под свою ответственность отправляю вас в отпуск, вернуться из которого вы имеете право не ранее, чем через месяц.

— Ого! — удивилась Руточка. — Уж не на Землю ли мы летим?

— Вот именно.

Руточка окаменела от неожиданности. Затем отчаянно попыталась выкарабкаться из своего угла.

— Остановите это чудовище! — воскликнула она. — Я хочу выйти!

— Ну что вы, Рута, — мягко сказал Кратов. — Из этого вида транспорта нельзя выскакивать на ходу. Тем более, что мы удалились от Сфазиса парсеков на пятьдесят.

— Вы соображаете, что наделали?! — закричала Руточка. — Самодур! Плоддер несчастный! Кому от этого станет хуже? Они-то и не заметят моего отсутствия, а за садом и огородом нужен уход! Пора делать прививку яблоням, подвязывать виноград, пропалывать грядки!.. А кто будет чистить пруд от тины? Коза Машка со дня на день ждет потомства, какой может быть отпуск?!

— Да, я бывший плоддер, — обещающим тоном произнес Кратов. — У меня скверный характер и дурные манеры. Так что не советую со мной пререкаться. Иначе я запрещаю вам появляться на Сфазисе в течение года.

— Первым же рейсом я вернусь, — упрямо сказала Руточка.

— А я снова вас умыкну.

— Все равно...

— Нет, не все! — рявкнул Кратов. — Вы что — нянька этим великовозрастным сорванцам?! Может быть, носы и попы будете им вытирать? Даже мне видно, что им доставляет удовольствие, когда вы бегаете за ними. А вы терпите, когда вас ни во что не ставят!.. Ничего страшного за время вашего отсутствия не произойдет, могу вас уверить. Разве что ксенологи обнаружат, как им недостает вашей заботы. И коза отлично разрешится без вашего надзора, как поступали ее предки тысячи лет... Послушайте, Рута, у вас есть семья?

— Родители, в Тукумсе. Какое это имеет значение?!

— Если вы захотите... — Кратов замялся. — В общем... если у вас появится *настоящая* семья, то я добьюсь продления вашего отпуска на любой срок. — Он стиснул зубы и уставился в черный экран перед собой. — Потому что работа — работой, но женщине положено иметь детей!

— Костя! Вы думаете, что это так просто — создать семью, нарожать детей?

— Тоже мне, премудрость! — Он снова замолчал, оценив весь идиотизм своей реплики. — Нет, я так не думаю. Но все же гораздо проще, чем вы подозреваете. Не надо только сидеть сложа руки и сетовать на горькую судьбинушку!

Руточка вдруг прыснула и расхохоталась.

— Нет, это невозможно! — всхлипывая, вымолвила она. — Мальчик, который агукал и пускал пузыри, на радость папочке с мамочкой, когда я впервые поцеловалась, учит меня жизни!.. Костик, я же на миллион лет старше вас, неужели не видно?!

— Не видно!

— Слабый комплимент, но все же...

— И что с того, что вы явились на свет чуть раньше меня? Как разумно вы использовали это преимущество? Что успели повидать такого, чего не видел я? Что такого необыкновенного пережили на своем Сфазисе, в компании Полкана да Мавки, за бесконечными прививками, прополками и козыми проблемами?

— А что пережил ты? — вспылила она. — Детство, отрочество, юность? Ну, был звездоходом, угодил в плоддеры, подался в ксенологи... Одну девочку потерял, другую оставил сам... И одна-две женщины — без любви и привязанности... Ведь так, не больше?! А я тоже родилась не на Сфазисе, у меня есть свое прошлое!

— И что с того? — снова спросил Кратов. — Наверняка донимали своей заботой кого-нибудь еще. А избыток внимания вреден даже детям и кошкам — у них капризы начинаются. Разве удивительно, что Энграф у вас научился капризничать? «О вас помнят, о вас заботятся!» — передразнил он. — Океаны любви, сплошной розовый сироп. Тошнит!

Не замеченный орбитальными станциями слежения, биотехн вынырнул из экзометрии на самом подходе к верхним слоям земной атмосферы. Игнорируя все законы небесной механики, попирая все аэродинамические правила, он сразу, вертикально, будто камнем ко дну, пошел на снижение. «Никогда такого не видел, — ворчал Чудо-Юдо. — Все незнакомое... вязкое... пахучее...» Он пробил плотные пегие облака и теперь аккуратно опускался на дневную сторону планеты, чуть покачиваясь в восходящих потоках.

— Хочу напомнить вам, госпожа Скайдре, — сказал Кратов. — Как и полагается, по прибытии на Землю вы обязаны представить свосму руководству полный и объ-

е́ктивный отчет о состоянии дел на Сфазисе. Надеюсь, вы ни о чем не умолчите.

— Я тоже, — вздохнула Ручочка. — Надеюсь...

Чудо-Юдо-Рыба-Кит спланировал в густой ковыль, посреди бесконечной дикой степи, в ложбину между двумя давно обрушившимися курганами. Он продолжал бухтеть и жаловаться, но Кратов уже не слушал его. Он выскочил наружу и, стоя по пояс в сырой траве, жадно впитывал ее усталый шелест, далекие крики всполошенных птиц, раскаты удалявшегося грома. Только что здесь прокатилась гроза, и еще накрапывал мелкий дождик.

— Пяти дней не прошло, — сказал Кратов. — А успел соскучиться!

Он помог Ручочке покинуть кабину, и теперь они стояли рядом, держась за руки, которые забыли расцепить. Мокрые и немного встревоженные оттого, что и им передалась грозная тревога самой степи.

— Где это мы плюхнулись? — спросила Ручочка.

— Честное слово, не знаю. С воздуха я видел автостраду неподалеку. Если хотите, я вас провожу.

— Не хочу. Здесь я сама. Выберусь на дорогу и вызову какой-нибудь транспорт. — Она помолчала. — Костик, а где же ваша семья? Я имею в виду — *настоящая* семья? А?

Кратов не ответил.

Ручочка пошла вперед, раздвигая ковыль руками, оступаясь на невидимых бугорках. Временами она оборачивалась, и в ее взгляде Кратову мерещилась огромная неуверенность. Тогда он шутливо грозил ей пальцем.

Потом он вернулся в кабину и долго сидел у открытого люка, молча улыбаясь собственным мыслям.

— Мальчик, — наконец пробормотал он. — Сопляк. Тоже... выбрал время...

Он закрыл глаза, и память услужливо вернула ему все накопившиеся за неполные сутки воспоминания. Вот Ручка тайком хихикает над его суетливым усердием в освоении премудростей сфазианского быта. Вот она тигрицей атакует разнеженного Энграфа. Вот она безучастно бредет по тропинке среди земных вишен и яблонь под чужим бессолнечным небом...

«Послушай, звездоход, — подумал он. — Когда же ты окончательно повзрослеешь? Уж как тебя жизнь ни мотала, ни била об острые углы... Пора бы тебе на четвертом десятке отучиться влюбляться во всех без исключения красивых женщин Галактики. И вообще, биографию Галактического Консула, — здесь он сардонически усмехнулся, — подобает открыть каким-нибудь настоящим делом!»

Мановением руки Кратов закрыл люк.

— Чудушко, — величественно приказал он. — Домой, Китяра.

Когда биотехн, ворча на атмосферное электричество, что донимало его щекоткой, всплывал над степью к зашторенному низкими тучами небу, Кратову поместилось, будто на обочине автострады одиноко застыла женская фигура.

Он стиснул зубы, отвел взгляд от экрана и не смотрел на него всю дорогу.

10.

Сначала в облаке густого тумана возникла огромная продолговатая тень. Случившийся неподалеку Саул Эктор готов был поклясться, что она свалилась с неба. Потом от нее отделилась призрачная фигура размерами поменьше и двинулась в его сторону. Фигуру мотало из стороны в сторону, а временами даже складывало пополам. Когда клубы тумана расступились, перед Эктором явился здоровенный человекообразный детина в потертых джинсах и черном свитере. Иными словами, без намека на скафандр или другое защитное облачение. По искаженному страдальческой гримасой лицу пришельца текли слезы, а из глотки доносился сдавленный хрип.

Первым побуждением Эктора было бежать со всех ног на станцию за подмогой. Вторым — завопить от ужаса. И уж только потом он догадался, что перед ним вовсе не мифический горный большерук, которым так любят страшать своих детей обитатели этих мест. Горные большеруки не носят джинсы. Они вообще не знают одежды. К тому же, с головы до ног они покрыты густой шерстью. Так говорят аборигены... А пришелец имел такую короткую прическу, что казался лысым.

Поэтому Саул Эктор совладал с эмоциями, сорвал с бедра запасную маску и ткнул незнакомцу в залитую слезами физиономию.

— Спа... сибо... — задушенно просипел тот на вполне понятном языке.

— Вы кто? — спросил Эктор потрясенно.

— Кратов... Константин Кратов... я прибыл из Парадиза...

— Парадиз? Где это?

— Неважно... — Кратов закашлялся. — Если можно, проводите меня в теплое и сухое место... где можно дышать.

— Разумеется, — сказал Эктор. — Но это не курортный мирок. Это зона контакта Пирош-Ас. Вы, господин Кратов, находитесь на территории ксенологической миссии.

— Я знаю, — пропыхтел тот сквозь маску. — Мне сюда и надо. Я хотел повидать доктора Артура Клермонта.

— Вы договаривались о встрече? — осведомился Эктор с горькой иронией. — Я бы и сам хотел того же...

С высоты своего роста Кратов поглядел на него сквозь слезы. Даже под маской было видно, как он удивлен.

Все же, было в нем что-то от горного большерука. Как врут аборигены, порой большеруки оказываются чрезвычайно наивными. Что иногда позволяет героям мифов обвести этих чудовищных людоедов вокруг пальца.

В помещении станции было пусто и темно. Саул Эктор стянул с головы защитный шлем и привычно пригладил волосы. Кратов медленно отнял маску от лица и молча озибался. Кажется, ему здесь не нравилось.

— Эй! — позвал Эктор. — Есть кто живой?

Дверь биологической лаборатории приоткрылась, оттуда выглянул Блэк-Джек, в обычном своем клеенчатом фартуке поверх той пестрой тряпки, что он горделиво называл саронгом.

— Что вопишь? — спросил Блэк-Джек сердито. — Устриц мне распугаешь. Все давно разошлись по постам, а ты чего здесь ошиваешься?

Он увидел нелепую фигуру гостя и на какое-то время расстался со своим красноречием.

— Это Блэк-Джек, — сказал Эктор. — Сегодня он дежурный по станции.

— А где доктор Клермонт? — нетерпеливо спросил Кратов.

— Ха! — сказал Блэк-Джек и скрылся за дверью.

— Я полагаю, что доктор Клермонт у себя, — сказал Эктор. — Только не уверен, что он вас примет. И все же, кто вы? Здесь не полагается быть никому, кроме ксенологов и лиц, имеющих специальный допуск. Существует такой документ, именуемый «Кодекс о контактах». Так вот, его нарушение карается...

— Я читал, — прервал его Кратов. — Я ксенолог третьего класса. И у меня есть допуск.

— Вот и хорошо, — пробормотал Саул Эктор.

В миссии не было ни одного человека, чей класс превышал бы четвертый. Кроме, разумеется, самого Клермонта... У самого Эктора был шестой класс, и то лишь полгода. Но если этот тип был направлен сюда на поддержку, то его могли бы по меньшей мере предварительно ознакомить с составом атмосферы планеты Пи-рош-Ас. Конечно, здешней газовой смесью можно дышать... когда нет выбора.

— А теперь объясните мне, что вы имели в виду, говоря, будто доктор Клермонт меня не примет, — сказал Кратов.

— Может быть, вы хотите кофе? — спросил Саул Эктор.

— Я хочу кофе, — проворчал Кратов. — С пончиками. Сразу после беседы с начальником миссии.

— Боюсь, что после беседы вам захочется цианистого калия, — усмехнулся Эктор.

— Отчего же?

Саул Эктор скрестил руки на груди и привалился к стене.

— Парадиз, — сказал он. — Где это? На другом конце Галактики?

— Я неточно выразился, — промолвил Кратов. — Вообще-то я прибыл из земного представительства на Сфазисе.

— А! — Эктор покивал головой. — Теперь понятно. Тогда вам наверняка известен наш непосредственный куратор, доктор Рошар...

— Имел ли с чем не сравнимое удовольствие состоять в общении, — фыркнул тот.

— ...и вы могли бы у него выяснить все подробности наших неприятностей, — закончил Саул Эктор.

— А вот такого ли с чем не сравнимого удовольствия, увы, не имел, — сказал Кратов. — Честно признаюсь: здесь я случайно. Я ищу собаку.

— Собаку?!

— Собаку женского пола, по моим сведениям — беспородную, по имени Мавка, — терпеливо разъяснил Кратов. — Довольно-таки продолжительное время тому назад она покинула Сфазис вместе с доктором Михаилом Бурцевым, и с тех пор о них нет никаких известий. Ну, благополучие господина Бурцева меня практически не заботит...

— Здесь нет собак, — сказал Саул Эктор сквозь зубы. — Здесь нет кошек. Здесь нет даже мух! Здесь все так плохо, чтодохнут даже бактерии!

— Я только что слышал об устрицах.

— Устрицами мы называем представителей местной фауны, имеющих с одноименными земными моллюсками некоторое сходство. Они точно так же пригодны в пищу. Отличие же состоит в том, что устрицы планеты Пирош-Ас сухопутны и обладают тонким слухом. Если

раздражать означенный слух грубыми звуками, это ползучее дерьмо теряет свои вкусовые качества! Вам ясно?

— Угу, — сказал Кратов. — Насчет добычи красного пирошита вы не договорились. И решили обойтись устрицами.

— Верно! — Саул Эктор слегка поаплодировал. — Редкая проницательность. Мы не договорились насчет красного пирошита. Мы провалили сделку с черным пирошитом. С нами не хотят разговаривать. Мы сами не хотим разговаривать друг с другом! И доктор Клермонт сидит в своем кабинете безвылазно вторую неделю, надеясь что-то придумать.

— Занятно, — ввернул Кратов. — Похоже, это общепринятая в кругах высшего руководства практика...

— А вот экспортировать устриц мы не собираемся. Мы едим их сами!

— Ну и приятного аппетита, — пожал плечами Кратов. — Что ж вы кипятитесь-то?

— Просто я думал, что вы прибыли нам помочь, — с досадой сказал Эктор. — А вы просто ищете какую-то дурацкую собаку. Как это я сразу не догадался? Конечно, подготовленный специалист не явится на Пирош-Ас в таком снаряжении...

— То, что Мавки здесь нет, я уже понял. Но и помочь не откажусь. Хотя... — Кратов скептически поморщился. — С налету лезть в дела по контакту — самое последнее дело.

Он повернулся на каблуках и ткнул пальцем в ближайшую дверь.

— Это кабинет начальника миссии? — спросил он.

Саул Эктор отрицательно помотал головой.

— Это инфобанк, — сказал он безотрадно. — Сюда вы можете войти свободно. А из кабинета Клермонта вас выкинут.

— Как вы себе это представляете? — сощурился Кратов.

На мгновение он стал схож с горным большеруком из предания о сорока девушках и храбром витязе. В одном из вариантов предания глупый большерук все перепутал: сожрал сорок девушек, а над витязем надругался.

11.

— Итак, — промолвил Тамия вкрадчиво. — Не наступило ли сладостное время переговоров о вещах, что интересуют нас обоих?

— Полагаю, что нет, — медовым голосом ответил виконт Лойцхи. — Вещи не имеют крыльев. Вещи не имеют ног. Они подождут. А мы с вами, светлейший граф, отдадим дань уважения сырому мясу болотной рептилии с гарниром из маринованного хвоща. Ибо рептилия не может ждать, она попросту протухнет. И вы между тем поведаете мне о благополучии своих кристальнейших сородичей третьей руки, а я разочтусь с вами той же бесценной монетой.

— Должны ли мы омыть лица и сменить седалища, дабы не оскорбить пренебрежением столь изысканный деликатес? — вслух осведомился Тамия.

Про себя же он говорил совсем другие слова.

— Полагаю, что нет, — прожурчал виконт Лойцхи. — То, что ползает перед тем, как послужить пищей, не вправе рассчитывать на все мыслимые знаки почтения.

Две жены виконта, блистающие неувядаемой красотой (старшая, Вуйлра, весила не меньше пяти центнеров и передвигалась при помощи специальной каталки, в которую ее снаряжали каждое утро дородные служанки; младшая, Вхойгл, еще не достигла такой телесной роскоши и для перемещения пользовалась собственными ногами), сладко улыбаясь, подали упомянутое блюдо. Тамия внимательно исследовал гарнир —

кроме хвоща и водорослей, ничего иного не присутствовало. Предмет переговоров упорно изымался из поля зрения.

Виконт, довольно урча, выбрал из окровавленных кусков бедрышко и принялся глотать. «Я грязное животное, — горестно подумал Тамия. — Мне ли, потомку древнейшего самурайского рода, заниматься тем, чем я сейчас займусь? Или это испытание, которое я должен с честью выдержать во приумножение славы своих предков?.. Однако же, будем справедливы. Мясо болотной рептилии столь же отвратительно на вид, сколь приятно на вкус. И даже напоминает мне *сасими* из рыбы фугу...» Он выбрал ошметок поопрятнее и отправил в рот вместе с пучком гарнира. «Увы мне, *сасими* во много раз вкуснее. В сто раз... в миллион...»

— Позволено мне будет поведать прекрасному виконту о внучатом племяннике свекрови моей двоюродной сестры со стороны отца, — начал он.

Истово кланяясь, вошел Сойшулзаг, слуга, по причине низкого происхождения поджарый и раздражающе угловатый в движениях. За десять шагов он, кряхтя и втягивая живот, опустился на колени и пополз в направлении виконта Лойцхи. Достигнув пределов досягаемости его слуха, он зашептал что-то (Тамия вслушался) на плебейском диалекте, которым пока не удосужился овладеть никто из ксенологов. Виконт слушал его, пренебрежительно вскинув пышную синюю бровь.

— А! — вдруг воскликнул он и всплеснул конечностями. — Великое счастье для вас, светлейший граф! Великая честь для меня и моего дома! Этот подлый прислужник сообщил мне, что прибыл ваш сеньор...

— Мой сеньор? — переспросил Тамия, изо всех сил стараясь не показать смятения. — О! Это неопишное счастье! Но я не ждал его так скоро.

Сказать по правде, он не ждал вообще никого. И сейчас терялся в догадках, кто же тот наглец, что посмел ввалиться с улицы, в грязных сапогах и халате, заляпанном навозом, в хрустальную пагоду контакта...

Меж тем, виконт отдавал приказания женам и челяди. За столом уже устроено было дополнительное седалище. «Может быть, все не так плохо, как кажется, — подумал Тамия, поглаживая ладонями сильно отросший за время контакта живот. — Мне и вправду не помешал бы хороший сеньор, чтобы подтолкнуть фабулу контакта, который уж очень долго топчется на месте. И хорошо бы, чтобы небеса послали мне умного сеньора. Например, доктора Энграфа. Но тот, увы мне, не имеет обычая покидать своего дома ради удаленных миссий. Да что там: я вполне удовольствовался бы и доктором Рошаром. Но тот слишком худ, чтобы виконт воспринял его всерьез. Здесь встречают не по одежке, а по брюху... И уж вовсе опрометчиво будет рассчитывать на доктора Гунганга, который, похоже, и не подозревает о существовании планеты Пратамра, о моей миссии в этом мире, да и о прекрасном виконте Лойцхи. А ведь мы подконтрольны именно доктору Гунгангу!» Он не стал строить иных догадок, потому что если это был бесстыжий самозванец, то по правилам местного этикета ему полагалось что-нибудь отсечь. И уж в самую последнюю очередь это будет голова...

Ухнул медный гонг, вполне музыкально запели раздвигаемые двери. Появилось лицо, объявившее себя сеньором графа Тамия.

— Я позволю сделать предположение, что благоуханный гость не владеет нашей низменной речью, — сказал виконт. — Не будет ли для графа обременительно выступить посредником между мудростью его сиятельного сеньора и нашими дурно вымытыми ушами? И на

какой титул угодно ему будет обращать свое возвышенное внимание?

Тамия склонил гладко выбритую голову в знак согласия и с трудом обернулся навстречу вошедшему.

Дурные предчувствия его не обманули.

Гость был ему положительно не знаком. Тамия готов был поклясться, что никогда прежде не встречал этого худого (а по здешним стандартам — отвратительно худого) юнца в невыносимо простых одеждах.

— У вас есть полминуты, чтобы объяснить мне, кто вы и что здесь делаете, — очаровательно улыбаясь, прошипел Тамия. — Потому что остальные полминуты я должен буду придумать для вас какую-нибудь удобоваримую легенду.

— Меня зовут Константин Кратов, сэнсэй, — сказал тот до нахальства спокойно. — Я прибыл со Сфазиса. Здесь я действительно по воле случая, потому что на базе миссии мне не сказали ничего вразумительного и предложили дожидаться вас. Но я не могу ждать.

— Надеюсь, вы ксенолог? — вздохнул Тамия.

— Еще бы! — хмыкнул тот. — Я ищу собаку. Ее зовут Мавка...

— ...и она подруга несравненного Полкана, — закончил Тамия. — Я знаю Мавку, но ее здесь нет и быть не может. Иначе нам пришлось бы подать ее на стол в качестве ответного блюда. Здесь едят все, что движется. Съедят и вас, потому что ваше поведение лежит за рамками приличий!

— Разве? — удивился Кратов. — Тогда я что-то упустил в местных нравах. Пока я летел сюда с Пирош-Аса, мне удалось кое-что освежить в памяти...

— Стоп! — шепотом рявкнул Тамия. Развернувшись к виконту, он возгласил: — Его ослепительное сиятельство маркиз Кратов со Сфазиса. С высочайшей инспек-

цией и новыми предложениями прекраснейшему виконту Лойцхи.

— О! — вскричал тот. — О! Бесподобная честь! Могу я надеяться их услышать?

— Вне всякого сомнения. Сейчас маркиз доведет их до моего скудного ума...

— Не утруждайте себя переводом, Манмосу-сан, — сказал Кратов, сообщая своей физиономии чудовищно надменное выражение (что хотя бы отчасти укладывалось в границы этикета). — Я неплохо владею пратамрийским языком. Есть некоторые трудности с разговорной речью, но на слух я все воспринимаю без проблем.

Тамия закричал от удовольствия. Его только что называли «Мамонтом», то бишь борцовским псевдонимом, под которым он некогда прославился на сумоистском ринге-«дохё».

— Вы что, специально готовились... к экспедиции за собакой Мавкой? — спросил он с напускной строгостью в голосе — в полном расчете на то, что виконт, меланхолично жевавший пучок хвоща, не горазд в интонациях человеческой речи.

— Я защищал дипломный проект по вашим трудам. Вы, случаем, не знакомы с моей статьей «Гастрономические культы Южной Пратамры в свете мифологических архетипов»?

— «Ксенологический вестник» за август прошлого года? Так это были вы?! — Тамия приосанился и даже попытался подобрать свое брюхо. — Уж не обессудьте, я мог не запомнить ваше имя, а вот основные положения вашего опуса мне памятли. И я не во всем с ними согласен, кое в чем выводы ваши представляются излишне поверхностными, даже скоропалительными...

— Для меня будет огромной честью вступить с вами в дискуссию, сэнсэй. Но боюсь, не сейчас. Я должен-

таки вернуть Мавку в Парадиз. — Кратов порыскал любопытным взглядом по столу. — А где же легендарный «акрор»? Не могу же я побывать на Пратамре и не отвеждать этого чуда!

— Увы мне, — сказал Тамия. — Отсутствие на столе плодов акрора, он же «хлебный куст», он же «райское яблоко», недвусмысленно демонстрирует нежелание прекраснейшего виконта Лойцхи и его дома делиться с нами секретом выращивания этой удивительной культуры. Ради чего я и сижу здесь второй месяц, пожирая то, что иной раз и в землю зарывать стыдно...

— А что же, понятия о субординации здесь так же сильны, как и в старые добрые времена небесноликого императора Влацры? — сощурился Кратов.

— Это одна из незыблемых основ общественного благополучия, — важно кивнул Тамия.

— Поскольку вы и ваш гостеприимный хозяин имеют упительную радость находиться на одной ступени табели о рангах, — сказал Кратов раздумчиво, — то я, в полном соответствии с тем, как вы меня отрекомендовали, по меньшей мере на один приступок выше любого из вас.

— Это невероятно, — проворчал Тамия. — Но это правда.

Кратов надул щеки и подбоченился. Кратов как сумел выпятил живот. Кратов скорчил безобразно чванливую гримасу. Он стал похож на японского чиновника со средневековой гравюры, принимающего взятку.

— Велите хозяину подать плоды акрора! — рявкнул он гнусным голосом. — Да поживее, ибо я спешу и не намерен умереть от скуки и голода за этим паршивым столом!

Тамия прикрыл глаза от отвращения к происходящему. А затем перевел сказанное обратившемуся во

внимание виконту Лойцхи. «Сейчас телохранители попытаются нас нашинковать, — подумал он устало. — Придется удирать через эти проклятые раздвижные двери. Как в прошлый раз. Раздвигаются они секунд двадцать-тридцать... не переставая распевать свои песенки. Интересно, этот юный наглец запомнил обратную дорогу? Потому что двери, допустим, я попросту снесу своим пузом. Как в прошлый раз. А после мне придется прикрывать его отступление...»

Виконт молчал не менее пяти минут. И никто не смел нарушить его размышлений. Тамия едва заметно привстал, чтобы сподручнее было вытянуть из-под себя тесак. Он тоже молчал и даже не глядел в сторону свалившегося ему на голову несносного сеньора.

— Пусть подадут выпить! — внезапно взревел тот.

— Маркиз, мать вашу, — сказал Тамия по-русски. — Уйметесь вы сегодня или нет?

— Да! — так же неожиданно подхватил непотребные вопли вельможного хама просветлевший лицом виконт Лойцхи. — Напитков сверкающему гостю! Крови древесного моллюска с перцем и солью! И два... нет, три блюда акрора на стол!

Кратов, наоборот, сразу потускнел и напрягся.

— Я должен это пить? — спросил он, нарочито небрежно принимая ведерный кубок из пухлых конечностей красавицы Вхойгл (которая беззастенчиво строила ему глазки и даже неуклюже пыталась задеть колоссальным окороком).

— Еще бы! — сказал Тамия со злорадством. — И до дна.

Кратов поднес кубок к лицу и шумно отхлебнул — на другом конце стола виконт одобрительно хрюкнул.

— Отменно! — гаркнул Кратов и поперхнулся. Его темное от «загара тысячи звезд» лицо обрело зеленова-

тый оттенок. — Клянусь хвостом покойного императора Влацры, ничего не пил гаже с тех пор, как родился... А где же акрор?

— Он перед вами, маркиз, — любезно промолвил Тамия, выбирая из плетеного блюда спелый плод, похожий на поджаристую плюшку, и с поклоном поднося гостю.

— Гм! — Кратов с недоверием повертел акрор в руках. — И он действительно излечивает от всех желудочных болезней? И выводит радиационные шлаки из организма?

— Под метелку, милейший маркиз, — сказал Тамия. — А также обладает многими иными целебными эффектами, которые я не стану сейчас перечислять, дабы побереечь ваше драгоценное время. Не то вы никогда не уберетесь с этой планеты...

— Тогда переведите хозяину, что я забираю одно блюдо с собой, — брезгливо произнес Кратов. — И чтобы к вечеру вы подписали договор о взаимообразном обмене всем полезным и приятным, что есть в наших двух мирах.

Тамия, храня каменное выражение лица, перевел.

Виконт выглядел озабоченным.

— Я не в силах отказать столь значительному гостю, — промямлил он, пряча глаза. — Но секрет разведения акрора передается внутри дома Лойцхи из рода в род и никогда не покидал его стен...

Кратов нахмурился, потом выкатил глаза, привстал и вдруг завопил что-то на совершенно непонятном наречии. Виконт проворно отпрянул, но нашел в себе силы ответить на том же языке. Некоторое время они орали друг на друга, брызгая слюной и колотя ладонями по каменному полу перед собой. Между тем как ни черта не понимающий Тамия озадаченно жевал бесценные плоды из ближайшего блюда.

Понемногу в этом невероятном диалоге стали преобладать выкрики «Осс!», означавшие согласие, а затем он оборвался так же внезапно, как и начался. Виконт шумно перевел дух и утер обильный пот с низкого лба. Кратов не глядя нащупал кубок с пойлом и припал к нему.

— Что это было? — осторожно спросил Тамия.

— Старо-пратамрийский литературный диалект, — ответил Кратов, утирая рот. — Вроде нашей латыни. Никто не использует его в обыденной речи, но всякий аристократ знать обязан. Я же выучил его в процессе работы над статьей. И, как выяснилось, еще не забыл. У меня с детства способности к языкам... А вы разве его не знали, сэнсэй?!

— Нет, — прошипел Тамия. Его отношение к этому несуразному типу меняло свою полярность с каждой минутой. — Латынь, иврит и санскрит я также не знаю... О чем вы так славно посекретничали?

— Ну, мы практически обо всем договорились, — сказал Кратов беспечно. — Весь этот акрор я забираю. Договор будет подписан. Дом Лойцхи делится с нами секретом выращивания «хлебного куста». Взамен мы открываем им секрет дебульфикации оврохоблуна.

— Я не знаю, что такое эта проклятая «дебульфикация оврохоблуна»! — застонал Тамия.

— Я тоже. Запишите, чтобы не забыть, как произносится... Виконт не отважился спросить у меня, но перед вами подобного трепета он не испытывает. К завтрашнему утру вам надлежит решить, что же это такое. И поделиться тайной исполнения означенного процесса с прекраснейшим виконтом. Разумеется, обмен должен быть эквивалентный, без обмана. Никаких бус и зеркалец...

— Да, да! — с энтузиазмом подхватил виконт, услышавший знакомое слово. — Оврохоблун!

— Но в порыве азарта наш гостеприимный хозяин выдвинул одно условие, — заметил Кратов, — которое я, не торгуясь, принял.

— Что же это за чертово условие? — обреченно спросил Тамия.

— Завтра же состоится поединок двух борцов. Одно-го выставит дом Лойцхи, другого — мы. Если победит наш борец, дом Лойцхи не будет настаивать на исполнении нашей части договора.

— Я знаком с местной разновидностью борьбы, — пренебрежительно фыркнул Тамия. — Жалкое подобие сумо. Если не считать группы приемов, исполняемых хвостом... И кто же будет наш борец? Вы?

— К моему великому сожалению, я должен спешить на Сфазис. Подозреваю также, что здесь не сыскать борцов моей весовой категории, разве что среди юниоров. Я назвал вас, Манмосу-сан... — Кратов сделал паузу, ожидая взрыва негодования. И просчитался. Тамия, ухмыляясь, потянулся за куском болотной рептилии. Кратов продолжил вкрадчиво: — Впрочем, у вас есть время отказать от поединка, либо подыскать себе достойную замену. Разумеется, сэнсэй, вы великий мастер, непобедимый чемпион, ёкодзуна, но... годы берут свое. И, возможно, вам все же придется поломать голову над дебульфикацией оврохоблуна...

— Не придется, — проворчал Тамия. — Можете забыть это словесное ветропускание.

12.

Привлеченный шумом в коридоре, Колин Гленарван поднялся из-за своего стола и выглянул за дверь. Он с неудовольствием отметил, что там собрались почти все, кто обитал и трудился на стационаре «Черная Кобра».

— Что это? — спросил Гленарван свирепо. — Бунт? Или — как это? — забастовка? Что означает это сборище?

Шум понемногу стих.

— Они хотят отобрать у нас собаку, — сказал ксенолог Элмар.

— И ничего взамен, — поддакнул драйвер Бевон.

— Да мы и не хотим ничего взамен! — воскликнула эта экзальтированная особа, медик Криста Скорикова. — Мы так привыкли к нашей Мавочке!

— Мы протестуем!

— У нас даже кошки приличной нет!

— Даже черепахи!..

— Кто хочет ее забрать? — спросил Гленарван.

— Я, — ответил не примеченный сразу здоровенный тип в потертых джинсах с подозрительными пятнами на коленях и пожеванном черном свитере.

— По какому праву?

— Меня зовут Кратов, — тяжело вздохнув, сказал тип. Похоже, он произносил это не впервые за последние минуты. — Константин Кратов. Я ксенолог. Прибыл со Сфазиса. Там у Мавки законный супруг...

— Так давайте его к нам! — рявкнул техник Скоморовский.

— Щеночки пойдут!.. — мечтательно зажмурилась эта экзальтированная особа Криста Скорикова.

— Послушайте, — сказал Гленарван, приближаясь. — Мавку сюда привез доктор Бурцев. И оставил здесь, руководствуясь какими-то, полагаю, весьма основательными мотивами. А вы явились невесть откуда, намерены отбыть невесть куда, и еще претендуете на то, чтобы лишить собаки целый человеческий коллектив...

— Не только человеческий, — буркнул мирмек Яту-упт и нервно пересбрал суставчатыми конечностями.

— Это произвол, — сказал Элмар.

— Беспредел, — поправил Скоморовский.

— Как можно жить на свете без собаки?! — заломила ручонки эта экзальтированная особа Криста Скорикова.

— Мы вас даже не знаем, — промолвил Гленарван и осекся.

Он потянул носом. От незваного гостя исходил отчетливый запах сырого мяса.

— Знаете что, — сказал он твердо. — Мавку я вам не отдам. Есть у меня подозрение, что вы ее... того...

— Чего — того? — нахмурился Кратов.

— В общем, я здесь директор, и я вам не доверяю, — подытожил Гленарван. — Не нравитесь вы мне.

— И мне, — сказал Бевон.

— И мне, — согласился Скоморовский.

— Это какой-то каннибал, — пискнула экзальтированная Криста Скорикова.

— Доктор Бурцев не руководствовался ничем, — сказал Кратов устало. — Он выказал обычное человеческое раздолбайство. Он просто забыл Мавку на вашем стационаре — это чтобы вы не мнили о себе бог весть что. Но я счастлив, что Мавке здесь было хорошо, и благодарен, что вы проявили к ней такое участие.

— Это лезть, — пронизательно сказал Ятуупт. — Нас пытаются улестить и подкупить.

— Нет, — возразил Кратов. — Просто я хочу подсластить вам горечь расставания. А то, что от меня разит всякой дрянью, не секрет даже для меня. Хотя я уже принюхался за пару часов. До вас я побывал на Пратамре...

— А-а, — сказал Элмар. — Тогда понятно.

— Там сырое мясо жрут, — пояснил окружающим Скоморовский.

— Правда, готовят его отменно. — добавил Бевон.

— Пальчики оближешь, — подтвердила Криста Скорикова.

— Как поживает профессор Тамия? — участливо спросил Гленарван.

— Преуспевает. — лаконично ответил Кратов. — Знаете что? — вдруг оживился он. — Пускай Мавка сама решает!

— Пускай! — загалдели в толпе.

— Мавка! Мавочка! Мавушка!

Люди расступились. В образовавшийся проход с достоинством ступила небольшая дворняжка и замерла, подняв переднюю лапу и подрагивая хвостом. У нее была удивительная шерсть: где жесткая и короткая, а где наоборот, мягкая и длинная. Вдобавок, она не имела четко выраженной масти. С некоторой натяжкой ее можно было назвать «розовой».

Кратов опустился на колени.

— Мава, — сказал он бархатным голосом. — Полкан соскучился.

Собака розовой масти сдержанно улыбнулась и завиляла хвостом.

— Ничего тут не поделаешь. — сказал Скоморовский, обращаясь к окружающим.

— Полкан — это, знаете ли, Полкан, — понимающе вздохнул Бевон. — А кто мы против Полкана?

— Так, местоименное наречие, — покачал головой Элмар. — Кто, где, когда...

— А у них там любовь, — удостовери́ла Криста Скори́кова.

— Прощай, Мавка, — сказал Гленарван печально.

Кратов уже выпрямился во весь свой изрядный рост и теперь смущенно переминался с ноги на ногу.

— Коллеги, — сказал он прочувствованно. — Мне и вправду жаль, что так получилось. Поэтому я торжественно обязуюсь привезти вам козленка.

— Беленького! — требовательно пропищала Криста Скори́кова. — И черненького!

— И черненького, — согласился Кратов. — Через пару месяцев.

— И щеночка, — добавил Элмар.

— И кошечку!

— И черепаху!!!

— Тихо! — гаркнул Гленарван. — Прекратите базар! Что мы, сами о себе не позаботимся? Дети малые! Собак, кошек и пресмыкающихся вам обеспечу лично я. Козлята остаются за Сфазисом. Еще вопросы? Нет? Тогда по местам!

— Коллеги, — занскиваяще сказал Кратов. — А не найдется ли у вас пивка? Залить кровь древесного моллюска... — лицо его дрогнуло, — с перцем и солью...

Воцарилась сострадательная тишина. Затем со всех сторон к Кратову протянулись руки с жестяными банками.

13.

Кратов отворил дверь с табличкой «Лернейская Гидра. Директор стационара» и вошел. На него не обратили внимания. Он деликатно откашлялся. Результат был тот же — нулевой. Тогда он бережно толкнул Мавку ногой в бок.

Собака негромко тявкнула.

Человек за столом поднял голову и со слабым любопытством посмотрел на Кратова. Потом он увидел Мавку, и всякий интерес в его взгляде окончательно угас.

— Здравствуйте, — сказал Кратов. — Я прибыл со Сфазиса. Меня зовут Константин Кратов, я ксенолог. Вы Иван Иванович Горчаков?

— Здравствуйте, — тусклым голосом промолвил человек за столом. — Иван Иванович в отпуске. На Земле. Если вы обратитесь в туристическое бюро «Алтайское золото», город Бийск, то, возможно, вам точнее укажут, где его найти.

— А вы кто?

— Я его заместитель. Ивар Бокслейтнер. — Он горестно усмехнулся уголком рта. — Забавно, правда? Директора зовут Иван, его заместителя — Ивар, а главного ксенолога — Иво. — Пожевав кончик зажатого в кулаке стила, он добавил: — Еще есть один Иоганн, одна Иоанна и черт знает сколько Джонов...

— У вас все в порядке? — спросил Кратов осторожно.

— У нас? — Бокслейтнер оторвался от чтения разложенных перед ним бумаг и с заметным напряжением

пожал плечами. — Полагаю, что да. А что у нас может быть не в порядке?

— Какие-нибудь проблемы... сложности...

— Наверняка у нас есть и сложности, и проблемы. Но мы их решаем... А вы инспектор?

— Нет, — сказал Кратов, смутившись. — Мне поручено курировать вашу работу.

Бокслейтнер, кряхтя, вместе с креслом повернулся к нему вполоборота.

— Как, вы сказали, вас зовут? — спросил он.

— Константин Кратов.

— «Кра... тов»... — Бокслейтнер вывел его имя стилем на вывешенной над столом черной дощечке. Затем проставил дату и зачеркнул предыдущую строчку.

Кратов пригляделся и прочел там: «Григорий М. Энграф», а чуть выше следовали уже вполне ему известные имена почти всех обитателей Парадиза. Если судить по датам, никто не занимался «Лернейской Гидрой» больше двух лет.

— Вообще-то я надолго, — сказал он обещающе.

— И прекрасно, — пробормотал Бокслейтнер.

— Так у вас и вправду все хорошо?

— Я не говорил: «хорошо», — поправил его Бокслейтнер. — Я говорил, что мы со всем справляемся сами.

Кратов поглядел на Мавку. Та сочувственно улыбнулась.

— Но вы обещаете обратиться ко мне, если понадобится помощь?

— Обещаю, — вяло проговорил Бокслейтнер. — Почему бы и нет?

— Так я ухожу?

— Если спешите — то всего доброго.

— А если не спешу? — саркастически спросил Кратов.

— Тогда я вызову моего пресс-секретаря Мари-Луизу. И она будет вас развлекать болтовней... угощать коктейлями... — Лицо заместителя директора страшно исказилось, и он с огромным усилием подавил зевок. — Купать в бассейне...

Кратов помолчал.

— Пожалуй, я спешу, — проронил он наконец.

— Угу, — сказал Бокслейтнер, не поднимая глаз.

14.

— Я слушаю вас, Григорий Матвеевич, — сказал Кратов, неслышно возникая в дверях.

Энграф лежал в кресле, закутавшись во все тот же грандиозный свой халатище. Он был сердит и нахохлен.

— Где Руточка? — спросил он сварливо.

— Я отправил ее на Землю, — с готовностью сообщил Кратов. — Надолго.

— Вы с ума... — начал было взводить себя Энграф, но натолкнулся на полный ледяной безмятежности взгляд Кратова и осекся. Помолчав, он буркнул: — Вы могли бы приличия ради иногда согласовывать свои решения со мной. Как-никак, я руковожу представительством.

— Согласовывать? — кротко переспросил Кратов. — Зачем?

— То есть как? — опешил Энграф. — Вы самовольно лишаете наш коллектив одного из его членов, обрекая на упадок все наше достаточно хрупкое экологическое благополучие. И потом — хотелось бы предварительно поговорить с человеком, отбывающим на Землю. Вы же знаете, как все мы ценим и любим нашу Руточку...

— Ложь, — спокойно возразил Кратов.

Энграф с возмущением передернул плечами.

— Я не потерплю такого тона, — произнес он резким голосом.

— А она терпела, — сказал Кратов. — Сносила от вас любой тон, любые капризы, и со временем вы перестали замечать в ней не то что женщину, а и человека.

Вы и ваши коллеги воспринимали ее как досадное обстоятельство. С которым приходится мириться и надлежит бороться в меру сил — где иронией, а где грубостью. Как побочный эффект бесподобных условий для работы. Разве можно, Григорий Матвеевич, называть красивую женщину исчадьем ада?

— Этого не было! — неуверенно запротестовал Энграф.

— И не то еще было! А когда человек видит, что ни он, ни труд его никому не нужны, он теряет к себе уважение, тупеет и остывает. Так что не ценили вы и не любили Руточку. Вы, специалисты по контактам с самыми что ни на есть невероятными разумными субстанциями, потерпели провал в контакте с обычным человеком. *Прокололись!* Простите, но это свидетельствует о вашей профессиональной некомпетентности.

— Так уж и сразу, — желчно проговорил Энграф. — Конечно, все мы несколько увлечены своей работой, но в ксенологии ничего не добьешься без полной самоотдачи. Как и во всяком серьезном деле, между прочим. Каждый из нас находится на своем месте и, что вполне естественно, требует уважения к плодам своего труда. Мы — ксенологи, а Руточка — эколог...

— Она ваш труд, насколько мне известно. уважает, — вставил Крагов.

— И не вам судить о компетентности. — сказал Энграф наставительно. — Моей и чьей бы то ни было. Вы здесь без году неделя, вы еще мальчик...

— Стоп. — оборвал его Крагов. — Договоримся на пороге. Я вам не мальчик. Если я здесь, на Сфазисе, значит — я ваш коллега и требую к себе соответствующего отношения. А если вы имеете в виду мой возраст, то вам придется смириться с тем обстоятельством, что я стану называть вас дедушкой!

Энграф даже дышать перестал от негодования. Он сцепил длинные пальцы в замок так, что они побелели, но совладал с собой.

— Хорошо, — выдавил он. — Согласен. Тут вы, как ни досадно, правы.

— Вот вы обиделись, что я не пришел к вам за советом, — сказал Кратов. — А часто ли к вам обращаются другие? Например, знаете ли вы, где сейчас второй секретарь представительства Жан Батист Рошар?

— Болтает со своим плазмидом, вероятно, — ответил Энграф пренебрежительно.

— Вполне предположимо... Но еще более вероятно, что в данный момент он рыщет по огороду в поисках Руточки, чтобы она сготовила ему обед.

Энграф поспешно глянул в окно. Он увидел нелепую в своей хламиде долговязую фигуру Рошара, в позе огородного пугала замершую над огуречными грядками.

— А может быть, вы знаете, о чем он болтает с плазмидом? — осведомился Кратов. — А где пропадает целыми сутками Фред Гунганг? А чем занят Бурцев, этот персонаж местного фольклора, который вообще здесь не появляется? Чем занят хотя бы один из сотрудииков вверенного вам человеческого сообщества?

Энграф конфузливо покусал губы.

— Бездельников здесь нет, — пробормотал он.

— Коллега Рошар испытывает на плазмиде свою экспериментальную методику организации инконтактных связей посредством среды образов и понятий высшей математики. Занятно, спору нет, но в это время обострилась ситуация в ксенологической миссии Клермонта, которая ведет переговоры с обитателями системы Пирош-Ас о совместной добыче ценных минералов для земной медицины. Миссия подконтрольна Рошару, и там

нет ксенологов классом выше четвертого, потому что никто не ждал сложностей. Я был там два часа назад, кое-что мы придумали, но нужна срочная поддержка... Коллега Гунганг участвует в ипостаси посредника в любопытном многоступенчатом контакте. Между тем, в подконтрольной ему группе профессора Дзиро Тамия царит уныние, потому что аборигены планеты Пратамра саботируют контакт. А ведь они владеют секретом выращивания знаменитого «хлебного куста», который нигде, кроме Пратамры, доселе не произрастал. Кстати, я оттуда прихватил с собой корзинку... Коллега Бурцев канул в небытие, внедрившись в племя примитивных гуманоидов Вериты, а на «Черной Кобре» он был не более получаса и позабыл там несчастную Мавку, обрекая тем самым Полкана на одиночество. Что ему до переживаний какого-то там Полкана?! Слава богу, за ней был хороший присмотр... Я уже слетал и доставил Мавку в Парадиз, можете не хвататься за браслет... И кстати, вы разгадали смысл того послания с Винде-Миатрикс III?

— Нет, — еле слышно сказал Энграф. — Не успел...

— Потому что сегодня ночью его расшифровала рабобатавшая независимо от вас группа интегральных когитров Западно-Уральского филиала Академии наук, не так ли? Да-а... — протянул Кратов укоризненно. — А вы бились над ним... точнее, бездарно убили на него целую неделю своего драгоценного времени!

— Вы и это знаете, — криво усмехнулся Энграф. — Уж лучше бы вам заняться вверенным вашему попечению стационаром Горчакова!

— Я и там был, — заявил Кратов. — У них полный порядок. Настолько полный, что от скуки мухидохнут.

— Неужели вы успели столько натворить за одно утро? — спросил Энграф недоверчиво.

— Ничего фантастического здесь нет. Главное — не сидеть сложа руки, не уговаривать самого себя: мол, все едино не успеть...

— Нет, вы не мальчик, — произнес Энграф задумчиво. — Вы, коллега, дьявольский коктейль из звездодода, плоддера и ксенолога, с явным преобладанием первых двух компонент! Как ни огорчительно, вы опять оказались правы. Да, я увлекся, потерял время... Но ведь это же было зверски интересно! И то, чем заняты Рошар и Гунганг, тоже интересно! Интересно даже мне! Как этим не увлечься, не позабыть обо всем на свете?! Разве вы никогда не шли на поводу у собственного любопытства?

Кратов неопределенно пожал плечами.

— Разумеется, мы очень легко стали поддаваться на собственные уговоры, — продолжал Энграф. — Особенно убедительно действует довод, что-де годы уже немалые. Преподлейший, должно заметить, довод!.. Человек начинает дряхлеть именно в тот момент, когда впервые согласится с мыслью о своей старости. Да, мыслить, оценивать, анализировать — это мы здорово умеем. А ведь зачастую необходимо отложить всяческие рефлексии на потом и как следует пошевелить конечностями! Успевать, а не искать индульгенций собственным опозданиям! Как вы находите, коллега?

— Григорий Матвеевич, — сказал Кратов вкрадчиво. — Хочу поставить вас в известность, что на время отпуска госпожи Скайдре вам придется возложить на свои плечи бремя прополки и подвязывания виноградных кустов.

— Как это? — нахмурился Энграф.

— Очень просто, — пояснил Кратов с охотой. — Руками и мотыгой. Экология — хозяйство хлопотное, так что всем хватит забот. К примеру, я иду, — он тяжело вздохнул, — принимать роды у козы Машки.

Интерлюдия. Земля

Наполовину распавшаяся, вросшая в землю хижина стояла на угоре, а со всех сторон к ней подступали древние деревья. Стволы облеплены были чем-то, что производило впечатление болезни, мертвенности: не то тысячелетним лишайником, не то ослизлыми лохмами отставшей коры. Такие же нездоровые лохмы свисали и с сырых бревен, из которых сложены были стены хижины. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: здесь никто не жил, и очень давно. Возможно, последние три-четыре века.

Кратов подождал немного и молодецкато перекинул ноги через бортик гравитра. Он тотчас же ушел по колению в какую-то мерзкую труху и, высоко поднимая колени, поспешил выкарабкаться на более надежное место. Машина стояла, утонув в этой трухе по самое брюхо.

— Сон Духов, — пробормотал Кратов.

Пожалуй, он чересчур тщательно счищал с брюк налипший тлен. Со стороны могло показаться, что он взволнован. А этого под посторонним взглядом вовсе не хотелось...

— Ты волнуешься, Кратов, — тотчас же безжалостно сказала Рашида.

— Я живой человек, — буркнул он под нос и осторожно, выбирая самые твердые участки этой в сто слов заваленной гнилыми пластами земли, двинулся к хижине.

— Там есть тропинка, — промолвила Рашида вдогонку.

И он сразу же увидел тропинку. Вернее — слабый, призрачный след чьих-то усилий протоптать след в этой

мертвечине. Этот призрак тропинки вел прямо до крыльца — пары рассыпавшихся ступенек.

— Мерзкое место, — произнес Кратов. Теперь он поймал себя на том, что голос его звучит излишне громко. Этот лес, эта мертвая земля, эти деревья-зомби и эта хижина — разлагающийся труп жилища — все будило в нем неясные колебания и даже страх. Он никогда и ничего не боялся на Земле. До этой минуты... — Того и гляди, выползет баба-яга. И задаст нам жару своей клюкой.

Он нагнулся и подобрал бог весть как очутившуюся здесь палку почти в человеческий рост, отполированную догола, желтую, словно из слоновой кости.

— Вот и клюка, — промолвил он с нервным оживлением.

— Кратов, Кратов... — сказала Рашида. — Ты боишься.

Он обернулся. Рашида сидела на верхней ступеньке трапа и спокойно курила. На ее смуглое лицо падала густая, почти непроницаемая вуаль теней от сплетенных крон, и под этой вуалью ясно светились одни только огромные, пронзительно-синие глаза.

«А ты все так же беспощадна», — подумал Кратов. Вслух же согласился:

— Пожалуй... А это часом не твоя клюка?

Удивительно, однако все душевное смятение тут же выветрилось напрочь.

— Хорошо, — сказал он, собираясь с мыслями. — Прочь детские игры... Стас! — крикнул он в черный провал окна. — Я пришел.

Рашида за его спиной коротко рассмеялась.

— Он тебя ждет не дождется! — сказала она.

— Это была дань учтивости, — проворчал Кратов. — Стас, выходи. Или позволь войти нам.

Хижина молчала.

— Тогда я иду без приглашения!

Он с величайшей осмотрительностью поднялся на крыльцо, не вызывавшее у него ни малейшего доверия. Доски запели, прогнулись, но сдюжили. Толкнул обшитую не то кожей, не то грубой просмоленной тканью дверь — та распахнулась с сатанинским визгом.

— Мы опоздали, — сказал Кратов. — Здесь никого нет.

*В запустеньи,
увы, столько лет уж
жилище!
И вестей о себе,
кто здесь жил, — не дает...¹*

Ты знала это?

— Нет, — услышал он голос Рашиды прямо у себя за плечом. — Но ожидала чего-то подобного.

— А я знал. Мы еще только приземлились, а я уже знал, что никого здесь не встречу. Если помнишь, нас двадцать лет назад учили воспринимать эмо-фон.

— Что?..

— Эмоциональный фон. Сейчас его так называют... из экономии фонетических усилий. Так вот, я слышал лишь твои эмоции.

«Твои мысленные насмешки, за которыми ты прячешь собственную слабость», — про себя прибавил он.

— Чего же ты боялся? — спросила Рашида.

Кратов подумал.

— А бес его знает, — сказал он.

— Зачем кричал всякие глупости?

— Вопрос тому же адресату... Наверное, я опасался, что за эти годы Стас не забыл, как глушить свой эмо-фон.

— А он и не забыл. Он ничего не забыл...

¹ Исэ-моногатари (X в. н. э.). Пер. с японского Н.И. Конрада.

Женщина миновала его и уверенно прошла вперед. Протянула руку куда-то вверх, — звонко щелкнуло, и в дальнем углу прихожей вспыхнул слабый желтоватый фитилек. Осветилась и вся хижина, хотя проку от этих тужащихся из последних сил язычков искусственного огня было чуть-чуть.

— Вот, — неопределенно сказала Рашида, касаясь ладонью иссохших вязанок душистых трав, что были некогда развешаны по стенам и забыты.

Они вместе вошли в единственную комнату. Под ногами хрустела нанесенная ветром земля, в которой ощущались какие-то осколки. На грубом деревянном столе тоже лежал слой земли.

Кратов смел ладонью мусор со скамьи и сел, поставив палку рядом.

— Наверное, я что-то должен сказать? — спросил он. — Что-то приличествующее моменту?

Рашида медленно, будто сомнамбула, бродила по этому пустому, нежилому, изначально непригодному для человеческого обитания помещению. Дотрагивалась до чудесно уцелевших вещей — глиняная ваза... распухшая от сырости старинная книга в толстом, утратившем всякий цвет и форму переплете... скомканная и небрежно брошенная в угол тряпка, в которой с трудом угадывалась мужская куртка вышедшего из моды покроя.

— Здесь он прятался от всего мира, — сказала Рашида. — От всей вселенной. Совершенно один. Всегда один.

— По-моему, он был здесь не первый, — сказал Кратов.

— Ты прав. Этот дом всю свою жизнь только и тем и занимался, что укрывал беглецов. Здесь непроходимая тайга. Сотни километров забытой богом и дьяволом тайги. Стена сросшихся воедино издыхающих и попросту больных деревьев. Неразрывное кольцо мертвых, исто-

чающих трупный газ болот. И посередине — этот остров сухой и тоже умирающей земли. Здесь тысячу лет прятались беглецы. Преступники, каторжане, инверцы... Те, кто добирался до этого угора, становились недостижимыми для преследователей.

— Кто мог преследовать Стаса Ертаулова? — пожал плечами Кратов. — Какой закон он преступил, что решил прятаться от вселенной?

Рашида не ответила. Она опустила на колени, подняла какой-то небольшой предмет и зажала его в кулаке.

— Наивно все это, — продолжал Кратов. — Таиться от вселенной — в хижине посреди сибирской тайги. Все равно, что от детских кошмаров под одеялом...

— Стас это понимал, — сказала Рашида. — Он знал, что это всего лишь одеяло. Но ему как раз и нужно было одеяло.

— Наивно, — повторил Кратов. — Ты не пряталась. Я не прятался. А он...

— Что касается тебя, — усмехнулась Рашида, — ты, по обыкновению своему, будучи тяжелой машиной-танком, органически не умея и ненавидя отступать, попер на вселенную в лобовую атаку. И она, выждав момент, все же отшвырнула тебя сюда, на Землю. Чего бы ты себе ни воображал...

— Это я сам решил вернуться. И совсем ненадолго. Я в любой момент — хотя бы и сейчас, — могу взнудать Чудо-Юдо, и только меня здесь и видели!

— ...какие бы оправдания ни придумывал.

Они замолчали.

— Сядь, пожалуйста, — попросил наконец Кратов.

Рашида приблизилась.

— А ты не боишься, что я тебя укушу? — спросила она с иронией. — Когда-то ты ненавидел быть рядом со мной.

— Это было очень, очень и очень давно, — возразил Кратов. — Миллионы лет назад. Примерно при динозаврах. В общем, до того еще, как построили эту хижину.

— Мне кажется, ее никогда не строили, — промолвила Рашида. — Она просто родилась из этой земли. Выросла, как... как ядовитый гриб.

Рашида села на скамью, ее плечо касалось плеча Кратова. Он чувствовал тепло ее тела, запах ее кожи и спутанных черных волос... «Что происходит? Что я делаю, черт подери? Зачем?!»

— Рашуля, — сказал он. — За эти миллионы лет я перестал бояться женщин.

— Что? — спросила она рассеянно.

— Так, пустяки, — улыбнулся он. — Я не о том... Ты сорвала меня с места, протащила за собой через половину мира. Вот мы здесь. И что же? Зачем это? Застать Ертаулова ты всерьез не надеялась. По меньшей мере лет пять здесь никто не обитал. Наверное, ты хочешь сообщить мне нечто важное?

— Я не знаю, чего хочу. Вот уже двадцать лет не знаю. Раньше, кажется, знала. А теперь хочу всего, и все мне смертельно наскучило. Нечто важное... Что может быть важным в этом мире? Что важно для тебя? Ты можешь это сказать?

Кратов принужденно засмеялся.

— Два месяца назад, безусловно, мог, — произнес он. — Еще неделю назад сформулировал бы... с оговорками. А сейчас... Сейчас мне важно то, что ты рядом и что мне это нравится.

— Ты чертов бабник, Кратов! — с притворным ужасом воскликнула Рашида и отстранилась. — Эта проклятая Галактика растлила тебя! — Она обратила к нему слабо озаренное мигающим желтым светом лицо, на ко-

тором полыхали глаза — два синих огня. В уголках этих огней отчетливо видны были морщинки. — Эдак ты на меня набросишься и чего доброго овладеешь.

— Не наброшусь, — пообещал Кратов. — Пока что ты ведешь себя хорошо. Но упаси тебя боже хотя бы жестом, хотя бы взглядом подать мне повод...

— Какой повод тебе еще нужно! — Рашида сердито всплеснула руками. — Что вы там, в Галактике, нынче называете «поводом»? Я уже сделала достаточно глупостей, чтобы любой нормальный земной мужчина обратился в дикого зверя, сорвал с меня одежды и повалил на пол.

— Я нормальный земной мужчина. И ни при каких обстоятельствах не повалю тебя на этот мерзкий, засви-
няченный пол. Будь здесь шелковые простыни, я уж, так и быть, озверел бы... И все же мне кажется, мы прилетели сюда за другим.

— Твои ощущения тебя не обманывают, звездоход.

— Ты знала, что Стаса здесь не будет. Но втайне надеялась его увидеть. Мы трое должны были встретиться и о чем-то говорить. О чем-то крайне важном для тебя и Стаса, но о чем я до сих пор не подозревал.

Рашида молча кивнула.

— Это важно — дьявол, в сотый раз говорю это слово! — важно только для нас троих? Или для всех?

— Если ты имеешь в виду это самое... Галактическое Братство...

— Я имею в виду именно это, — с легким раздражением сказал Кратов.

— ...то, возможно, окажешься прав. Но...

— Но?

— Но я могу преувеличивать. Я обычная женщина. Не слишком умная, совсем не храбрая, со всеми мыслимыми женскими слабостями. Я могу придавать значение

пустякам и упускать из виду главное. Стас мог бы сказать тебе больше.

— Хорошо, он скажет. Позднее. А теперь ты скажи то, что хотела сказать.

— Ты рассчитываешь отыскать его? — удивилась Рашида.

— Рассчитываю. И непременно найду. Пусть не надеется ускользнуть! Тоже мне, иголка в стоге...

— Это невозможно. Даже для тебя, Кратов. Твой инозвездный опыт для этого не годится.

— Ты же сумела сделать это.

Лицо Рашиды застыло.

— Как давно вы встретились? — спросил Кратов. — Сразу же после... после возвращения на Землю или спустя какое-то время? И как давно расстались?

— Ты знал и это, — сказала Рашида. — Ты знал это сразу. А я надеялась поставить тебя в тупик. Потрясти, вывести из равновесия... хотя бы раз в жизни.

— Можешь думать что угодно, но я не танк. И меня нетрудно вывести из равновесия. Но сейчас действительно не тот случай. Я догадался обо всем... ну, почти обо всем... в день нашей встречи. Тогда, во дворце Милана Креатора.

— С тобой еще была маленькая смазливая обезьянка, — Рашида пренебрежительно скривила пурпурные губы. — Твоя дочь?

— Моя женщина, — терпеливо сказал он. — У меня нет детей... кажется. А догадался я потому, что твой отец меня узнал.

— Узнал? Как?! Он никогда не видел тебя прежде!

— Милан — человек не от мира сего, но не стоит преуменьшать его способности к анализу. Ему было известно, что с тобой в полет отправилось еще трое. Ты не рассказывала — он узнал от других. Про твой последний по-

лет он знал многое. Должно быть, хотел уяснить, что же так подкосило тебя... Пазура он сразу отмел — тот был почти одних с ним лет. Оставались двое — твои ровесники.

— И он сразу угадал, который из двоих стоит перед ним. С маленькой смазливой обезьянкой, годной ему в дочери...

— Все куда проще, Рашуля.

— Я забыла, с кем имею дело, — сказала она с усмешкой. — Звездоход. Ас. Плоддер-сорвиголова. Космодипломат по имени Галактический Консул...

— Я вижу, ты не упускала меня из виду! Или это Стас следил за моей карьерой? — Рашида молчала, и он продолжил: — Милан, с его врожденной деликатностью артиста-интеллектуала, не смог бы обвинить незнакомого человека, а потом вышвырнуть из дома без веских на то оснований. Проницательным его не назовешь. Он ТОЧНО ЗНАЛ, кто я такой. Потому что Стас Ертаулов был известен ему в лицо. Он бывал в вашем доме. Бывал настолько часто, что рассеянный старик запомнил его в лицо.

— И не забыл за десять лет, — вздохнула Рашида. — Десять лет... Все верно, звездоход. Мы были со Стасом вместе. Сколько это длилось? Года три, четыре... Не припомню. Только это не я нашла его — я не сумела бы, да и не пыталась. Я ничего не пыталась в те дни, разве что умереть... Он пришел сам, из ниоткуда. Это был союз двух изгоев. Ничто, кроме боли и воспоминаний, — для нас это были синонимы — нас не соединяло. В конце концов, это стало невыносимо.

— И он ушел?

— Да, так же внезапно, как и явился. Туда же, откуда возник.

— В эту хижину?

— Здесь он обитал... иногда. Назначал мне встречи. Уже после того, как мы расстались. Иногда я прилета-

ла. — Рашида разжала кулак. На ладони лежала большая перламутровая застёжка в виде китайского дракона, инкрустированная жемчугом — местами горошины выпали. — Чаше всего — нет. Последний раз он звал меня года два тому назад. Я не прилетела.

— Ужасно, — не удержался Кратов. — Обитать — здесь? Стасу?! Он больше всего на свете ценил комфорт, уют и общение...

— Ты говоришь о прежнем Стасе. Но из полета мы все вернулись другими.

— Ты была несчастна с ним?

— Ты все забыл, Кратов. Я была бы счастлива только с тобой. И то — двадцать лет назад. А со Стасом... Может ли быть женщина счастлива с мертвым?

— С мертвым?!

— Он сам называл себя так. Иногда на него находило, как будто он терял рассудок. И тогда он говорил много, бессвязно, путая значения слов... Он почти не спал. Я не видела, чтобы он ел... Он и тебя называл мертвецом, Кратов!

— Бред! — Кратов вскочил. — Бред собачий!

— Ты ешь человеческую пищу, Кратов? — По щекам женщины текли слезы. — Ты спишь по ночам?!

— Иногда я даже храплю! — рывкнул он.

Рашида закрыла лицо ладонями.

Он опустился перед ней на колени, прижал к себе — как тогда, двадцать лет назад, на гибнущем посреди безмерности и безвременья космическом корабле.

— Прости, что я смелодушничал тогда... на лестнице вашего дворца.

— А я-то подумала — раньше, — всхлипнула Рашида. — Помнишь? «Берег Потерянных Душ»... вечер, море, разошедшаяся лодка...

— Теперь я сильнее стану верить приметам. Намедни паучок наколдовал мне весточку. И я получил сполна... Мы должны встретиться, Рашуля. Все трое.

— Ну, мне от тебя не скрыться, — усмехнулась она сквозь слезы. — И не пытайся мне внушить, что это я подняла тебя из твоего монгольского логова. Что это я заставила тебя лететь с одного края света на другой. Да, я позвала тебя. Еще бы! После того, как ты сделал так, что я не могла тебя не позвать! Я надеялась забыть тебя навсегда... Черта с два! Как и не было этих двадцати лет поврозы! Я боялась, что сойду с ума после той встречи, я не могла спать, не могла ни о ком думать, кроме тебя, ты засел в моем мозгу, как заноза...

— Ты чересчур мнительна, — сказал он отвлеченно фальшивым голосом.

— А Стас... Ты помнишь его мальчишкой. Болтливый, веселый, беззаботный. Он мог бы таким остаться, если бы не тот страшный полет. Ты не в состоянии вообразить, каким он стал. Это не бред, это — безумие... Наверное, возможны две вещи. Либо ты совершишь невозможное, какое-то чудо, и разыщешь его. Я не знаю, как ты это сделаешь. Он может скрываться там, где никто и никогда не искал другого человека. Господи, он может лежать в гробу, в склепе, как... как вампир в ожидании жертвы!.. Либо он сам захочет встречи с тобой. Во что я верю еще меньше.

— Похоже, ты пытаешься меня запугать, — нахмурился Кратов.

— Костя, Костя... — Рашида тихонько вздохнула в его руках. — Нас было четверо. Мы думали: это будет рутинный полет, мы вернемся домой и заживем счастливо. А по нам прокатилось нечто тяжелое, ужасное, убийственное. Смяло наши тела, растоптало судьбы. И укатилось дальше, своей непонятной нам дорогой. А мы ос-

тались раздавленные. И честно делали вид, будто мы неотличимы от тех, в чей мир возвратились. Пока хватало сил на этот маскарад. Но вот силы иссякли... Одного я не пойму, — голос ее дрожал, в нем слышались и отчаяние, и злость, и зависть. — Отчего мы стали калеками, а ты — невредим?!

— Не знаю, — сказал Кратов. — Не знаю... Наверное, даже для такой силы, как злой рок, я слишком твердый камешек.

— Господи, ты так говоришь и даже не рисуешься! — негодуяюще вскричала Рашида. — Потому что это чистая правда: тебя нельзя раздавить... Но мы-то — нет! Мы оказались сделаны из хрупкого материала! Даже Пазур — отчего, ты думаешь, он умер? От старости?! Ему не было и ста!

— Ты и с ним встречалась?

— Я... провожала его. И бросила горсть земли в его могилу. Стас не пришел. Ты тоже. Тебя никогда не было рядом, когда ты был нужен. Ты не помог никому из нас. Только себе самому. — Рашида внезапно успокоилась и проговорила ровным голосом: — Ладно, и на том спасибо. Может быть, от этого еще будет какая-то польза... этой твоей Галактике. Если бы мы все умерли, перегорели, спятили — какой был бы смысл в том нашем полете?

— Ты думаешь, какой-то смысл все же был?

— Без сомнения. Мы просто не увидели его. Или еще не поняли. Быть может — и никогда не поймем. Ты-то хотя бы в состоянии это сделать. И даже стараешься.

— Стараюсь, — сказал Кратов уныло. — Изю всех сил.

— Что это шумит? — спросила Рашида, подняв голову. И, словно вспомнив, сама себе ответила: — Дождь.

— Гроза. Слышишь — громыхает?

— Нет, не слышу, — промурлыкала женщина.

Он осторожно убрал руки с ее плеч и поднялся с колен.

— Куда ты?

— Кажется, мы оставили гравитр открытым. Ничего хорошего не будет, если придется возвращаться в мокрой кабине, на сырых креслах.

— Да пропади они, эти кресла! — возмутилась Рашида.

Кратов подумал.

— Нет, так нельзя, — сказал он как можно более уверенно.

И направился к двери.

— Только посмей сбежать на этот раз! — бросила ему вдогонку Рашида.

«Что было бы очень и очень разумно, — мысленно ответил Кратов, выходя на крыльцо. — Потому что я, кажется, знаю, чем все кончится. А самое-то подлое: кажется, хочу этого...»

Крупные капли дождя, пробившись сквозь хвойный полог, охлаждали его пылающее лицо. Он с огромным нежеланием ступил на скользкую, хлюпающую тропку. Сделал пару шагов.

И остановился.

Во-первых, кабина гравитра была закрыта. То ли Рашида, покидая ее, захлопнула дверцу, то ли неглупая машина сама сообразила и обо всем позаботилась. А во-вторых...

Кто-то был неподалеку. Метрах в десяти, за непроглядной стеной деревьев. Не волк, не медведь, никакой другой лесной зверь, по неосторожности выбредший к пусть необжитому, но все же враждебному людскому месту. Не древний таежный, накликанный старцем Серапионом дух, что вдруг продрал глаза, дабы поглазеть на тех, кто потревожил его сон. Нет... Это был человек (Кратов, сосредоточившись, вслушался), мужчина... и все его эмоции были умышленно и умело приглушены.

То есть, не имей Кратов за плечами двух десятков лет практики и по меньшей мере десятка лет практики повседневной и углубленной, ничего бы он не услышал. Но все это за его плечами было, и в избытке, и он отчетливо воспринимал эмо-фон пришельца и даже выделял в нем одну доминирующую компоненту.

ЕНАВИСТЬ.

Ежась от заползающих за шиворот ледяных капель пополам с такой же ледяной ненавистью, Кратов расчетливо шагнул с тропинки в сторону. Толстая ветка, трухлявая внутри, влажно хрупнула под его ногой.

На место ненависти пришли растерянность и раздражение. Невидимый гость не хотел уходить. Возможно, ему некуда было идти. Но еще меньше он хотел встретиться здесь с посторонними.

Кратов стиснул зубы и обратил лицо к этой слабой волне противоречивых эмоций.

«Стас... это я... я пришел... я жду...»

Он сделал над собой усилие и изгнал из своих мыслей всякую тень страха и сомнений. Если тот, в десяти метрах за деревьями, способен хотя бы на малую долю того, что умел когда-то... а он должен быть способен, его учили, и такое никогда не забывается невозвратно... то он услышит. И поймет.

«Стас... я жду... мы должны встретиться...»

Источник фона удалялся. Ничего нельзя было поделать. Разве что кинуться вслед, очертя голову, напролом. Даже рискуя подвернуть ногу или как-нибудь иначе повредиться в этой трухлявой топи.

Кратов не сдвинулся с места.

«СТАС!!!»

Пустота, тишина. Лишь слабый шорох последних дождевых капель, что падали с кончиков крыльев уже удалявшейся грозы.

Тот, за деревьями, уходил следом за грозой.

Кратов поднес руку к лицу — пальцы дрожали, и вся рука была словно из ваты. Из отвратительной, насквозь пропитанной дождевой сыростью, слежавшейся серой ваты.

* * *

Рашида сидела за столом, придвинув поближе мигавший светильник, и читала книгу.

— Что так долго? — спросила она, не поднимая головы. — Я уже подумала...

— Глупости, — проворчал Кратов. — Как я могу бросить тебя одну в этом склепе?

— Разве тебе в новинку? — произнесла Рашида ядовито.

— Гроза кончилась. Гравитр не пострадал. Стас... не пожелал с нами встретиться. — Женщина внимательно глядела на него сквозь упавшие на лицо черные пряди. Как сквозь чадру. — И мы можем возвращаться.

— «Надуты паруса, домой проложен курс. Но в прошлом скрылись дом и берег, нет возврата», — прочла она.

— Что?

— Это к тому, что никто не может вернуться туда, откуда ушел, — терпеливо пояснила Рашида. — Ничего нельзя исправить. Надо продолжать двигаться вперед. В общем, как ты и любишь.

Он приблизился и заглянул ей через плечо:

— «...лишь смутные тени навечно утративших тело грозят нам перстами вослед, и жить и любить нам велят...» А это что? Я не понимаю.

— Что непонятного? — рассмеялась Рашида. — Мы встретились. А ведь могли и не встречаться... Прилегли сюда. Ты и я. Никто не выскочил из кабины в самый по-

следний миг в этом дурацком... как его?.. Абакане. И вот мы здесь. Значит, так и должно быть, так мы оба хотели.

Кратов стер следы дождевых капель с лица.

— Ты меня запутала своими иносказаниями, — промолвил он сердито. — Я-то думал, прилечу домой, отдохну в простоте и ясности. А тут — ты на мою голову...

— Хорошо, — кротко согласилась Рашида. — Сейчас тебе будет все просто и ясно.

— Как я и люблю, — усмехнулся Кратов.

— Как ты и любишь.

— У меня есть женщина, — сказал он.

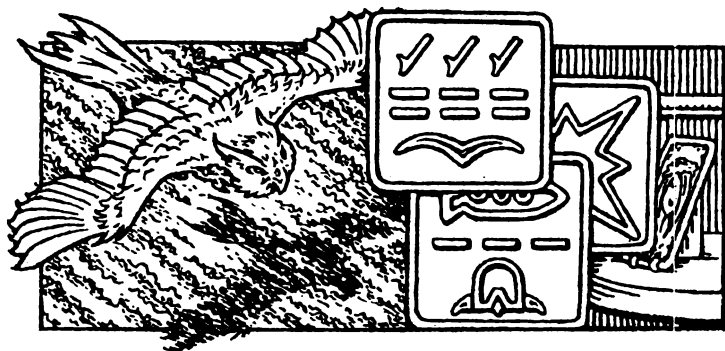
— Для меня она — не препятствие.

— Мне кажется, я люблю ее.

— Тебе это действительно только кажется.

Рашида отложила книгу и встала. Неспешно стянула через голову темно-красный свитер. Взяла его ладони и прижала к себе.

— Вот и все, Костя, — сказала она шепотом. — Прошлое закончилось. Теперь ты мой. Теперь нас ждет только будущее.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Злые птицы

1.

Денис не глядя выдернул из шкафа первый подвернувшийся галстук и приложил к рубашке. Получилось не так гадко, как можно было бы ожидать. А хотелось чего-то исключительного, запредельного. Хотелось эпатировать. Но не было вокруг необходимой в таких случаях аудитории. Клавдий, что ли, аудитория?! Скорее, реквизит...

Он с отвращением препроводил галстук обратно, нашарил в недрах шкафа атласную ленту и соорудил себе на шее нечто замысловатое и пышное. «В старину такое называлось даже не галстук, а кажется, «галстух», — подумал он, одергивая и тщательно разглаживая джемпер.

— Видеть тебя не могу, — сказал он своему отражению в зеркале.

В кают-компании с самого утра — если только не с прошлого вечера! — воцарился Клавдий. Завалил весь

стол своими карточками. Те, что не уместились, аккуратно разложил по полу, а некоторые даже высветил на экране видеала. Чтобы повсюду, куда бы ни пал его тусклый взгляд, он неизбежно натыкался на эти проклятые карточки. Где бы ни возникал Клавдий, он сразу же ухитрялся занять карточками все свободное пространство. А потом чах над ними, будто Кощей над златом.

Отчасти Денис достиг желаемого эффекта. Его явление пробудило в Клавдии, обычно равнодушном ко всяким переменам в окружающей действительности, небывалую бурю эмоций, как-то: поначалу недоуменное хмыканье, затем оживленное пофыркивание, и наконец — короткий всплеск хохота, как возникший, так и прекратившийся совершенно внезапно. Угаснув, Клавдий длинно вздохнул и спросил загробным голосом:

— Может быть, мы чего-то не понимаем?

Это был ненавистный Денису вопрос. Клавдий задавал его по сотне раз на дню. Словно ожидал, что его немедленно кинутся убеждать в обратном. Он преследовал им Дениса в бесцельных блужданиях по вымершей орбитальной базе. Но Денис не давал ответа: для него-то было абсолютно очевидно, что Клавдий попросту ничего не смыслит в собственной работе. И тот сникал, продолжая перекладывать с места на место запечатленные на карточках графемы-образы, поступившие на бортовой детектор с планеты. Их были тысячи, в них можно было утонуть, задохнуться. И Клавдий тонул, задыхался. На него было больно смотреть, настолько измученным, затурканным и забитым он выглядел со своей клочковатой бородой недельной давности, в своем раздерганном черном свитере грубой вязки и в брюках с пузырящимися коленками.

— Ты бы побрился, — пробурчал Денис, лавируя между россыпями белых квадратиков. — Все же, Консул прилетает.

— По наши души, — проямлил Клавдий. — А я как был, так и есть на нуле. Может быть, ты самопроизвольно скажешь, за что они нас невзлюбили?

— Да кому ты нужен... с небритой физиономией?! — отчаянным голосом воскликнул Денис и походя, широким взмахом смел карточки со стола.

Клавдий сопровождал веселое порхание своих сокровищ укоризненным взглядом запавших глаз. Потом с кряхтением опустился на карточки и стал сгребать графемы в кучку.

— Что это на тебя нашло? — растерянно спросил он.

Денис тихонько застонал и двинулся прочь.

В последние дни он только и делал, что предпринимал безуспешные попытки вывести Клавдия из обычного меланхолического равновесия. Ему было стыдно, он сознавал, что ведет себя безобразно. Однако ничего ему так не хотелось, как небольшого скандала, простой человеческой свары! Чтобы внести, наконец, некоторое разнообразие, чуточку соли и перца, в их отношения. Если только можно назвать отношениями редкие встречи двух мужчин, вот уже несколько месяцев наглухо запертых в огромной, рассчитанной по меньшей мере на сотню разумных обитателей, орбитальной базе...

Все эти попытки оканчивались провалом. Клавдий не поддавался ни на булабочные уколы, ни на откровенное хамство. Это был человек противоестественного душевного равновесия. Порой Денису казалось: стоит Клавдию лишь немного возвысить голос в ответ на его выходки — и он падет к нему на грудь со слезами благодарности и раскаяния.

Но Клавдий молчал и ковырялся в своих карточках.

«Человек работает, а я бездельничаю. Безделье порождает порок... Вероятно, такими и должны быть ис-

тинные ксенологи, энтузиасты и подвижники, провалиться бы им в экзометрию!» — подумал Денис, раздраженным тычком раздвигая створки дверей.

Он тут же остановился и даже слегка попятился.

За его спиной под столом продолжал шумно ворочаться и вздыхать Клавдий. А в дверях, занимая весь проем, стоял огромный человек в потертых джинсах и просторной куртке, что была небрежно расстегнута на голой, пятнистой от застарелых ожогов груди.

2.

Темное от загара лицо пришельца не выражало ровным счетом ничего, а светлые глаза внимательно изучали творящийся в кают-компании свинарник.

«Монумент, — в панике подумал Денис. — Статуя Командора. Нет, древнегреческий сфинкс. Не египетский, а именно древнегреческий. Сейчас затеет задавать вопросы, а потом всех съест». Он попытался хоть как-то спасти ситуацию и тактичным покашливанием упредить Клавдия, но поперхнулся и раскашлялся не на шутку.

— Дать водички? — участливо спросил Клавдий и на четвереньках развернулся лицом к выходу.

Гость задержал взгляд на денисовом «галстухе» и медленно затянул молнию своей куртки под горло.

— Здравствуйте, — сказал он бесцветным голосом. — Меня зовут Константин Кратов. — Он внимательно посмотрел на Клавдия. — Что вы делаете под столом? Играете в тянитолкая?

— Что я делаю? — переспросил Клавдий. — Собственно, ничего особенного... Видите ли, они не хотят принять нашу миссию.

— Давайте по порядку, — сухо сказал Кратов. — Кто — они?

— Альбинцы, — пояснил Клавдий. Помолчав, добавил: — Это такие орнитоиды. Птицы.

— Злые такие птички, — выперхал Денис.

— Злые? — подняв бровь, спросил Кратов. — На что же они злятся?

— Это в их характере, — выдавил Денис.

Кратов неопределенно хмыкнул, осторожно обогнул Дениса и внезапно присел рядом с Клавдием, упорно избегавшим вертикального положения. В полном молчании он подгреб к себе рассыпанные графемы. «Позорище, — лихорадочно соображал Денис. — Куда бы сгинуть, чтобы никто найти не смог? Нет, теперь-то уж точно спишут на Землю!»

— Что означает этот образ? — спросил Кратов, ткнув пальцем в одну из карточек.

— Я интерпретирую это как акцентированную угрозу, — солидно заявил Клавдий.

— Тогда в сочетании с этими двумя образами его следует воспринимать как угрозу любому кораблю, который рискнет пойти на посадку.

— Именно так. Все три графемы поступили на детектор последовательно.

— Это может быть и не угроза, — робко заметил Денис. Он оправился от шока и решил, что терять ему особенно нечего. — А предупреждение об опасности, грозящей кораблям при посадке.

Кратов всем корпусом развернулся в его сторону. «Нет, не сфинкс, — мысленно решил Денис. — Скорее, броневик. И лицо как башня броневика. Глаза — смотровые щели с пулеметными дулами внутри...»

— Вы тоже ксенолог? — осведомился Кратов.

— Отнюдь, — сказал Денис и добавил с вызовом: — Денис Агеев, историк... а ныне диспетчер орбитального комплекса.

— Историк? Странно... Ну, вам-то простительно, — пробормотал Кратов и снова уткнулся в графемы.

Денис позволил себе расслабиться.

— Я полагаю, что ксенологические ребусы не следует решать на полу кают-компаний, — неожиданно про-

возгласил Клавдий и, умилившись собственной наглостью, громко фыркнул.

— Пустяки, — невозмутимо возразил Кратов. — Ксенологии это безразлично. Лишь бы присутствовал результат.

Чувствуя себя совершенно выбитым из колен, Денис прошел к заморгавшему зеленым глазком при его приближении пищеблоку, нацедил себе стакан минеральной воды, по температуре близкой к точке ледообразования, и выдул его единым махом.

«Недурная картинка, — думал он. — Прибывает на базу Галактический Консул. И вместо приветственных улыбок и пожеланий успешной работы обнаруживает там двух идиотов. Один из которых в растерянности сидит под столом, а другой от скуки и злости изготавился было лезть на стену...

Как он ухитрился причалить так неслышно? Говорят, у него корабль-биотехн, гибрид звездолета с живой тварью, а на биотехнов автоматика реагирует слабо. Он просто вынырнул из тьмы мироздания, подобрался вплотную и присосался к свободному шлюзу, как рыба-прилипала — без мигания позиционных огней, без шума и лязга металла о металл... Чертова автоматика, надо же так оконфузить собственного диспетчера! Ну, я ей задам профилактический досмотр!.. Да и сам тоже хорош! Ждать надо было, сидеть возле приборов, а не слоняться по пустынным коридорам, не третировать смиренного Клавдия...

И все бы ничего, будь наши дела хоть на йоту успешнее, чтобы было чем похвастать. Но внизу, на планете с дурацким и поэтическим именем Альбина, живут разумные птицы, орнитоиды, которые не хотят принять нас в свои братские объятия. Впрочем, до птиц мне как раз нет никакого дела. В конце концов, я всего лишь

диспетчер, и моя функция — со всевозможным радушием встречать и провожать всех прибывающих и убывающих. Если, конечно, они намерены заниматься работой, а не совать нос в мою трудовую биографию».

Он повторил операцию с ледящей минералкой и понял, что настало самое время поболтать с Маринкой. Маринка дежурила на огромном — не в пример этой мыльнице — ксенологическом стационаре «Моби Дик», за пять парсеков отсюда. Маринке там было хорошо, ее все любили. У нее даже бывал отпуск раз в две декады, и она улетала на Землю. А он вынужден был сидеть здесь как заклятый в компании зануды Клавдия. Потому что эти чокнутые орнитоиды до сих пор не разрешали ксенологической миссии высадку на свою ненормальную планету. На кой шиш они сдались Клавдию, эти крыломашущие мизантропы? На кой шиш они сдались Топу, который улетел, и Кратову, который прилетел? И ему, Денису, который всеми фибрами души рвался отсюда улететь, а вместо того застрял здесь безвылазно и безнадежно?!

— Я бы хлопнул дверью, — проворчал он.

— Сделай милость, — сказал Клавдий.

— Не в том смысле. Я бы на вашем месте демонстративно прервал контакт и скрылся во мраке. В Кодексе о контактах предусмотрено свертывание переговоров в случае нежелания одной из сторон развивать их.

— Уж не штудируете ли вы на досуге Кодекс о контактах, господин Агеев? — спросил Кратов с некоторым любопытством в голосе.

— Видишь ли, Денис, — забубнил Клавдий. — Вовпервых, насчет места. Каждый из нас находится на своем месте, а не занимает чужого...

«Виват, Клавдий! — мысленно заплодировал Денис. — В присутствии Консула ты обнаруживаешь на-

клонности к иронии. Да ведь это не что иное, как акцентированный пинок мне под задницу, чтобы я не совался в умные дела!»

— Во-вторых же, — продолжал Клавдий, — среди графем, то бишь образов, зарегистрированных нашим детектором, нет ни одного, указывающего на нежелание орнитойдов развивать контакт. Напротив: они и рады бы всей душой, но... Есть в ксенологии такое понятие — «табу». Непоясняемый запрет — например, как следствие какого-нибудь предрассудка. Либо потому, что объяснение самоочевидно для тех, кто означенный запрет налагает. Так вот, альбинцы отчего-то табуируют высадку на их планету. Обычно табу не препятствуют нормальному ходу контакта. Но их понимание необходимо для формирования адекватных представлений о менталитете партнера. И пока мы не разберемся с этим табу на высадку, полноценного контакта не получится.

— А что, если они действительно злые? — недовольно спросил Денис.

— Я догадываюсь, куда вы клоните, коллега, — откликнулся Кратов. — В Кодексе наложено более жесткое ограничение, нежели упомянутое вами. Там говорится, в частности, что следует уклониться от контакта в случае любых попыток одного из партнеров немотивированно ограничить свободу действий другого.

Денис красноречиво развел руками. Уклонение от контакта его вполне устраивало. В результате он мог бы хоть на время оставить опостылевшую комнату по левому борту орбитальной базы и вырваться в отпуск вместе с Маринкой.

— Но, — сказал Кратов, — в истории земной ксенологии не было еще прецедента осознанной попытки с недобрыми намерениями ограничить нашу свободу действий. Конечно, конфликты порой возникали. Однако

порождались они лишь неверной интерпретацией поведения одной из сторон. Широко известен казус Винде-Миагрикс III...

— Как же. — фыркнул Клавдий.

— Там вообще дошло до нападения на земной корабль! А потом выяснилось, что планета нашпигована самонаводящимися ракетами, не демонтированными со времен последней мировой войны. И обитатели ее, вполне дружески настроенные, из кожи лезли, чтобы уведомить нас об опасности. Но одна ракета все же сорвалась...

— И что дальше? — хмуро спросил Денис.

— Потом мы им помогли. Направили на планету взвод Звездного Патруля, и те при помощи зондов-автоматов вынудили раскрыться все ракетные шахты.

— И их содержимое тотчас же стало взрываться, превращая несчастную планету в радиоактивную пустыню? — исторг наружу весь свой сарказм Денис.

— Отчего же? Патролмены прекрасно знали, с чем имеют дело, и загодя заморозили все боеголовки... — Кратов выждал паузу и присовокупил: — Когда я говорю «заморозили», то в самую последнюю очередь подразумеваю жидкий гелий. Очень увлекательное было времяпровождение... — Прозрачные глаза его слегка затуманились.

Стало ясно, что отпуска не предвидится. В отчаянии Денис опорожнил еще стакан и, булькая содержимым желудка, отправился плакаться Маринке.

— Кстати, коллега... — мягко начал Кратов.

— Клавдий Розенкранц, доктор ксенологии, — многозначительным басом отрекомендовался тот.

— ...отчего вы небриты?

— Занятно, — сказал Клавдий. — Меня уже кто-то теребил по этому поводу, и не так давно. Видите ли, я

хотел бы отпустить бороду. Я еще ни разу не видел себя в бороде. Поиски разнообразия.

— Это отклонение от стереотипа.

— Да... «Отклонения от стереотипа в облике субъекта, участвующего в контакте, могут воспрепятствовать его нормальному протеканию». Но ведь это касается непосредственного контакта, который в нашей ситуации пока невозможен.

— Он может стать реальностью в любой момент.

— Полагаю, к этому моменту я успею избавиться от бороды. — Клавдий уныло вздохнул. — Если понадобится, и вообще ото всех волос на теле.

— Выдумали тоже, — проворчал Кратов. — Злые птицы... Не бывает злого разума. Объясните это на досуге вашему историку-диспетчеру.

— Как историк, он может иметь иное мнение на этот счет...

— Как историк, он знает: злым бывает только варварство и невежество.

— А табу на высадку?

— Табу! Вспомним Винде-Миатрикс III. Вспомним Берег Эрона Хиггинса. Вспомним уйму других казусов. У нас, людей, тоже есть множество табу, и не все они суть предрассудки. Например, не убивать себе подобных.

— Как раз это табу в свое время охотно нарушалось, — хмыкнул Клавдий.

— В периоды аберрации нравственности! Варварство и невежество. Сон разума, который порождает чудовищ... Вы слышали о сумасшедшей цивилизации Аафемт с планеты Финрволинауэркаф?

— А кто не слышал? — пожал плечами Клавдий.

— Я там был трижды...

— А кто *этого* не слышал?

— Вот там, например, нет табу на убийство себе подобных... Практически все табу являются продуктами своего времени и своей культуры. И нарушения их в период актуальности воспринимаются как преступления против нравственности.

— Стало быть, намереваясь опуститься на планету из космоса, да еще на искусственном летательном аппарате, мы выглядим в глазах орнитоидов беспардонными извращенцами, — снова развеселился и зафыркал Клавдий. — И это наверняка связано с их способностью летать!

3.

В эту минуту Денис находился напротив экрана, откуда на него участливо глядела своими изумительно черными, слегка раскосыми глазами красавица Маринка. Гордость ксенологического стационара «Моби Дик», на связь с которой мечтали выйти все диспетчеры окрестных орбитальных баз и миссий. Но Денис пользовался исключительным правом изливать Маринке изболевшуюся душу. И на то были веские причины. Так, по крайней мере, он считал.

Он положил руки на рамку видеала. Это помогло ему вообразить, будто он приобнимает Маринку за плечи. В реальной обстановке вряд ли она позволила бы ему подобную вольность, но расстояние в пять парсеков многое упрощало. На смуглых плечах девушки блестели капельки воды — Маринка только что вдоволь набултыхалась в бассейне. Потому что на стационаре был свой бассейн. И Денис отчаянно завидовал тем, кто плавает в этом бассейне вместе с Маринкой. Она явилась на вызов, даже не успев одеться и высушить волосы. Милая, черноглазая русалка...

Сейчас Денис хотел бы пожаловаться ей на злой рок, преследующий его по пятам с тех пор, как он очертя голову кинулся следом за Маринкой в Галактику, в диспетчеры — а был согласен даже в младшие подметалы, если бы только в районе «Моби Дика» нашлась такая должность. Затем он пожаловался бы на Клавдия, который не интересуется ничем, кроме своих разлюбезных пташек. На самих злокозненных птиц, которые не до-

пускают ксенологов на планету. На Галактического Консула, что появился к ним на базу и наверняка всем устроит разгон: «Вешаться, шагом — марш!.. Как висите, олухи?!» И, несомненно, больше всех влетит Денису. За то, что он, историк, просочился в диспетчеры правдами и неправдами, а особенно последними.

И он изо всех сил хотел бы отдалить тот момент, когда по традиции, в завершение их бесконечных разговоров, ему придется сказать: «Я хочу к тебе». И услышать в ответ обычное: «Продолжай хотеть...»

4.

Планета Альбина — под этим именем она фигурировала в земной ксенологии — была открыта разведывательным зондом-автоматом еще в 103 году. Цивилизация Аскарвуоф, пославшая зонд и потому обладавшая исключительными правами на колонизацию, нарекла планету, естественно, по-своему, но особенного интереса к ней не проявила. Вся полученная информация об Альбине была передана в Галактическое Братство. Более тщательное изучение картограмм планеты скоро позволило сделать вывод о существовании там развитой биотехнологической культуры. Вопрос о колонизации, таким образом, сразу отпал.

Зато немедленно возник естественный вопрос об интеграции этой новой культуры в Братство.

После тактичного орбитального зондирования ноосферы Альбины были расшифрованы перехваты местных информационных потоков. Альбинцы оказались разновидностью высших форм птицеподобных. Что являлось изрядной редкостью среди традиционных классов разумных рас, к каким относились инсектоиды, рептилоиды и гуманоиды всех типов. По одной из гипотез, альбинской фауне изначально была присуща троичная осевая симметрия, характерная, в частности, для земных насекомых. Однако шестипалые ящеры и теплокровные, полностью господствуя на суше, все же не эволюционировали в разумную расу. Им воспрепятствовал динамично развивающийся бранч рептилий, у которых ведущая пара конечностей трансформировалась в крылья. Возник

обширный класс хищных птицеподобных, что безраздельно царили в воздухе и постепенно подавили все наземные формы. Искра разума, как это обыкновенно и бывает, вспыхнула не у самых приспособленных крылатых, которым не было равных в силе и скорости, а значит — не существовало и стимула к усложнению мыслительного аппарата. Думать, спасаясь от гибели, сражаясь за продолжение рода, научились мелкие твари, покрытые белыми — под цвет альбинских известняков — перьями, с плотным, надежно уберегающим от жестоких полярных морозов пухом. Со второй парой конечностей, снабженных цепкими подвижными пальцами. В очередной раз в галактической истории рука породила разум. Эти сильные, ловкие руки, прятавшиеся в густом нагрудном оперении, могли держать изостренный камень, палку, могли создать любое оружие для отражения атак, а позднее — и для уничтожения более крупных, но безнадежно безмозглых летающих плотоядцев...

На Альбине обнаружена была развитая сеть всепланетных коммуникаций, велись ирригационные работы, воздвигались циклопические сооружения. Поскольку не было зарегистрировано никаких свежих или остаточных очагов радиационного заражения, высказывались предположения, что альбины счастливо миновали без каких-либо пагубных для себя последствий этап утилизации ядерной энергии. Очевидно, местная энергетика жила на термальных источниках либо на использовании жесткого излучения светила. Последнего здесь было в избытке.

Советом ксенологов было решено направить к Альбине миссию для установления контакта. Люди как биологически достаточно близкая к альбинцам раса составили основу миссии. (Справедливости ради нужно заме-

тить, что немалую роль в этом сыграла и энергичная политика Фреда Гунганга, тогдашнего куратора близких к Альбине земных стационаров «Протей» и «Моби Дик». В его активе тогда еще не было успешных контактов с орнитоидами... Спустя некоторое время все это свалилось на плечи Кратову.)

Проследив за созданием на орбите планеты постоянной ксенологической базы, Кратов успел благополучно позабыть о ней за более неотложными делами. Он имел основания полагать, что никаких осложнений там не предвидится. За минувшие с момента открытия базы (с непременным разрезанием ленточек, битьем бутылок шампанского о стены и употреблением одного же внутрь) полтора года он разрешил два сложных межрасовых конфликта, установил контакт с негуманоидной цивилизацией биостатов в системе Райская Птица XL (причем впервые в своей практике обошелся без посредников)... Возвратившись в Парадиз, он вспомнил про Альбину и запросил информацию о протекании контакта.

Известие о том, что контакта нет, его поразило.

Он узнал, что после бесплодных попыток достичь взаимопонимания все ксенологи вернулись на стационары и получили новые предписания. На законсервированной базе остались двое: заместитель начальника миссии Клавдий Розенкранц и диспетчер Денис Агеев. Был и третий — вертикальный рептилоид Топ. Он вписал в отчеты миссии особое мнение, согласно которому альбинцы совершенно не желают контакта, но опасаются возможных последствий своего решительного отказа могущественным расам Галактического Братства и сттого воздвигают на пути миссии всевозможные псевдотабу. Поставив себе за цель доказать это, Топ проторчал на базе три месяца, после чего улетел на свою планету — якобы для обобщения накопленного материала. Впро-

чем, им было заявлено категорическое намерение возвратиться в самом ближайшем будущем.

Сгорая от стыда, Кратов перекроил свои планы, передал дела заместителю и отбыл к Альбине. Попутно он учинил разнос директору стационара «Моби Дик» Россу Дэйнджерфилду за длительное молчание о провале миссии, хотя и признавал, что значительная доля вины лежит на нем самом.

Всю дорогу до орбитальной базы он строил разнообразные гипотезы о причинах неудачи, но ни одна не пришлась ему по вкусу.

5.

— Послушайте, доктор Розенкранц, — сказал Кратов. — А этот Агеев — он и впрямь историк?

Клавдий медленно увел взгляд в сторону и зацепил его за какое-то малоприметное пятнышко на потолке.

— И впрямь, — сказал он после долгой паузы. — В прошлом. А теперь он просто диспетчер, и неплохой. По крайней мере, не мешает работать.

— Чем же вызван такой крутой излом в его биографии? Ведь он же еще... гм... сосунок.

— Личное, — нехотя обронил Клавдий. — В жизни многое бывает.

— Пожалуй, — согласился Кратов. — Доктор Розенкранц, я хотел бы воспользоваться вашей аппаратурой.

— Сколько угодно. У нас прекрасные лингвары и мемоселекторы. Правда, я научился обходиться без них. Все равно ничего путного они не подскажут.

Кратов плюхнулся в кресло перед пыльным экраном, несколько раз с удовольствием крутнулся и только тогда запустил мемоселектор.

— Графемы с Альбины хранятся в блоках с восемнадцатого по тысяча двадцать шестой, — сообщил Клавдий. — Информационные перехваты — с двухтысячного...

Он немного постоял в дверях, попереминался с ноги на ногу и, видя, что Кратов не обращает на него внимания, тихонько убрел к своим карточкам.

Мемоселектор с бешеной скоростью выдавал на экран серии образов, что были приняты с планеты за полгода информационного обмена. Темп восприятия у аль-

бинцев был гораздо выше, нежели у людей, и Кратову приходилось напрягать зрение, чтобы не упустить что-нибудь существенное. Но его выносливости хватило ненадолго. Через час он сдался и перевел мемоселектор в режим группового логического поиска.

Мигание экрана прекратилось и на нем стали возникать образы в порядке своего поступления на детекторы орбитальной базы, параллельно с характеристиками частот их появления в альбинских передачах. Одновременно чей-то нудный голос декламировал предполагаемые смысловые толкования каждой графемы. Львиная доля выдвинутых версий принадлежала Клавдию и Топу, причем мнения их, как правило, были взаимоисключающими. Но, так или иначе, вскоре перед Кратовым предстала общая картина контакта.

Вернее, картина отсутствия контакта.

Имел место парадокс: альбинцы откровенно — что подтверждалось перехватами — выражали свою готовность к поддержанию связи с космическими пришельцами. Но на просьбу разрешить посадку кораблю ксенологов реагировали странно. На детектор обрушивалась лавина графем, недвусмысленно запрещающих вход в атмосферу планеты. Состояние орнитонидов при этом можно было охарактеризовать как натуральную панику.

Кратов разбил экран на «окна» и вывел в них образы, зарегистрированные в моменты запросов на посадку. Этих образов были сотни, и он отобрал наиболее часто повторяющиеся и, напротив, не повторившиеся ни разу. Обычно с помощью такого приема удавалось прояснить закономерности в сериях. Хотя и трудно было допустить, что доктор ксенологии Клавдий Розенкранц им не владел.

На одной из графем стилизованный контур корабля миссии — корабль этот все еще торчал у запасного

шлюза, безнадежно дожидаясь, когда же наступит его черед, — соседствовал с изломанными в страшных корчах фигурками альбинцев.

На другой — зависший над поверхностью планеты корабль горел, затейливо обрамленный геометрически правильными язычками пламени.

На третьей — он уже взрывался, разлетаясь равными осколками в стороны от жирной точки, поставленной в центре взрыва.

На четвертой...

В общем, ничего приятного при входе в атмосферу кораблю не сулили. Его боялись, его взрывали, он горел.

Взрывали... А может быть, он взрывался?

Кратов оставил на экране две графемы. В сериях они всегда предшествовали взрыву. На первой была изображена похожая на пульку баллистическая ракета, устремленная тупым носом в зенит. «Снова ракета — как на Винде-Миатрикс!..» На следующей графеме она летела навстречу кораблю незваных гостей, и между ними пролегла одна лишь жирная пунктирная линия.

А на третьей корабль непременно взрывался.

Повторение инцидента на Винде-Миатрикс III, на разгадку которого Григорий Матвеевич Энграф убил прорву времени и потерпел фиаско, кабы не параллельные работы по расшифровке?.. Но альбинцы никогда не воевали между собой. Их цивилизация возникла и развивалась в одном регионе, у них не было устойчивого дробления на племена, народы и государства, как на Земле и во множестве других миров. И когда началось распространение альбинцев по неосвоенным материкам и архипелагам, они представляли собой социально однородную, вооруженную техническими достижениями и высокой нравственностью разумную расу. У них не было замаскированных и забытых шахт с самонаводящи-

мися ракетами. Следовательно, рисованная ракета, несущая гибель космическому кораблю, могла быть послана только **УМЫШЛЕННО**.

Кратов наклонился вперед и медленно стер слой пыли с экрана. Он чувствовал себя задетым за живое. Получалось, будто орнитойды и в самом деле не желали, чтобы на их планету высаживались ксенологи Галактического Братства. Была высказана готовность обмениваться любой информацией, демонстрировалось самое искреннее уважение к братьям по разуму...

Но при всем том недвусмысленно подчеркивалось, чтобы означенные братья оставались на дистанции. И чем дальше, тем лучше.

6.

— Маринка, — нежно позвал Денис. — Ну как ты живешь без меня?

— Прекрасно, — сказала девушка и улыбнулась. — А ты?

От звуков ее скрипично-высокого голоса Денисом, как и всякий раз, овладело чувство радостного возбуждения. Разнообразная ерунда вроде строптивых орнитидов и грозного Галактического Консула мигом отступила на задний план.

— Я без тебя не живу, — сбивчиво, несвязно и обильно заговорил он. — Я без тебя только существую. Как растение. Есть такие никому не нужные растения — сорняки... К нам прилетел Кратов. Тот самый, со Сфазиса. Громадный мужик, смотреть страшно. Сейчас он выписывает нахлобучку Клавдию. Ну в самом деле, сколько можно здесь торчать?! По-моему, у Клавдия заскок на почве всех этих графем, он же спит с ними, если вообще когда-нибудь спит. Но мы-то с тобой нормальные, правда? Я, как и все, хочу иметь отпуск раз в две декады, хочу плавать в одном бассейне с тобой, хочу хватать тебя за пятку, и чтобы ты брыкалась и верещала. Как тогда... помнишь... Хочу нормального общения с людьми, нормально одетыми и нормально выбритыми. Или хотя бы с нормальными бородами. И чтобы не было между нами этого террариума, — он приложил ладонь к экрану видеала так, чтобы она легла на маринкину щеку.

— Как там ваши пташки? — спросила Маринка, пропуская мимо ушей его обычные излияния.

— Порхают. Грозят сбить нас баллистическими ракетами, вреднюги. Ну что бы им не договориться с Клавдием? Или, на худой конец, со мной? Мы бы живо нашли общий язык. А после слетали бы с тобой к ним в гости. Там очень красивый снег, можно кататься на лыжах и одновременно загорать, лучше, чем в Альпах. Правда, Топ — помнишь Топу? — запретил с ними разговаривать. Он думает, что все наши неприятности — следствие шока. Мол, альбинцы нами шокированы. Они будто бы в принципе не ожидали, что в космосе может обитать кто-то еще, кроме них. Они будто бы вообще крайне впечатлительны и склонны ко всяким шокам, стрессам и аффектам. И если мы заговорим с ними на их языке, они все там с ума посходят. Будто бы для них это все равно, что вдруг заговорит дорога или облако...

— Так уж и посходят, — недоверчиво сказала Маринка.

Но недоверие это было наигранным, показным. Денис уже почувствовал, что нет у девушки никакого интереса ни к альбинцам, ни к прыгу Галактического Консула, ни ко всему, о чем он тут болтает уже битых десять минут.

Что-то было неладно.

— Маринка, — сказал Денис. — Ты от меня прячешься.

— Я? Прячусь?! Вовсе нет. С чего ты взял? Вот же я.

— Тебе есть что мне сказать? — спросил он внезапно пересохшими губами.

Лицо ее качнулось, словно она хотела скрыться прочь от видеала. Потом она подняла на него настороженный взгляд, и Денис отчетливо ощутил перед собой все пролегающие между ними десять парсеков — бездонную, безвоздушную пропасть мертвого холода.

— Я хочу к тебе, — произнес он заветное заклинание, охраняющее от всех бед, от всех прошедших и грядущих разлук и потерь.

Если она сейчас скажет: «Продолжай хотеть», то все в порядке, ему просто померещилось...

— Почему ты не прилетел раньше? — спросила Маринка. Но это не было вопросом, потому что в ее голосе звучало безразличие. — Ты там, а я здесь. И так целую вечность.

— Три месяца, Маринка, — прошептал Денис, изо всех сил стискивая руками ни в чем не повинный идеал. — Только три месяца... Я же все время рядом, я на Земле все бросил, чтобы прилететь сюда за тобой... Неужели ты не можешь подождать еще немного?

— Ждать, снова ждать, сто лет ждать, — сказала Маринка с раздражением. — Вся жизнь — сплошное ожидание. Я устала.

— Я прилечу, — торопливо сказал Денис. — Вот прямо сейчас. Я все исправлю!

— Уже поздно, Денис. Завтра я возвращаюсь домой, на Землю. Насовсем.

— И я с тобой!

— Без тебя, Денис.

— Я все равно прилечу, — сказал он упрямо.

— Прилетай... попрощаться.

Идеал погас, будто задернулся дымчатой шторкой. С трудом, как великую тяжесть, Денис убрал с него руки и перенес их к себе на колени.

Уже поздно, Денис. Прилетай попрощаться.

Проклятая база. Проклятые птицы. Проклятая Галактика.

Денис медленно, как сомнамбула, потянул атласную ленту с шеи — замысловатое украшение распалось, разползлось... «Надо лететь. И немедленно. Здесь я никому

не нужен — ни Клавдию, ни, тем более, Кратову. Они чудесно обойдутся и без диспетчера. Они даже не заметят, что меня нет. А потом будь что будет. Пусть выпнут из Галактики с самым громким треском и позором. Сдалась она мне! Плевал я на нее, когда там не будет Маринки. Работа найдется всюду. Главное — чтобы Маринка не исчезала. Это самое главное в моей жизни, это ее смысл, а все прочее — пустяки. Что там она говорила? Уже поздно?.. Ни черта не поздно. Все еще можно поправить. Ну что может связывать ее с кем-то, кто случайно, не по праву, пиратски занял мое место за эти три месяца? Только одиночество. А со мной у нее общая любовь, общая память, целая общая жизнь».

7.

В полуметре от Кратова возникла неестественно увеличенная видеалом физиономия Клавдия — утыканная жесткой синей щетиной, в натуральном цвете, объеме и звуке, распространяющая вокруг себя безысходность и уныние.

— Словарь альбинского языка составлен? — спросил Кратов.

— Угу, — печально сказал Клавдий. — Так называемый «континентальный» диалект, доминирующий на планете. Со второго по семнадцатый блоки мемоселектора.

— Были попытки прямого аудиоконтакта?

— Нет. Топ не рекомендовал.

— Что так?

— Он занимался психологией альбинцев. Наше появление, как он предполагал, вызвало у них культурологический шок. Отсюда и запрет на высадку: они нас не ждали и не готовы к тому, чтобы разговаривать с нами лицом к лицу. Одно дело — обмениваться сериями графем, и совсем другое — слышать вопрос и немедленно подыскивать на него ответ...

— Отчего же немедленно? Можно и не спешить, была бы достоверная информация... Все же будьте готовы, что мы рискнем, вопреки мнению коллеги Топы, перейти от картинок к прямой речи.

— Я-то давно готов. И лингвары готовы... — Лицо Клавдия напряженно сморщилось, будто резиновая маска. — Послушайте, доктор Кратов. Мы тут одно время теоретизировали — может быть, они хотят скрыть от нас

что-то на поверхности планеты? Может быть, им стыдно пускать нас к себе?

— Топ сообщил вам о наличии чувства стыда у альбинцев? — осведомился Кратов.

— Отнюдь, — меланхолично произнес Клавдий. — Он и сам имеет о стыде чисто теоретическое представление. И связывает его существование у людей с теми же многообразными табу и комплексами, которых якобы лишена его раса... Но подумайте: если бы лет триста назад кто-либо захотел войти в контакт с человечеством, разве не было бы нам стыдно показать инопланетянам Землю, полную оружия, концлагерей, голодающих людей?

— Вероятно, вы правы, — сказал Кратов. — Но это не причина, чтобы пускать в пришельцев баллистические ракеты. А вот другой, более веский повод в ту пору у человечества был. Социальная разобщенность. Земная цивилизация постоянно делилась на противостоящие с оружием в руках лагеря, и вдоль, и поперек — по убеждениям, по религии, по цвету кожи. По элементарному скудоумию... И гости из космоса с их галактической мудростью и мощью угрожали бы нарушить равновесие, приняв ту или иную сторону. Это был очень серьезный повод, доктор Розенкранц.

— У альбинцев нет наших грехов, — поспешно возразил тот.

— И концлагерей тоже нет? Нам известны, например, так называемые «генетические резервации» у некоторых весьма развитых рас, и эти расы охотно оправдывали перед Галактическим Братством их наличие. По сути же своей эти резервации мало отличались от наших концлагерей...

— Нет у альбинцев никаких резерваций. Ни явно, ни скрыто. Мы в свое время искали доказательства своим домыслам...

— Что ж, задача упрощается, — задумчиво сказал Кратов. — Но решения пока нет. Хотя, конечно, приятнее общаться с расой, не скомпрометировавшей себя концлагерями. Что же им тогда скрывать от наших глаз?

Клавдий тяжело вздохнул, но не нашелся, что добавить.

«Они торчат здесь не меньше трех месяцев, — подумал Кратов. — В добровольном концлагере. В психологической резервации... За этот срок вряд ли что может измениться в человеке, если дела идут хорошо, цель ясна и видны перспективы. Но за то же время, когда ничего не выходит, на горизонте сплошной туман и ни малейшего просвета вокруг, можно проклясть все и вся. Надломиться и пасть. Обрасти щетиной и шерстью. Щетина, кстати, уже налицо... Почему в тот момент, когда я вошел, Клавдий на четвереньках собирал рассыпанные карточки, а Денис и не пытался ему в этом помочь? Конфликт, вызванный равнодушием одного и агрессивностью другого? Равнодушие одного к агрессивности другого? Или агрессивность одного в ответ на равнодушие другого?..

Это моя ошибка. Зря я набросился на директора Дэйнджерфилда. То есть, не совсем зря, и все же... Нельзя было упускать Альбину из виду. Никакие более важные и спешные, а главное — интересные дела такого прокола не оправдывают. Следовало либо немедленно свернуть все работы и отозвать миссию вместе с унылым Клавдием и издерганным Денисом, либо пойти на риск, чтобы раз и навсегда решить, возможен ли настоящий контакт. И уж если это не поможет, спросить совета у тектонов.

Как это сказал наш диспетчер с историческим прошлым? Злые птицы? Дикая лебеди, что гонят по лесам и полям сестрицу Аленушку и брата Иванушку, белые демоны, посланники бабы-яги... Только в русских сказ-

ках бывает такой сдвиг стереотипов: разве могут белые птицы быть злыми? По всем статьям им полагается быть прекрасными и гордыми! Смотреть сказки Андерсена. И совсем другой коленкор, если взять, к примеру, плотоядных стимфалид с медными перьями-стрелами...

Так вот: надо было еще три месяца назад окончательно прояснить, злые у нас это птицы или просто в дурном расположении духа. А ждать, когда решение придет само собой, бессмысленно. Достаточно лишь заглянуть во ввалившиеся глаза Клавдия, увидеть неопрятную бородку, делающую его похожим на Спасителя в изображении неореалистов. В таком состоянии, с таким больным, загнанным взглядом, Клавдий просто не узрит выхода из тупика, даже если уткнется в него своим унылым носом.

Давно пришла пора действовать. И действовать мы станем очень быстро».

— Как вы полагаете, доктор Розенкранц, — сказал Кратов. — Насколько серьезны их угрозы?

— Это не угрозы, — буркнул Клавдий. — Это предупреждения.

— Я думаю, надо убедиться в этом окончательно.

Клавдий медленно оттянул большим пальцем ворот мохнатого черного свитера и глубоко вздохнул.

— Этого делать нельзя, — неуверенно сказал он. — Навязывание контакта, нарушение Кодекса. И потом — баллистические ракеты...

— Что может сделать древняя керосинка, пускай и с ядерной начинкой, современному космическому кораблю в состоянии полной защиты? И не будет никакого нарушения Кодекса, поскольку мы лишь проимитируем подготовку к посадке, произведя ряд безобидных маневров в атмосфере. И уж если они все же атакуют корабль, мы разорвем контакт.

— Это авантюризм, — тихо сказал Клавдий. — То, что вы предлагаете, называется провокацией.

— Это ксенологический эксперимент. Почти все ксенологические эксперименты содержат элемент провокации. Это жесткая проверка на доброжелательность и нравственную зрелость. Одно дело — демонстративные угрозы. Совсем иное — живым пальцем нажать на реальную клавишу и шарахнуть в братьев по разуму вполне материальной ракетой. Вы смогли бы пойти на такое, даже имея за спиной несрытые столбы концлагерей, незаросшие братские могилы чудовищных войн и неостывшие следы ядерных катастроф?

— А если у них есть более серьезные причины не допускать нас? — со слабой попыткой вызова спросил Клавдий.

— Мне ничего не приходит в голову. Может быть, вы приведете пример?

— Ну куда вы спешите? — с отчаянием вымолвил Клавдий. — Нужен детальный анализ. Нужны новые гипотезы на новом материале. Скоро вернется Топ, у него светлая голова, длинный хвост и острый безжалостный ум...

— Три месяца, — сказал Кратов. — Вот сколько времени вы ожидаете нового материала. Вот как давно улетел Топ с его острым хвостом и длинным языком.

— Хорошо, — неожиданно сдался Клавдий. Видно, он просто не умел сопротивляться. — Я понимаю: вы сторонник действия. Эта ваша известная концепция — понимание через действие... Я ее не разделяю. Позвольте мне записать особое мнение.

— Я не могу запретить вам иметь особое мнение, — пожал плечами Кратов. — Было бы ненормально, если бы вы его не имели. И кто я такой, чтобы запрещать вам хоть что-либо?.. Подготовьте корабль. Его поведет когитр.

Клавдий отвел глаза в сторону, где предполагалась панель состояния бортовых систем. После долгой паузы он сообщил:

— Собственно, корабля-то у нас и нет.

— Как это — нет?!

— Очевидно, он улетел, — терпеливо пояснил Клавдий. — Запасной шлюз, где он был ошвартован, теперь свободен.

— Агеев? — холодно спросил Кратов. — Этот ваш... историк?!

Растерянный взгляд Клавдия застыл, окончательно угас, будто провалился внутрь запавших глазниц.

— О, черт, — сказал Клавдий. — Ему же не совладать с управлением.

8.

Резко отталкиваясь ботинками от пружинящего пола, временами сбиваясь на бег, Кратов ворвался на центральный пост. Согнувшийся в три погибели над пультом Клавдий поднял голову и сказал виновато:

— Связи нет. Не то он ее выключил, не то не знает, как включить. Вероятнее всего последнее. Поэтому я даже не могу перехватить управление.

— А что бортовой когитр?

— Он спит. Я сам его усыпил. Чего ему было маяться бездельем столько времени?

— Историк, — сказал Кратов. — Каким образом человек, не умеющий водить корабли, оказался в Галактике?

— Кто мог ожидать? — Клавдий пожал плечами. — У нас никогда не было дефицита драйверов. А системы орбитального комплекса он знал прилично. Трудился на совесть и другим не мешал работать... Разумеется, вскоре многие увидели, что он не имеет драйверских навыков. Пока здесь были люди, его потихоньку пробовали учить. Все же, мотивы, по которым он попал сюда, следовало признать уважительными... И он, наверное, решил, что научился достаточно. А потом все улетели на «Моби Дик».

— Что это были за мотивы?

Клавдий невыносимо долго скреб свою щетину, затем еще раз пожал плечами и наконец произнес:

— У него на «Моби Дике» девушка. Ее зовут Марина. Марина Кемейа... У Дениса к ней какая-то сумасшедшая привязанность.

Кратов сразу вспомнил ее. Пока Чудо-Юдо-Рыба-Кит принаравливался к стыковочным узлам стационара «Моби Дик» (по обычаю своему ворча и жалуясь на неудобства), ему удалось перекинуться парой ничего не значащих слов с молоденькой алеуточкой, черноволосой и черноглазой, с круглым серьезным личиком, которая действительно звалась Мариной, действительно была хорошенькой и действительно работала оператором на внешних каналах ЭМ-связи. Помнится, он даже отпустил ей какой-то комплимент и пытался неуклюже скалбурить на тему «если один кит швартуется к другому киту, который же из них — китиха».

— И что же, при своей... сумасшедшей привязанности он три месяца с ней не виделся? — спросил Кратов.

— Агеев не умеет водить корабль, — с легким недоумением разъяснил Клавдий. — А я не могу покинуть базу. Вдруг здесь что-то изменится или прояснится, а меня нет...

— Так, — буркнул Кратов. — Дальше?

— От знакомых ксенологов, бывающих на стационаре, я имею сведения, что несколько раз Марина возвращалась из отпуска с опозданием. Отсюда я делаю заключение, что на Земле у нее появился некто... отличный от Агеева.

— С логикой у вас в порядке, — едва сдерживаясь, проговорил Кратов. — Ну, к теме сумасшедшей привязанности мы еще вернемся... Что угрожает Агееву в данный момент?

— В данный момент — ничего, — сказал Клавдий. — Но спустя примерно полчаса он либо встанет на орбиту Альбины, после чего можно будет попытаться перехватить его вашим кораблем...

— Либо?

— ...либо не встанет и упадет в атмосферу.

— И его собыют.

— Да, — ровным голосом подтвердил Клавдий. — Или, напротив, не собыют.

Зеленая точка корабля безвольно моталась по темному экрану пеленгатора, едва не цепляя размытую кромку газовой оболочки планеты. Кратов прикрыл глаза, чтобы успокоиться и сосредоточиться. Он представил себе, как Денис в растерянности мечется по пустой кабине, бессмысленно давя на еще недавно видевшиеся такими понятными и вдруг отказавшиеся повиноваться клавиши. В самом деле — что может быть проще управления космическим кораблем? Только велосипед. Забрался внутрь, запустил стартовые процедуры — и вперед... Корабль и в самом деле тронулся вперед, но потом отчего-то заартачился, не пожелал отвернуть от неотвратимо и страшно надвигающегося белесого пузыря Альбины, с ее строптивыми орнитоидами... и баллистическими ракетами. И где же догадаться, что спасение — в единственной, неприметной, притулившейся с краешку пульта кнопочке-скромнице с идиотской пиктограммой «ухо», о которой любой мало-мальски обученный драйвер без напоминаний, на уровне рефлексов знает: это — святое, это связь, а связь — это жизнь.

«Я спишу на Землю всех, кто причастен к этой трехмесячной глупости, — думал Кратов, цепenea от ярости. — Я вышвырну из Галактики этого долбогреба Дэйнджерфилда за то, что он не дал мне знать о срыве альбинского контакта. За то, что он позволил этому фанатику Клавдию четверть года безвылазно торчать здесь и мариновать несчастного парня. За то, что он равнодушно смотрел, как рушится счастье у двух живых людей — у Дениса и Марины — и не трезвонил во все колокола. Еще, наверное, и веселился по этому поводу.

Я не знаю, что сделаю с самим Клавдием, но активным ксенологом ему не быть. Такие не имеют права представлять человечество в Галактике. Потому что им наплевать и на себя, и на тех, кто рядом. Такие, как он, нестандартны, нехарактерны для человечества. Они могут сбрить бороду, выкрасить волосы, укоротить нос, чтобы устранить отклонения от стереотипа в своем облике. Но куда они денутся от отклонений в стереотипе нравственности?! Они делают вид, или даже искренне убеждены, что живут наукой и для науки, и это — ложь. Они вообще не умеют жить, их почему-то не научили этому в детстве. Пусть возвращаются на Землю и учатся заново. Потому что жить можно только для людей!

Но тут и моя вина... Большая вина. Когда эти голубчики полетят прочь из Галактики, наверняка кто-то из них это мне припомнит. Я виновен в том, что слишком доверяю тем, кто меня окружает. Но сейчас мне уже нельзя все делать самому. Тогда я просто ничего не успею. Поэтому я обязан исходить из того, что в Галактике работают безупречно честные, беззаветно преданные Земле и ни в коем случае не равнодушные люди. Честные — так оно и есть. Преданные — и это истина. Последнее правило, к сожалению, выполняется не всегда...»

Согбенный Клавдий продолжал гундеть в микрофон: «Агеев, отвечай... Агеев, отвечай...»

— Перестаньте, — сказал Кратов. — Нужна связь с Альбиной. Они наверняка следят за кораблем.

Клавдий, не оборачиваясь, кивнул.

Кратов быстрыми, привычными движениями оживил детекторы и лингвары. Перед его лицом одновременно вспыхнули два экрана: один тут же выстрелил в него сериями лихорадочно меняющихся графем, а на другом раскинулся медленно плывущий внизу пейзаж Альбины.

«Господи, — подумал Кратов. — Прости мне мой гнев. Кто я такой, чтобы судить и карать? Только сделай так, чтобы все обошлось. Хотя бы раз — без невинных жертв... Да если все обойдется, я никого и пальцем не трону».

— У вас хорошо получается, — неожиданно произнес Клавдий и фыркнул. — Вы хотели ксенологический эксперимент. Вы его получили.

И снова скорчился над пультом.

9.

Кратов прильнул к экрану. Среди острых скал, вершины которых прятались в лохматых снеговых шапках, можно было различить контуры колоссальных искусственных сооружений в виде усеченных конусов или неправильных кособоких пирамид. Невысоко над зарослями корявых деревьев парили какие-то размытые тени.

— Что за дьявол! — пробормотал Кратов. — У них есть летательные аппараты?

Клавдий, напряженно шурясь, придвинулся ближе.

— Нет, естественно, — сказал он. — Зачем им?.. Вы видите самих альбинцев.

— С такой высоты?!

— Размах крыльев среднего альбинца — десять метров. Все познается в сравнении. Это в отчетах их называют мелкой разновидностью орнитоидов. Здесь встречаются пятидесятиметровые летающие хищники. Например, бронехвостые цеппелины...

Кратов сконфуженно прикусил губу. Он даже не удосужился ознакомиться с внешним обликом аборигенов. Ничего удивительного: весь этот контакт шел не по правилам, наперекосяк и кувырком.

На соседнем экране продолжали мелькать уже известные панические призывы не приближаться к планете и угрозы ракетного залпа в случае неподчинения запрету. «Нужно начать переговоры, — подумал Кратов. — Убедить их, что это не посягательство на их драгоценное табу, а досадная случайность... Да уж, проверка на доброжелательность получилась классная. Это вам не

отвлеченный эксперимент, когда сам ты сидишь в удобном кресле, дрыгаешь ножкой и следишь, как пустой корабль, управляемый когитром, играет на нервах у взбудораженных туземцев. Тут и кресло вроде удобное — но сидишь в нем как на иголках! И не понять, у кого больше натянуты нервы — у тебя или у этих самых туземцев. А все потому, что одуревший от тоски мальчишка залез в кабину корабля и очертя голову кинулся спасать свою любовь.

...Интересно, а я смог бы на такое решиться? Вот так, напролом, имея полшанса на миллиард? Похоже, что нет. Когда уходила Юлия, я стиснул зубы и как щитом прикрылся своей фальшивой гордостью. Когда уходила Рашида, я спрятался за щитом ненужных воспоминаний. Когда уходила Ленка Климова, щитом мне послужил кодекс чести Ордена плоддеров. Какие новые щиты я себе выдумаю в будущем? А этот пацаненок, Денис, только и делал, что отшвыривал прочь все щиты и берсерком бросался в сражение с судьбой. Что же, теперь ему погибать?!»

— Вошел в экзосферу, — отвратительно спокойным голосом сообщил Клавдий.

«Поздно, — подумал Кратов. — Не успеваем. Опять — не успеваем, звездоход. Если они решат уничтожить корабль, сейчас самое время. Денис не совладал-таки с управлением, и сработала программа самозащиты. Когитр спросонья сам повел корабль на посадку. Но про ракеты когитр знать не может. И поэтому главное защитное поле будет отключено».

— Хватит, — будто со стороны, услышал Кратов собственный голос. — Катитесь вы с вашими табу...

— Аудиоконтакт? — быстро спросил Клавдий.

— Да!

Словарь альбинского языка — со второго по семнадцатый блоки мемоселектора. Кратов выдал лингвару

команду языкового расширения. С легким шелестом ожил синтезатор речи, на пружинящем стебельке поднялась черная головка микрофона и закачалась, будто кобра перед атакой.

— Почему нет графем? — резко спросил Кратов.

Клавдий вскочил со своего места и навалился грудью на его плечо, тяжело сопя. Почти минуту он молча таранился на пустой экран.

— Это ракета, — наконец выговорил он.

...Ракета всплывала над снеговыми полями. Срабатанная по всем канонам древней науки аэродинамики, длинная, изрыгающая пламя из дюз, хищной своей устремленностью похожая на акулу...

— Ударить по ней, — пробормотал Клавдий. — Этими... как их?... бортовыми фограторами. Тогда не станет ни ракеты, ни тех, кто ее послал. И мы спасем Дениса. Они не выдержали проверки. Они действительно злые. Они атакуют нас.

— Злые, — сквозь зубы произнес Кратов. — Это понятно. Это их право — быть злыми... на своей планете. А мы? Мы, добрые, сможем — фограторами?

— Я не могу, — эхом отозвался Клавдий. — Может быть, вы?..

Программа самозащиты швырнула корабль в сторону. Трудно было представить, что сейчас творилось в кабине. Хаос и разруха... Если Денис не сообразил закрепиться в кресле, ему крепко досталось. Может быть, даже покалечило. Но этот отчаянный маневр сохранил бы ему жизнь. Однако альбинская ракета тоже была снабжена программой, и она изменила курс, продолжая выцеливать жертву.

— Ну, говорите же! — прохрипел Клавдий и ткнул микрофон в лицо Кратову.

Тот поймал раскачивающийся черный шарик трясущимися пальцами.

— Не взрывайте корабль! — закричал он. — Это ошибка! Там человек! Уничтожьте ракету!

Он прислушался.

Внутри лингвара зародился неясный шум, словно кто-то надсадно дышал после долгого изнурительного бега.

— Помехи? — спросил Кратов шепотом.

— Нет. Это они отвечают.

— Чужой корабль, — слегка растягивая слова, спокойным голосом заговорил лингвар. — Посадка невозможна. Вниз нельзя. Ракету убрать нельзя.

— Корабль должен сесть, — настойчиво сказал Кратов. — Иначе он погибнет.

— Вниз нельзя, — безразлично повторил лингвар. — Иначе мы погибнем. Нам жаль. Простите.

— Кратов, —дохнул ему прямо в ухо Клавдий. — Уже все.

— Нам жаль, — бормотал лингвар. — Простите.

«Это был настоящий контакт, — вдруг подумал Кратов. — Мы разговаривали и понимали друг друга. Это самое ценное из того, что было достигнуто за все время работы альбинской миссии. Все остальное — шелуха».

Но мальчишка по имени Денис проиграл свою схватку с судьбой. Он был убит альбинской ракетой.

«Вниз нельзя. Иначе мы погибнем...»

Что они хотели этим сказать?

Огромные белые птицы. Злые птицы.

10.

— Вы не будете больше ксенологом, — сказал Кратов. — Вероятно, вы неглупый человек и с голоду не пропадете. Но ксенологом вам не быть.

Он стоял на пороге комнаты Клавдия, уперевшись одной рукой в дверной проем, а в другой зажав скомканные карточки с графемами. В комнате едва тлел светильник. Никаких признаков комфорта, домашнего тепла, без чего немыслим человеческий приют во всех уголках Галактики. Из мебели — только кресло и откидная койка. И женский портрет в простой рамке над столом. Кратов невольно задержал на нем свой взгляд. Молодая темноволосая женщина в венке из полевых цветов. Сестра? Невеста? Жена?.. Вряд ли. В любом из этих случаев связь Клавдия с домом была бы прочнее, и он не смог бы торчать почти полгода в добровольном отшельничестве на орбитальной базе. Скорее всего, мимолетное и наверняка несчастливое увлечение.

Клавдий лежал на койке лицом к стене, подобрав ноги и обхватив себя руками за плечи. Он молчал.

— Ваше равнодушие явилось одной из причин гибели Агеева, — продолжал Кратов. — Вы знали, что у него назревает разрыв с любимым человеком. И вы знали, что для него значит этот человек. Но вы и пальцем не пошевелили, чтобы помочь ему. Он никак не мог отважиться настоять на своем отпуске. Потому что для него немыслимо было оторвать вас от важного дела во имя своих личных интересов. Он надеялся, что со дня на день, с минуты на минуту вы расколете альбинский орешек. Он

верил в вас! Откуда ему было знать, что вы не способны на это, что вы заиклились на этих дурацких карточках со взлетающей ракетой, что они застили вам белый свет?!

Кратов швырнул графемы на стол.

— Такие ошибки непростительны! Их просто нельзя допускать! Ваш кругозор замкнулся на трех образах, вы упёрлись в них, словно в стенку, и ни черта больше не хотели видеть! Вы и меня ввели в заблуждение своей версией! И достаточно было одной-единственной фразы в ходе скоротечного аудиоконтакта, чтобы все встало на свои места: «Садиться нельзя. Иначе мы погибнем». Вот и все!

Узкая спина Клавдия с торчащими под черным свитером лопатками раздражала Кратова своей неподвижностью. Нестерпимо хотелось двинуть по ней кулаком, чтобы он обернулся и выслушал обвинения в лицо, как подобает мужчине.

— Я бы хотел, чтобы вы обратили внимание на одну деталь, — сказал Кратов, овладев собой. — Она настойчиво повторялась на всех без исключения графемах, в том числе и на пресловутых трех. Пунктирная линия. Я тоже проглядел ее, но только потому, что разглядывал ваши идиотские карточки не дольше двух часов. А с Альбины *регулярно* поступали образы, где не было ничего, кроме поверхности планеты, парящего корабля и двойной черты между ними. Вы не придали им особого значения сразу, а позднее механически выбраковывали во всех своих рассуждениях. Между тем, и овце понятно, что это — вполне отчетливое указание на барьер, который нельзя пересечь искусственному объекту, опускающемуся на Альбину из космоса... Кстати, был и такой образ: сквозь разрыв в этой двойной черте к поверхности устремляются стрелы наподобие косого

дождя. Он повторялся еще реже, и вы тоже выбраковывали его. Ваша предвзятость, доктор Розенкранц, ослепила вас, помешала верно истолковать наложенное альбинцами табу на высадку.

Кратов прошелся по комнате, засунув руки в карманы куртки и собираясь с мыслями. «Как все глупо, — думал он. — Ну прилети я сюда хотя бы на декаду раньше, и у этой истории со злыми птицами был бы другой конец, благополучный. Мог ли я это сделать? Что там у меня было в прошлой декаде? Краткосрочное посредничество в переговорах любимых моих сцифондов с Шедара и арахноморфов давно распространившейся по Галактике древней расы Офуахт. Обсуждение проекта «Катарсис V» в Совете астрархов. Нет, не мог, не мог...»

— На высоте приблизительно в сорок километров над Альбиной находится атмосферный слой газа, наподобие нашего озонового пояса. Его назначение то же самое: укрывать от жесткого космического излучения. Но если мы могли позволить себе дырявить озоновое одеяло реактивными самолетами, ракетами и фреоновыми выбросами, а потом сто лет латать его, то орнитониды такой возможности не имеют. Активность местного светила — не в пример нашему Солнцу... Очевидно, в незапамятные времена они, как и мы, пытались пускать ракеты и баловаться с ядерным оружием. Но при этом разрушался газовый щит, и проникавшее под него сверхжесткое излучение выжигало на поверхности все дотла. Поэтому на Альбине до сих пор нет ядерной энергетики и космической техники. Они отказались от этого — крылатые, но прикованные к собственной планете тонким слоем газа... Конечно, у них сохранились ракеты — против крупных метеоритов или даже назойливых гостей, вроде нас. И шок был вызван не фактом нашего появле-

ния, как полагал Топ, а страхом того, что мы так и не поймем, что нельзя нам пересекать пунктирную линию... Они не желали убивать Агеева — потому что убийство противно природе всякого разумного существа. Но и потому также, что ракета неминуемо оставит пробоину в газовом щите. Однако рана эта несравнима с тем, что натворили бы в атмосфере двигатели большого космического аппарата на реактивной тяге. И орнитониды уничтожили корабль еще в экзосфере.

Кратов болезненно поморщился.

— Одного они не знали, — сказал он с горечью. — Что наши корабли используют не реактивную тягу, а гравигенераторы. И потому не разрушают атмосферу планет. Они просто раздвигают ее при посадке. Как пловец воду ладонями...

Замолчав на полуслове, он осторожно приблизился к лежавшему Клавдию. Эта странная неподвижность... полная эмоциональная нейтральность... Может ли человек так равнодушно выслушать свой приговор?

— Клавдий, — позвал он.

Молчание.

Кратов коснулся его плеча, и Клавдий опрокинулся на спину, продолжая хранить все ту же скорченную, окостенелую позу. Его глаза были плотно зажмурены, на пергаментно-белом лице пролегли бурые тени. Неаккуратная поросль на щеках и подбородке оказалась наполовину седой.

Кратов медленно протянул руку и взял из застывших пальцев Клавдия карточку, одну из тех, что были рассыпаны на столе и по полу. На обороте торопливым рваным почерком было набросано несколько фраз. Кратов поднес карточку к свету, чтобы разобрать их.

Клавдий писал: «Озоновый слой. Нельзя разрушать. Гравигенераторы. Мне жаль. Простите».

Графема изображала поверхность планеты, зависший над ней корабль и разделяющий их барьер из двойной пунктирной линии.

Кратов с усилием разогнул Клавдию руки и уложил их на груди. Накрыл его пледом. Вышел из комнаты и тщательно прикрыл за собой дверь.

Его шаги были единственным звуком, далеко разносившимся среди безжизненной тишины пустого орбитального комплекса. Кратову чудилось, будто ледяной ветер дует ему прямо в спину, забирается под одежду, под кожу...

Но откуда здесь было взяться ветру?

— Здравствуйте, Кратов, — энергично сказал Топ.

Семена короткими сильными ножками, рептилоид подошел — а казалось, подкатил, — к столу, за которым сидел Кратов. Теперь его изящная головка едва возвышалась над столешницей, а сам он походил на игрушечного голубого крокодильчика с туповатым рыльцем и неестественно высоким лбом. Топ ловко вскарабкался в кресло и удобно уселся, подглядывая на Кратова умными глазками-пуговичками.

— Вы не поверите, — сказал Топ, — но я разгадал тайну Альбины. Мне удалось достичь этого в результате обычного лабораторного анализа, а пользуясь вашей шахматной терминологией — домашнего разбора отложенной партии. И вовсе не обязательно было торчать здесь столько времени! Я хотел немедленно сообщить о своем открытии Клавдию, но решил сделать ему сюрприз. Вместе со мной прибыла и почти вся наша миссия, которая покинула Альбину три месяца назад. Полагаю, для Клавдия это будет двойной сюрприз.

Кратов приподнял голову, прислушался.

— Понимаете, — продолжал Топ увлеченно. — Все дело в атмосфере.

Топ считался хорошим специалистом в области прикладной ксенологии, и он неплохо разбирался в человеческой мимике. Поэтому он замолчал, увидев лицо Кратова.

— Все умные, — произнес тот. — Все обо всем рано или поздно догадываются. Но почему-то чаще поздно, чем рано.

В коридоре слышались разговоры, шум, громкий смех.

Интерлюдия. Земля

— Послушайте, сударь, — сказал Кратов, прикрыв глаза, чтобы скрыть раздражение. — Вы уверены, что ни с кем меня не спутали?

— Конечно, уверен, — ответил бесцеремонный недоросль, и в его детском голоске неожиданно прорезались старческие сварливые нотки. — Вы же Галактический Консул?

— До определенной степени, — ухмыльнулся Кратов.

— А я — Торрент. Уго Торрент, доктор социопсихологии. То есть не только и не столько социопсихологии. А равно и социометрии, социодинамики и социопластики. В общем, всего, что начинается с префикса «социо»... Вы — Галактический Консул, а это, если не ошибаюсь, Марсель Дармон.

— Ошибаетесь, — холодно возразила Рашида.

Она сидела чуть поодаль, отвернувшись, опершись локтем о парапет и закинув ногу на ногу так, что... Кратов слегка напрягся и сконструировал следующую фразу: «разрез и без того легкой юбки полностью оголял тугое, бронзовое от загара бедро».

«Звучит красиво, — подумал Кратов и дважды мысленно повторил эту фразу, чтобы запомнить. — То есть, не так чтобы ново. Даже банально. Но мне нравится. И как звучит, и как выглядит. Особенно как выглядит: сногшибательно, и никак иначе. Этот малыш должен бы уже валяться сраженный наповал. Я бы в его годы так и поступил. Какого же дьявола он не валяется?...» Он тут же вспомнил, что именно в таком вот щенячем возрасте именно он-то и не валялся у этих поразительных по совершенству ног.

— Что вы оканчивали, юноша? — спросил он, снисходительно улыбаясь.

— Я? — удивился тот. — Ничего! То есть, формально можно считать меня выпускником Сорбонны. Но стены этого древнего заведения я, скажем откровенно, не подпираю. Просто я при помощи ментального программирования загрузил свой мозг соответствующими дисциплинами, а затем прошел несколько тестов на профессиональную пригодность. — Выдержав паузу и не дождавшись новых вопросов, он уточнил: — Тест Иванова-Козинца, тест Логинова-Витмана... последний с замечаниями... аналитическая программа «Оккам 141». Иными словами, свидетельство о допуске к исследованиям в перечисленных областях знания у меня есть. — Он снова выжидательно помолчал. — Предъявить?

— Разумеется, — сказал Кратов безжалостно.

Юнец привстал в своем кресле, охлapyивая себя по бессчетным карманам долгополой жилетки, затем сунул руку едва ли не по локоть в наколенный карман широченных клетчатых брюк, что придавали ему замечательное сходство с коверным из старого цирка (соломенно-жесткие патлы и худая лошажья физиономия в крупных веснушках усугубляли подобие), и двумя пальцами вытянул оттуда пластиковую карточку. Кратов повертел ее и так и эдак, зачем-то поглядел на просвет («Вот тут, — засуетился Торрент. — Видите перфорацию?») и вернул владельцу. Ему потребовалось определенное усилие, чтобы придать лицу важный и понимающий вид.

— И как же я теперь должен с вами поступить? — спросил он, отхлебнув из кружки.

— По справедливости, — с готовностью ответил Торрент. — То есть, дать согласие на мое присутствие в

вашем окружении... — Он поерзал на сиденье и неожиданно объявил, обращаясь к Рашиде: — Теперь я понял, кто вы!

— Блеск! — мрачно сказала Рашида. — В тот момент, когда я и сама не знаю, кто я такая...

— Что ж тут не знать-то?! — радостно провозгласил юнец. — Вы Рашида Зоравица!

— Не ожидала такой популярности, — проворчала женщина, а Кратов отметил без особого удовольствия:

— Похоже, вы следили за нами.

— В этом не было необходимости. Просто я все о вас знаю. И выбор вариантов был невелик.

— Хм! — Кратов, задумавшись, снова приложился к кружке. Пива оставалось ровно на один глоток.

— Юлия Легат отпадает — вы не поддерживаете с ней контактов вот уже шестнадцать лет, — энергично затараторил недоросль. — Если вам интересно, могу сообщить, что ее союз с профессором Шилохвостом оказался удачен. — Рашида чуть наклонила голову, прислушиваясь, чем впервые продемонстрировала хоть какой-то интерес к этой чудовищной по своей нелепости беседе. — Командор Елена Климова также отпадает — она вне Земли. Ее социальный статус существенных изменений не претерпел... Инга Палахнюк — вероятность близка к нулю.

— Отчего же? — слегка севшим голосом спросил Кратов.

Торрент захихикал:

— Там сейчас и без вас бурный роман, если не ошибаюсь — пятый по счету за этот год! Мартина Верихова — вряд ли. Нелли Гомес — не думаю. Ева-Лилит Миракль...

— Чертов бабник! — тихо, но отчетливо промолвила Рашида.

Кратов шумно прочистил горло. Торрент замолк на полуслове и уставился на него блестящими глазенками, в которых светился жгучий интерес исследователя. Примерно так же мог бы смотреть палеонтолог на живого динозавра, ненароком забредшего на лужайку его сада.

— Пожалуй, нет, — промолвил Торрент раздумчиво. — То есть, конечно, в определенном прозаическом смысле... и все же не следует преувеличивать. Все зависит от исходной базы для сопоставления! — Он внезапно исполнился энтузиазма. — Скажем, в сравнении с вами...

— Так, так, — ободрил его Кратов.

— Может быть, ты захочешь узнать все от меня, а не от постороннего типа? — кротко спросила Рашида.

— Я просто хочу сопоставить гипотезы и факты, — ухмыльнулся Кратов.

— К тому же, я не посторонний тип, — запротестовал Торрент. — Я серьезный исследователь. Единственный в своем роде кратововед.

— Кто-кто?! — вскричала Рашида.

— А зачем бы я стал вас донимать, рискуя нарушить право личности на неприкосновенность? Темой моей последней монографии была социальная реабилитация изолированной личности, или, что звучит похоже, но отличается в нюансах, регрессивная адаптация. Одно время я изучал статистику по плоддерам, где впервые натолкнулся на вас. Потом я переключился на отставных работников Галактического Братства, и в выборке снова оказались вы.

— Я не в отставке, — возразил Кратов. — Я в отпуске.

— Отпуск, отставка — какая разница!.. Важно то, что вы уже скоро два месяца находитесь на Земле и не особенно помышляете о возвращении на Сфазис.

«И действительно», — подумал Кратов.

— Я считал, что для отслеживания социально адаптивных реакций личности нет более благодатного материала, нежели вы. И стал изучать все, что связано с вами и вашим окружением.

— Значит, и я тоже... «окружение»? — нахмурилась Рашида.

— Почему бы и нет? — безразлично пожал плечами Торрент. — Это звучит обидно? Хотя, для женщины, которой помогали Эммануил Ровнер, Мартин Сумароков и Роже Окценкнехт, причем одновременно и втуне — составляли, так сказать, вздыхающее окружение...

— Это еще кто такие? — с живейшим вниманием осведомился Кратов.

— Э-э... я не помню, — быстро ответила Рашида.

— Вы, госпожа Зоравица, имели серьезные виды на сексуальный союз с объектом исследования в 125 году, — с укоризной в голосе продолжал невозможный тип. Рашида тихонько зашипела. — Вы присутствовали вместе с означенным объектом в критической точке К-125-1...

— О, боже! — взвыл Кратов. — Критические точки?!

— Я потом покажу вам динамическую карту вашей личности... — отмахнулся от него Торрент, снова обращаясь к окончательно растерявшейся женщине. — А в свете последних событий вы находитесь не просто в окружении объекта, но, говоря фигурально, на расстоянии протянутой руки.

— Дьявол! — воскликнула Рашида. — Есть на этой планете уголок, где можно спокойно и без посторонних глаз заниматься любовью с кем хочется?!

— Пожалуйста, — с готовностью сказал Торрент. — Где угодно, с кем угодно. Просто так сложилось, что

ваш нынешний сексуальный партнер мне интересен. Стечение обстоятельств...

— Трагическое! — ввернула Рашида.

— В конце концов, никого ваш союз, кроме меня, не занимает. Да и меня он привлекает главным образом, как уникальный факт взаимной регрессивной адаптации двух социально удаленных объектов.

— Вот как это нынче называется, — хохотнул Кратов. — А ты все твердишь: судьба, судьба...

— Не вижу ничего смешного! — отрезала Рашида. — Терпеть не могу, когда заглядывают ко мне под одеяло... против моей воли!

— Поэтому-то я и здесь! — всплеснул руками Торрент. — Вот если вы дадите мне разрешение на то, что называете «заглядывать под одеяло», все нравственные конфликты окажутся мгновенно исчерпаны. У многих известных личностей были гораздо более бесцеремонные биографы! Я же отнюдь не собираюсь наблюдать за вами в самые интимные моменты... хотя, если вы позволите... — Кратов застонал. — Впрочем, не станем торопить события... а лишь присутствовать в почтительном отдалении, не исключаящем, впрочем, прямого контакта...

— Кратов, с этого часа ты всегда задерживаешь шторы! — потребовала Рашида.

— Достаточно меня уведомить... — наседал Торрент.

— Все, хватит, — сказал Кратов, и юнец поспешно закрыл рот. — У меня такое ощущение, что я вдруг оказался в компании сумасшедших. Да и сам в одночасье слегка повредился рассудком.

— Ну и напрасно, — сказал Торрент с обидой. — Наверное, вы думаете, что я — какой-нибудь ветреный фигляр, которому нечем заняться?

— Вас удивит, насколько вы близки к истине, — пробормотал Кратов.

— Если на человеке клетчатые штаны, это еще не значит, что он клоун, — изрек Торрент. — И коли я стал кратововедом, то это скорее моя беда, чем ваша. И не моя даже, а всей современной социопсихологии... Вы скользите по этому миру, диковинным образом не вливаясь в него, но и не отрываясь чересчур далеко. Вам, в сущности, нет дела ни до социума вокруг вас, ни до себя в отношениях и взаимодействиях с этим социумом. А я следую за вами и силюсь понять, отчего и как это вам удастся. Потому что некоторые так не сумели. И потерпели нравственное фиаско!

— Надеюсь, в том нет моей вины?

— Зря иронизируете! Сейчас вам покровительствует фактор «запасной двери». Вам есть куда отступать, если вдруг наступит реакция отторжения. По крайней мере, вы питаете такую уверенность... Между тем, не всякому удастся так легко вернуться в материнскую среду обитания, как вам. Древние говорили: «Нельзя дважды войти в одну и ту же реку». Человеческие сообщества на Земле и в Галактике развиваются по разным законам, и даже в разных темпах. И когда вы возвращаетесь, как вам кажется — «домой», это оказывается весьма болезненной процедурой. Рассогласование ваших ожиданий и реальных ощущений вас удивляет и раздражает. Вы пытаетесь понять, что произошло, ищете причину в себе и не находите. Тогда вы объясняете все обычным земным консерватизмом и на том успокаиваетесь. И не видите, стараетесь не видеть, что на самом деле это ничего не объясняет, что разрыв между вами и вашими родными, людьми близкими и дальними, продолжает расти, и вас никто не понимает, и вы не понимаете ничего...

— Это я как раз понимаю, — сказал Кратов.

— В восьмидесяти процентах случаев полной реабилитации так и не происходит. А в пяти процентах

доходит до суицида! Что мы видим? — в голосе недоросля прорезались занудные академические интонации. — Человечество стремительно разделяется само в себе. В недрах биологического вида «хомо сапиенс» зарождается подвид «хомо сапиенс эктос». Недаром уроженцы дальних неблагоустроенных колоний и искусственных поселений уже называют себя «эктонами» и не питают сыновних чувств к планете-прародительнице. Каковой не всегда, кстати, является Земля... Здесь, по крайней мере, все понятно. Но и те, кто родился и вырос на Земле, а затем пережил пору созревания личности вне человеческой среды, в замкнутых и расово неоднородных сообществах Галактического Братства, как, например, вы, приобретают видовые признаки «эктонов». Попав же в естественную, казалось бы, среду обитания, они всегда испытывают необъяснимый дискомфорт. И очень часто им приходится наталкиваться на непонимание, а то и враждебность со стороны доминирующего социума. Представителям разных подвидов трудно сосуществовать. Что, к счастью, не всегда приводит к открытым конфликтам, но практически всегда — к внутренним, латентным. А выражается в психологическом разладе и влечет за собой самые неблагоприятные последствия. Те, кто может, покидают не принявшую их нейтрально-враждебную среду и возвращаются в Галактику. Те же, кто такой возможности лишен, находят другие способы самоизоляции. В том числе и суицид... Если бы удалось выявить все механизмы отторжения и научиться их подавлять, одновременно стимулируя процессы адаптации, разве это не послужило бы универсальным целям формирования пангалактической культуры?

— Ух ты! — неопределенно сказала Рашида.

— *Хорошо ты поешь —
пу спляши хоть разок, попробуй,
милая лягушка...*¹ —

промолвил Кратов.

— Между прочим, ваше пристрастие к старинной восточной поэзии — тоже разновидность ментального эскапизма! — сообщил Торрент. — Отвратительное квакающее земноводное — это, разумеется, я?

— Естественно, — негромко проронила Рашида.

— Объясните мне, Торрент, — сказал Кратов. — Почему вы занялись социальными науками? А не эмбриомеханикой, скажем, или кулинарией?

— В известном смысле, вначале это была игра случая... А вот объясните вы мне, почему вы, человек, выросший в сугубо заземленной среде, среди песков и саксаулов, вдруг устремились к звездам?

— У нас в Оронго были очень ясные темные ночи, — сказал Кратов. — И еще:

*Звезды в небесах.
О, какие крупные!
О, как высоко!*²

Мы с братом подолгу и часто глядели на эти звезды.

— И они казались вам далекими и недосыгаемыми?

— Именно далекими и недосыгаемыми.

— Я родился вне Земли, — сказал Торрент. — В замкнутом пространстве скучной планетарной базы «Гиппарх». Весь персонал которой состоял из двенадцати человек и не менялся долгие годы. Каждым утром я видел одни и те же лица, слышал одни и те же голоса, которые одинаковыми, стертыми от долгого употребления словами говорили об одном и том же. Из дня в день, из дня в день... Большое человечество

¹ Исса (1763 — 1827). Пер. с японского А. Долина.

² Сёхаку (1650 — 1722). Пер. с японского Веры Марковой.

казалось мне таким же далеким и недостижимым, как ваши звезды.

— И в один прекрасный день вы поняли, что это только кажется.

— И увидел выход из тупика, — кивнул Торрент, — за которым блистал долгожданный фантастический мир моей мечты...

— И немедленно им воспользовались.

— Именно так все и было.

— А потом, когда выяснилось, что этот мир не такой уж блистающий и желанный, было уже поздно.

— Ведь это был уже мой мир... — Торрент вдруг замолчал и широко распахнул блеклые глазенки. — Вам не кажется, что мы чем-то похожи?

Рашида засмеялась и отвернулась.

— Известно ли вам такое имя — Стас Ертаулов? — спросил Кратов.

Торрент пренебрежительно оттопырил нижнюю губу:

— Разумеется!

— Я хочу найти этого человека.

— Это будет... непросто.

— То есть, невозможно?

— Я этого не говорил. Невозможно найти человека, который давно умер. Хотя, в свете последних экспериментов доктора Ли, и это препятствие вскорости может оказаться вполне преодолимым... Ертаулов же, безусловно, жив. А значит, доступен и локализуем.

— Мне до сих пор не удалось его... гм... локализовать.

— Вы еще не до конца реадаптировались, — сказал Торрент высокомерно. — Существуют информационные потоки, о которых вы не знаете. Существуют рычаги, приведя которые в движение, можно пону-

дить любого человека обнаружить свое присутствие. Я найду вам Ертаулова. Он мне тоже интересен — как уникальный образчик самоизолировавшегося квази-эктона.

— А взамен вы попросите...

— Удовлетворите мое любопытство, — Торрент снова зарылся в собственные штаны и спустя небольшое время добыл оттуда обычный кристаллик в оправке. — Здесь вопросник для вас. Улучите минутку, повертите в руках... Инцидент на Магме-10, а особенно его последствия. Какая-то странная распря со стрельбой и мордобоем на какой-то странной Нимфодоре — кого ни спроси, никто и не слышал о такой планете! — Кратов хмыкнул и приосанился, а Рашида изумленно вскинула соболии брови. — Третий визит на Фирн... финр... на ненормальную планету с безумным населением, сведения о чем отсутствуют в большинстве инфобанков, а в Библиариуме Совета ксенологов укрыты под каким-то зверским кодом конфиденциальности... Ведь в вашей биографии полно темных мест.

— Даже для меня самого! — сказал Кратов.

— Это не удивляет, — заметил Торрент. — Но, может быть, кое-что я смогу вам объяснить. Расставить точки над отдельными буквами...

— Знакомое выражение, — встрепенулся Кратов.

— Вам известны мои труды?!

— Я был немного близок с Дитрихом Гроссом. Который двадцать лет назад наставил столько точек над разными буквами в моей судьбе, что я до сих пор не могу прочесть некоторые слова...

«И это тоже звучит красиво, — отметил он. — Жаль, что никто не оценит...» Он украдкой вздохнул и посмотрел на Рашиду, которая под его взглядом расцвела, по-

тянулась, как пантера, и приняла одну из своих невозможно притягательных поз. «А вот это и красиво, и всякий оценит!»

— Ухожу, ухожу... — проворчал Торрент, вставая из-за столика.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Эпицентр I

1.

Они проваливались в нуль-поток, словно в омут, и он сразу стал их засасывать — торопливо и жадно. Нуль-поток был хуже омута, хуже самой поганой трясины. Из трясины сохраняется какой-то, пусть самый малый, шанс выкарабкаться, уцепившись за нависшую ветку, ущупав подвернувшуюся кочку... За что можно уцепиться в экзометрии, на что опереться там, где ничего нет — самая пустая пустота во вселенной? Кратову, окаменевшему в своем кресле, нуль-поток чудился таким библейским Левиафаном со средневековых гравюр, наматывавшим чешуйчатое беспредельное удавье тулово на теплые бока Чуда-Юда и прилаживавшимся, как бы сподручнее заглотать его целиком... с чавканьем и присвистом. А покуда он просто душил его, отнимая накопленную для экзометрального перехода энергию. И не по

крохам, как это случается при короткой стычке с одиноко блуждающими нуль-облачками, а сразу большими кусками. Хищно отъедая у Чуда-Юда месяцы и годы его бесконечной жизни.

Но Чудо-Юдо-Рыба-Кит был молод и азартен, и он боролся за себя и за хозяина. Заполнял эту самую пустую пустоту вокруг себя ориентированным энергополем. Бултыхался и карабкался в им же созданном озере нормально заряженной материи, надстраивая самому себе спасительную ветку, лепя из подлой трясиной жижи кочку-выручалочку...

Кратов, скорчившись в темном пузырьке кабины, снова и снова пытался связаться со стационаром. Но ЭМ-связь гасла в нуль-потоке, таяла в нем, как слабое эхо в бездонной пропасти.

«Могу я помочь тебе?» — мысленно спрашивал Кратов у Чуда-Юда. Ответа не следовало. Да и какой нужен был ответ?..

Биотехн боролся молча.

Кратов закрыл глаза и откинулся на спинку кресла. Извне до него не доносилось ни единого звука — да и не могло быть никаких звуков! В кабине было мягко и уютно, ни холодно ни жарко, даже не трясло. Смертельная схватка шла неощутимо. «Уснуть, что ли?..» Кратов поежился. Уснуть не ведая, проснешься ли. Глупо... Если Чудо-Юдо-Рыба-Кит проиграет, никому и никогда не узнать, где нашел свой конец Константин Кратов, он же Галактический Консул — как его величают иногда братья по крови, по Земле-матушке. Те, кто постарше, — с легкой и незлой иронией, ровесники — с дружеским уважением, а неоперившиеся птенчики — с широко распахнутыми от восхищения и зависти глазищами. Его исчезновение станет одной из великих тайн Галактики. Нуль-поток попросту растворит изнуренного биотехна,

разъест вместе с пассажиром. И унесется дальше. Ищи ветра в поле...

«Ненавижу, — думал Кратов. — Сидеть в самом сердце отчаянной драки за твою же жизнь и тупо, животно ожидать исхода, не пошевелив даже пальцем!.. Если бы можно было выйти в круг, поплевать в кулаки и с разворота закатать врагу по зубам — да только где у этого врага зубы?!»

— Чудушко! — позвал он, уповая, что хотя бы словами посодержит биотехну. — Рыбина! Ты должен победить. Ты должен...

Чудо-Юдо победил.

Нуль-поток выпустил их и канул мимо, прокатился вскользь, будто порыв чужого леденящего ветра в теплой ночи. Родной, ласковый свет звезд проник в кабину, отогревая оцепеневшего в смертной тоске человека. Медленно и грустно кружась, как сорванный с мокрой ветки осенний лист, изнемогший Рыба-Кит погружался в Млечный Путь.

— Как ты? — спросил Кратов.

— Устал, — прошептал Чудо-Юдо. — Не могу лететь. Надо отдохнуть...

— Может быть, все же дойдем до «Моби Дика»?

— Не дойдем. Устал. Надо спать, долго спать. И чтобы свет и тепло...

— Хорошо, дружок.

Кратов дождался, когда ожили замороженные нуль-потоком приборы, и дал в пространство свои позывные. Кабина быстро наполнилась живыми голосами Галактики.

— Здесь корабль Звездного Патруля «Сиамский Кот», командор Эммет Палленберг. Если у тебя целы руки, протяни палец и нажми кнопку на видеале, чтобы я мог видеть, в каком ты состоянии, братишка...

— Пассажирский лайнер «Саратога», следуя курсом Гранд-Лисс — Форпост 366, могу притормозить и взять на борт пассажиров. У нас пустуют четыре каюты и не хватает двенадцатого для игры в гига-покер...

— База астрархов в звездной системе... как бы это вам объяснить... в общем, пятнадцать парсеков от вашего биотехна. Развлечений не обещаю, но до ближайшего населенного вертикальными гуманоидами пункта непременно доставлю. Как это у вас говорится... окей?

— Кратов! — услышал он сердитый зов Виктора Лермана, нового начальника стационара «Моби Дик», на который, собственно, он и спешил. — Где вы запропас-тились? Ваш корабль прекратил подавать пеленг. Могу выйти навстречу...

— Не нужно, — откликнулся Кратов. — Мы вляпались в нуль-поток...

— В нуль-поток?! — взвыл Лерман.

— ...но благополучно выкарабкались. У нас все в порядке.

— Вы что — кого-то прихватили со Сфазиса?

— Нет, я один, — пожал плечами Кратов. Он тут же сообразил, что сказал «мы» о себе и биотехне, который лишь для него был другом, а для всей прочей Галактики — обычным межзвездным транспортом. — Мой корабль растратил много энергии. Мы отдохнем и часов через десять будем у вас.

— Что же ты мне голову дуришь? — рассердился командор Палленберг и унесся по своим делам.

— Ну и напрасно, — посетовала «Саратога». — У нас тут весело. Такие девочки — зашатаешься и упадешь. Одна совсем зеленая, в смысле — зеленокожая...

— Любопытно, где вы намерены провести эти десять часов, — проворчал Лерман. — Там же пустошь, за-

дворки... Ну, да это ваше дело. Временами я буду развлекать вас своими выходами на связь. Если, конечно, нет возражений. Нуль-поток... надо же!..

— До встречи, — сказал Кратов.

Чудо-Юдо дремал.

— Пойдем к ближайшей звезде, — потормошил его Кратов. — Ляжем на планету... если там будут планеты, где свет и тепло.

— Пойдём, — сонно пробормотал Чудо-Юдо. —туда, где свет и тепло...

2.

Низкое безоблачное небо этого чужого мира оказалось ясным и по-земному голубым. Вдоль горизонта тянулись кряжистые серые сопки, на их склоны напал корявый иглистый кустарник. Грязно-бурый разлапистый мох был припорошен кисейным снежком. В зените маячил тускло-желтый, в красноватой скудной короне, пятачок солнца. Почему-то пахло несколько протухшим болотом... Кратов с хрустом потянулся и выскочил из кабины. Прошелся колесом, но получилось не слишком-то ловко — бухнулся в снег. И остался лежать, разметав руки.

— Хорошо! — весело крикнул он в морозную пустоту. — Свет и тепло!

Биотехну, привычному к абсолютному нулю вселенских бездн, здесь было и взаправду тепло. Он с аппетитом впитывал лучистую энергию всей своей залоснившейся кожей, распространяя из-под себя черные проталины. Кратов же скоро озяб до мурашек.

— Повалились, побездельничали, и будет, — командовал он себе и резво побежал назад, в нагретую живым телом Чуда-Юда кабину. — И просмотрим-ка мы почту, коли выдалась лишняя минутка...

Прежде чем отгородиться от холода и болотного духа защитным экраном, он обернулся. Это было совершенно рефлекторное движение: он внезапно ощутил на себе чей-то взгляд.

Метрах в десяти от биотехна бугрилась темная, слегка припорошенная снегом кочка. Заметив резкое движе-

ние Кратова, кочка встревоженно трепыхнулась. Теперь стало очевидно, что никакая это не кочка, а живое существо, по внешности — огромная бурая лягушка, покрытая длинным жестким волосом, свалывшимся на загривке во встопорщенный гребень. Выкаченные глаза с тупым безразличием наблюдали за пришельцем, а короткие мощные лапы вцепились в мшистую подушку — то ли для вящей опоры, то ли для душевного успокоения, чтобы не удрать от страха.

У Кратова моментально пропало желание возвращаться в кабину, забылся и озноб. «А ну, прекратить!» — мысленно прикрикнул он на себя, и предательские мурашки между лопаток сгнули — не до них было. Кратов прыгнул на снег, сделал осторожный, но достаточно решительный шаг в сторону гостя. В ответ могло, конечно, последовать и неожиданное нападение, но здесь Кратов целиком полагался на свою реакцию. Вдобавок, он всей спиной чувствовал безмерную силу напрягшегося Чуда-Юда. Существо, между тем, не испытывало перед человеком особого смущения. Быстро приподнявшись на полусогнутых лапах, оно ловким и совершенно лягушачьим движением сместилось назад ровно на один шаг, и снова их разделял все тот же десяток метров. Но прежде чем оно присело и закорилось за мох, Кратов успел высмотреть: вокруг выпуклого пузца аборигена была небрежно обмотана грубо выделанная шкура.

Кратов неторопливым, расчетливо плавным движением — чтобы не спугнуть гостя! — поднес к лицу наручный видеобраслет и вызвал Лермана.

— Послушайте, Виктор, где я нахожусь? — спросил он взволнованным шепотом.

— Потясающе, — усмехнулся Лерман. — Я ожидал узнать об этом от вас.

— Вы можете немедленно запеленговать меня?

— Можем, — произнес Лерман и на миг пропал. — Я распорядился. Но что, собственно, стряслось?

— Похоже на контакт...

Лерман удивленно поцокал языком и замолк. Кратов снова начинал зябнуть. Он напряг мышцы, расслабил и в унисон прилившей к коже волне тепла нарисовал себе красочную иллюзию, что-де нежится на приморском пляже (Эль Тамариндо... Каанапали-Бич... Уайкики... или тот же Пуналуу с его черными песками...) и чуть ли не изнывает от жары. Лягушкообразное существо сохраняло полнейшую невозмутимость, редко помаргивая нижними веками. Из вдруг напоззших на солнце тучек очень некстати посыпал снег, крупные белые хлопья садились Кратову на непокрытую голову, таяли и щекотными каплями сбегали за шиворот.

— Везет же вам, — наконец отозвался Лерман. — Забрось вас на старушку Луну, вы бы и там нашли, с кем завязывать контакт.

— Никаких проблем, — сказал Кратов, постукивая зубами. — Я бы в два счета приручил все дикое население базы «Нил Армстронг»... Но ближе к делу. Здесь прохладно. Примерно как на старушке Луне, только без скафандра.

— Итак, звезда называется Церус. Под этим именем она занесена в Каталог перспективных исследований Брэндивайна-Грумбриджа от 121 года. Как следует из сказанного, открыта она весьма давно и не нами, но детально не изучалась, а лишь поверхностно зондировалась. Планеты при этом обнаружены не были. По праву «пришедшего первым» система может быть колонизирована цивилизацией Хаффа, система Гамма Компаса, и мы сейчас запросим у них подтверждение их намерений.

— Не надо никаких запросов, — сказал Кратов, постукивая зубами. — Просто уведомите наших друзей с Хаффы, что в связи с открытием на планете... м-м... Церус I разумной расы они утратили право на колонизацию системы.

— Наверное, еще и гуманоиды? — завистливо спросил Лерман.

— Нет, к сожалению. Скорее, лягушколюди. Знаете, как у Бэрроуза... или Хауэрда... Но — довольно симпатичный парень.

— Или девушка... Прислать к вам ксенологов?

— Разумеется, но после того, как я получу согласие на контакт. Все необходимое для предварительных бесед у меня есть.

— Ну, как угодно... Что вы сейчас намерены предпринять?

— Пока только пробудить к себе симпатию хозяина. Жаль, что он один. Впрочем, это скорее разведчик, нежели хозяин...

— Почему вы так решили?

Кратов не успел ответить.

Существо приподнялось с насиженного места — снег под ним протаял до мха, — простерло волосатую лапу куда-то вбок, распахнуло внушительную пасть и сипло, не солидно для своих размеров пискнуло. Потом проворно отбежало, переваливаясь и вскидывая ноги с широкими трехпалыми ступнями, и опять пришипилось. Кратов взглядел в ту сторону, куда его пригласили обратить внимание. И выругал себя за неосмотрительность.

Целая стая мохнатых лягушек удобно расположилась полукругом возле Чуда-Юда и спокойно изучала Кратова. В то время как он пялил глаза на разведчика и служил идеальной мишенью для камня, копья, дротика, фогратора — словом, для любого знака недоброй воли.

— А они, должно быть, миролюбивы, — пробормотал Кратов.

— Да что же вы все молчите?! — взорвался Лерман.

— Я не молчу. Я пытаюсь разобраться. Дело в том, что я совершенно не воспринимаю их эмо-фон. Это плохо. Либо он генерируется в недоступной мне части спектра, либо... либо они лишены эмоций в нашем понимании.

— Всякое разумное существо, осознанно интерпретирующее свои эмоции, генерирует соответствующий фон, — пробурчал Лерман. — Даже плазмиды. Даже кристалломины, не к ночи будь помянуты...

Кратов почувствовал предупреждение об угрозе, посланное биотехном, и поспешно обернулся. Ковыляя на кривых мускулистых ногах, к нему приближался огромный, ростом с человека, туземец. Он был закутан в грязную шкуру. Рот его был распялен в шутовском подобии ухмылки, ноздри приплюснутого треугольного носа подрагивали. В руках он легко нес длинную суковатую дубину.

— Ну вот вам, — сказал Кратов. — Кажется, мне предлагают дуэль.

— Кто?! — застонал Лерман.

— Полагаю, местный сатрап. Я же вторгся в его владения, и теперь мне следует доказать этому князьку, что у меня есть основания для подобной наглости.

— Он сильно возбужден?

— Как камень, — мрачно промолвил Кратов. — Абсолютный ноль эмоций.

3.

Князек остановился в нескольких шагах от Кратова и оперся о дубину, пристально разглядывая соперника.

— Привет, — сказал ему Кратов. — Я пришел один. С голыми руками. — Он показал пустые ладони. — С миром.

— Надеюсь, вы не намерены с ним драться? — опасно спросил Лерман.

— Как раз напротив! Иначе он меня сочтет за труса и проходимца, и не станет уважать. Кто же уважает труса? А уважение в контакте жгуче необходимо.

— Оружие-то у вас есть? — изнывал за несколько парсеков отсюда Лерман.

— Откуда у меня оружие?! Я же летел к вам... А вот у него есть здоровенная дубина и, как мне представляется, каменный нож.

— Я бы на вашем месте немедленно вернулся на корабль!

— Ну, на вашем месте я советовал бы то же самое.

— Найдите хотя бы дубину!

— Да, хороший дрын сейчас не помешал бы...

— Константин! — возопил Лерман. — Вы рискуете!

— Не сердитесь, коллега. Но сейчас на меня нападут, а своими переживаниями вы подрываете мой боевой дух... Конец связи.

Теперь Кратов остался один на один со своим противником, излучавшим спокойствие, мощь и полную уверенность в собственном превосходстве. В переносном, разумеется, смысле: на самом деле этот тип не из-

лучал ничего даже отдаленно схожего с эмоциями. Но тут не выдержал Рыба-Кит: «Внимание! Животное хочет напасть, убью животное!..» — «Не смей! — мысленно рывкнул Кратов. — Это не животное!» — «А что же это?..» — опешил бедняга Кит. Он тоже не улавливал эмоционального фона аборигенов.

— Ну же, я готов, — сказал Кратов князьку и сильно пихнул его в плечо, твердое и холодное... как камень.

В тот же миг дубина обрушилась на то место, где он только что стоял. Кратов охнул от стремительности этой атаки, взвинтил все свои реакции до предела и с натугой поспел скользнуть под удар — за спину соперника, вне зоны его видимости, рассчитывая поставить его в тупик. Это было ошибкой: следующий удар, направленный в акробатическом изгибе назад, едва не поразил его. Кратов просто не мог знать, что на затылке у князька окажется третий глаз — такой же равнодушный и выпуклый, как и два передних.

Удары сыпались на него с немыслимой быстротой — вперед, в стороны и назад, из самых неожиданных положений... Кратову помогало то обстоятельство, что князек сражался, держа дубье обеими руками. Будь у него по сабле в каждой руке, как у сарацина, незадачливому дуэлянту давно пришлось бы улепетывать. Куда бы он ни кинулся, куда бы ни нырнул, он всегда оказывался в поле зрения противника. Разъяренная мохнатая лягва, вставшая на дыбы, теснила его к плотному ряду распаленных зрелищем болельщиков, а те привскакивали со своих мест, возбужденно колотили по мерзлому мху передними лапами и хищно свистели собранными в дудочку уродливыми ртами. Кратов уже не страдал от холода — от него валил пар. Усталость пока не подступала, но и князек был неутомим, вот что тревожило...

Поединок грозил затянуться. К тому же, у Кратова не было панорамного обзора, как у оппонента, и он не мог поручиться, что сзади на него не набросится какой-нибудь княжеский прихвостень.

Вместо того, чтобы уклониться от очередного удара, Кратов сделал шаг вперед и подставил под летящую в него дубину двуручный блок. Он рассчитывал, что князек от неожиданности выпустит оружие. Однако тот держался цепко, и произошло иное: дубина влажно хрупнула и переломилась, чувствительно огрев Кратова по плечу. Князек с негодованием отшвырнул бесполезный обломок и ринулся на Кратова, вытянув перед собой растопыренные пальцы. Он сразу же наткнулся на несильный встречный удар в лоб, резко опрокинулся и замер на вытоптанном снегу. Теперь он напоминал пожилую, выдавшую виды жабу. Круглое брюхо князька часто вздымалось и опадало. Но и Кратов весь был в мыле. Растирая ушиб на плече, куда сошлось дубиной, он опустился рядом с поверженным вожаком лягушиного племени и спросил задуманным голосом:

— Будем разговаривать мирно?

Тот подобрал ноги и сел, крутя башкой. Видимо, он не так часто проигрывал поединки и теперь переживал новизну ощущений. Кратов неспешно огляделся. Вокруг них сомкнулось кольцо зрителей, спокойно помаргивавших и по-прежнему без всяких эмоций тарачившихся на пришельца. Он с сожалением оторвался от снежка, выпрямился и пошел прямо на оцепление, что разделяло его и Чудо-Юдо, и лягушколюди молча расползлись. Должно быть, это были первобытно честные твари, и не стоило в напряжении ждать внезапного удара в спину. Но до самой кабины Кратов прилагал все силы, чтобы не обернуться — и так проявить малодушное недоверие...

Все это время Лерман добросовестно держал паузу. Но под конец не утерпел-таки и вызвал Кратова, когда тот уже переоделся в легкий скафандр «конхобар комфорт» с подогревом, перекинул через плечо сумку с походным лингваром «Портатиф де люкс», двухсуточным рационом, прочими полезными вещами и приготовился было выпрыгнуть на хрустящую свежей изморозью поверхность планеты Церус I.

— Рассказывайте, — потребовал Лерман.

— Я победил, — горделиво сообщил Кратов. — Теперь он обязан меня уважать и станет разговаривать на равных.

— Душевно рад за вас. Оригинальная манера установления прекоинтактных связей: пробудить в партнере пистет непринужденной вздрючкой... Но не лучше ли заменить вас одного на десяток хорошо подготовленных, а главное — ничем иным не зарабатывающих на хлеб и пиво ксенологов, а вам продолжить прерванное путешествие в мои объятия?

Кратов тяжело вздохнул. Его мучило раскаяние.

— Виктор, — сказал он виновато. — Не сердитесь на меня. Вы тоже ксенолог и должны меня понять. Разве часто удастся вот так запросто наткнуться на разумную расу?

— Я это знал, — почти весело заявил Лерман. — Я чувствовал! В кои-то веки посчастливилось залучить вас в гости. И тут, разумеется, просто обязаны были подвернуться эти злополучные рептилоиды. Которые и на рептилоидов, наверное, не похожи!

— Похожи, — проямлил Кратов. — Особенно издали. Хотя, скорее всего, это амфибии.

— Ну что с вами поделать? Резвитесь. Не забывайте иногда выходить на связь. Да, и заведите себе дубину. Крепкую, чтобы не ломалась...

— А у него сломалась, — озадаченно сказал Кратов.

— То есть как сломалась? — опешил Лерман. — Во время боя — сломалась дубина?!

— Именно так.

— Отчего? Надеюсь, не от соприкосновения с вашей головой?

— Вы переоцениваете мои достоинства, Виктор... Дубина была сырая, трухлявая.

Лерман напряженно засопел.

— А ведь это знак, — сказал он раздумчиво. — Некоторым образом, символ. Что за резон ему было драться трухлявой дубиной?

— Действительно, — подтвердил Кратов. — И я об этом подумал... секунду назад. Такой бутафорией не убьешь. В лучшем случае контузишь. Она просто переломится о голову противника.

— Тогда все кристально ясно.

— Да, он не хотел меня убивать. И это тоже знак. Я нужен ему живым.

— Как специалист по контактам, — не утерпел Лерман.

Кратов задумался, барабанил пальцами по теплomu боку Чуда-Юда. Он уже был совершенно убежден, что никуда не улетит с Церуса I. В нем лавиной нарастал наполовину профессиональный, наполовину чисто человеческий интерес: отчего князек не желал уничтожить непохожего на все когда-либо им виденное, отвратительного на внешность, дурно пахнущего синтетикой чужака? Это мало характерно для примитивных рас, изначально агрессивных и нетерпимых ко всему инородному. И это наводило на размышления.

— Константин, — позвал Лерман. — Куда вы исчезли?

Кратов встрепенулся.

— Я здесь. Думаю.

— Полезное времяпровождение. Я хочу напомнить вам: если вы нуждаетесь в помощи...

— Спасибо, коллега. Пока я не жду осложнений.

— Понятно, — с досадой сказал Лерман. Видно, он и сам был непрочь пусть ненадолго, но позабыть о рутинных делах и с головой, как встарь, окунуться в труднодоступную на его посту, но такую желанную полевую работу ксенолога. — Ни цифры вам, ни буквы.

— Катитесь к черту...

«Зачем все это мне? — корил себя Кратов. — В самом деле: на «Моби Дике» меня ждут более серьезные проблемы, чем внеплановое наведение мостов с расой разумных лягушек. Здесь прекрасно могли бы управиться и без меня... Получается, будто в самый разгар текущих дел я нежданно-негаданно все бросил и удалился в самовольный отпуск». Он вспомнил, как злился на старших товарищей по Парадизу, которые точно так же забывали обо всем на свете, если подворачивалось что-то по-настоящему увлекательное. Как пытался вернуть их на путь истинный. Как взывал к чувствам долга и сгйда, делая их работу за них. И как старшие, а следовательно, умудренные жизненным опытом товарищи честно предупреждали его, что ксенология и любопытство идут рука об руку, и ничего с этим поделать никому еще не удавалось, не он первый. Так и вышло...

«Хорош, однако, отпуск, если синяки остаются», — подумал он, в слабой надежде подыскать хоть какую-то индульгенцию своему заслуживающему всяческого осуждения дезертирству с трудового фронта. И сразу же припомнил, как все те же старшие товарищи возвращались в Парадиз побитые, поцарапанные, иной раз — с помятыми ребрами и вывихнутыми конечностями. И гордо демонстрировали ему свои увечья как бы в оправ-

дание и сочувствия ради. Но напрасно. Сочувствие, как правило, проявляла только милая женщина Ручочка Скайдре...

、 Предаваясь подобному самобичеванию, он приближался к запорошенным слабой поземкой, поджидавшим его в напряженной тишине разумным обитателям планеты Церус I.

4.

— Вы что — серьезно?! — спросил Кратов с раздражением.

Его, конечно же, не понимали.

Князек вытянул синие губы в трубочку и недовольно свистнул. Он не видел веских причин для задержки. Да и не привык, наверное, сталкиваться с неподчинением. Его скользкая лапа легла на плечо Кратову, и тот ощутил мягкое, но настойчивое подталкивание.

— Ну-ну, не так скоро, — пробормотал Кратов.

Он опустился на корточки и заглянул в нору, куда его приглашали. Из беспросветно черного отверстия диаметром не больше метра тянуло теплым запахом болота. Дно лаза было покрыто слоем вязкой бурой жидкости, напоминавшей торфяную взвесь. В крошечной тьме чудились отдаленные тяжкие вздохи и неясное пошвыстывание.

— Я не хочу туда, — отчаянно жестикулируя, заявил Кратов. — Там темно! — Он закрыл глаза ладонью. — Там грязно! — Он с содроганием окунул палец в мерзкую слякоть и провел по чистому снежку у своих ног.

Князек зашипел. Он погрузил лапу в грязь и со всего маху шваркнул ею по снегу. То ли передразнил Кратова в меру своего понимания иронии, то ли попросту подчеркнул пренебрежение к подобного рода препятствиям. Затем ссыпался на четвереньки и проворно убежал в нору, непостижимым образом вписавшись в ее размеры со своим необъятным пузом. Спустя мгновение он выскочил оттуда и отряхнулся, быстро подпрыгивая на месте.

— Я понимаю, что у тебя грязеотталкивающая шерсть, — сказал Кратов. — Но у меня-то нет! И я привык к свежему воздуху.

Трехпалая рука хлебосольного хозяина потянулась к торчавшему из-за меховой юбки каменному ножу.

— Только не надо эффектов на публику, — поморщился Кратов и поймал князька за запястье. — Ты ведь еще не забыл, что я сильнее?

Тот равнодушно моргнул и попробовал высвободиться. Кратов подержал его ровно столько, чтобы он осознал тщетность своих попыток, и только тогда отпустил. Князек снова разразился шипением и резкими взвизгами, энергично убеждая Кратова в настоятельной необходимости следовать за ним в нору.

— Вероятно, ты хочешь удивить меня роскошью своих чертогов, — хмыкнул Кратов. — Я в восторге, это большая честь для меня...

Увы, его фонтанирующий сарказм сегодня явно некому было оценить... Мысленно поскуливая от отвращения, Кратов опустил забрало шлема и перекрыл вентиляцию. Резкая перемена внешности не произвела на князька и его вассалов ни малейшего впечатления: они продолжали сидеть в полном безразличии, редко разевая огромные рты (между тем как в подобной же ситуации одно из диких племен планеты Яхтагеласу, посчитав Кратова за демона, в ужасе кинулось врассыпную в полном составе, не исключая вождя, верховного шамана и старшего охотника, а один простодушный феодал с Охазгеона, недолго мешкая, попытался срубить ему голову). Кратов сделал глубокий вдох и подтолкнул князька к лазу. Тот резво юркнул в темноту, и Кратов осторожно последовал за ним, с отвращением упираясь ладонями в ослизлые стенки и скользя в жирно хлюпающей жиже. «Тяжек ты, хлеб ксенолога», — подумал он.

Через несколько метров путь пошел под уклон, и Кратов неудержимо поехал вниз. Его отчасти успокаивало то обстоятельство, что впереди серым треугольником маячила спина князька. Раздался ленивый всплеск, и спустя мгновение Кратов с разбегу вкатился в омерзительную вязкую жидкость, сразу скрывающую его с головой... Здесь оказалось целое подземное озеро, которое нимало не препятствовало лягушколюдям в их передвижениях, одновременно делая их жилище недоступным для наружных врагов — буде такие существовали. Кратов немедленно испытал удушье: в жидкости содержалось совсем мало растворенного кислорода, и селективные мембраны скафандра, обычно не подводившие, на сей раз не справлялись. Первым побуждением Кратова было всплыть, вздохнуть полной грудью, очистить легкие от губительной углекислоты... но голова внезапно уперлась в каменный свод. В мозгу заплясали веселые разноцветные кляксы, горло перехватили спазмы. Бес толково шевеля конечностями, Кратов погружался в бездонную топь. В маску с легким шипением начала поступать газовая смесь из критического десятиминутного резерва (десять минут, чтобы прекратить панику, сориентироваться в пространстве и времени, принять жизненно важное решение и с достоинством отступить на заранее подготовленные позиции — или бездарно пропасть, буде таковые позиции были изначально не предусмотрены и обратной дороги уже не существовало; для прочистки мозгов газовый коктейль содержал стимулирующую и весьма вонючую добавку, а для успокоения — легкий транквилизатор в самой разумной дозе). «Глупец, — вяло выругал себя Кратов. — Самонадеянный болван. Назад, назад, прочь из этого мешка, на свет и воздух... Но неужели не помогут?!»

Ему помогли.

Князек, почуяв — либо приметив третьим глазом — неладное, вернулся и сгреб обмякшее тело Кратова подмышки. Сделав несколько мощных гребков ногами, он вытолкнул обеспамятевшего гостя на выступавший из болота лысый клочок суши. В самом сердце подземной пещеры, где в полной недосыгаемости, согреваемые горячими испарениями, жили его соплеменники.

5.

Разумные лягушки гордо величали себя «Уисс-уафф» — Земляными Людьюми, как перевел их родовое имя лингвар. Язык их был примитивен, скуден словами и сугубо конкретен. По типу он был близок мертвым корнеизолирующим языкам Земли, не имевшим словообразования и отражавшим отношения между словами нехитрым примыканием либо специальными лексическими единицами. Большие тонкогубые рты лягушколюдей складывались в трубочки, издавая при этом свистящие и шипящие звуки различной высоты и длительности. Как и надеялся Кратов, прихваченной им с корабля аппаратуры оказалось вполне достаточно, чтобы составить краткий словарь языка Уисс-уафф. На это понадобилось около пяти часов задушевного собеседования с князьком, от которого требовались лишь добрая воля и максимум терпения. Того и другого у хозяина болотного княжества было вдосталь. Он воспринимал процедуру лингвистического анализа с величественным равнодушием, ничему не удивляясь и ни от чего не отказываясь. Судя по всему, он располагал неограниченными ресурсами свободного времени.

Наконец Кратов удовлетворенно вздохнул и с любовью погладил лингвар по прохладному боку.

— Теперь мы вполне созрели, чтобы познакомиться, — сказал он. — Итак, слушай: меня зовут Кратов.

Лингвар невнятно зашелестел, засвистел и фистулой повторил: «Кратов». Князек, сидевший по шею в болоте, отчаянно замигал, его выпученные глаза едва ли не

впервые с начала знакомства приобрели осмысленное выражение (Кратову даже померещилась чахлая тень эмо-фона). Стайка его прихвостней с бульканьем погрузилась в трясину.

— Как — тебя — зовут? — раздельно спросил Кратов.

Призвав на помощь все свое достоинство, князек запищал неподобающим его богатырской стати голоском и ткнул пальцем в человека.

— Большая Дубина, — с выражением провещал лингвар. — Вариант: Самая Большая Дубина. Вариант: Дубина Дубин. Вопрос: почему говорит черный глазастый камень, вариант: глаза в черном камне. Вопрос: разве у Человека в Лысой Шкуре нет языка.

— Я вложил свой язык в уста чернющего глазастого камня, — пояснил Кратов. — Я чужой твоему племени и не умею говорить понятно для твоих ушей...

— Поправка, — вклинился лингвар. — Земляные Люди не имеют ушей. Они воспринимают акустические колебания подглазными мембранами.

— Разрешаю поправку, — проворчал Кратов.

Снедаемый любопытством князек лег на живот и почти уперся носом в прибор, стараясь разглядеть источник света и звука внутри него. Изыскания, однако же, не препятствовали ему продолжать беседу.

— Человек в Лысой Шкуре — не человек, — сказал он.

— Большая Дубина говорит правильно, — согласился Кратов.

— Человек в Лысой Шкуре — злой дух.

— Большая Дубина говорит неправильно.

— Человек в Лысой Шкуре — добрый дух.

Кратов призадумался.

Ему вовсе не улыбалось выступать в роли материальной основы только зарождающихся религиозных ве-

рований в этой первобытной культуре. Он не желал, чтобы спустя несколько тысяч лет его нескладная фигура обнаружилась в местной мифологии в виде демиурга или, что более вероятно, трикстера... Однако он отдавал себе отчет в том, что подробное разъяснение способа, каким он явился на Церус I, только укрепит вождя Большую Дубину в его заблуждениях. Что ж, время для просветительской деятельности в этом мире еще не наступило.

— Большая Дубина говорит правильно, — со вздохом произнес. Не удержался и добавил: — Почти.

К его неудовольствию, лингвар промолчал. Должно быть, в системе понятий Земляных Людей не существовало эквивалентов для выражения половинчатых истин.

— Человек в Лысой Шкуре — добрый дух моего племени, — продолжал испытывать Кратова на профессиональную пригодность лягушиный вождь.

Здесь можно было бы и согласиться. Но тогда мог последовать каскад вопросов о генезисе доброго духа. Нельзя было отвергнуть и возможность того, что Кратову пришлось бы назвать точное имя и титул умершего — или погибшего — предка, которым он был в прежней жизни. А вдобавок и причину смерти. Некоторые цивилизации были щепетильны в подобных вопросах и сурово наказывали духов-самозванцев. Поэтому Кратов, скрепя сердце, ответил:

— Я добрый дух всех племен.

По-видимому, это был не самый удачный ответ.

На панели прибора впервые замигал индикатор интонационного дискомфорта, что указывало на неудовольствие, раздражение, даже нескрываемую враждебность в голосе собеседника.

— Вопрос: Человек в Лысой Шкуре — добрый дух и Каменных Людей, вариант: Людей из Камня, и Водяных

Людей, вариант: Подводных Людей, и Тех, Кто Живет в Деревьях, вариант: Тех, Кто Прячется в Стволах. — Лингвар поднатужился и выдал на пределе своей фантазии: — Вариант: Дриад... а также...

— Я пришел к твоему племени, — резко оборвал сеготования Большой Дубины насторожившийся Кратов.

А вот это был точный ход. Индикатор продолжал тлеть, хотя и не так ярко.

— Вопрос: Человек в Лысой Шкуре пришел помочь Земляным Людям.

— Да, помочь, сильно помочь! — выпалил Кратов, стараясь вернуть утраченное благорасположение князька. И с удовлетворением отметил, что тот совершенно успокоился.

— Земляным Людям нужна помощь доброго духа, — пояснил Большая Дубина. — У них давно не было своего доброго духа.

— Большая Дубина не хотел убивать меня, — намекнул Кратов. — Он хотел пленить меня.

— Человек в Лысой Шкуре говорит правильно. Земляным Людям не нужен мертвый добрый дух.

Из этих слов и всего поведения хозяев можно было сделать весьма занимательные выводы. Лягвы явно не ощущали глубокого религиозного трепета перед потусторонними силами. Да и потусторонними ли? Дух вообще не воспринимался как сверхъестественное существо. Он был смертен. Его не зазорно было поколотить. Злой дух мог напакостить Земляным Людям, и тогда его, возможно, следовало прогнать в тычки или убить. Добрый же дух, напротив, был полезен, и надлежало заполучить его в союзники любыми доступными средствами. В том числе и окучив трухлявым дрекольем по голове.

В таком случае, кем же был в их глазах сам Кратов как неопределенных намерений и нравственных устано-

вок дух? Уродливой лягушкой в «лысой шкуре», способной на мелкие мистические услуги их племени? Мутантом-вырожденцем, без жабр, но с экстрасенсорными качествами? Военным консультантом? Похоже, Большая Дубина испытывал нужду в специалистах по ведению боевых операций, коли с такой неприкрытой враждебностью отзывался о каких-то там Каменных Людах и... гм... Дриадах.

Но Кратов твердо решил попытать счастья под изначально принятой личиной доброго духа всех племен.

— У Земляных Людей есть враги? — осведомился он.

— У Земляных Людей много врагов, — устами лингвара подтвердил Большая Дубина. — Земляных Людей много, очень много. У Земляных Людей дом в каждой сопке, в каждом болоте. Но врагов много, очень много, очень и очень много. Вариант: видимо-невидимо.

— Большая Дубина — вождь всех Земляных Людей? — осведомился Кратов.

— Большая Дубина — вождь только здесь, — признался князек. — Другие болота — другие вожди.

«Что ж, — подумал Кратов. — Скромность — сестра не только таланта, но и величия». Слова Большой Дубины указывали на то, что термин «Земляные Люди» охватывал группу племен, переживающую тяжелые времена в затяжной войне против более организованного и сильного врага, посягнувшего на их владения. Обычный межплеменной конфликт, довольно просто регулируемый путем легко формализуемых переговоров через посредников. А посредниками здесь, учитывая беспрецедентную снисходительность Земляных Людей к инаколичию, мог выступить кто угодно, от рептилоидов до людей.

— Я должен подумать, — сказал Кратов.

— Пусть Человек в Лысой Шкуре думает, — великодушно позволил Большая Дубина. — Но не долго.

Он сполз на брюхе обратно в теплую грязь так, что на поверхности остались одни лишь глаза. Да и те понемногу смежились в дремоте... Кратов выждал, когда князек уснет окончательно, отключил лингвар и вызвал Лермана.

— Что нового? — бодро спросил тот.

— Ничего, что было бы неведомо земной ксенологии, — сказал Кратов. — Это разумные амфибии, внешне трогательно напоминающие близких нашим сердцам земных квакш. Впрочем, они оснащены прекрасно развитыми теменными глазами, но и это для нас не в новинку — вспомним старушку гаттерию. Они живут в подземных болотах, куда пробиваются термальные воды и... гм... отдельные ксенологи. Их много — я имею в виду, безусловно, аборигенов, — и они воюют, причем неудачно. Я думаю, пора присылать миссию.

— Наконец-то, — с удовлетворением произнес Лерман. — Миссия уже готова. Дайте ориентиры для высадки.

— Пусть ищут пеленг моего биотехна. Там неподалеку расположена гряда сопок, у подножия которой есть лазы к местам обитания наших амфибий. Впрочем, я лично встречу миссию в сопровождении местной родоплеменной знати.

— Как зовут вашего патрона?

— Большая Дубина.

— Я не спрашиваю вас об уровне его интеллекта, — мягко указал Лерман.

— Это имя.

— О! — воскликнул Лерман и захихикал.

Кратов с неудовольствием прислушивался к его веселью, не понимая, чем оно вызвано. Потом до него дошло, и он вымученно улыбнулся.

— Да нет, он толковый мужик, — сказал он.

— Ну и отлично, — промолвил Лерман. — Миссия прибудет через двадцать часов. Не делайте глупостей, Константин. Не ввязывайтесь в дуэли. На вашем месте я вообще вернулся бы на корабль...

— На вашем месте я советовал бы то же самое, — парировал Кратов, и они посмеялись еще.

В пещере было темно. Жирные испарения оседали на ткань «конхобара» грязными потеками. Пахло тухлятиной. Однако Кратов чувствовал себя великолепно, восседаая на крохотном клочке относительно сухой тверди, в окружении зыбкой, напоминавшей переваренный черничный кисель трясины с торчавшими оттуда головами Земляных Людей. В конце концов, ему доводилось проводить переговоры и в более мерзких условиях... Он сладко потянулся, повел затекшими плечами и врубил лингвар.

— Я помогу племени вождя Большой Дубины, — сказал он с воодушевлением. Князек приоткрыл один глаз. — К вам придут такие же добрые духи, как и я. Много, очень много добрых духов. И Земляные Люди будут спокойно добывать пищу вместе с Каменными Людьми и...

Краем глаза он уловил слабое тление проклятого индикатора.

— Человек в Лысой Шкуре говорит глупые слова, — с раздражением отозвался князек. — Вопрос: хочет ли он посмотреть, какую пищу добывают Земляные Люди.

Печенкой чувствуя, что допустил прокол, Кратов обернулся.

Его, привычного ко многому, едва не вывернуло наизнанку. Однако прежде чем отвернуться и совладать с желудком, он успел все разглядеть в деталях.

Способность видеть в темноте и природная зрительная память сыграли с ним злую шутку. Они намертво впечатали тошнотворную картину в его мозг.

На соседнем бугорке двое Земляных Людей, ловко орудуя каменными ножами, разделявали тушу какого-то животного. Удаляли тускло-сизые внутренности, отдирали пропитанную темной кровью шкуру от серых мышц... То, что осталось от добычи, еще сохраняло свои очертания. При жизни это существо напоминало гигантскую бесхвостую ящерицу, поросшую короткой игольчатой шерстью. Кратов вспомнил, где видел эту шерсть: она покрывала грубо выделанные одежды князька и его соплеменников. Подобравшиеся в агонии конечности жутко походили на человеческие руки — главным образом из-за тонких пальцев с острыми невтягивающимися когтями.

У самой кромки трясины валялась отрезанная голова. Лысая, с топорщившимся на макушке кожистым гребнем. Один глаз был поврежден и вытек, зато другой остекленело смотрел на Кратова с застывшим выражением ненависти и боли. Узкий клювообразный рот был плотно сжат, а в заостренные книзу мочки ушных раковин были вдеты большие серьги из полуограненных самоцветных камней.

6.

Кратов провел трясущимися липкими пальцами по лицу. Ему было дурно, скафандр душил, и никак не отступала гадчайшая внутренняя дрожь.

— Кто это? — почти беззвучно спросил он.

Он вынужден был повторить вопрос для лингвара.

— Каменный Человек, — ответил князек. — Охотники убили среди скал и притащили с собой. Вкусное мясо. Много вкусного мяса. Много теплой шкуры.

— Где живет Каменный Человек?

— Каменный Человек не живет. Охотники убили Каменного Человека. Много мяса...

— Да подавился бы ты своим мясом! — прошипел Кратов.

И быстрым движением заблокировал лингвар, чтобы не дать ему донести до князька оскорбительную фразу.

«Спокойно. Надо все делать спокойно, звездоход. Что ты, собственно, ожидал здесь увидеть? Вегетарианскую идиллию? Конечно, они убивают друг друга! А потом жрут. Много мяса...»

— Где живут другие Каменные Люди?

— В камнях. Много камней — много Каменных Людей, — и Большая Дубина опять съехал на излюбленную тему о мясе. Кратов, стиснув зубы, ждал, чем он закончит. Князьку и впрямь скоро надоело бормотать одно и то же, и он стал выдавать полезную информацию. — Много камней — много жилищ. Каменные Люди делают жилища из камней. Но Земляные Люди ждут, когда Ка-

менный Человек выйдет из жилища, долго ждут. Потом убивают. Много Мяса.

Тусклый взгляд князька устремился мимо Кратова — на расчлененную добычу. Назревал дележ, и Большая Дубина моментально утратил интерес к доброму духу своего племени. Расплескивая вонючую жижу, он кинулся за персональной долей. Низкие своды наполнились жирными шлепками: многочисленные обитатели подземного болота спешили на пиршество. Кратов отвернулся, закрыл глаза, опустил забрало шлема... За его спиной разумные обитатели планеты Церус I жрали мясо местной охотничьей дичи. Эта дичь умела строить дома из камней и гранить самоцветы.

Две разумные расы на одной планете.

Случай небывалый, химерический. Низкий уровень развития обеих рас исключает их мирное сосуществование. Поэтому амфибии будут охотиться на иглокожих ящеров, пока те не придумают способ эффективной обороны. Ни те ни другие, конечно, не принимают во внимание разумность своих естественных врагов. Мохнатые лягвы хотят есть, им нужна добыча, и наплевать, что добыча способна мыслить.

«Придется вмешиваться, — думал Кратов. — Разъединять расы, возможно — расселять в разные места. Хорошо бы — на разные планеты или, на худой конец, материки. И следить, чтобы их пути не пересекались. По крайней мере, пока они усвоят простую истину, что убивать братьев по разуму нельзя».

Вождь Большая Дубина выполз на островок и прилег кверху брюхом. Его жабыя физиономия выражала сытое довольство. Так, во всяком случае, представлялось Кратову, жестокими пинками гнавшему прочь от себя непрошенное, непозволительное отвращение к партнеру по контакту.

— Добрый дух не просит своей доли мяса, — констатировал князек. — Это хорошо. Добрый дух не жадный.

Кратова передернуло.

— Разве Земляные Люди не могут есть другое? — спросил он.

— Нет, — уверенно сказал Большая Дубина. — Здесь нет другого, чтобы есть. Только Каменные Люди. Они хитрые. Но охотники хитрее. И сильнее.

— Ты говорил о Водяных Людах, — напомнил Кратов.

— Водяных Людей нельзя есть, — веско произнес князек. — Можно умереть.

— Есть еще и..

— Здесь больше нечего есть, — повторил Большая Дубина. — Остальные едят Земляных Людей.

Смутное подозрение закралось в голову Кратова, какая-то важная мысль, но он не сумел зафиксировать ее и, чтобы не отвлекаться, отмахнулся от нее — до поры.

— Что нужно вождю Большой Дубине от доброго духа? — спросил он.

— Добрый дух должен сделать так, чтобы никто не ел Земляных Людей. Чтобы Земляные Люди ели Каменных Людей каждый день. Чтобы всегда было много мяса.

— Тогда вождь Большая Дубина должен показать мне, где живут Каменные Люди.

— И добрый дух убьет Каменных Людей, — с удовлетворением сказал князек. — Всех-всех!

— Тогда Земляным Людям нечего будет есть через много дней.

Князек ошалело заморгал. В недрах его толстокорого плоского черепа кипели неслыханно интенсивные мыслительные процессы.

— Добрый дух сказал правильно, — наконец объявил он. — Надо убивать Каменных Людей столько,

сколько можно съесть сразу. Но я не покажу ему дорогу. Я туда не пойду. Вопрос: зачем мне туда идти. Пойдут охотники. Один, один и один охотник. Совсем глупые. Не могут говорить.

— Почему? — удивился Кратов.

— Не знаю, — равнодушно произнес князек. — Недавно родились. Ничего не могут — только охотиться.

Кратов медленно перевел взгляд на черную грязь, лениво колыхавшуюся возле его ног. Он представил себе обратное путешествие, и его снова чуть не стошнило.

7.

На планете Церус I все еще тянулся день. Поросячий пятачок солнца так и не стронулся с насиженного места в зените. Охотники вприпрыжку бежали на полусогнутых лапах, оставляя на тонком снежке большие лягушьи следы. Кратов едва поспевал за ними. При каждом шаге с него хлопьями осыпалась смерзшаяся грязь.

Они миновали гряду сопок, пересекли ложбину, поросшую чахлым кустарником, в котором отчего-то пришлось таиться и передвигаться чуть ли не ползком... Затем как-то неожиданно возникло большое незастывшее озеро, укрытое сизыми испарениями отвратительного запаха. Противоположный его берег был неразличим в тумане, и нельзя было исключить, что на самом деле никакое это не озеро, а застойный морской залив. В колдовской тишине над рябистой гладью упруго и мощно вздымались колонны пара — будто стадо китов подплыло к берегу и переводило дух после долгого путешествия...

Здесь Кратов взбунтовался.

— Все, ребята, — прохрипел он и повалился на залеженный песок. — Дайте отдохнуть...

Охотники с разбегу пронесли мимо. Затем их темные глаза донесли до них дополнительную информацию, и они, четко и слаженно развернувшись, словно автоматы, воротились к расprostертому Кратову. Над тем курился парок. Увидев над собой тупые жабы физиономии, Кратов чертыхнулся и врубил лингвар. Но охотники молчали. «Совсем глупые... не могут гово-

рить...» Они просто торчали кружком и, часто моргая нижними веками, таращились на человека. Потом, как по команде, присели на корточки и обратились в уже знакомые по первой встрече бурые кочки. Оседавший на их шкурах снег не таял.

— Что выпучились? — проворчал Кратов. — Не видите — добрый дух устал. Или между местными божеествами нет обычая уставать?

Он не дождался ответа и отвернулся от них к озеру.

Темная, ощутимо тяжелая вода пузырилась и пахла сырой нефтью. От озера тянуло теплом. В густом мареве что-то гулко бултыхнулось, ударило по воде, усиливая иллюзию китовьего присутствия. «Удочку бы сюда, — вяло подумал Кратов. — Хотя кто знает, что за дрянь может здесь водиться? Водятся же в прекрасной реке Амазонке жуткие твари вроде анаконд и жакаре...» Он покосился на охотников. Те спокойно торчали на прежних местах не подавая признаков жизни — припорошенные снегом, закаменелые. И мигали редко и очень согласованно.

Кратов почувствовал, что дыхание пришло в норму, и выпрямился, осторожно разгибая ноющую спину.

...Метрах в десяти от себя он увидел торчащую из воды змеиную морду, с одним-единственным выпуклым глазом точно посередине высокого чешуйчатого лба. Глаз был недвижим. Он состоял из сплошного пронзительно-красного зрачка и, казалось, распространял вокруг себя сияние. Словно маленький красный маячок в тумане. Глаз этот плыл, растекался надвое и так же неспешно сливался воедино...

Кратов обмер.

Медленный озноб пополз по коже, будто внезапно отказал подогрев скафандра. Где-то в животе зародился росток липкого страха и пустил свои подлые побеги по

всему телу. Хотелось крикнуть, но голос отказывался работать. «Бежать!» Но вопреки приказанию ноги оттолкнулись от хрупнувшего песка и сами собой сделали первый шаг к густой, в радужных пленках, мертвой воде. Кратов перестал ощущать свое тело, которое внезапно зажило собственной, независимой от мозга жизнью и начало эту самостоятельную жизнь с того, что стало с охотой выполнять чьи-то чужие распоряжения.

Взбесившееся тело подковыляло на негнущихся ногах к самой кромке воды. Кратов с болезненной ясностью понял, что в то мгновение, как только он вступит в эту треклятую воду, он погибнет, он навсегда перестанет существовать как личность, и эта истина очевидна и объективна. Отчего это произойдет, кто завладеет им и с какой целью — он не представлял. Быть может, эта кошмарная змеинная башка двинется навстречу, продолжая сковывать красным своим взглядом... а затем вдруг набросится и сожрет. А может быть, и что похуже.

Погружаясь в вязкую пустоту небытия, уже не контролируя свои мысли и дела, он краем глаза отметил для себя, что один из охотников как бы нехотя оторвал задницу от земли и точным движением метнул дубину в страшный сияющий зрачок.

Змеинная башка со всплеском ушла под воду.

Кратов резко отшатнулся прочь. Словно оборвалась невидимая привязь, на которой его только что тянули в чародейное озеро. Он проворно отбежал подальше и плюхнулся рядом с охотниками. «Гипноз... — мельтешило у него в мозгу. — Причем гипноз высшей пробы, телепатический, без словесных внушений, без помаваний руками перед носом. Убийство с первого взгляда...» На всякий случай он разместился спиной к воде и вызвал Лермана.

— Что у вас новенького? — обрадовался тот.

— Скверная история, — сказал Кратов, зябко поеживаясь. — На планете обитают по меньшей мере две разумные расы.

Лерман приутих.

— Вы говорите — по меньшей мере, — наконец отошелся он. — Как прикажете это интерпретировать?

— Мои покровители в свободное от контактов время заняты охотой на неких Каменных Людей, которых я склонен относить к рептилоидам. Не знаю, насколько эти рептилоиды высокоинтеллектуальны, однако же они носят украшения из обработанных полудрагоценных камней. И строят хижины из валунов. Далее... — Он с опаской покосился на озеро. — Меня чуть было не заманили в ловушку обитатели одного из местных водоемов. Как вы полагаете, чем?

— Ксенологической проблемой первого рода, — не запозднился Лерман.

— Мимо.

— Силуэтом прекрасной девушки.

— Выдумали тоже... Гипнозом!

— Гипнозом?! Вас, тертого звездохода, опытного ксенолога?

— Им удалось парализовать мою волю, и если бы не своевременное вмешательство моих спутников из племени Земляных Людей...

— А если бы они не пожелали вмешаться?!

— Вы упускаете из виду, что я для них желанный добрый дух. Меня надлежит всячески оберегать. И потому — я везучий.

— Не верю я в такие категории: везучий, бережный! — вспыхнул Лерман. — Думаете, легко мне сидеть у себя в тепле, в мягком кресле у видеала и ждать известий об очередном покушении на ваше благополучие?!

— Виктор, Виктор... Нешто я мальчик несмышленный?

— Я борюсь с таким подозрением...

— Хорошо, вернемся к этой теме позже. У этих водяных обитателей налицо громадный телепатический потенциал. И я не мыслю телепатии вне высокоразвитого мозга. Вы чувствуете, как осложняется проблема?

— Еще бы! Амфибии у нас уже есть. Рептилоиды, по вашему заверению, скоро будут. Кто же сидит в воде? Ундины? Или, как это называется у славян — русалки?

— Быть может, какие-нибудь ихтиоморфы. Или другой вид амфибий. Судя по всему, именно их Большая Дубина обозначал термином «Водяные Люди».

— А если мы строим неверную картину? Допустим, что ваши амфибии, гипотетические рептилоиды и ундины — всего лишь ответвления одного и того же таксона. Их внешние, далеко не достоверные, отличия обусловлены различными условиями обитания. Вспомним Землю с ее человеческими расами. Светловолосые славяне и африканские пигмеи суть один и тот же вид «*Homo sapiens*»... хотя ксенологам Галактического Братства нелегко в это поверить.

— Как было бы все просто, правда? — вздохнул Кратов. — Но Большая Дубина дал мне некоторые подробности здешнего биоценоза. Например: Земляные Люди охотятся исключительно на Каменных Людей, которые не представляют для них ни малейшей угрозы. Земляные Люди не боятся Водяных Людей, но и не проявляют к ним гастрономического интереса, поскольку можно-де умереть. Мне пока неизвестно, кого предпочитают жрать Каменные Люди, как представляется — тоже далеко не вегетарианцы...

— Ну, по крайней мере, о вкусах Водяных Людей мы можем составить определенное суждение. Они едят исключительно залетных ксенологов.

— О! — воскликнул Кратов. — Доктор Лерман, вы гений.

— Вот как? — изумился тот. — Я давно замечал это за собой, но вы первый подтвердили мои подозрения вслух...

— Одно из двух — либо здесь круг замыкается, и русалки охотятся на тех же пресловутых Каменных Людей, либо...

— Вот-вот. Гораздо более вероятно, что этот круг будет существенно расширен. Ждите новых интересных встреч, доктор Кратов! С какими-нибудь Металлическими Людьями. Или Хлорно-Известковыми.

— Скажу по секрету: у меня такое чувство, что образ гуманоида в скафандре для них не в новинку. Подумайте сами: примитивные племена вроде бы должны отличаться острой нетерпимостью ко всему чужеродному. И когда я намекнул Большой Дубине о своем добром отношении к прочим расам, у того вся шкура встала дыбом. Но ведь меня-то, ни на что ему известное не похожего, он принял с лапочками! И все это странное, нехарактерное, я бы сказал — утилитарное отношение к фигуре «добрého духа»...

— Хотите мое мнение? — мрачно осведомился Лерман. — Если бы вы сейчас оказались на «Моби Дике», то есть в пределах моей досягаемости, я немедленно упек бы вас под домашний арест. За вопиющее пренебрежение в собственной жизни. Мой вам совет: вызывайте к себе свой звериный корабль и отсиживайтесь в нем до прилета моих ксенологов.

— Хороший совет, Виктор. Даже отличный. Вы подлинный мастер давать советы... Спокойной ночи, коллега.

— У нас уже утро.

— А у нас по-прежнему полдень.

— Учтите: вы задолжали мне трое суток домашнего ареста. Впрочем, — голос Лермана смягчился, — я про-

стил бы вам пару суток, покажи вы мне своих проводников... хотя бы через видеобраслет.

— Невозможно, Виктор. Слишком вы далеки от меня.

— Я и сам понимаю. Пусть вам послужит утешением, что мысленно я с вами...

Кратов поднялся, и охотники восприняли это как сигнал к продолжению экспедиции. Они затрусили было вперед, но один из них — тот, что остался без дубины, — вдруг возвратился. Подобрал лежавшую на снегу сумку с лингваром и легко вскинул ее на плечо. И с этим незамысловатым движением на миг сделался так похож на человека, что у Кратова дрогнуло сердце.

— Спасибо, друг, — только и сказал он, пораженный.

8.

Они вступили в лес.

Искореженные стволы деревьев лезли из черной волглой земли к хмурому небу, чтобы на огромной высоте разметаться беспорядочными венцами голых ветвей. Ни единого листика, ни единой хвоинки — только черная нагая броня коры. Деревья стояли редко, не напирая друг на друга, и слабый солнечный свет без труда пробивался сквозь кроны, сплетенные в сплошную крупноячеистую сеть.

«Заколдованное царство, — подумал Кратов. — Водяного мы уже видели. А здесь только лешего не доставало. Да и есть он, наверное, только не прослышал покуда про нас...»

Спины охотников маячили впереди. Лягушколюди сноровисто лавировали, не касаясь стволов, уклоняясь от низко опустившихся либо надломленных веток — как опытные слаломисты. Тот, что нес на покатом плече кратовскую сумку, на бегу нагнулся и подхватил длинный узловатый сук. Взвесил в лапе и, удовлетворенный, приладил рядом с ношей.

Чуть поотставшему Кратову почудилось, что из-за дерева на мгновение выступила приземистая фигура на раскоряченных ногах. И тут же растаяла, слилась с черной корой, будто вошла в нее. «Те, кто прячется в стволах...» Слабое эхо чуждых, невразумительных эмоций коснулось его обостренных чувств. Нет, радушием явно и не пахло. Кратов резко остановился и окликнул охотников. Вряд ли они понимали его слова... вряд ли могли

верно истолковать интонацию... Охотники замерли, даже не завершив очередного шага, словно механизмы, которым вдруг перекрыли подачу энергии. Лишь головы слегка поворачивались, давая каждому из трех глаз свой сектор обзора. Потом лягушколюди шарахнулись в разные стороны, и Кратов неожиданно для себя очутился в центре круговой оборонительной позиции.

Охотники намеревались защищать его. Может быть, таков был приказ вождя Большой Дубины. Может быть, так издревле повелось, когда речь шла о жизни и благополучии доброго духа, что покровительствовал племени. Сколько Кратов мог припомнить из истории человечества и других цивилизаций, за своих божков всегда и всюду дрались насмерть.

«Пора вызывать Чудо-Юдо, — подумал он, прижимая сумку с лингваром к груди. — За какие-то неполные сутки погибель угрожала мне чаще, чем за всю прежнюю биографию».

...Они выскочили из-за каждого дерева, будто жили в них, прячась до поры, и там, в безопасности и недосыгаемости, выслеживая добычу. Князек лягушиного племени назвал их «Те, Кто Прячется в Стволах». А лингвар натужно и, как выяснилось, невпопад опозтизировал это обозначение, перекрестив их в «дриад». Дриадами здесь и не пахло: более всего эти твари напоминали сказочных чертей. Такие же верткие, поросшие жесткой пегой щетиной, с длинными проволочными хвостами, а на круглой глазастой и ротастой башке у каждого красовалась пара ощутимо острых рожек.

Их было не меньше двух десятков, и двигались они молниеносно.

Охотники взметнули свое дубье, и было страшно угодить под удар этих корявых кусков тяжелого дерева. Но черти с балетным изяществом уворачивались, потому

что существовали совершенно в ином темпе, нежели огромные и очень сильные, грозно разевавшие редкозубые рты, но безнадежно медлительные Уисс-уафф.

Волна пятнистых тел накатила на них и разом схлынула. Обхватив лапами распоротый живот, у ног Кратова на парящую лесным теплом землю осел лягушкочеловек — тот самый, что спас его у омута, что нес на плече его сумку. Выпученные глаза быстро заволакивала смертная пелена. Тонкие губы неумело собрались в дудочку, и едва различимый свист сорвался с них. «Добрый дух, — бодро гаркнул лингвар. — Не помог. Надо было помочь». Голова Земляного Человека уткнулась в ботинки Кратова.

Кольцо чертей неспешно смыкалось вокруг него, теперь беззащитного, и лишь особенный его облик пока удерживал их от новой атаки. Он чувствовал их замешательство пополам с охотничьим азартом. Но замешательство с каждым шагом улетучивалось, а азарт при виде легко доступной добычи нарастал...

Кратов поднял дубину одного из охотников.

Он проворонил-таки момент атаки, но сумел войти в нужный темп и даже чуть-чуть опередить его. Преодолевая вязкое сопротивление воздуха, Кратов нанес полукруглый удар по головам нападавших, словно по частоколу. Он испытал мстительное злорадство при виде кубарем разлетающихся в стороны врагов. Быстро развернувшись на пятке к тем, что находились за его спиной, он вдруг обнаружил, что оказался один. Будто вóрох палой листвы порскнул прочь от порыва ветра — и на поляне остались лишь изрезанные тела Земляных Людей... да еще Кратов-победитель, готовый драться за свою жизнь до последней капли крови. Жаждающий новой сшибки и люто разочарованный тем, что никто больше не хочет на него нападать.

— Ну! — рывкнул он. — Куда же вы, соколики?!

Кто-то суетливо ворочался под деревом, тихонько попискивая и стараясь вжаться тщедушным телом в распяленные корни, в мох и грязь, лишь бы с глаз долой... Маленький поджарый чертик, жестоко изувеченный во время схватки.

«Добить!» — мелькнуло в мозгу пьяного от ярости Кратова.

Он шагнул на писк и шевеление.

Чертик воздел тощие лапки, будто моля о пощаде. Круглая серая головенка его была проломлена и вмята, уцелел лишь один рожок. Блестящие пуговичные глазки часто моргали, подрагивал утыканный жесткими усиками хоботок. «Да что же я... — замер в ужасе Кратов. — Спятил?! Помочь надо!» Он присел на корточки, чтобы получше рассмотреть рану.

И едва успел отпрянуть от жалящего удара в лицо.

— Дурень! — сердито воскликнул Кратов. — Я же спасти тебя хочу!

Но чертик уже затих, быстро коченея, на глазах теряя последние капли жизни своего жилистого тельца. Тонкие, словно стальная проволочка, пальчики разжались и выпустили на заляпанный кровью мох то самое жало, что едва не отплатило Кратову за его смерть.

Заточенный до стеклянного блеска каменный нож.

9.

Итак, четыре предположительно разумных расы в течение суток, до сих пор не кончившихся. Расы между собой несовместимые. Одна вынуждена охотиться на другую, игнорируя все прочие, в то время как ее самое выслеживает третья.

Замкнутый биоценоз с экологическими типами, что сплошь забиты разумными расами.

Это противоречило всему, что знал прежде Кратов о законах эволюции разума. Обычно из множества биологических видов в силу тех или иных обстоятельств стихийно выделялся один-единственный, которому разум был необходим, чтобы уцелеть в борьбе за существование. Так произошло на Земле. Так происходило по всей Галактике. Всюду и всегда. И уж этот вид начинал своей деятельностью подавлять прочих конкурентов на его место на вершине экологической пирамиды. Зачастую и уничтожать самым беспощадным образом, чтобы выжить самому... И так тоже было на Земле.

Но чтобы параллельно сосуществовали несколько равно разумных видов!

Быть может, это лишь произвольно сделанное сечение здешней экологической пирамиды... Но что же тогда на ее вершине?!

Кратов брел по лесу, волоча за собой сумку. Ему было тошно. Хотелось лечь и не вставать больше. К тому же он выпил почти всю воду и сжевал половину запаса концентратов. И хотя у скафандра все было в порядке с

термозлеменами, предательский нервный озноб уже угнездился где-то между лопаток.

«Это мне одному не по зубам, — думал Кратов. — Надо ждать ксенологов. Сесть в теплой и светлой кают-компании, выпить горячего — самого горячего на этой планете! — кофе, и пораскинуть мозгами, что же мы можем сделать для этого ненормального мира. Нужно много горячего кофе и много ясных мозгов. Голова — хорошо, а много — лучше. Много голов... с серьгами из граненых самоцветов в ушах...»

Похоже, от переутомления у него начинался бред.

...Лес был чужим, враждебным. Он не хотел принять пришельца за своего. Он даже не хлестал его ветками по лицу — брезговал, должно быть. Только ветер стонал в голых кронах на громадной высоте...

— Не могу больше, — сказал Кратов этому чужому лесу и присел, навалившись спиной на черный, в вековых наплывах смолы ствол.

Глаза его закрылись.

...В голове кружились и вспыхивали картинки виденного, словно в волшебном фонаре. Гудели отходящие в покое мышцы, липкая слабость зарождалась где-то глубоко внутри, оттуда распространяясь по всему телу. «Не спать... — шевелилась приبلудная мысль. — Вызвать Чудо-Юдо... Чудушко, ау-у!.. Не отвечает: чересчур далеко, чтобы уловить мои квелые мысли. Тогда кликнем его по браслету... Поднес добрый молодец к побитой роже браслет, свистнул-гаркнул... и встал перед ним богатырский конь как вкопанный...» Но сил уже не оставалось, и рука, налитая проклятой слабостью, до лица не дошла.

Кратов все же разлепил веки.

Отовсюду, из-за деревьев, между кочек, к нему струился плотный белый туман, всплескивая фонтанчиками и бурунясь уже возле самых ног.

Туман — значит сырость... Кратов поднатужился и подобрал ноги. Но язычок белого киселя упруго голкнул его в колено и пополз по бедру, теплый и тяжелый. «Вот же гадость...» Кратов смахнул его с ноги, но язычок не обиделся и вернулся. Настырный такой язычок, если чего захотел, так непременно добьется... и он снова пополз по ткани скафандра, а другие такие же язычки обтекали ствол со всех сторон, мягко, но настойчиво ложась на спину, на плечи, втягивая в себя руки, словно болотная трясина, словно желе... Скользкое щупальце смазало Кратова по щеке и перевалилось ему на грудь, нырнуло в сумку похозяйничать, захлестнуло ее белой пленкой, под которой немедленно затеялось активное шевеление и бурление. И неожиданный покой поглотил усталое тело Кратова, потому что никто и ничем ему особенно не угрожал... а что до резвящегося всюду белого месива, то пусть его резвится... ползает по скафандру, обнюхивает, ищет что-то... вреда от него никакого, пошарится себе и уйдет своей дорогой... все едино выше плеча оно не поднимается, слизким коконом собравшись вокруг, волнуясь и пуская пузыри... а вот ему уже и наскучило это развлечение, и тесто сползло, расступилось и, умиротворенно чавкая, побулькало прочь, белыми ручейками заструилось по земле, пропало, ушло между корней, и нет ничего, как ничего и не было...

И тогда Кратов очнулся.

Он чувствовал себя превосходно, и в мыслях не было раскисать, разнюниваться — а уж тем более вот так бездумно валяться под деревом, разметаив конечности.

«Я же хотел вызвать Чудо-Юдо», — вспомнил он, пружинисто вскакивая на ноги и поднося к лицу браслет... точнее, то место, где ему положено было находиться.

Сам браслет на запястье начисто отсутствовал.

Ошеломленный Кратов торопливо огляделся. Что-то блеснуло во взъерошенном мху подле его ног. Браслет — то, что от него сохранилось: горстка пластиковых и керамических деталюшек. Да еще брелок-дракончик из черного дерева, странная память о поземельях сумасшедшей планеты Финрволинауэркаф.

Кратов присел, чтобы рассмотреть поближе, что же стряслось с его браслетом... и почувствовал, как по спине и подмышками мягко разошлись швы его непроницаемого для всех видов внешних воздействий «конхобара комфорт». Все еще ничего не соображая, он сунулся в сумку, и его пальцы коснулись чего-то несуразного, ошетилившегося бестолково торчащими усиками мертвых мнемосхем. Это были останки лингвара «Портатиф де люкс», некогда умного и надежного прибора, теперь же обратившегося в пародию на первые эксперименты юного техника.

Прошло еще несколько минут, наполненных суетливыми метаниями и перетряхиванием содержимого сумки, прежде чем Кратов, придерживая подбородком расползающийся в лоскутья скафандр, внезапно осознал, что из всей его экипировки совсем исчезли металлические элементы. «Чертово тесто, — подумал он, роняя из рук бесполезную сумку. — Какая-то металлоядная тварь с диким метаболизмом. Без шума и суеты сожрала весь мой наличный металл и удрала. Гадина...»

А спустя мгновение он понял, что остался без связи. Совершенно один на холодной, враждебной планете, битком набитой разумными плотоядцами, готовыми убить его, загипнотизировать, запороть каменными ножами. Один — безоружный, голый и физически опустошенный.

И наконец наступила ночь.

10.

Кратову казалось, что он возвращается — уверенно, скоро и правильной дорогой. В конце-то концов, он не так уж и далеко убрел от Чуда-Юда!.. Но хотя лес, как и ожидалось, закончился лысой равниной, однако памятного озера, где его могла приманить сияющим взглядом страшная змеедева, не оказалось. Тогда Кратов решил идти вокруг леса, надеясь рано или поздно набрести на знакомую местность. Между тем, темнело гораздо скорее, чем хотелось бы, а холод лез вовсю через растрескавшиеся подошвы ботинок, некогда сработанные из металлопласта, вползал между разошедшихся швов «конхобара». Кратов сцепил зубы и ускорил шаг, не переставая воображать, что вокруг него теплая июльская ночь и ему жарко, жарко, жарко... Он с удовольствием побежал бы, но знал, что тотчас же лишится обуви — а хождение босиком по снегу не слишком-то его соблазняло.

«Чудо-Юдо! — звал он мысленно. — Откликнись, Рыба...» Но биотехн молчал: слишком велико было до него расстояние.

Над вершинами деревьев лениво всплыла луна — маленькая, тусклая, пыльно-красного цвета. Не было ни ветра, ни снегопада. На темно-лиловом небе понемногу разбрелись тучи и россыпью проступили чужие созвездия. Ландшафт преобразился, обрел колдовской вид. На этой зачарованной равнине хорошо всевозможным ночным чудищам подстергать добычу. Например, одинокого, задыхающегося от усталости и отчаяния ксеноло-

га. Напасть на него, повалить, впиться клыками в горло и мигом высосать всю кровь...

Кратов потряс головой, чтобы избавиться от наваждения. Но детские страхи, ненадолго отлетев, тут же вернулись с удесятеренными силами. Ведьмы, черти, упыри из полузабытых сказок обступали маленького перепуганного человечка, неровным шагом пересекавшего припорошенную снегом и подсвеченную слепой луной равнину. Они крались по его следу, хоронились за бугорки, таились между деревьев недалекого леса. Они алчно щелкали зубами и облизывались раздвоенными змеиными языками, с которых капала ядовитая слюна.

Кратов остановился.

«Надо обернуться, — подумал он, ожесточенно загоня назад, в подсознание, эти дурацкие страхи. — Осмотреться, доказать себе, что я один, в целом мире один. И никому я здесь не нужен. Все давно спят — и мышата, и ежата... По ночам разумному существу полагается спать. А здесь дураков нет. Ну, то есть, буквально ни единого дурака! Спит великий вождь Большая Дубина, пуская пузыри жабьим ртом. Спит на заваленном вековой тухлятиной дне озера красноглазый змей, и ему снится добыча, которая ушла от него — как представляется, до поры до времени. Спят в своем лесу резвые чертики, забившись в укромные дупла или в норы между корней. Спят незнакомые покуда ящеры, на ночь вынув тяжелые серьги из ушей. Даже подлая гадина, питающаяся металлом, и та обожралась и спит. Так что надо, надо обернуться...»

Три смутные тени в сотне шагов от него. Серые, едва приметные на снегу. Аморфные, расплывчатые. Уловив движение Кратова, они припали к земле, затаились в расчете на то, что он их не видит.

— Эй! — крикнул Кратов сдавленным голосом.

Тени еще плотнее вжались в землю. Но теперь совершенно отчетливо стало заметно, что они и лежа продолжают красться за ним — ползком, тайно, скрытно.

Страх захлестнул Кратова, судорогами опутал руки и ноги. Он был не один в этой глухой ночи, не один... Вскрикнув, Кратов бросился бежать — не разбирая дороги, спотыкаясь о невидимые кочки, теряя обломки подошв.

Три серые тени приподнялись над снегом и неслышно заскользили следом.

Кратов упал, ткнувшись лицом в хрустящий обжигающий наст. Он тут же вскочил на ноги, но падение отрезвило его, заставило возобновить прерванную цепочку мыслей. «Ну уж нет, — подумал он, стирая грязь с лица. — Смешно мне, звездоходу, плоддеру, погибнуть здесь, на утлой заснеженной планетенке. После всего-то пережитого! Смешно и стыдно. Будем драться, господа призраки!..»

Тени по-прежнему торчали за его спиной, по пядям сокращая расстояние. На открытое нападение они покуда не отваживались. Видно, опытные были ночные охотники — ждали, пока жертва выдохнется окончательно и свалится сама.

Кратов огляделся, успокаивая дыхание. Лес остался по левую руку, и до него было дальше, чем до серого сопочника, что неясным силуэтом громоздился у горизонта. Очертания его показались Кратову знакомыми: у подножия такого же сопочника он распростился с Большой Дубиной. Искать спасения нужно было именно там. Он двинулся к сопкам и, в очередной раз обернувшись, нашел, что преследователи поотстали. Должно быть, не хотели нарываться на неприятности с Земляными Людьми. Однако и не уходили совсем. Просто прилегли на снежок, прикинулись, будто их и нет. Скрадывали...

Кратов прибавил шагу, напряженно вглядываясь в темноту. Скоро ему стало понятно, что встречи со старыми знакомыми, лягушколюдьми, не предвидится. Все едино он лишился главного своего союзника в переговорах — лингвара... На склонах сопок чернели просторные провалы пещер. На лягушиныные лазы это мало походило. Кто мог обитать в этих холодных, открытых всем ветрам пещерах, оставалось только догадываться. Может быть, Каменные Люди?!

Нога Кратова с хлопанием вошла в упругое месиво. У подножия сопки стлался белесый туман, по ближайшем рассмотрении оказавшийся знакомым металлоидным тестом. Его здесь было целое море, и это море бурлило, пузырилось, выбрасывало ленивые протуберанцы, сползая на равнину из пещер.

Первым побуждением Кратова было повернуть прочь. Но он припомнил, что встреча в лесу не причинила ему вреда. Если не считать того обстоятельства, что он лишился всякой связи с внешним миром. Теперь у него нечем было поживиться, и тесто отпускало его, едва задев ноги скользкими равнодушными щупальцами.

Что-то хрунуло под ногами Кратова. Потом еще... и еще. Он застыл на месте и огляделся.

Сквозь тонкий слой причмокивающего месива проступал обглоданный добела скелет.

11.

Ничего человеческого в скелете не было, да и быть не могло. Плоские, почти закрученные в спираль ребра, негнувшийся хребет, две короткие многосуставчатые лапы, выходившие из одного сочленения, приплюснутый череп с тремя пустыми глазницами и разверстой ковшеобразной пастью... Шарахнувшись, Кратов едва не споткнулся о другой остов, в котором он без труда опознал лягушкочеловека. Вокруг него валялись сотни скелетов — хорошо сохранившиеся, накопившиеся здесь за многие годы. А у самого входа в пещеру Кратов увидел бурую лохматую массу. Это был полуразложившийся труп невиданного еще существа, которое громадой, статью и шкурой сильно напоминало обычного земного медведя.

Что собралось весь этот паноптикум здесь? Или кто?.. И отчего все они умерли? Ведь не кисель же этот гнусный задушил их в своих ласковых объятиях!

Черный зияющий провал, до которого нескольких шагов не добрал мохнатый зверь, безлико и равнодушно смотрел на Кратова. Заманчиво было одним махом преодолеть последние метры и скрыться в этой спасительной на вид темноте от зловещих преследователей. Которым почему-то не улыбалось приближаться к заботливо укрытому одеялом из живой булькающей плазмы кладбищу... Может быть, они просто были лучше информированы? Что, если внутри пещеры внезапно обнаружится некий грозный хозяин, нарочно нагромоздивший здесь костяки своих жертв для устрашения непрошен-

ных визитеров? Кратов напруг изрядно отупевшие от холода и усталости чувства. Ничего... Пещера казалась мертвой, заброшенной, тогда как за спиной маялись в нетерпении три ночных призрака, и мысли у них насчет Кратова были весьма и весьма неприятные... Мысли?! Да, конечно. Мысли отчетливые и ясные. Чему уж тут особенно удивляться?

Можно было, разумеется, и не искушать судьбу. Так и проторчать до рассвета на этом терминаторе, между загадочной, малопонятной покуда пещерой и вполне реальной, осязаемой опасностью сзади. Кто знает — если они, к примеру, сугубо ночные животные, то с восходом солнца непременно уйдут прочь, до следующей ночи... Но к утру Кратов гарантированно обратится в сосульку, и никакие воображаемые картины июльского зноя не помогут ему избежать этой бесславной участи. «Иссыхать в псаммийской пустыне... гореть в огненном смерче на Магме-10... а умереть-таки от спокойного ночного заморозка на каком-то там Церусе I? Нет, я так не желаю. В пещере никого нет, может быть — там даже не так холодно, как снаружи... а если я найду какой ни на есть мох или валежник, забытый прежними постояльцами, то проведу ночь в комфорте. Так что будем думать, что все эти бедолаги передохли не выдержав нравственных испытаний при встрече с киселем-металлоядцем. Именно так и будем думать, пока не придумаем чего-нибудь получше. А пока я хочу туда, внутрь, и будь что будет — только без фокусов... Ну, звездоход, смелее!»

Он осторожно перешагнул через останки лохматого неудачника и вступил-таки под своды пещеры...

12.

...этот его шаг внезапно вытянулся в пространстве и времени в бесконечность, нога вырвалась из белесой массы с гулким, размазанным в морозной пустоте и теперь лениво стекающим в ничто, угасающим чмоканьем... нога вырвалась и продолжала свое движение по микрону в минуту, и одна минута тоже распростерлась на века и никак, никак не могла смениться следующей, будто не хотела уступить ей место в этой мимолетности, именуемой миром, Галактикой, вселенной, не желалось ей бесследно капнуть в небытие, откуда нет и не может быть возврата никому и ничему, ибо каждая пылинка, каждый атом под звездами и туманностями — неповторимы, и неповторимы именно в силу своей мимолетности, благодаря все той же минуте, набившимся в нее секундам и терциям, и нельзя, к сожалению, сказать: останись, мгновенье, ты прекрасно! — не остановится, унесется прочь, в недосягаемость, а так порой хочется, но не выходит... и вдруг — вышло! удалось! остановилось и тянется, тянется, и никак не оборвется, только вот понять бы, в чем же прелесть этого мгновения, и есть ли в нем хоть какая-то прелесть, быть может, и нет в нем ничего прекрасного, и узнать бы тогда, кто же приказал ему остановиться...

...а в мозгу вдруг лопнул, словно запущенный нарыв, забурлил горячий вулкан, извергся на волю потоками лавы, и лава эта сплошь состояла из мыслей, мысли были ее природными элементами, ее атомами, им тесно было внутри потоков, им недоставало места даже в моз-

гу, и они норовили вырваться прочь, зажить собственной, вольготной, независимой жизнью, овеществиться, воплотить, воспарить, существовать не импульсами в пятимиллиметровой оболочке серого вещества, а отстраненно, над этой тюрьмой-мозгом, пусть даже и бес-телесно... и они толкались, ссорились, спорили между собой тысячеголосе и сердито, они противоречили себе и всему миру, они выпростались из ярма сознания и были сами себе хозяевами, раскололи разум на фрагменты, словно на анклав, и каждый этот анклав решал свою проблему, и что самое-то занятное — *находил* миллионы решений, и все правильные, и пусть каждое последующее решение было правильнее предыдущего, это ничего не меняло, и можно было бы без особого ущерба остановиться на предыдущем, но анклав в радостном, сверкающем, упоительном бешенстве свободы и раскованности измышляли все новые и новые решения, рвались напролом к совершенству и абсолюту — и находили совершенство и абсолют, чтобы в следующий блистательный миг ниспровергнуть все к чертям и лететь дальше, дальше, дальше, и потрясенный мозг никак не мог вернуться к первозданности, он застыл, оцепенел, капитулировал перед хаосом, ничего не мог с ним поделать, и если бы где-то удалось запомнить, отложить про запас хотя бы миллиардную долю отброшенных идеальных решений... но не осталось ни единого незанятого бушующими анклавами клочка памяти, все сто процентов работали вовсю, и отвергнутые решения немедленно стирались, уничтожались без сожаления, потому что их негде было сохранить, и эта безумная мозаика взрывалась гениальностью, упивалась ею и бешено неслась вперед, раздирая несчастный мозг своими междоусобицами и распирая изнутри не такую уж и прочную черепную коробку...

...при расщеплении кварка выделяется импульс протознергии мощностью в миллиард с лишним... инвариантность ксенологических транзакций предполагает, что... вероятнее всего, тут подошла бы идея рациогена... неверно, что произвольное движение по оси времени невозможно, все дело в... и Ручочка Скайдре посмотрела на него через плечо, и было в ее взгляде... концепция рациогена подразумевает... релаксация гравитационных полей приводит в мгновенному экзометральному прокалыванию без каких бы то ни было... по поводу рациогена уместно предположить, что...

13.

В лицо Кратову полыхнуло ослепительно-синим, и жуткая круговерть оборвалась. Импульсы от позабытых за глобальными проблемами зрительных нервов наконец-то пробились к изнемогшему сознанию, и оттуда поступила слабая, едва различимая команда тревоги. Отчужденное было за ненужностью тело очнулось от столбняка, зажило...

И шарахнулось прочь.

Следующий разряд ударил в то место, где Кратов только что стоял.

Колонна синего огня преграждала вход в залягую пещеру. Змеящиеся отростки выкидывались из нее на склоны сопки, прожигали в наледи черные сухие дорожки, били в корчившееся от недовольствия тесто, сметали прочь вросшие в землю скелеты.

Кратов увяз ногами в костище, споткнулся и упал.

Тонкое жгучее щупальце прыгнуло за ним вслед и цапнуло за плечо, едва прикрытое лохмотьями скафандра. Мир снова взорвался — но уже не мыслями, а болью.

Оглушенный, наполовину парализованный Кратов покатился под уклон. Торкнулся пылающим лицом в спасительно холодный наст и пополз прочь — подальше от страшного, бушующего урагана молний.

«Куда я?.. — внезапно проступило в его сознании. — Там же смерть. И позади — смерть.... всюду смерть...»

Как в бреду, как в кошмаре, он ощутил мягкий, но настойчивый толчок в спину. Сильные лапы перевернули его. Подсвеченное синим адским пламенем небо чу-

жепланетной ночи на миг склонилось над ним и тут же пропало. На Кратова надвинулась поросшая седыми лохмами звериная морда. Маленькие глазки налились кровью, распахнулась розовая клыкастая пасть.

— Уэхх! —дохнула она в лицо Кратову. — Уарр уэхх!..

И продолжала надвигаться и распахиваться все шире и шире.

Интерлюдия. Земля

Между стволов гигантских араукарий (здесь их называли «пинью ду Парана») блуждали вязкие, кажется, — даже различимые взглядом потоки многообразных ароматов, запахов и того, что с величайшей деликатностью можно было назвать «амбрэ». Аромат источали диковинные цветы, что пестрели вразнобой на обширных ухоженных газонах. Запахи принадлежали игрушечным ресторанчикам и кафе, уютившимся в тени царственных деревьев. Откуда бралось остальное, можно было только гадать. Не то от некоторой части особенно экзотических растений (скажем, чудовищных размеров раффлезия, которую они имели сомнительное удовольствие лицезреть и обонять третьего дня на Суматре, воняла как самая последняя падаль, и выглядела примерно так же — но сюда ее, кажется, никаким ветром не занесло), не то от людей... По дорожкам из белого камня неспешно фланировали небольшие компании весьма легкомысленно одетых — а правильнее сказать: изобретательно раздетых! — людей. Ничего не помогало. Можно было раздеться до пределов общественного приличия, как поступало большинство (включая Кратова, в его безыскусных джинсовых шортах и тропической рубашке, завязанной узлом на животе). Можно было обнажиться вовсе (подобно стайке истомленных девиц на одной из лужаек). Растворенный во влажном воздухе жар был беспощаден. Невидимый и желанный, где-то вдалеке негромко и ровно шумел Атлантический океан.

— Скорее бы солнце село, — томно сказала Рашида. — И лучше бы мы поехали на Родригу-ди Фрейтас, или в залив Итаколоми, как нас и звали. На худой конец,

в музей Сантос-Дюмона. А еще лучше, остались бы в отеле.

— Ну уж нет, — запротестовал Кратов. — Попасть в эту сказку и торчать взаперти?!

— Лучше бы мы вернулись на Адриатику, — продолжала привередничать Рашида. — Такое же солнце, так же тепло, а море несравнимо лучше. И вообще, если тебе нужна сказка, следовало бы лететь в Копенгаген...

В одной руке у нее был веер из плотных пальмовых листьев, который она раздобыла у торговца сувенирами. Другой она по-хозяйски обнимала Кратова за шею. Проходившие мимо мужчины, вне зависимости от возраста, заглядывались на нее. Кратову это нравилось: всегда приятно сознавать, что твоя спутница — сногшибательно красивая женщина. И потом, впервые за многие дни никто не тарасился на него... Исключение составляли, пожалуй, лишь дети, которых сильнее всего привлекали спавшие на газонах кверху пузами большие кошки. Кошек можно было гладить — разнеженные и заласканные, они не реагировали.

— Я тоже хочу! — объявила Рашида.

— Гладить, или чтобы тебя гладили? — не удержался он.

Рашида сделала вид, что пропустила это мимо ушей. Отпустившись от Кратова, она скинула сандалии и босиком пробежалась по газону до ближайшей зверюги. Кратов терпеливо ждал, пока она, присев на корточки, о чем-то разговаривала с хладнодушно раскинувшей лапы кошкой сиамского окраса и величиной с доброго сенбернара.

— Вы как две сестры, — сказал он, когда женщина вернулась.

— Знаешь, как они называются? — спросила Рашида, обуваясь. — Спальные кошки. Это такая особая раз-

новидность. Генетический материал пумы или рыси, с влиянием кровей домашней кошки, попытка воспитать поведенческий стереотип собаки...

— Откуда у тебя такие познания?

— У меня были очень разнообразные и просвещенные знакомые... Спальные — не потому, что они все время спят. Это на них можно спать. Можно положить голову им на бок вместо подушки. Тепло, и благотворное животное биополе. Очень полезно детям и старикам. У моего отца есть такая.

— Помню, — сказал Кратов. — Ее зовут Ламия.

— Ах, да...

— Есть такая забавная планета Эльдorado, — промолвил Кратов. — Там боготворят кошек. Но не таких монстров, понятное дело, а обычных дворняжек. Бытует даже выражение: «клянусь кошкой»!

— Самое время рассказать мне про Эльдorado.

— Тебе бы там понравилось. На редкость шалопутный мир. Мир игроков и авантюристов. Мир вспыльчивых мужчин и ветреных женщин. Я провел там несколько удивительных месяцев...

— И, конечно же, у тебя там была ветреная женщина?

Кратов помолчал.

— У меня там была фея, — сказал он, бледно улыбаясь.

Рашида ущипнула его за локоть.

— Чертов бабник, — проговорила она. — Почему же ты расстался с ней?

— Это долгая история.

— Я никуда не спешу...

Кратов отвел взгляд и вдруг сообщил вне какой-либо связи с прежним содержанием беседы:

— В Копенгаген мы тоже полетим.

— Я там была, — сказала Рашида. — Просто так. Но ты, кажется, просто так ничего не делаешь.

— Как раз наоборот. С тех пор, как я вернулся, я практически не совершаю осмысленных поступков. Причем делаю это осмысленно.

— Запутываешь следы? — сощурилась она.

— Примерно... — сказал Кратов. —

Быстрая молния!

Сегодня сверкнет на востоке,

Завтра на западе...¹

— Ты удивишься, — промолвила Рашида, — но, в сущности, Копенгаген ничем не отличается от Рио, от Абакана, или от Танджункаранга. — Кратов саркастически хмыкнул, но ничего не сказал. — Небольшие особенности архитектуры, обусловленные различиями в климате. Преобладание среди туземцев той или другой расовой группы. Под Абаканом можно встретить медведя, но вряд ли найдешь гавиалового крокодила. На Суматре все наоборот. В остальном же... Повсюду тебя примут, накормят, напоят пивом «Карлсберг» и уложат спать в отдельном номере четырехзвездочного отеля. А если ты не любитель «Хилтонов» и «Метрополисов»... Не знаю, как нынче обстоят дела в Галактике, но из любого уголка этой планеты ты можешь добраться до своего дома за три-четыре часа.

— Это я уже отметил, — сказал Кратов. — Но я ничего не имею против пива «Карлсберг» в баре «Хилтона»... где-нибудь на склоне Джомолунгмы.

— Я хочу сказать, что ни один уголок этого мира не обязан быть захолустьем.

— И ни одна женщина не обязана быть уродиней... — пробормотал он себе под нос.

¹ Кикаку (1661 — 1707). Пер. с японского Веры Марковой.

— Что? — переспросила Рашида.

— Так, ерунда... Это слова одной удивительно некрасивой женщины. Некрасивой настолько, что нельзя было глаз отвести.

— Она была действительно некрасива?

— Ну, это ей хотелось, чтобы все считали ее уродиней и жалели. Разве бывают некрасивые женщины?.. Просто у нее все было... чересчур контрастно. И всего много.

— Какая-нибудь бегемотообразная толстуха?!

— Наоборот, худая до звона в ребрышках. У нее были огромные глаза, рот до ушей и гигантский нос.

— И ты с ней...

— Ну разумеется...

Рашида, сморщившись от усилия, снова попыталась его ущипнуть.

— Отрастил мясо, — проворчала она. — Не ухватить... Я-то имела в виду, что любое странствие рано или поздно становится утомительным. Однажды тебе покажется, что ты уже все повидал в этом мире.

— Пока бог миловал, — сказал Кратов безмятежно.

— Все равно. Если ты что-то ищешь — ты ищешь это напрасно.

— «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, — улыбнулся Кратов, — и нет ничего нового под солнцем»¹. Но на самом деле — есть. И под солнцем, и по ту его сторону. В особенности по ту сторону... Нужно прожить очень много лет, чтобы рассуждать, как Экклесиаст.

— Или прожить немного, но так же бурно, как я. На Земле для меня не осталось ничего неожиданного...

¹ Книга Экклесиаста или Проповедника, глава I.

На зеленой лужайке с небольшим фонтаном сидел странный человек. То есть, в нем самом ничего странного не было: сидел себе и сидел. Удивление вызывал витавший над ним голографический фантом. Он изображал собой ярящегося чешуйчатого монстра, с клыкастой слюнявой пастью и выкаченными буркалами. Крюковатые конечности алчно простирались в сторону прохожих. Над монстром трепетала радуга с призывом: «*Чужики, прочь с Земли!*» Молодая парочка, поплескавшись водой из фонтана, вступила с хозяином фантома в беседу. Детишки, мальчик и две девочки, с визгом уворачивались от хваталищ.

— Чужики... слово какое противное. Пойдем и мы, узнаем, что он хочет, — предложил Кратов.

— Не надо, — сказала Рашида, нахмурившись. — Что он хочет, написано на этой дурацкой вывеске. Ты ни в чем его не убедишь. Только расстроишься... Это же метарасист.

— Я могу убедить кого угодно и в чем угодно, — небрежно возразил Кратов. — Это моя профессия.

— Ты никогда не имел дела с фанатиками.

— Я имел дело даже с маньяками!

— Но ты не встречался с земными образчиками!

— Мы оба встречались. Двадцать лет назад, на мини-трампе класса «гиппогриф», бортовой индекс «пятьсот-пятьсот»...

— Все равно не хочу. Я люблю только радостные аттракционы.

Кратов вдруг развеселился.

— Знаешь, кого символизирует это нелепое чучело? — спросил он.

— Тебя, — не замешкалась Рашида. — И таких, как ты.

— Тоссфенхов, только в совершенно неуместной чешуе! Нет у них никакой чешуи. Тоссфенхи — мирные,

деликатнейшие существа, очень близкие нам по образу мышления и нравственным ценностям. Знатоки музыки и поэзии, тонко чувствующие юмор, большие жизнелюбы. Я почти год жизни провел в их обществе.

— И ты с ними... — начала Рашида.

— Нет! — воскликнул Кратов. — Нет! Вот этого — не было! К тому же, тоссы — гермафродиты!

— Тебя это остановило бы? — с иронией осведомилась эта ведьма.

Она вдруг сделалась чрезвычайно озабоченной.

— Пойдем, — Рашида схватила Кратова за руку и почти поволокла в сторону заметного даже из-за исполнинских араукарий здания Тауматеки. — И поживее!

— Что стряслось? — поразился тот. — Мы, кажется, туда вовсе не собирались! Мы хотели просто погулять в окрестностях, ни в коем случае не заходя внутрь...

— Я передумала, — быстро сказала Рашида. — Я простая ветреная женщина, каких у тебя полно было на Эльдорадо...

Кратов все же успел оглянуться на бегу. Он сразу же понял, что побудило Рашиду изменить свои первоначальные намерения.

К потному метарасисту поступью палача, изгнанного из заплочных дел гильдии за излишнюю жестокость, и тем же выражением на лошадиной физиономии, приближался доктор социологии Уго Торрент. Изможденный, всклокоченный, в необъятных шортах со множеством карманов и все той же жилетке до колен.

Аллея закончилась, просто и естественно сменившись величественной колоннадой, накрытой массивным цилиндрическим сводом — последние деревья соседствовали с первыми колоннами из перевитых металлических струн. На громадной высоте, между ребрами полукруглых арок, носились птицы. В проме-

жутках между колонн на одинаковых постаментах из черного мрамора покоились разнообразные аллегорические фигуры.

— Вот это я уже где-то видел, — сказал Кратов, указывая на вздыбленную тварь, очень похожую на безгривого льва, о шести тяжелых лапах с перепонками и при раскидистых лопатовидных рогах.

— Там написано, — пожала плечами Рашида.

Кратов присмотрелся.

— Ну конечно! — воскликнул он. — Это же Титанум. Скульптор, понятное дело, неизвестен... У них эти звери — вроде наших девушек с веслом, на каждом шагу. В городах, посреди пустынь, даже на дне моря!

— Самое время рассказать мне про Титанум.

— Что про него рассказывать? Это же планета Федерации...

— Ты не поверишь, но это я еще помню...

— ... слетай и посмотри.

— Будь ты проклят, Кратов! Я двадцать лет не покидала Земли!

— И это я тоже видел! — он бросился к следующей скульптуре из древнего, некогда девственно-белого, а теперь подернувшегося старческой прозеленью, камня. Скульптура изображала шестилапного ящера с уродливой плоской головой и гребенчатым хвостом. — Я даже привозил такую с Уэркаф по просьбе Института общей ксенологии. Неужели они сбагрили сюда мой подарок?!

— Гляди-ка, вон еще один гад о шести конечностях, — удивилась Рашида.

— Это я не видел, — сказал Кратов. — Какой-то цурахкут со Схамагги. А может быть, — он призадумался, — «цурахкут» — это имя скульптора...

— Похоже, иметь две руки и две ноги в вашей Галактике считается дурным тоном, — заметила Рашида.

— Отчего же, — возразил Кратов. — Такие, как у тебя, — только приветствуется.

— Я сейчас умру! — она притворно закатила глаза. — Не прошло и двадцати лет в окружении многоногих монстров, как этот человек научился говорить комплименты!

— Дьявол, я даже не знаю, где это — Схамагги!

— Ты не обязан знать все.

— Да, но все же хотелось бы... — Кратов рассеянно прочитал табличку под следующей фигурой. — «Уншоршар с планеты Оунзуш». Никогда бы не подумал, что на Оунзуше что-то уцелело после штурмовиков Черной Руки.

— Самое время рассказать мне про Оунзуш, — терпеливо промолвила Рашида.

— Собственно, рассказывать нечего. Была такая планета, населенная умными и добрыми пауками Офуахт...

— Бр-р-р! — поморщилась женщина.

— Потом на нее напали агрессоры.

— Агрессоры — в наше время? В нашей Галактике?! Что еще за агрессоры?

— Ну, какие у нас могут быть агрессоры, кроме эхайнов...

— Кто такие эхайны?

— Зубная боль, — усмехнулся Кратов. — В общем... планета, конечно, осталась. Но теперь там нет ни пауков Офуахт, ни этих вот уншоршаров, которые были у них ездовыми животными, ни даже самого захудалого червяка. Впрочем, кажется, уншоршар попал сюда до того.

— Ни за что не поверю, что можно уничтожить все живое на целой планете!

— Я тоже не верил, пока не увидел собственными глазами... Правда, то был не Оунзуш.

— Есть что-то, чего я о тебе не знаю? — тихо спросила Рашида, тревожно заглядывая ему в глаза.

— Ты ничего обо мне не знаешь, — вздохнул Кратов.

Они шли молча, без особого любопытства разглядывая высеченные из камня, вырезанные из дерева, отлитые из металла образы все более удивительных созданий.

— А вот это ты где-нибудь встречал? — наконец нарушила молчание Рашида.

Кратов непонимающе уставился на монументальную композицию из трех нагих тел, застывших в неестественно напряженных позах, одинаково мускулистых, обративших к небесам одухотворенные лица.

— Неужели Кристенсен?! — ахнул он.

— Он самый, — засмеялась Рашида.

— Да ведь это должны были быть мы!

— Ну нет! — протестующе всплеснула руками женщина. — Где я возьму такие бицепсы и брюшной пресс?!

— Ты — в хорошей форме, — сказал Кратов.

Рашида прищурилась, чуточку притушив полыхание синих глаз.

— Это тогда, в ресторане «Ангел-Эхо», я была в хорошей форме, — промолвила она. — А сейчас я — в отличной... Но таким зверовидным пресмыкающимся я не была никогда.

— К тому же, все трое — мужеска пола, — заметил Кратов.

— Так значит, это не «Устремленные в небо»? — приглядевшись, разочарованно спросила Рашида.

— Нет. Это «Последние титаны».

— То-то я смотрю, они на небо таращатся, — сказала Рашида. — Ждут, наверное, что их папочка Зевс молниями отстегает!

— Мы пришли, — промолвил Кратов. — Что дальше, Рашуля?

...Тауматека, что в переводе с древнегреческого означало «хранилище тайн», таковым и являлась. Это был самый большой в населенной людьми части мироздания музей удивительных и зачастую до сих пор не постигнутых находок, галактическая кунсткамера. Экспозиция Тауматеки превышала даже Вхилугский Компендиум, коим так кичились древние икианхи, лишь отчасти уступала Згохшулфскому Музею галактических культур и, разумеется, вряд ли могла соперничать со Сфазианским Экспонаториумом. Первые экспонаты были доставлены в старое здание (фундамент которого еще сохранился кое-где под стенами современного комплекса) почти двести пятьдесят лет назад, в эпоху бурного освоения Солнечной системы.

Здесь еще можно было увидеть последние сохранившиеся камни из двадцати пяти килограммов реголита, доставленных Армстронгом и Олдрином на Землю из первой лунной экспедиции.

Здесь же был выставлен первый, он же последний, он же единственный добытый венерианский левиафан, самое большое живое существо в мирах Федерации — правда, в виде скелета, поскольку рыхлая плоть чудовища никакой консервации не поддавалась.

Отпечаток четырехпалой ладони в бронированной перчатке на окаменевшей маастрихтской глине мелового периода.

Точно такой же отпечаток, обнаруженный внутри каверны на Каллисто.

Расплющенные страшным ударом, разъеденные кислотными дождями и ядовитыми ветрами Харона, со-

вершенно не поддающиеся идентификации останки неизвестного звездолета.

Чучело пантавра в натуральную величину с планеты Арнеб-3, а рядом — препарированная буйная головушка гренделя-пилигрима оттуда же.

Удивительные, не вписывающиеся ни в какую таксономию (не то флора, не то фауна, не то черт-те что!) обитатели Жующих Туннелей с планеты Хомбо, вполне живые и энергичные, несмотря на враждебные по определению условия обитания.

Слоистые минералы с Уадамы.

Красный пирошит с планеты Пирош-Ас. А также черный пирошит и синий пирошит.

И еще адова прорва всего.

Сюда стекались чудеса и диковины со всех уголков исследованной, исследуемой и подлежащей исследованию Галактики. Здесь можно было найти ответы на еще не заданные вопросы, а по большей части — задавать и задавать нескончаемые вопросы без особенной надежды когда-либо узнать ответ...

Теперь циклопический комплекс Тауматеки нависал над ними всей своей громадой. Необозримый снаружи, внутри он должен был оказаться еще просторнее (хотя бы потому, что на десяток этажей уходил под землю). Ворота в несколько человеческих ростов были зазывно приоткрыты.

— Ну вот, — сказала Рашида. — Видит бог, мы не хотели. Мы думали только пройти мимо. Оказаться в Рио и не отметить возле Тауматеки — это было бы фальшиво. Но внутрь мы никак не собирались. Это как испытание воли, проверка характера на излом.

— У нас еще есть шанс выдержать это испытание, — заметил Кратов.

— Согласись, что теперь, на самом пороге, поворачивать назад просто глупо!

Кратов неопределенно пожал плечами.

Уже внутри, в янтарном тускловатом свете, в струях животворной прохлады, перед недоступным самому разнузданному воображению костяком венерианского левиафана, Рашида вдруг тихонько засмеялась.

— Кажется, ты опять затащил меня, куда и хотел! — сказала она.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Эпицентр II

1.

— Надо признать, мне здесь не слишком нравится, — сказал Лерман. — Не планета, а пустошь. Все вымерзло до хруста...

Энграф промолчал. Он стоял по колени в снегу, нахихлившись, и кутался в роскошный меховой плащ не по росту. Во время перелета его с отвычки слегка укачало, так что на душе у Григория Матвеевича до сих пор было муторно.

— Кратовский биотехн нашелся только вчера, — продолжал Лерман. — Он лежит... или стоит, аллах его разберет... в трех километрах от нас, по ту сторону сопок. На попытки гравиволновой и телепатической связи не откликнулся. — Энграф по-прежнему безмолвствовал, и Лерман рискнул предположить: — Может быть, он неисправен? Или — как это бывает у биотехнов — подход?

— У сфазрианских биотехнов так не бывает, — проворчал Энграф. — Они не ломаются и не дохнут. Ну разве что угодят сдуру в центр какого-нибудь... астрального катаклизма.

— Мы не отважились к нему приблизиться. — смущенно произнес Лерман. — Кто знает, что он там решит о нас... Еще врежет разрядом, приняв за личных врагов своего хозяина.

— Безосновательно! — Григорий Матвеевич чувствовал себя ужасно, и некомпетентность собеседника оптимизма ему не подбавляла. В его голосе прорезались противные менторские интонации. — Биотехны этой модификации изначально ориентированы на доброе расположение к вертикальным гуманоидам. То есть к нам с вами. Не на четвереньках же вы к нему подползете! Думаю, сейчас ему и впрямь не до ваших визитов вежливости. Он находится в ожидании телепатического контакта с Кратовым и все свои ресурсы направил на достижение этой цели. А иные сношения с окружающей средой прервал как отвлекающие и ненужные. Это чрезвычайно самоотверженное животное... Надо ожидать, что приблизительно через два дня он взлетит и самостоятельно начнет проточесывание планеты с воздуха в поисках Кратова.

— А нельзя ли убедить его взлететь пораньше?

— Нельзя, — лязгнул Энграф. — Он так запрограммирован.

— И кто выдумал эти программируемые инстинкты! — сокрушенно сказал Лерман.

— Наши старшие братья гилурги, — усмехнулся Григорий Матвеевич. — Можете направить им претензию. Только не удивляйтесь после, если они персонально для вас выведут биотехна вообще без инстинктов. Представляю, — мученически бледный лик Энграфа ожил, — как вы наместесь с этим ублюдком!

Лерман тоже кисло улыбнулся.

— Знать бы, есть у нас эти два дня или нет, — сказал он. — Кратов пропал позавчера утром. По его словам, на планете в момент его последнего выхода на связь был полдень. Это произошло сразу после того, как он открыл третью разумную расу.

— Эти самые... э-э... водоплавающие?

— Да. Наши переговоры носили весьма сумбурный характер, ибо Кратов был под впечатлением своего мимолетного контакта с третьей расой. По его предположениям, это были ихтиоморфы или еще один вид амфибий. К сожалению, сообщить координаты своего местонахождения он не удосужился.

— А вы, коллега, не удосужились об этом полюбопытствовать, — ввернул Энграф.

— Моя вина... Но Кратов выходил на связь каждые два часа, всегда был совершенно спокоен, уверен в собственных силах, ироничен — ну, вы знаете его лучше меня... Ничто в его поведении не предвещало... осложнений. Из его слов я заключил, что он каким-то образом очутился на берегу некоего водоема.

— Ногами, небось, пришел, — язвительно предположил Григорий Матвеевич.

— Мы сделали космосъемку окрестностей. Озер здесь не так много. Но накануне прошел снегопад, и не осталось никаких шансов обнаружить следы. Поскольку Кратов упомянул о своих спутниках, выручивших его в минуту опасности, можно предположить, что он в сопровождении Земляных Людей отправился на прогулку.

— Прогулка! — сердито хмыкнул Энграф. — Я действительно неплохо знаю Кратова и могу вас заверить, что он шел искать вторую расу. Этих самых... э-э... рептилоидов с сережками. Не в его характере ждать подмоги и уступать пальму первенства. А на третью расу он

налетел попутно. И если мы выведем у сеньора Великой Дубины...

— Большой Дубины, — почтительно поправил Лерман.

— ...охотничий маршрут к каменным хоромам рептилоидов, то сможем точно установить, у какого озера побывал Костя и где именно бесследно исчез.

— Земляные Люди на контакт пока не идут, — сказал Лерман и нахмурился. — Закупорились в своих норах и носа не кажут. Мои ксенологи сделали рейд в поисках других поселений этих амфибий — там все обстоит еще хуже. На них дважды нападали.

— Надеюсь, жертв нет?

— Одному расквасили нос, не считая мелких царапин и синяков...

— Меня интересуют последствия упомянутого рейда для Земляных Людей!

— Ну, эти-то как раз остались вполне удовлетворены результатом. Еще бы: обратили злокозненных пришельцев в постыдное бегство!

— Нападали... — задумчиво промолвил Энграф. — Это что же — не проявили интереса к гостям, в отличие от Большой Дубины?

— Именно так, — подтвердил Лерман слегка растерянно.

— А какое оружие они при этом употребляли?

— Никакого.

— Ни каменных ножей, ни деревянных палиц?

— Абсолютно ничего.

— Гм... — Энграф выпростал руку из складок плаща, сунул ее под капюшон и почесал затылок. — Видел я этих амфибий. То, что они накинлись на чужаков, мне отчего-то более понятно, нежели эти дипломатические ухищрения... вроде трухлявого дубья ограниченной боевой мощности. А как вам?

— Я... не задумывался над этим, — сказал Лерман осторожно. — У меня сейчас одна мысль — как разыскать Кратова.

— Костя Кратов, наверное, тоже думал о другом. Да и когда ему было строить социометрические модели в этой карусели?! Три разумных расы. Правда, две из них — предположительно разумные... И все наперегонки едят друг дружку.

Лерман молча пожал плечами.

— И тем не менее, коли мы не проясним ситуации, — продолжал Григорий Матвеевич, — мы ничего не добьемся. И Костю не найдем, и аборигенам не поможем. Я предлагаю следующий план действий. Если, разумеется, у вас, как у руководителя миссии, нет своих соображений... — Лерман энергично замотал головой. — Установить за биотехном постоянное наблюдение и, буде он вознамерится пуститься на поиски хозяина, неотступно за ним следовать, сохраняя при этом почтительное расстояние. Он найдет Кратова — если уж он не найдет, то и никто не найдет... До того момента, иначе говоря — немедленно, выслать во все отдаленные области материка небольшие мобильные группы по три-четыре человека. Если не хватит народу, можете вызвать с других стационаров, все будут рады помочь, да и порастрастись заодно... Их задача — предпринять активные попытки вступить в контакт с племенами Земляных Людей. При малейшем неудовольствии со стороны туземцев — попытки сии оставить, ограничься нанесением местонахождения племени на карту, и переходить к следующему участку. Если контакт налаживается — делать то же самое, но с необходимыми реверансами. На другие расы, буде таковые встретятся, не отвлекаться — только отмечать на карте. Работать от края к центру, то есть от побережья к нам. О ходе операции постоянно

информировать меня. Через вас, коллега, разумеется. Далее... Вы встречались с Кратовым визави?

— Не так часто, как хотелось бы.

— Найдите среди вашего персонала толкового ксенолога, внешне достаточно схожего с Кратовым. Напомню вам физические характеристики Галактического Консула: возраст тридцать семь лет, рост — два с небольшим, вес — сто тридцать, телосложение демонстративно атлетическое. То бишь, одну мышцу можно отличить от другой, как на анатомическом атласе, а не как у нас с вами. Хотя вряд ли его там раздевали... Светлый шатен, лицо широкое, глаза серые, в отраженном свете кажутся зеленоватыми. Обратите особое внимание на глаза — это важнейшая характеристика. Когда найдете, пришлите ко мне на инструктаж.

— Ну, это несложно; — загадочно сощурился Лерман и приблизил видеобраслет к лицу. — Доктор Сидящий Бык, это директор Лерман. Будьте любезны, подойдите к нам.

Когда тот приблизился, Энграф на некоторое время от изумления утратил дар речи. Ему захотелось протереть глаза.

— Вы что, заранее такого подобрали?! — наконец осведомился он у Лермана, донельзя довольного произведенным эффектом.

2.

Ксенолог Сидящий Бык стоял перед ними, спокойно изучая Григория Матвеевича ледяными серыми глазами. Тому живо припомнилась их первая с Кратовым (но отнюдь не последняя) междоусобица по поводу милой женщины Руточки Скайдре, затюканной капризами мужского населения Парадиза. Так и чудилось, что сейчас последует холодное перечисление очередных претензий... Но Сидящий Бык просто молчал и глядел на потрясенного Энграфа сверху вниз.

— Я предполагал, что на первом этапе контакта с Земляными Людьми нам потребуется двойник Кратова, — сказал Лерман. — И, чтобы не тратить времени на подбор кандидатуры, обратился в Канадский институт экспериментальной антропологии.

— Так это человек-2? — прошептал ему на ухо сконфуженный Энграф. — То-то я гляжу, имя какое-то странное...

— Можете говорить вслух, — равнодушно произнес Сидящий Бык. — Как в третьем лице, так и обращаясь непосредственно ко мне. Все равно я слышу. Обсуждение вопроса о моем происхождении меня не шокирует.

— Представьтесь, коллега, — попросил Лерман с тайным предвкушением.

— Мое имя — Сидящий Бык. Я принял его в память об одном из вождей объединенного войска индейских племен сну и шайенов, в ходе войны за золотоносные холмы Блэк Хиллз уничтоживших 25 июня 1876 года Седьмой кавалерийский полк под командованием гене-

рала Кастера над рекой Литл Биг Хорн. Почему-то именно этот факт вошел в историю в связи с именем вождя Сидящего Быка, хотя несколько раньше те же войска нанесли поражение основным силам захватчиков, в составе пятнадцати эскадронов кавалерии и пяти рот пехоты под командованием генерала Крука. Это наша традиция — принимать индейские имена в знак уважения к земле, на которой мы родились. Иных родителей у нас нет. По происхождению я человек-2. Прошел специализацию в области звездной навигации, экзобиологии и прикладной ксеносоциометрии для участия в ксенологических миссиях Галактического Братства. Дополнительно адаптирован для миссии на планете Церус I в качестве двойника доктора Кратова.

— Изумительно, — пробормотал Григорий Матвеевич. — Тогда вы, очевидно, знаете свою роль и без моего суфляжа?

— Мне неизвестно, какую программу действий вы предполагали мне предписать. Но я думаю, что мне следует появиться в окрестностях поселения Земляных Людей в скафандре «конхобар комфорт», идентичном тому, что был на докторе Кратове, и фактом своего присутствия побудить вождя Большую Дубину к возобновлению контакта. При мне должен быть лингвар типа «Портатиф де люкс», с помощью которого я в кратчайший срок должен буду изучить язык Земляных Людей и выяснить у них маршрут, которым доктор Кратов ушел на поиски второй разумной расы.

— У меня ощущение, что вы битый час разыгрываете передо мной спектакль, — нахмурился Энграф. — Причем свое либретто из каких-то соображений пытаетесь искусно выдать за мое!

— Да нет же, — возразил Лерман. — То есть, отдельные ваши указания я предвидел и просто хотел убе-

даться в их разумности. Но тактику концентрического поиска я не предусмотрел.

— За каким чертом я сюда летел... — буркнул Григорий Матвеевич.

— Я могу начать действовать? — сдержанно осведомился Сидящий Бык.

— Да, разумеется... коллега, — промолвил Энграф и, выждав, когда тот удалился, спросил: — Как вы с ним обходитесь? Должно быть, непросто иметь в составе миссии такого... э-э... союзника?

— А как вы срабатываетесь с коллегами по Галактическому Братству? — любопытствовал Лерман. — Те и вовсе не люди, ни по естеству, ни по психологии.

— Не знаю, не знаю, — Энграф с сомнением покачал головой. — Не человек. Но и не робот. А Бог ведь что...

— Скорее, человек, — уверенно заявил Лерман. — И даже с чувством юмора. Правда, оно у него весьма своеобразное, и в отличие от нас, так сказать — людей-1, он принципиально избегает оттачивать его на окружающих. И вообще почитает юмор за низшую компоненту своего интеллекта. Может быть, не без оснований?

— М-да... — Григорий Матвеевич поежился. — Мы с вами здесь ведем дискуссии о человеческой природе, а Костя Кратов сгинул в неизвестности.

— Это я виноват, — помрачнел Лерман. — Нужно было убедить его никуда не отлучаться с корабля.

— Не убивайтесь, коллега. Вы ничего бы не достигли, поставив перед собой эту нереальную задачу. — Энграф на мгновение вновь погрузился в воспоминания. — Он никогда и никому не уступал права на собственный поступок.

3.

В кают-компании, куда они вернулись погреться, царило деловитое возбуждение. Энграф, давно уже не окунавшийся в суматошную атмосферу ксенологических миссий, с плохо скрытым любопытством прислушивался к отрывистым переговорам на бегу между бойкими юнцами, что не вылетали еще высокого ценза, но работу свою знали на совесть. Несколько раз его вежливо, но настойчиво отодвигали. «Чей это дедушка?» — услышал он за спиной малопочтительный шепоток. «Говорят, патриарх четвертой разумной расы...» — «Нет, серьезно! Я где-то видел этого Николу-угодника» — «Скорее, Гэндальфа Серого...» Григорий Матвеевич вскинулся было с негодованием, но сдержался: во-первых, по его представлениям Гэндальф был обладателем солидной бороды. А во-вторых, эти сопляки вряд ли могли знать, как зовут козла в Парадизе.

«Я работаю на Сфазисе скоро тридцать лет, а Костя Кратов — два года, — с грустью думал Энграф. — Но его узнают в любом уголке Галактики. Вокруг него мгновенно образуется вакуум известности. Поначалу ему нравилось, хотя он и стыдился в том сознаться. Потом ему надоело, а еще позже стало угнетать. Как надоело однажды мне... Меня тоже узнавали, а теперь забыли и толкают локтями. Хорошо, хоть извиняются при этом...»

Все внимание было нацелено на квадрат местности неподалеку от поселения Земляных Людей, куда сейчас неспешной раскачивающейся походкой двигался Сидящий Бык.

— Чертовщина, — промолвил Энграф. — У него даже осанка кратовская!

— Готовили специалисты, — со значением сказал Лерман. — В деталях, вплоть до старых ожогов. Что было, наверное, лишним. Там это быстро... — Не оборачиваясь, он спросил у дежурного наблюдателя: — Мониторы?

— В воздухе.

— Дайте максимум на сопки.

Черные, с подмерзшей утопанной грязью вокруг, лазы, что вели к подземному болоту, наплывом увеличились во весь экран.

— Тишина, — пробормотал Лерман сердито.

— По-моему, там что-то копошится, — с сомнением заметил Энграф.

— Просто нам очень хочется, чтобы там что-то копошилось... Пойдемте пить чай, Григорий Матвеевич. Если возникнет что-нибудь интересное, нам сообщат.

Они успели дойти только до дверей.

— Здесь Сидящий Бык, — разнеслось по кораблю. — Я у цели. Земляные Люди появились из потайного хода за пределами обзора с мониторов и приближаются ко мне. Впереди, по всей вероятности, вождь. Он вооружен дубиной и каменным ножом, но настроен мирно. Эмо-фон, как и ожидалось, не сканируется... Если хотите полюбоваться, переместите мониторы к северу. Следующий сеанс через полчаса.

— Похоже, ваш план работает, — сказал Лерман.

— Не морочьте мне голову, — отмахнулся Григорий Матвеевич и кивнул на соседний экран.

Там видна была четкая шеренга еще со вчерашнего вечера готовых к взлету новеньких четырехместных гравитров.

4.

— Здесь паршиво, — сказал Бубб, почесывая грязным когтистым пальцем между лопаток. — Жрать нечего. Днем холодно, шерсть в такие сосульки смерзается, что с подстилки не встанешь. Завшивели с ног до макушек. Ты бог, ты и сделай так, чтобы нам было хорошо. А мы на тебя молиться будем.

— Какой я бог, — устало отмахнулся Кратов. — Ты и сам прекрасно знаешь. Ты же с головой самец.

— С головой, — согласился Бубб. — Со вшивой.

Тут он растворил жуткую пасть и заржал так, что в темном углу зашевелились полусонные самки и тоненько заскулил, запричитал детеныш.

— Цыц! — рывкнул Бубб, и шевеление испуганно улеглось. — Так и живем, — продолжал он, развернувшись к Кратову всем корпусом. Шеи у него не было, круглая голова прочно вросла в мощные плечевые мышцы. — В грязи, без радостей, без удобств. Одни страхи... Что скажешь, бог?

— Еще раз назовешь меня богом, получишь по рогам, — пообещал Кратов. — Понятно тебе, вождь трепаный?

Бубб снова хохотнул. Это он понимал. Что-что, а силу здесь все понимали безоговорочно. К тому же, он имел повод оценить боевые качества Кратова при первом же знакомстве. Вместе с двумя следопытами он крался за ним до самого Огненного Капища. А потом оттащил подальше от растревоженных молний и, склонившись над ним, полумертвым от боли и страха, спро-

сил не без ехидства: «Ну что, раздолбай? Получил свое, дурень?» А в ответ заработал жестокий удар под ребра и угодил в мертвый удушающий захват, и лишь подоспевшие на подмогу следопыты уберегли его от серьезных увечий. И долго еще не могли подступиться к сопротивлявшемуся в беспамятстве Кратову, пока тот не сомлел окончательно.

— Ты сильный, — сказал Бубб уважительно. — Ты странный. Кто ты? Леший тебя разберет...

В полумраке под вонючими шкурами сердито забормotalи, забубнили заговоры от дурного глаза, от злой силы, от леших и упырей. Бубб собрался с духом и презрительно плюнул на просочившийся сквозь хворостяные завалы тусклый солнечный зайчик.

— Срал я на леших! — объявил он, храбрясь. — Пусть только сунутся. Я тоже сильный!

— Сильный Бубб, сильный... — угодливо зашелестели по углам сидевшие истуканами молодые самцы. — Бубб срал и на леших, и на упырей... Бубб на всех срал... Бубб умный, хитрый...

— Вот, — с удовлетворением изрек Бубб. — Не бог ты, говоришь? А сам на черном звере спустился с неба. Одет не по-людски. Болотом не пахнешь, рыбой не пахнешь, змеей не пахнешь. Третьего глаза у тебя нет, это как понять?! Нет, ты мне уши не заплетай, не здешний ты. То вообще ничего не говорил, только похрюкивал чудно. А то по-нашему заладил, да так, что слушать — не переслушать... Вот ты сказал: получишь, мол, Бубб, по рогам. А у меня никаких рогов и нет. Выходит — ты мне их додумал. Это что же — ты додумывать горазд почище моего?!

— Это я просто так сказал, — смутился Кратов. — В шутку.

— Нет такого слова — «шшутхха», — веско заметил Бубб. — У вас там, на небе, может, и есть, а в нашей

дерьмовой грязи нет. Слушай, а вдруг ты мне снишься? Вдруг я только хочу, чтобы ты был? — Он помолчал, соображая. — Нет, не снишься — сны так больно не дерутся... А чего ты в Огненное Капище сунулся? Тебе туда зачем?

— Низачем. Я от вас хотел укрыться.

— Уэхх, — сказал Бубб. — Дурень. Стали бы мы тебя есть такого, жди дольше... Будь ты болотник или скальник — тогда, конечно, заели бы, уж не обессудь. А того, что нам неведомо, мы не трогаем. Нас мало. Передохнем еще от твоего мяса — кто самок от леших оборонит? Пропадать им, что ли? Жалко... Они раньше красивые были, самки-то: гладкие, шерсть серебристая, пуховая. Это они сейчас завшивели, когда нас всякая нечисть в берлоги загнала. А прежде-то ты и сам, небось, не погнушался бы, потягал бы наших самочек...

— А что это такое — Огненное Капище? — в сотый раз попробовал с разбегу одолеть барьер запретной темы Кратов.

— Опять ты за свое, — проворчал Бубб. — Да ну его в дерьмо, Капище это... Давай лучше слова придумывать. Здорово у тебя получается. Я иной раз гляжу перед собой и чувствую, что слов мне недостает, а придумать ума нет. Вроде голубое — а не голубое. Зеленое — а не зеленое. На самку погляжу, захочется ей хорошее слово сказать, а на языке одна дрянь да пакость мельтешит. Ну, и бухнешь ей, бывало, с досады-то. Между рогов, хэхх... А ты только глянул — и сразу нужное слово говоришь. Откуда у тебя их столько? А еще врешь, будто не бог...

— Я не бог. Просто мой язык богаче твоего. Потому что старше. В моем мире было много языков, некоторые умерли, некоторые слились воедино, как ручейки в реку.

А реки текут в море, и все их капли — в морских волнах. Так и мой язык...

— Это верно. У нас, Длинных Зубов, одни с Тупыми Топорами слова. А те, что за лесом живут, Грызопяты, только ругаются по-нашему. Ну, а скажем, Пескоеды, что на побережье обосновались... Я вот думаю: может, мне выучить твой язык? И тогда мне легче жить будет. Тогда я сразу придумаю, отчего нам поначалу хорошо было, а теперь стало хуже некуда.

— Ты все таишься от меня, — укоризненно промолвил Кратов. — Про Капище не говоришь. С чего все ваши беды начались, молчишь. Как я тебе помогу?

— Никак, наверное. Ты один. Это ты сейчас немного в силу вошел, а еще третьего дня лежал дерьмо дерьмом. Что ты сможешь, один-то?

— Я буду не один. Уже сейчас нас должно быть много здесь. И все сплошь такие же, как я. Ищут меня, наверное... а я с тобой тут в слова играю.

— А вдруг не такие? Ты же сам говорил, что сперва хотел помочь болотникам. Потом пожалел скальников и пошел к ним, да тебя лешие остановили. А ну как твоим дружкам болотники больше поглянуты? Или, скажем, русалы? Срали они тогда на нас...

— Нет, Бубб. Ты не понимаешь. Мы жалеем вас всех. Мы понимаем, что вы в беде. Мы хотим, чтобы все вы жили хорошо. И не ели друг друга.

— Как так? — хмыкнул Бубб. — Что прикажешь нам есть? Траву? Или тебя? Я тебя есть не стану, и не уговаривай, сдохну еще...

— А ты думаешь, болотникам хорошо живется? Они тоже мне жаловались. На вас, наверное. А скальникам разве приятно, когда их болотники скрадывают?! Ты умный, Бубб. Но и болотники тоже умеют думать, правда — слов у них совсем мало.

— Хэхх... Я знаю. Лешие вокруг берлог кругами ходят, между собой аукаются. Сидишь, бывало, слушаешь — и понимать начинаешь... Страшно это, Хрра-тов. Страшно, когда все умные. Идешь на охоту, а сам думаешь: ведь и за тобой кто-нибудь да охотится! Нет, не жизнь это.

— Расскажи мне про Огненное Капище, Бубб. Мне кажется, я смогу вам помочь.

— Далось тебе это Капище! Нет, зря мы тебя вытащили. Лежал бы себе в киселе, морозил бы косточки... А пойдем-ка в угол, не то перепугаем всех своими разговорами.

Кратов приподнялся на локтях и пополз следом за Буббом, волоча парализованные ноги. Странно получилось: молния задела плечо, а отнялись ноги. Правда, утром ему почудилось легкое покалывание в кончиках пальцев. Но потом все прошло, и снова он вынужден карабкаться по загаженному полу огромной берлоги, будто передавленная гусеница... Бубб выждал, пока Кратов устроится на новом месте, и подоткнул под него вытертую до лоска шкуру.

— Я тогда детенышем был, — сказал он, примавившись рядом. — Ты не поверишь, но добыть болотника было мне проще, чем почесаться. Выйдешь, бывало, на охоту, а он сидит на снегу и гляделками лупает. Ты к нему, а он сидит. Ну, и без хлопот подберешься вплотную, да ихватишь дубиной. Между рогов... И лег на сопки туман — густой, плывучий, шагу ступить невозможно. День лежит, ночь лежит... Мы с Ггахом, соутробником моим, на дерево вскарабкались посмотреть — а возле сопки из тумана струи бьют под самые облака. На третий день шаман плясать пустился. Наплясался, упал и говорит: туман долго лежать будет, нужно охотникам наощупь добычу искать. Не найдут —

все с голоду пропадем. Охотники встали и ушли в туман. К ночи только двое вернулись ни с чем. А наутро еще двое, тоже налегке. Встретили, говорят, болотника. Только приправились его добыть, а он прыг-скок, и удра. Они догонять — а там болотников целая стая. И, не поверишь, все с дубинами. Как затеялись наших колошматить...

— Откуда же взялись эти умные болотники?

— Подожди, не перебивай, не то забуду, с чего начал... Шаман-то наврал: через два дня туман схлынул, весь в сопки ушел. Обрадовались мы, на радостях шамана съели, чтобы впредь не блажил попусту. Ну, дураем, сейчас добычи натаскаем, с болотниками поквитаемся. Пошли на охоту, да лесом. А там нас лешие и прихватили. И ножами пороть! А ножи у них — не то что когти, сам знаешь... И откуда они только взялись? Нет, мы всегда знали, что, мол, живут в лесу тварюшки, от всех прячутся, да так ловко, что и не углядишь. Безобидные, траву да ягоды едят. Вот эти-то тварюшки и загнали нас в берлоги, так что уха не высунешь, только по ночам.

— Но Капище-то здесь при чем?

— Уэхх уххарр! Да не было раньше никакого Капища! Были пещеры как пещеры — мы там зимовали как-то, да не понравилось: задувает сильно. Потом сосед наш по долине, Гаухх из Тупых Топоров, под кладбище их приспособил. В них-то и поселился этот липучий туман. До сих пор иногда по лесу блудит, ищет чего-то. Вреда от него никакого, только противно, как он тебя щупает за всякие места. Но к пещерам стало не подступиться. Подойдешь — а тебя огнем в харю... Я молодой был, тоже хаживал, да вовремя отвернул. Болотники, скальники туда совались, как ровно тянет их что — все полегли. Даже русалы несколько

раз приползали, ходить-то они не горазды. А в прошлое полнолуние Ггах заволновался: «Не могу, говорит, я больше так. Пойду ума наберусь и додумаюсь, как нам из этого убожества выцарапать...» Тоже там остался.

— Что значит — ума наберусь? — насторожился Кратов.

— А то и значит! — рыкнул Бубб. — За умом все туда тянутся. Как подходишь к Капищу, так будто в башке свет зажигается. Слова всякие сами собой рождаются. А уж если до входа доберешься — так мудрецом из мудрецов сделаешься, никто тебе не страшен будет. Да только попробуй после эту мудрость оттуда унести!.. Ггах не унес. Болотники не унесли. По слухам, один скальник чуть было не унес — на нашу гибель, да лишку ему перепало: по дороге свихнулся и обратно в Капище свернул. Ну, дважды счастье никому не улыбается... Надо, Хрра-тов, меру своим силам знать. Я вот унес сколько смог, и то теперь мучаюсь, слов мне недостает. А ты без ног остался, хоть и поумнел.

— Не поумнел я, Бубб. И нет в Огненном Капище никакой мудрости. Там что-то другое... Может, туман этот ползучий способствует, но если есть у тебя умишко, то на пороге пещеры он обостряется завершенно. Весь ты превращаешься в сплошной ум, работающий на бешеном напряжении. И у меня такое чувство, будто тогда, стоя у входа в Капище, я нашел разгадку всех ваших бед. Хоть и не знал даже твоей истории.

— За то ногами и расплатился, — заявил Бубб. — Знаешь, да из берлоги не вынесешь! А я — своими словесными муками. Иной раз в голову такое лезет — не объяснишь что. А тем более — зачем. Вроде обычные слова, а так ловко встанут, что переставляют жалко и хочется бормотать их без устали. Я своим самкам расска-

зал — они обрадовались, решили, что я новый заговор придумал от леших. Ну, разозлился я, конечно, разогнал их по углам... Охотникам да следопытам рассказал — те ни лешего не поняли. Вот послушай:

*Эй вы, нечисть,
В землю вас по уши!
Я вам спою сейчас, —
Порадуетесь, поплачете
Со мною вместе.*

— Я знаю, что это такое, — улыбнулся Кратов. — Никакой это не заговор, Бубб. Это называется «стихи». Послушал я тебя и вспомнил одного нашего древнего поэта. Поэт — все едино что шаман, словами колдовство наводит. Только не злое... Звали его Татибана Акэми. Было у него:

*Слышу за окном
Завыванья демонов —
Ночью нынешней
Им от счастья слезы лить,
Слушая мои стихи.¹*

— Стиххи, оххно... — проворчал Бубб. — Опять новые слова! Никакой башки не хватит, чтобы все запомнить. Знал бы ты, как я с тобой намаялся, когда ты бредил! Из тебя, как из обожравшегося дерьмом дурака, так и перли эти диковинные слова. Особенно одно, не выговорить никак...

— Ну, и что за слово, Бубб? — рассеянно спросил Кратов.

— Погоди, язык нужно за ухо завернуть, как у болотника какого... Рра... ррхи... тыфу, леший!.. Ррах-хиосс...

— РАЦИОГЕН?!

¹ Татибана Акэми (1811 — 1868). Пер. с японского А. Долина.

Кратову на миг показалось, что мозг его снова, как тогда, на пороге Огненного Капища, взрывается изнутри озарением истины.

Радиоген.

Он вскинулся на локти, пытаясь встать — острая нервная боль искрой скользнула вдоль позвоночника. В глазах зарыбило. Переположенный Бубб попытился в дальний угол берлоги и растерянно присел на закемарившего охотника, что стерег вход... Пока он награждал того увесистыми оплеухами за ротозейство, попутно вымещая на нем раздражение за свой нечаянный испуг, Кратов лежал, закрыв глаза и стиснув зубы. Снова и снова посылал мысленный приказ безжизненным, бесчувственным своим ногам, требовал подчиниться — хотя бы на чуть-чуть выйти из предательского одеревенения!

— Вот что, Бубб, — прохрипел он, обессилив. — Я должен добраться до своих друзей. Это спасение — мое и ваше.

— Должен... — передразнил тот. — Ходок из тебя — как из меня пловец. Сами мы тебя больше на себе не потащим — лешие заporют на полдороге. Лежи себе, думай! Может, что путное надумаешь, ты же думать горазд.

— Да не могу я лежать, пока вы тут жреге один другого! — застонал Кратов. — Ну, подлые, я заставляю вас слушаться! Заставлю!..

И он снова набросился на свои мертвые ноги, обливаясь холодным потом от приступов боли.

— Бубб, гляди! Согнулась... в колене!

Но тот сидел, отвернув мохнатую морду к прогнившей куче валежника, зажмурив темной глаз, и бормотал заговор собственного сочинения — от трусости и душевного смятения:

*Хозяйка Черная Земля,
Освободись от снега,
Своими силами со мною поделись,
Чтоб не свернуть мне,
Впереди завидев свет...*

5.

Услышав шаги в пустом коридоре, Григорий Матвеевич оторвал тяжелую с недосыпу голову от жесткого валика дивана. Это был Лерман, и вид его тоже оставлял желать много лучшего. Никто на кораблях миссии не мог спокойно спать и нормально питаться в последние дни, и тут не помогали ни уговоры, ни приказы, ни даже угрозы в двадцать четыре часа списать к дьяволу из Галактики на Землю.

— Вернулись два гравитра, — сказал Лерман тусклым голосом. — Из тех, что ушли в концентрический поиск. То же самое...

— Что биотехн?

— Торчит на месте. Никаких признаков жизни.

— Земляные Люди?

— Тайм-аут. Сидящий Бык донимал расспросами Большую Дубину десять часов кряду, пока тот не повалился на бок и не отключился. Ему-то что, ни заботы ни труда... Сидящий Бык вынужден был возвратиться — началась пурга. Ничего нового вызнать ему не удалось. Кратов с тремя охотниками ушел к Каменным Людям... и растворился в воздухе.

— В самом деле, откуда Большой Дубине знать, чем закончилось это путешествие? Занятно, не правда ли: вождь Сидящий Бык интервьюирует вождя Большую Дубину! — Энграф заворочался в своем мохнатом плаще, который он употребил в качестве пледа, и сел. — В Парадизе встали все дела, — сообщил он печально. — У Кости был непростой и отнюдь не легкий характер, по

теперь обнаружилось, что именно этой ложки горчицы нам и не хватало в нашей повседневной амброзии... Гунганг с Рошаром теребят меня о ходе поисков каждые два малых сфазиянских интервала. Бурцев грозитя прилететь сюда на подмогу...

— Это хорошо, пусть прилетит, — ввернул Лерман.

— ...или потребовать технического содействия чуть ли не у тектонов. Собачья чета демонстративно отказывается принимать пищу — будто чуют что-то, паршивцы! Я здесь валяюсь, как бревно... — Григорий Матвеевич прищурил один глаз. — А давненько вы, коллега, не услаждали мой слух новостями от Полищука, как вы находите?

(Ксенолог Полищук, бывший звездный разведчик, во главе группы профессиональных следопытов ушел по охотничьему маршруту Земляных Людей к каменным домам загадочных рептилоидов — второй разумной расы.)

— Ну, до цели они еще не добрались, — пробормотал Лерман. — О результатах судить преждевременно...

— Нашли что-то? — цепко спросил Энграф.

— Нашли, — неохотно сознался Лерман. — В лесу на охотников, как видно, напали. Кто именно — или что, — пока не установлено. Кратова среди останков нет.

— Среди останков! — взъярился Григорий Матвеевич. — Почему я должен вытягивать из вас каждое слово?

— В пятистах метрах от побоища Полищук обнаружил брошенную сумку с лингваром и видеобраслет. Приборы в жалком состоянии... не приборы даже, а горстка разрозненных деталей. В общем, Кратов по каким-то причинам остался без связи. Один, на чужой планете. И ему нужно было как-нибудь пережить ночь.

— Пять ночей, — обронил Энграф.

— Кратов — опытный звездоход, — торопливо сказал Лерман. — У него большой опыт работы в самых сложных условиях.

— Вы забыли напомнить мне, что он шесть лет отзвонил в плоддерах. Такое ощущение, будто вы меня утешаете... Не стоит, я прекрасно понимаю, что значит пять ночей голышом на чужой планете. Тоже, знаете, сиживал... Пожалуй, Полищуку нет смысла придерживаться охотничьего маршрута. Кратов не дошел до Каменных Людей. Он должен был постараться вернуться к биотехну.

— Полищук продолжает поиски в окрестностях леса.

— Пусть продолжает. Какие-то следы обязаны остаться... — Григорий Матвеевич потряс взлохмаченной головой. — Если мы не разыщем Костю Кратова, будет очень плохо.

Лерман стоял перед ним чуть ли не навтыжку и не знал, что сказать. Ему и самому было тяжело. На огромной завьюженной планете потерялся человек. Все эти поисковые группы — что снежинки в гуляющей над материком уже вторые сутки буранной круговерти. Что они могут? Что может он, Виктор Лерман? Только сжимать кулаки да клясть себя за бессилие, в котором он ни капельки не повинен!

— Наша гипотеза подтверждается, — произнес Энграф, зябко кутаясь в плащ. — За пределами весьма узкого региона Земляные Люди признаков рассудочной деятельности не проявляют. Вспышка массового интеллекта отчего-то ограничена областью радиусом примерно в пятьсот километров. Загадочный ксенологический феномен... Возможно, мы проглядели какой-то неучтенный природный фактор, и все эти первые, вторые и энные разумные расы суть тривиальные мутанты. У нас на

Земле в очагах радиации еще и не то бывало. Чернобыльские крысы, североморские кальмары... Я далек от намерения распространять наш горький земной опыт на иные миры, но аналогия достаточно прозрачна. Как тут у вас холодно, коллега...

— Радиационный фон не превышает среднепланетарного уровня, — сказал Лерман. — И мне кажется, здесь нечем дышать от жары.

— Вам и вправду кажется, вы еще мальчик против меня, вас кровь греет... А радиация может оказаться и ни при чем, это я в качестве иллюстрации к своим досужим домыслам.

Лерман вздохнул и отошел к пульту кондиционирования. Терморегулятор был вывернут почти до предела.

— Хотите выпить, Григорий Матвеевич? Для разгона крови? У меня припасена бутылочка «Камю» — специально к визиту Галактического Консула.

— Когда Консул прибудет, мы с вами живо ее уговорим. Прямо из горла...

Лерман вздохнул еще раз, потянулся, чтобы врубить терморегулятор на максимум, и в этот миг его кольнуло в запястье. Экстренный вызов... Не подавая виду, он спокойно завершил движение и так же спокойно повернулся к замотавшемуся в свои меха Энграфу.

— Пусть так и будет, Григорий Матвеевич. Отдыхайте. Пойду-ка я на центральный пост, вдруг да что прояснится.

— Идите, коллега, — покивал тот. — Только убедительно прошу: не делайте из меня китайского болванчика, не держите ничего за скобками.

Лерман проворно отвернулся, чтобы дотошный старец не углядел признаков смущения на его лице, вышел в коридор и лишь тогда поднес видеобраслет к губам:

— Здесь Лерман.

— Здесь Шебранд. Биотехн только что поднялся в воздух.

— Проснулся-таки, бестия!.. Не выпускайте его из виду, но и не мозольте ему видеорецепторы, или что там у него. Как он себя ведет?

— Довольно уверенно. Такое ощущение, что он знает, куда лететь...

6.

«Я иду за тобой».

Кратов открыл глаза.

В серой мгле берлоги бесшумно двигались плоские, будто вырезанные из бумаги силуэты. Племя Длинных Зубов жило обычной ночной жизнью. Самки кормили детенышей. Охотники без большого рвения собирались на промысел. У входа дремал страж с заостренным дрекольем. В центре этой маленькой затхлой вселенной восседал Бубб и вершил таинство общения с предками. Взрыкивая и угрожающе скалясь, требовал от них содействия в наказании врагов и добыче пропитания. Те, кто был свободен, почтительно внимали.

«Я уже близко».

Кратов узнал этот негромкий, родной голос, услышанный его внутренним слухом, словно родившийся в его сознании, но ему не принадлежащий.

Чудо-Юдо искал своего хозяина.

— Бубб!

Огромный мохнатый зверь развернулся к нему массивной тушей и свирепо зыркнул налитыми кровью зенками.

— Никто не может вякать, когда я говорю с духами! — проревел он.

— Заткнись, — сказал Кратов по-русски (это было короче, нежели иднома «засунь свою шелудивую лапу себе в рот и подавись ею»).

Бубб не понял его слов, но прекрасно сориентировался в интонации.

— Ты же видишь, я занят, — пробурчал он. — Мы почти договорились. Старина Ггах уже обещал было запугать леших, чтобы они среди ночи высыпали из своих нор как оглашенные. Тут-то мы их и прихватили бы...

— Прекрасно. Я ненадолго оторву тебя от приятных бесед с покойниками. Мне нужно уходить.

— Ххарргх! — Бубб снялся-таки с обычного своего места и вразвалочку приблизился. — Я хочу это видеть! Я давно не веселился! На чем же ты собрался уходить? У тебя только две руки, а ног, считай, нету. Ты умеешь ходить на руках? Или ты поскачешь на... — и он объяснил, на чем именно.

Охотники оживленно заухали, заколотили просторными ладонями по стылой земле.

— Он поскачет! Как безлапый болотник! Бубб повеселится, и мы тоже!..

— Нет, — сказал Кратов терпеливо. — Я не пойду на руках. Я не поскачу. Ни на руках, ни на зубах, ни на том, о чем ты никогда не забываешь. Меня понесешь ты. А еще четверо этих остолопов пойдут сзади, как охрана... За мной летит мой друг.

— Как это — «летит»? — спросил Бубб непонимающе. — Что это такое?

— Он очень быстро бежит по воздуху. Как туча, только намного быстрее. И сам он похож на маленькую темную тучу...

— У тебя такие друзья? — нахмурился Бубб.

— Так ты понесешь меня?

Бубб молчал, постукивая чудовищным волосатым кулаком по колену.

«Я уже рядом».

— Ты уйдешь, — сказал наконец Бубб. — И тебя не станет. Как будто это был хороший сон о том, чего ни-

когда не происходит. Есть этот поганный, загаженный, голодный мир. И есть другой, где никто не гадит под себя, когда лень подняться. Где незачем жрать друг дружку, когда больше нечего жрать. Где любой детеныш знает столько слов, сколько не знаем все мы вместе. И где самки покрыты мягкой и чистой шерстью, задницы у них в течение ста ударов сердца подрагивают от шлепка, а в сиськах булькает столько молока, что можно накормить здорового охотника.

*Хотел я согреться у костра твоего,
А он оказался болотным огнем.
Хотел я спросить, не покажешь ли путь,
А голос твой обернулся порывом ветра.
Да и сам я — лишь тень самого себя...*

А теперь мне пора проснуться и выкинуть это из башки, чтобы она не болела о том, чего не бывает.

— Но я вернусь, — проговорил Кратов. — Есть в твоём мире что-то, чем я могу поклясться, что не лгу?

Похожая на узловатое полено лапа коснулась его головы. Когти с лязгом сомкнулись и дернули... Кратов зажмурился от боли и зашипел.

— Скорее подставляй сухую ветку, — пробормотал он. — У меня искры сыплются из глаз.

Бубб поднес к губам пучок его волос и дунул.

— Теперь ты вернешься, — промолвил он убежденно. — Стало быть, твой друг похож на тучу и носится по воздуху, как эта шерсть? Я хочу это видеть.

7.

Сердце у Лермана ухнуло в самые пятки.

— Шебранд! — шепотом закричал он. — Только не потеряй мне его, не то я тебя сожру заживо! Связь через центральный пост!

— Ясно... Сильный боковой ветер со снегом, и смеркается, гравитр болтает, как елочную игрушку.

— Меня это не интересует, Шебранд! Меня интересует исключительно биотехн!

Он едва удержался, чтобы не сорваться на бег, и вместо этого на цыпочках двинулся в сторону центрального поста. Перед его носом с лязгом растворилась дверь. Розовощекий молокосос в пашивках коенолога четвертого класса радостно заорал:

— Командор! Шебранд сообщает...

Лерман запечатал ему рот широкой ладонью и впихнул обратно в пост. Затем тщательно закрыл за собой дверь и негромко, но внятно сказал, обведя всех ледяным взглядом:

— Если кто-нибудь еще хочет поорать, пусть поднимет щупальце, и я по-доброму, чтобы не портить биографию, спишу его из миссии к сатане, не в двадцать четыре — в два часа. Пусть летит на Землю, в пустыню Сахару, и дерет там глотку в свое удовольствие. Вы превратили миссию в конкурс вокалистов, в детстве изнасилованных медведями... Разговаривать нормальными голосами, без мелодраматических подвизгов! Энграф не должен ничего слышать, ему и без того плохо... Что ты хотел мне доложить, мальчик? —

повернулся он к смущенному, с пламенеющими ушами, ксенологу.

— Шебранд только что сообщил, что биотехн пошел на снижение, — промямлил тот. — Пока вы читали нотацию, командор, он, должно быть, уже сел.

— Если он действительно сел, буду просить у тебя прощения, — обещал Лерман. — И разрешу орать сколько вздумается. Связь с Шебрандом, живо!

Ксенологи молча расступились, пропуская его к видеалу.

— Почему нет изображения?

— Темно, и буран...

— Говорит Шебранд. Биотехн плюхнулся на пузо на опушке леса. Мы зависли над ним на высоте пятидесяти метров. Так что вполне возможно, что он нас видит. Но иначе мы не увидим его...

— Шебранд, не отвлекаться на лирику! Что происходит на опушке?

— Ничего не разобрать, сильная поземка. Различаю лишь верхнюю часть корпуса биотехна. Прошу разрешения включить прожекторы!

— Разрешаю! Можешь даже снизить еще, но не молчи!

— Прожекторы помогают неважно. Похоже, что биотехн открыл люк. В боку у него дыра, оттуда бьет свет, и если это не люк, тогда я не знаю что и сказать... Возле деревьев кто-то копошится. Снижаюсь, чтобы разглядеть.

— Шебранд, разрешаю посадку!

— Сесть не могу, боюсь расколотить гравитр. К биотехну движутся две фигуры, совершенно бесформенные. На Кратова ни одна не похожа. А вот на медведей сильно смахивает. Откуда здесь могут взяться медведи? Нет, это не медведи... Кажется, один медведь тащит другого.

— Как реагирует биотехн?

— Спокойно. Продолжает держать люк настежь.

— Кратов! — сказал Лерман убежденно. — Будь он похож хоть на черта, но это Кратов!

— На черта похоже очень мало, на медведей — больше. Первый проник в кабину биотехна, второй остался снаружи, лететь не собирается, отступает под прикрытие деревьев. По-моему, там их целый медвежий выводок... Биотехн погасил свет — а может быть, закрыл люк, не видно. Вик... директор Лерман! Биотехн забрал Кратова и взлетел! Не мог же он, в самом деле, забрать медведя!

— Шебранд, ты мне сейчас дороже сына! Следуй впереди биотехна, указывай ему дорогу, сигналь во всех диапазонах, веди его к нам!

— А он поймет?

— Если не поймет биотехн, поймет Консул!

Лерман обернулся. Первым, что бросилось ему в глаза, было сияющее от удовольствия лицо юнца-ксенолога.

— Командор, вы обещали...

— Как тебя зовут, малек?

— Ксенолог четвертого класса Всеслав Жайворонок!

— Да, да, я прошу у тебя прощения, ты просто не мог не заорать в ту минуту... Отныне ты обладаешь исключительным правом драть глотку в любое время суток на кораблях ксенологических миссий, приписанных к моему стационару.

— Ура-а! — завопил молокосос.

— Ну достаточно, заткнись. — Лерман снова склонился над микрофоном: — Всем кораблям миссии, всем гравитрам на поверхности планеты! Включить прожекторы и позиционные огни, во всех диапазонах передавать позывные «Здесь корабль Галактического Братст-

ва». Обеспечить безопасную посадку гравитру Шебранда и биотехну Кратова. Группе Полищука — прекратить поиск и возвращаться. Конец связи. Конец операции. Все...

Темный экран видеала прорезали пылающие лучи прожекторов и скрестились на посадочной площадке. В потоках света бешено плясал буран. Крутясь в снежной закрутке подобно мотыльку в урагане, снижался гравитр, а следом за ним черной тучей солидно, устойчиво планировал Чудо-Юдо-Рыба-Кит.

В этот миг Лерману померещилось, будто за мерно прокатывающимися волнами снега мелькнула призрачная фигура в развевающемся плаще.

— Кто-нибудь выходил наружу? — спросил он с тревогой.

— Наши все на борту.

— Вот сумасшедший старик... — проронил Лерман. — Его же сдует!

— Разрешите подстраховать? — снова встрял настырный малец.

— Брысь отсюда! — рявкнул Лерман.

Мгновение спустя он понял, что ему нужно сделать.

— Всем кораблям миссии, всем гравитрам, — объявил он. — По моей команде включить изолирующее поле и накрыть посадочную площадку. Внимание... ПОЛЕ!

Корабль вздрогнул, словно его походя задел прошагавший мимо великан. Бесчинствовавшая снаружи метель вдруг оборвалась, как отрезанная. Плеснул кверху последний порыв заблудившегося на освещенном пятке ветра, взметнулся рой снежинок и лениво, умиротворенно осел на вросшие в сугробы приземистые корабли.

И стало видно, как Григорий Матвеевич Энграф и раддер-командор Шебранд ведут под руки, бережно поддерживая с двух сторон, закутанного в смерзшиеся звериные шкуры Галактического Консула Кратова.

8.

— Я не могу ждать ни минуты, — сказал Кратов упрямо. — Если вам лично недосуг, так и признайтесь, я сам все сделаю.

Он сидел в глубоком кресле, по самые уши закутанный в плед, и с недовольным видом смотрел на заснеженную равнину за окном.

— Экий вы торопыга, Костя, — усмехнулся Энграф и чихнул. — Вам лишь бы действовать, безразлично чем — руками, ногами ли... Я пробыл на планете десять минут и подхватил настоящий, без дураков, насморк, а вы составляли ей счастье своим присутствием в течение недели без малого. Так что лежите, набирайтесь сил.

— Да не могу я лежать, когда они каждую минуту поедом едят друг друга! — В такт своим словам Кратов пристукивал кулаком по подлокотнику. Григорий Матвеевич раньше не знал за ним такой привычки и теперь с любопытством следил, не заденет ли он при этом сенсорную панель. Тогда кресло могло бы пуститься по комнате вкруговую, а то и вовсе вытряхнуть седока на пол. Наверное, вышло бы забавно. — Это же бедствие планетарного масштаба, я с таким еще в жизни не сталкивался!

— И это говорит человек, побывавший на Финрволинауэркаф.

— И на Сарагонде, кстати, тоже — в самый разгар генетической чумы.

— Все же, не надо драматизировать, Костя. Вот взгляните сюда, — Энграф включил видеал.

— Что это? — встрепенулся Кратов, лихо разворачивая кресло.

— Карта материка, на котором все мы имеем сомнительное удовольствие пребывать. Да, совсем небольшой клочок суши, не ожидали, наверное? Вам удалось высадиться почти в его геометрический центр. Белой звездочкой отмечено, где мы находимся. А зелеными кружочками — разрозненные поселения так называемых Земляных Людей, сиречь двоякодышащих вертикальных семигуманойдов «Амфипнеймус сапиенс эректус церусианус кратови».

— Уж и название придумали, — буркнул Кратов.

— Это они мигом, хлебом не корми — дай систематизировать... Вообразите, Костя, ксенологи Лермана за считанные часы предприняли массивованные усилия по наведению контактов во всех этих поселениях! Красными галочками обозначены успешные исходы этой акции... Тут я умолкаю и с интересом жду вашей реакции.

— Здесь какая-то ошибка, — пробормотал Кратов, багровея. — Что же, выходит... Нет, это невозможно! Только три десятка успешных контактов?!

— Да, Костя, всего три десятка, и даже чуть меньше. И все — в радиусе пятиста километров от места вашей посадки. Далее: чтобы всемерно ускорить отработку версии о локальном очаге разумности, я рекомендовал игнорировать все прочие расы. Но разве же эти сорванцы преминут нарушить приказ?.. Одна из групп схулиганила и попыталась завязать контакт со второй предположительно разумной расой, что условно именуется Каменными Людьми и окрещена нашими приткими систематиками «Литохтонус сапиенс церусианус» и, естественно, «кратови». Вот здесь, за пределами очага... Что вам подсказывает ваше ксенологическое чутье, каков был результат?

— Мне подсказывает не мое чутье, а ваша интонация...

— Правильно. Контакта не было. И никаких украшений из самоцветных камней — тоже. Все эти Земляные, Каменные, Водяные и прочие — за границами очага они неразумны. Какой отсюда впоследствии вывод?

— Ведь я подозревал это...

— Мы имеем дело не с эволюционно обусловленной разумностью, а с *наведенной*. Вспышка интеллекта на Церусе I — не ксенологический феномен, а всего лишь редкая мутация, спровоцированная неким естественным фактором, в эпицентр которого вы столь удачно вляпались. Фактор этот идентифицировать мы не смогли. Пока — не смогли. Далее: все эти виды, «вразумившиеся» в силу печального для них стечения обстоятельств, в природных условиях образуют, как очевидно, жестко замкнутую экосистему. И потому, как вы фигурально выразились, едят друг друга поедом. Но если повсеместно в этом можно усмотреть лишь наглядную демонстрацию принципов естественного отбора в дарвиновском смысле, то в нашем пресловутом эпицентре сей прискорбный факт обретает трагическую окраску.

— Я вынужден согласиться с вами, Григорий Матвеевич. Почти во всем... Кроме одного.

— Что же это за «одно»?

— Мы столкнулись не с природным фактором.

— Вот как?

Кресло подкатило к окну, заложило вираж и вернулось на центр комнаты.

— Вам должна быть известна концепция рациогена.

— Рациогена? — переспросил Энграф и несколько раз обстоятельно чихнул. — Рациогена, гм... Известна — не самое подходящее слово. То, что вы скромно величаете концепцией, сорок лет назад обрело очертания ре-

альности и серьезно обсуждалось в научных кругах Земли. Некий доселе непризнанный талант по имени Тун Лу объявил, что в ближайшее время экспериментально докажет возможность искусственного возбуждения разума в любой материальной субстанции естественного происхождения. Пока велись дискуссии, хорошо это или плохо, он сконструировал установку для наведения разума и успешно испытал ее на верных страдальцах во имя науки — морских свинках. Эта установка занимала два этажа Института экспериментальной антропологии и после первых экспериментов пришла в негодность. Поговаривали, что не без помощи оппонентов Тун Лу... Ну, оппонентов-то у него было предостаточно, хотя и союзники сыскались. Разве не заманчиво почувствовать себя таким демиургом, человекотворцем? Так вот, Тун Лу назвал свой аппарат «рациоген», сиречь «порождающий разум». Но на Земле эксперименты Тун Лу были осуждены, рациоген демонтирован, а сам ученый вскоре увлекся биотехнологией и там сильно преуспел. А знаете, почему противникам рациогена легко удалось одержать верх над приверженцами?

— Откуда же мне знать?!

— Потому что, закончив эксперименты, Тун Лу уничтожил разумных морских свинок, которые к тому времени уже сформировали свою вторую сигнальную систему.

— А вы уверены, Григорий Матвеевич, что Тун Лу втайне не продолжал свои опыты? — спросил Кратов с непроницаемым лицом.

— Абсолютно. Были приняты надлежащие меры, и дальше Земли эта адская игра не ушла. Правда, время от времени в разных уголках Галактики вспыхивали аналогичные споры о праве на дарение разума. Но, как вы помните, привилегия дарить, а значит — и отнимать ра-

зум издревле принадлежала богам. А мы все здесь далеко не боги — хотя бы потому, что богам было наплевать на людей, а мы жалеем даже морских свинок.

— Получается, кто-то в нашей Галактике независимо от нас пришел к мысли о рациогене и воплотил ее в реальность.

— Костя, вы увлеклись. Ну зачем вы придумали себе этот рациоген на Церусе? Что нам, других забот не хватает?

— Я не придумал его. Мне десятка шагов не достало, чтобы потрогать его руками.

— Вы переутомились, устали. А если принять во внимание ваше буйное воображение...

— Жаль, что вы не беседовали с вожаком племени Длинных Зубов, пятой разумной расы на этой планете. Когда уляжется пурга, я вас непременно познакомлю. Его зовут Бубб, и он от скуки, а иногда — от страха, сочиняет пятистишия, вроде древнеяпонских таика. Он был свидетелем водворения рациогена на Церус I. Произошло это примерно сорок лет назад...

— Сорок лет назад?!

— Да, как раз в то время, когда вы вели дискуссии о божественных привилегиях, идущих в руки грешному человечеству. До этого дня Земляные Люди или, как их называют сородичи Бубба, болотники действительно были неразумны. Как, вероятно, и Каменные Люди, и Те, Кто Прячется в Стволах. А затем вдруг все, разом, мгновенно — поумнели!.. Я даже знаю, где находится этот рациоген и как охраняется. О защите его от местных обитателей хорошо позаботились: мощное энерго-разрядное поле, металлоразрушающая плазма — на случай, если кто-то додумается до громоотвода... В нашем эпицентре бедствия есть точно установленный гипо-

центр — его сердце. Холодное, но отменно здоровое, и уже пятый десяток быющее без намека на аритмию!

— Из ваших слов, Костя, следует, будто на Церусе и до рациогена существовал разум?

— Да, эти самые млекопитающие, что неторопливо, но уверенно, своим путем шли к цивилизации. Может быть, стихов в ту пору они не слагали, но язык уже создали. Хороший язык, содержательный. Я изучил его без всяких лингваров за сутки. Не поленитесь, слетайте за пределы эпицентра на побережье, там живет племя Пескоедов, такие же неглупые ребята, что и Длинные Зубы, и Тупые Топоры... А теперь вся эта раса деградирует, потому что добыть болотника стало непросто. Да и лешие, как они называют Тех, Кто Прячется в Стволах, загнали их в вонючие берлоги и не дают уйти с закланного места. И поэтому нужно остановить этот рациоген, чтобы прекратить наконец нескончаемую бойню...

— Заменяв ее на большую охоту Длинных Зубов? Вспомните Тун Лу. Он ощутил себя богом, бесстрастным вершителем судеб, и потому убил разумных морских свинок.

— Никого я не хочу убивать. Но разум нужно заслужить, выстрадать, завоевать! А не получать запросто, как новогодний подарок, тем более, когда не знаешь, как им распорядиться...

— Вам, Костя, явно симпатичен этот стихотворец Бубб. И потому вы готовы защищать его монополию на разум. Другие-то чем перед вами провинились? В ксенологии нельзя руководствоваться эмоциями, особенно субъективными. Боги тоже имели любимчиков, холили, осыпали благодеяниями. И безжалостно преследовали всех прочих... Сейчас мы не можем остановить рациоген — ибо тем самым мы одним махом уничтожим и несколько разумных рас. А это геноцид, Костя... И от-

куда в вас уверенность, что история, поведенная Буббом, не выдумана им скуки ради? Как у него с фантазией?

— Нормально. Я встречал людей, у которых дело обстояло хуже...

— Вот видите! Я склонен предполагать, что в «дора-цигеновские» времена на Церусе вообще не было разума. Наши ксенологи летали на побережье, и никаких Пескоедов им не повстречалось...

— Побережье большое, — упрямо возразил Кратов.

— Так или иначе, вопрос о ситуации на Церусе I я выношу на обсуждение в Галактическом Братстве.

— Тогда уж заодно исследуйте и возможную связь между рациоеном Тун Лу и рациоеном Церуса I.

Григорий Матвеевич помолчал.

— Вы предполагаете, что... — начал он осторожно.

— Угу, предполагаю. Допустим, что некая высоко-развитая цивилизация, вероятнее всего — не входящая в Галактическое Братство, решила испытать концепцию рациоена сразу в двух контрольных точках. Точка первая — Церус I, где рациоен был применен по прямому назначению, как генератор наведенной разумности. Точка вторая — Земля, опыт в среде окрепшего, давно сформировавшегося разума. Насколько я знаю, Тун Лу додумался до практической реализации рациоена внезапно, на голом месте. Эта идея возникла у него и только у него, потому что фундаментальные научные предпосылки просто отсутствовали. Как будто он заглянул кому-то... постороннему через плечо, или ему подсказали... Этот второй эксперимент сорвался, так как Тун Лу не знал, что рациоен может служить и усилителем интеллекта. А эффект был бы потрясающий! — Кратов не глядя пробежался пальцами по сенсорам, и кресло резво крутнулось на месте. — Нечто сродни тектонóвскому «многовекторному мышлению». Должно быть, каким-то

образом иницируются дополнительные нейронные связи в мозгу... Кому-то было занятно увидеть, что получится, когда человечество внезапно и стремительно, ломая и круша законы эволюции, обратится в расу, интеллектуально превосходящую все, что было до сих пор в Галактике. В расу супертектонов.

— Смиренно склоняюсь перед вашей фантазией, Костя, хотя порой она принимает весьма причудливые формы. Думаю все же, что Тун Лу пришел к созданию рациогена самостоятельно — хотя здесь я, конечно же, руководствуюсь исключительно антропоцентристскими настроениями. Но вы не правы: идея эта носилась в воздухе, и совпадение наверняка случайно. Тем более, что я не разделяю вашего мнения об интеллектуальном первородстве Длинных Зубов и иже с ними. Но проверить следует... А сейчас я покидаю вас, Костя. Вам нужно воздать должное сну. Как ваши ноженьки?

— Ходят, болезные. — Кратов привстал, опираясь на руки. Его лицо задергалось от напряжения. — Правда, это пока... неприятно. Но уж во всяком случае, сидеть на печи, дожидаячи калик переходящих, подобно Илье Муромцу, я не намерен.

— Понятно... Кстати, вы помните, что командор Лерман обещал вам трое суток домашнего ареста? Так вот, он свое обещание готов исполнить. А сутки на Церусе, как вам уже ведомо, гораздо более продолжительные, нежели на Земле или, скажем, в Парадизе.

— Он и убить меня как-то обещал, — хмыкнул Кратов.

— Дабы вы неукоснительно блюли постельный режим хотя бы некоторое время, он поместил вас в одну каюту с надежным и несговорчивым стражем, который будет предупреждать ваши желания и... гм... поползновения.

— А вот это, судари мои, уже посягательство на свободу передвижения!

— Отнюдь. Всего лишь рекомендации медиков.

— Подождите, Григорий Матвеевич. Я подозреваю, сейчас вы собираетесь неторопливо, обстоятельно обсудить церусианский прецедент на Совете ксенологов и принять какое-то осторожное решение...

— Именно так, Костя, я и хочу поступить.

— Но, независимо от исхода обсуждения, можно же начать работы по разъединению рас! Сселить Длинных Зубов и родственные им племена из эпицентра бедствия — иначе это и не назовешь. Допустим, на побережье.. Хотя нет, это узенькая полоска суши, там им будет тесновато, начнутся междоусобицы с Пескоедами. А на другие материки?

— Боюсь, Костя, что не смогу вам это обещать. Есть маленькая, но весьма неприятная планетографическая подробность. Материк, который мы удостоились попирать ногами — кстати, в честь первооткрывателей звездной системы его предложено назвать Хаффия... так вот, он единственный здесь. Избытка альтернатив Церус I нам не предоставил. Есть еще какие-то утлые архипелаги, разрозненные островки. Да что-то крупное на южном полюсе.

— Но почему бы не туда?..

— Среднесуточная температура минус восемьдесят Цельсия, снежные смерчи, полное отсутствие растительности. Все остальное — ледяной океан... Церус I оказался чересчур холодной планетой, Костя, чтобы было где разгуляться эволюции.

— Выходит, я неосознанно повторил маршрут создателей рациогена... — Кратов хлопнул себя по лбу. — Ну конечно же! В условиях неопределенности Чудо-Юдо всегда выбирает для посадки геометрический центр

наибольшего по площади участка суши. Такая в нем заложена программа. И у тех — тоже...

— Ну что ж, Костя, я констатирую тот факт, что вы были просто обречены открыть этот рациоген. Буде он, разумеется, существует в реальности. С чем вас и поздравляю. Хотя не с чем особенно поздравлять...

— Он существует. Пока...

— Вы что-то сказали, друг мой?

— Нет, ничего.

В дверях Григорий Матвеевич задержался.

— Костя, — произнес он. — Простите мне старческое любопытство, а кто ваши родители?

— Родители? — Кратов с трудом оторвался от размышлений. — Как кто? Мама и папа... Мама — биолог, селекционер. Ольга Потоцкая, «банановый звездоцвет» — ее рук творение, не слышали?

— О! — сказал Энграф вежливо, хотя понятия не имел ни о каких «звездоцветах».

— Впрочем, сейчас она скорее теоретик, педагог. А отец... Кем он только не перебыл! Как говорят, «искатель себя». Да я его почти не знаю... А зачем вам?

— Да так, безделица...

Энграф вышел в коридор, продолжая испытывать мучительное ощущение того, что этот юнец знает о рациогене гораздо больше, чем кто-либо на всем Церусе и вообще в радиусе ста парсеков вокруг.

9.

Григорий Матвеевич волновался. Справедливости ради следовало заметить, что внешне его взбудораженное состояние никак не проявлялось. И тем не менее, внутренне он дрожал крупной дрожью и старательно прятал от посторонних глаз свои руки. Рукам настоятельно необходимо было за что-то уцепиться или на худой конец что-то разорвать в клочки. «Предки в подобных случаях рекомендовали расколоть пару тарелок из бьющегося фарфора, — с иронией подумал он. — Для снятия стресса... А нынче посуду производят исключительно противоударную, термостойкую и черт-те какую, совершенно не заботясь о нервах людей. Так что, братец, давай-ка исцелился сам...»

Он стоял как бы на дне вывернутого наизнанку амфитеатра. Над ним уступами, сходясь где-то под потолком, поднимались ряды светящихся и темных экранов, и с каждого экрана был на него устремлен внимательный взгляд. Его положение уже в который раз — ровно по числу Советов ксенологов, проведенных за годы деятельности на Сфазисе, — пробудило в нем бредовую ассоциацию с гладиатором, напряженно ожидающим от публики решения своей судьбы. И часто он ловил себя на мысли, что невольно высматривает устремленные книзу большие пальцы...

Но о больших пальцах, равно как и остальных, речи здесь и быть не могло — зачастую за полным отсутствием таковых. Да и взгляды, в перекрестии которых он находился, не всегда посылались глазами. Некоторые эк-

раны казались мертвыми — а значит, они работали в режиме приема-передачи в ином, чуждом человеческому зрению спектре. Григорий Матвеевич украдкой покосился на группу видеалов в нулевом секторе, которые обычно не светились. Они были зарезервированы за Советом тектонов и, как правило, оставались безразличными к принимаемым здесь решениям. Тектоны доверяли ксенологам.

За спиной Григория Матвеевича в мягких креслах расположились секретари представительства Федерации планет Солнца. Рошар, в неизменной хламиде, излучал ледяное спокойствие, развалился в вольготной позе и как бы ненароком бросая подчеркнуто скучающие взоры ни вперившиеся в него экраны. Гунганг же весь нацелился вперед, подобравшись, нервно стискивая и распуская огромные кулаки.

Григорий Матвеевич глубоко вздохнул, чтобы подавить в эмбрионе потаенно подкравшееся желание чихнуть (церусианский насморк исподволь напоминал о себе, несмотря на все принятые милой женщиной Руточкой Скайдре меры профилактики). «Ксенологу чихать не полагается, — промелькнула не подобающая торжественной минуте мысль. — Вот так чихнешь — а кто-нибудь из собеседников расценит это как тягчайшее оскорбление достоинства представляемой им здесь цивилизации...» Как ни странно, именно эта фривольная мыслишка непонятным образом помогла ему мгновенно успокоиться.

— Я прошу разрешения открыть Совет ксенологов Галактического Братства, — сказал он и пробежал глазами по рядам вспыхнувших голубых огней одобрения.

— Возражений нет, — зазвучал скучный голос когитра-секретаря. — На Совете представлено восемьдесят два члена Галактического Братства, проявивших заинте-

ресованность в обсуждении предложенной проблемы. За ходом обсуждения наблюдают представители Совета гилургов, Совета астрархов и Совета тектонов...

Энграф не удержался и внимательно посмотрел на видеалы тектонов. Да, они были слепы, как обычно, но над каждым горел индикатор активности.

— Группа ксенологов Федерации планет Солнца вынесла на обсуждение Совета ксенологов следующую тему, — продолжал когитр. — Очаг наведенной разумности на планете Церус I звездной системы Церус, в дальнейшем — ОНР-Церус. Существование в ОНР-Церус искусственного генератора наведенной разумности, условно именуемого «рациоген». Необходимость и возможные последствия уничтожения рациогена для восстановления естественного хода эволюционного процесса на планете. Формулировка проблемы возражения не вызывает.

— Прежде чем мы приступим к обсуждению, — сказал Григорий Матвеевич, — я хотел бы задать Совету прямой вопрос — в надежде получить на него такой же прямой ответ. Не проводилось ли членами Галактического Братства экспериментов с рациогеном? С другими, аналогичными средствами глубокой стимуляции мыслительной деятельности? Не делалось ли что-либо в близких к этой проблематике областях, что могло привести к образованию ОНР-Церус в виде непосредственного либо побочного следствия?

— Комментарий Совета тектонов, — сообщил секретарь. — Галактическое Братство никогда не проводило никаких работ в звездной системе Церус.

— Очевидно, первооткрывателями системы Церус являемся мы, — заговорил представитель Звездной Ассоциации Хаффа, напоминающий крупного розового бо-гомла с ярко-голубыми глазами-глобусами на стебель-

ках. — Именно наш зонд-автомат проследовал мимо главной звезды и передал на Хаффу тот объем информации, который считается достаточным для получения права на колонизацию системы. Но планет он не обнаружил, и поэтому мы не проявили интереса к углубленному изучению Церуса. Было это четыреста хафффианских орбит или сто тридцать три и три в периоде земных года тому назад. Разумеется, никаких работ ни на Церусе I, ни в его окрестностях мы не вели. Более того, радиогенез входит в перечень научных тем, запрещенных к исследованию и разработке в пределах Звездной Ассоциации Хаффа. В свете последних событий мы с изрядным облегчением отказываемся от каких бы то ни было прав на систему Церус...

— Из прозвучавшего мы можем сделать твердый вывод о том, что Галактическое Братство не имеет никакого касательства к ОНР-Церус, — подытожил Григорий Матвеевич, и по амфитеатру прокатилась волна голубых вспышек. — Я прошу разрешения вкратце изложить Совету суть проблемы, хотя все его участники и были заранее ознакомлены с материалами по Церусу I.

Восемь земных дней назад корабль-биотехн Константина Кратова, сотрудника представительства Федерации планет Солнца при Галактическом Братстве, попал в мощный нуль-поток и вынужден был совершить кратковременную остановку для восполнения энергоресурсов на ближайшей планете «голубого ряда»... Справка: термин «голубой ряд» заимствован из профессионального сленга Звездных Разведчиков и обозначает планеты, обладающие массой в пределах от восьми десятых до полутора земных, азотно-кислородной атмосферой с соотношением основных компонентов три к одному, перепадом абсолютных температур от двухсот сорока до трехсот градусов... Такой планетой оказался

Церус I. Корабль Кратова опустился на единственном материке, в силу заложенных в него программ-инстинктов избрав местом посадки в ситуации неопределенности точный геометрический центр участка суши. Я обращаю на это обстоятельство особое внимание, ибо тем самым Кратов невольно повторил маршрут неизвестных нам создателей радиогена, также наметивших для своего эксперимента центральную область материка.

Покинув корабль, Кратов практически тотчас же вступил в неожиданный для него контакт с разумной расой двоякодышащих семигуманоидов, называвших себя Земляными Людьми. Мы же условно именуем их «первой разумной расой Церуса». От них Кратов узнал о наличии нескольких других рас, с которыми они находятся в тесных экологических отношениях. Ему довелось видеть останки некоего существа рептилоидного типа, при поверхностном осмотре которых он сделал вывод о предположительной разумности этого биологического вида, иначе — «второй разумной расы». Отправившись на ее поиски, он подвергся гипнотической агрессии со стороны одного из обитателей местных водоемов, что также убедило его в наличии у них сложного высокоорганизованного мыслительного аппарата. Отнести к какому-либо типу эту загадочную «третью разумную расу» нам пока не удалось. В лесу Кратов и сопровождавшие его охотники из Земляных Людей были атакованы существами, которые располагали примитивным, но хорошо обработанным оружием. Они были идентифицированы Кратовым как «четвертая разумная раса». В схватке спутники Кратова погибли. Пытаясь найти обратную дорогу, он лишился средств связи и поддержки контактов в результате встречи с активной металлоразрушающей плазмой. Ему удалось обнаружить место скопления

этой плазмы, а также впервые... — Григорий Матвеевич на мгновение задумался. — Впервые испытать на себе воздействие гипотетического церусианского рациогена, одним из элементов защиты которого и являлась эта плазма, а другим — энергоразрядное поле, едва не убившее Кратова. Он был обречен на гибель, если бы не счастливый контакт с «пятой разумной расой» — крупными млскопитающими, которых лично Кратов склонен считать единственной эволюционно обусловленной, естественно разумной расой на Церусе I... Я окончил изложение фактов.

Григорий Матвеевич позволил себе наконец расслабиться, нащупал свободное кресло позади и сел.

— Каким образом удалось установить границы очага наведенной разумности?

— Мы попытались войти в контакт со всеми поселениями первой расы на материке. Ни один из контактов за пределами ОНР-Церус удовлетворительных результатов не дал. Поведение Земляных Людей на побережье резко отличается от того, что продемонстрировали нам партнеры Кратова по контакту. К сожалению, не в лучшую сторону... Не нашла подтверждения разумность вне границ очага и второй расы.

— А в границах?

— Контакты пока не установлены: их целесообразность находится в прямой зависимости от решения, какое будет принято Советом.

— Значит ли это, что вы будете настаивать на уничтожении рациогена?

— Нет, не значит. Лично я не выработал еще точки зрения на проблему. Доктор Кратов же, напротив, целиком убежден в необходимости скорейшего прекращения вмешательства извне в эволюцию разума на Церусе I.

— Действительно ли мы имеем дело с рациогеном? Нет ли здесь другого, естественного фактора? Нам известны случаи мутагенного изменения мыслительного аппарата у неразумных в природном состоянии живых субстанций. Да и все мы — продукт определенных мутаций...

— У меня не возникало и мысли о рациогене — до беседы с Кратовым. Он изложил мне бытующую среди племен «пятой разумной расы» историю о внезапных переменах в их образе жизни. Случилось это якобы сорок земных лет тому назад. Вблизи от геометрического центра материка расположен сопочник с необитаемыми пещерами. С той самой поры в пещерах концентрируется упомянутая плазма, вход в них защищен полем, а подступы усеяны останками представителей всех рас, населяющих эпицентр. Согласно поверью, они стремятся туда за мудростью... Сам же Кратов у входа в пещеру испытал колоссальное обострение мыслительных процессов, нечто вроде известного нам эффекта «многовекторного мышления». И тогда же он и сумел извлечь из тайников своего мозга неведомо как осевшее там понятие «рациогена»!

— Откуда оно могло попасть в мозг доктору Кратову?

«Действительно, откуда? — подумал Григорий Матвеевич с легким раздражением. — Будь у меня еще несколько дней, уж я бы это выяснил. Я бы разговорил самого Кратова... или докопался до всех скелетов в его платяных шкафах! А похоже, у него там целый анатомический театр». Вслух же он сказал:

— Концепция рациогена обсуждалась на Земле. Примерно все те же сорок лет назад, то есть еще до рождения Кратова. Впоследствии этот термин фактически вышел из употребления, потому что изыскания в данной области у нас были запрещены. Либо Кратов случайно

получил доступ к закрытым источникам информации, либо столь же случайно услышал о рациогене от ныне живущих участников дискуссии тех лет... Есть множество естественных объяснений.

— Вы не допускаете возможности пробуждения у Кратова генетической памяти?

— Вполне допускаю. Но его родители, насколько нам известно, были далеки от этой темы. Кратов же не просто употребил термин «рациоген». Он имеет достаточно полное представление о концепции рациогена в целом. Уместно предположить существование некоего «пароля», то есть информационного пакета, передаваемого рациогеном о своем генезисе в мозг разумного существа, попавшего в зону его прямого воздействия. Этот «пароль» не мог быть верно интерпретирован представителями церусианских рас... которые покуда не накопили научного тезауруса. Но у Кратова он немедленно пробудил соответствующие ассоциации и получил смысловую нагрузку от сработавшей генетической памяти... Впрочем, я хотел бы ограничить свои гипотезы на этот счет естественными причинами, вроде уже упомянутой мною утечки информации. Поскольку реальный механизм действия рациогена на мыслительный аппарат человека мне, увы... или к счастью, неведом.

— Комментарий Совета тектонов, — вмешался секретарь. — Тектоны предлагают вести обсуждение сложившейся на Церусе I ситуации, исходя из допущения, что там действительно существует рациоген. По сведениям Совета тектонов предположения ксенологов Федерации планет Солнца обоснованны.

— Если там не окажется рациогена, — промолвил Григорий Матвеевич, — то все мы вздохнем с облегчением и уж наверняка будем знать, как поступать в дальнейшем.

— Еще один вопрос вне обсуждения. Где сейчас находится Константин Кратов? Его участие в Совете было бы весьма полезно.

— Доктор Кратов по-прежнему на Церусе I. Он перенес тяжелую травму и не совсем здоров. От участия в дискуссии он отказался, мотивируя это плохим самочувствием и полной, непоколебимой уверенностью в своей правоте.

— Хм! — послышался чей-то возглас.

Григорию Матвеевичу не потребовалось даже искать его источник. Виавы, иовуаарп или згунна... Большинство гуманоидных рас Галактического Братства выражало свои эмоции примерно одинаково.

10.

Кратов дождался, когда дыхание его молчаливого соседа выровнялось, и осторожно погасил плафон в изголовье. Затем медленно опустил ноги на пол. Так же неслышно выпрямился — подлая искра снова стрельнула вдоль позвоночника, но все же ноги держали, и держали надежно. Он подхватил заранее аккуратно сложенную куртку и двинулся к двери. Главное — чтобы этот здоровенный угрюмый парень с непонятно знакомым лицом ничего не услышал. Ну, впечатления тертого звездохода он, надо отметить, не производит, и все-таки...

— Куда вы?

Кратов замер на полшаге.

— Мне *нужно*, — сказал он спокойно.

— Все, что вам может понадобиться, находится вон за той шторкой, — промолвил сосед и бесшумно, как ночной хищник, поднялся со своей койки. Кажется, первое впечатление было обманчивым. — А самое необходимое для вас — это хороший сон. Очень прошу вас вернуться и лечь.

— Я здоров, — произнес Кратов и направился к выходу, уже не таясь. — В конце концов, я имею полное право на свободу передвижения...

Сосед одним легким броском опередил его и взялся за дверную ручку.

— Вам необходим отдых, — сказал он, постаравшись придать своему бесцветному голосу всевозможную убедительность. — Я не могу вас выпустить, так как это угрожает вашему здоровью.

— Приказ Энграфа? — зловеще спросил Кратов, чувствуя, как все его самообладание бесследно улетучивается. — Или, может быть, самого Лермана? Вы что, стеречь меня приставлены? Я под арестом?!

— Отнюдь нет... — начал было сосед, но закончить не успел.

Кратов нанес ему очень быстрый удар в солнечное сплетение, одновременно отступая, чтобы успеть подхватить падающее тело... Ему показалось, что кулак врезался в чугунную плиту, а затем его руку мягко, но цепко перехватили, дернули куда-то вбок. Без малейшего усилия противник спеленал Кратова его же конечностями и, оторвав от пола, словно тряпичную куклу, понес на койку.

— Простите меня, коллега, — сказал он. — Я вынужден противодействовать вашему натиску...

Бережно уложив Кратова, он слегка вдавил его в матрац и отпустил, а сам присел рядом.

— Куда же вы рветесь? В вашем-то состоянии... Мне действительно было предписано любым допустимым способом пресекать все ваши попытки покинуть это помещение. Вы только что перенесли паралич нижних конечностей, были на грани психического срыва. А случись что с вами? Снова искать, рискуя десятками человеческих жизней? Сумасбродство...

— Так они знали, что я захочу добраться до рациогена, — сказал Кратов и засмеялся. — Мое поведение становится предвосхитимым, а это обидно...

— Рациоген? — переспросил сосед. — Что это такое?

— Я где-то видел твое лицо, — сказал Кратов, приподнявшись на локте. — Мы встречались?

— Разумеется. В зеркале. Я ваш двойник.

— Двойник? Зачем?!

— Вообще-то я человек-2. Меня попросили принять ваш облик для скорейшего успеха в переговорах с вождем Большой Дубиной.

— Ну и как? — удивился Кратов. — Помогло?

— Вполне.

— Никогда не знал, что я так сутулюсь и шаркаю ногами при ходьбе... Как тебя зовут, отражение?

— Я же говорил вам при первой встрече. Сидящий Бык, в память о...

— Помню. Один из тех, кто подчистую вырезал кавалерию генерала Кастера. Оscalьпированы были все, кроме самого генерала — очень уж отважно он сражался... Надеюсь, мне тоже удастся сохранить свой скальп?

— Что?!

— А какое у тебя уменьшительно-ласкательное имя?

— Простите, вопрос не понятен, — двойник выглядел озадаченным.

— Ну, друзья-то тебя как называют?

— Среди коллег меня принято называть полным именем, — сдержанно произнес Сидящий Бык.

— Очень уж громоздко. Впрочем, в детстве я тоже играл в индейского вождя, но звали меня Шаровая Молния... Как же так — ты живешь среди людей, и обзавелся только коллегами?

— Теперь понимаю, — удовлетворенно покивал Сидящий Бык. — Вы пытаетесь вывести меня из равновесия. Все эти ваши намеки на якобы имеющую место нашу отчужденность. Вся эта нарочитая демонстрация якобы плохо скрываемой ксенофобии... Напрасно, коллега. Во-первых, не мы отстранены от вас, а вы всячески брыкаетесь, не желая видеть в нас своих сородичей, кровных братьев — пусть даже двоюродных. А во-вторых, пробудить во мне отрицательные эмоции крайне трудно: я хорошо адаптирован к окружающей челове-

ской среде. К среде, которая нас пока не принимает, исподтишка почитая не то за роботов-оборотней, не то за биотехнов. И тем самым вынуждает нас вырабатывать в качестве защитной реакции собственную, отличную от человеческой, закрытую систему взаимоотношений... Ну, и в-третьих, я знаю, что лично ваша ко мне антипатия — всего лишь игра. Вы известный ксенолог, а ни одно профессиональное сообщество не обладает такой высокой толерантностью, как ксенологи. Нигде люди-2 не находят такого понимания и участия, как в ксенологических миссиях... Болит рука-то? — спросил он с неожиданной заботой.

— Ерунда, — проворчал Кратов и помотал в воздухе отбитой кистью. — В училище у нас был спецкурс по катэда. Это традиционное японское искусство переносить боль... Ты прав, двойник. Я хочу разозлить тебя, вынудить утратить бдительность хотя бы на мгновение, чтобы ускользнуть из твоих нежных железных лап. Мне позарез нужно на планету!

— Почему бы вам не дать немного поработать другим?

— Я должен убедиться, что там, в пещерах, действительно спрятан рациоген. И если он существует...

— Рациоген... Вы во второй раз произносите это слово. Оно как-то связано с гипотезой о наведенной разумности?

— Непосредственно. Тебе ничего не говорит имя Тун Лу?

— Это создатель некоторых базовых принципов, что лежат в основе технологии производства людей-2. Он умер десять лет назад. Но при чем здесь Тун Лу?

— Так, ни при чем... Мне кажется, что я обнаружил тот искусственный фактор, который привел к возникновению наведенной разумности. И я хочу его уничтожить.

— Уничтожить?! Но ведь как раз в этот момент вопрос о тактике контакта на Церусе I решается в Совете ксенологов Галактического Братства!

— Они будут решать очень долго. И я не знаю, что именно они там решат. Ксенологи, как правило, существа осторожные, это только во мне сильны еще звездодол-сорвиголова и отчаянный плоддер... Скорее всего, они убедят друг друга оставить все как есть, дабы не порождать необратимых последствий. А ведь то, с чем мы здесь столкнулись — не разум! Он достался всем этим первым, вторым и прочим расам незаслуженно, он свалился на них непосильным гнетом! Они не готовы быть разумными, потому что по чужой воле перескочили сразу через несколько пролетов эволюционной лестницы! На что разум Земляным Людям? Чтобы все время думать о мясе, мечтать о мясе, изобретать новые способы добычи мяса... На что он лешим? Чтобы скрадывать и безжалостно уничтожать сородичей Бубба из племени Длинных Зубов, которые на порядок уступают им в быстроте реакции, а потому беззащитны перед их тщательно изостренными ножами! Вот сейчас, может быть — в ту самую минуту, когда Энграф убеждает Совет ксенологов отнестись к положению на Церусе I со всей трепетной осторожностью, а ты зажал меня в свои клещи, эти самые лешие вспарывают животы самкам и детенышам пятой и единственной разумной расы. А ведь они, эта пятая раса, шли верным путем, они уже стихи начали сочинять!

— Но как вы можете брать на себя право судить, какой путь к цивилизации верен? А вдруг эти ваши Длинные Зубы — тупиковая ветвь? Вдруг они, миновав стадию стихосложения, изобретут нечто такое, что взорвет всю Галактику, сотрет ее в астральную пыль? В то время как горячо нелюбимые вами лешие, уничтожив всех

претендентов на экологическую нишу, впоследствии обогатят пангалактическую культуру шедеврами живописи и литературы...

— Да, Бубб, сочиняющий стихи, мне более близок, нежели Большая Дубина, помышляющий только о большой жратве! Но дело не в этом. Не я пустил вразнос эволюционную машину на Церусе. Кто-то другой, до меня... Но я хочу хотя бы попытаться вернуть ее на круги своя, пусть даже у меня не получится! Я хочу, чтобы они заслужили право на разум — все эти несправедливо разумные расы, добыли его в честной борьбе с природой! Вспомни дорогу человечества — разве была она прямой и легкой? Сколько вариантов разума было отброшено прежде, чем появился Человек разумный? Все эти муравьи, осьминоги, дельфины, наконец — гигантопитеки и неандертальцы!.. И если то, что булькает в их черепных коробках — подлинный разум, то, поверь, его ничем не погасить. Рациоген может лишь исказить справедливую расстановку сил, что он и делает уже сорок лет... Вот я и хочу уничтожить его, пока не поздно, пока это эпицентр эволюционной ошибки, а не эпицентр массовой бойни!

— Вы устали, коллега Кратов, — промолвил Сидящий Бык. — Вы горячо говорили и, должно быть, потратили на это много сил.

— Все только и твердят мне: устал, устал... — в сердцах сказал тот. — При чем тут моя усталость, когда на Церусе I каждую секунду творится беда? Да если нужно будет, я ползком доберусь до этого чертова рациогена.

— Мне понятны ваши чувства. Но вы берете на себя чрезмерную ответственность. Вам ли вершить судьбы цивилизации на этой несчастной планете?

— Я знаю, какая ноша мне по плечу. А судьбы вершить — не моя задача. Я просто хочу помешать тем, кто присвоил себе право ломать эти судьбы!

— Но вы бросаете вызов Галактическому Братству, пренебрегая мнением Совета ксенологов. Ведь вы, помнится, уже провели шесть лет в добровольном изгнании...

— Если меня обвинят, я снова уйду в плоддеры. Пусть, не разучился еще работать руками и рисковать головой.. Но, по крайней мере, буду знать, что сделал все как нужно. Я не бог. Я не равнодушен.

Кратов помолчал.

— Послушай, Сидящий Бык, — вдруг сказал он. — Прости меня.

— Простить? — медленно переспросил тот и, неловко шевельнув локтем, ненароком смахнул со столика в изголовье брелок в виде деревянного дракончика — единственное, что уцелело от старого видеобраслета Кратова после встречи с металлоядной плазмой. — Простить... За что вас прощать?

Он нагнулся, чтобы поднять брелок, и в этот момент Кратов обрушил на его затылок сомкнутые в замок кулаки, вложив в этот удар весь свой вес и все свое отчаяние. Сидящий Бык молча ткнулся лицом в пол. Кратов соскочил с койки, перевернул его на спину. «Ты что, плоддер хренов, спятил?! — подумал он в панике. — Только смертоубийства тебе не доставало...» Но человек-2 дышал свободно и ровно, как если бы внезапно погрузился в глубокий сон. Глаза его были прикрыты. «Хорошая реакция на вырубание. Мне бы такую...» Кратов переступил через него, подобрал куртку и скользнул за дверь.

Как только он вышел, Сидящий Бык открыл глаза и встал. Подбросил на ладони брелок и зачем-то сунул в карман. Привел себя в порядок, пригладил волосы. Стянул со своей койки плед, скомкал и уложил на место Кратова, накрыв сверху другим пледом и придав этой

композиции некоторый объем. Затем ушел к себе в угол и лег.

Спустя какое-то время на его запястье тихонько пискнул браслет.

— Это Лерман. Как там наш... гм... больной?

— Все хорошо. Кажется, уснул. Хотите поговорить с ним?

— Нет, не стоит его тревожить. Пусть отдыхает. Он очень устал на этой планете.

— Вид у него и в самом деле утомленный, — согласился Сидящий Бык и усмехнулся непонятной своей усмешкой.

11.

Кратов торопливо шел по коридору, на ходу натягивая куртку. «Где бы раздобыть скафандр? — думал он. — Ну, фогратор у меня есть, хотя не помешало бы что-нибудь потяжелее. Однако на худой случай обойдусь и этим...» Он достиг уже конца коридора, когда дверь кают-компания сдвинулась, и появился крупный, свирепого вида человек в костюме с нашивками раддер-командора. Светлая курчавая борода его воинственно топорщилась. Завидев Кратова, он мигом утратил свою суровость и расплылся в радушной улыбке.

— А, пропавший без вести! — сказал он. — Здравствуй, Кратов! Как дела, Кратов? Как здоровье? Ноги ходят? Или еще не ходят? Вроде бы ходят, а?

Кратов молчал, трудно соображая, как ему поступить.

— Меня зовут Шебранд, — продолжал тот. — Не помнишь? Я тебя на себе тащил, да еще этот дедушка, Энграф. Да разве тебе вспомнить... Ты же себя тогда не помнил, где уж тебе меня запомнить! Постой, — вдруг насторожился он. — Ты же вроде бы лежать должен?

«Если он поднимет тревогу...»

— Или ты не Кратов? — засомневался Шебранд. — Может быть, ты — Сидящий Бык? Или ты не Сидящий Бык?

— Разумеется, я — Сидящий Бык, — убрав из голоса все оттенки, раздельно проговорил Кратов. — Неужели нас можно спутать?

— То есть, еще и как можно, — сконфузился Шебранд. — Ты извини меня, очень уж вы похожи. Может

быть, тебе неприятно... Я-то думал, ты — Кратов. Ну, а коли ты Сидящий Бык, тогда извини...

Кратов холодно кивнул и целеустремленно пошагал в направлении тамбура. Ему казалось, что Шебранд продолжает глядеть вслед, и он прилагал неимоверные усилия, чтобы не обернуться. Если он — Сидящий Бык, то с какой стати ему оборачиваться?.. Но за спиной лязгнула другая дверь — должно быть, Шебранд позабыл о нем и ушел по своим делам.

«Повезло... Повезет ли дальше? И вообще — надо бы шевелиться проворнее. Допустим, Шебранд между прочим обронит в разговоре: встретил, мол, Сидящего Быка, а принял за Кратова, похожи — спасу нет!.. И тут Лерман подскочит на месте, как ужаленный: что значит — встретил, когда они оба спят в одной каюте?!»

До самого тамбура ему никто не попадался. Но проникнуть в гермозону со скафандрами он не смог — не знал кода. «Вернуться, разыскать Шебранда? Мол, извини, дружище — я ваш код подзабыл, память у нас, людей-2, нетвердая... — Кратов с досадой стукнул кулаком по замку. — Или шут с ним, со скафандром? Как там, снаружи — улеглась эта лютая пурга? Отступать мне, собственно, уже некуда...»

— Закрыть переходник, — скомандовал он автомат. — Открыть люк.

— Вы без скафандра, — забубнил динамик. — Наденьте скафандр. Наденьте...

— Выполнять! — рявкнул Кратов.

Диафрагма люка бесшумно разошлась, и холодный воздух Церуса I весело, напористо ворвался в тамбур, нырнул Кратову за шиворот, походя прихватил болезненно занывшие ноги... «Ничего, звездочка! Где наша не пропадала? А везде пропадала. Да не пропала... Перебежками — да прорвемся...»

— Чудушко! — позвал Кратов. — Ко мне, Китенок!

Темная туша биотехна, перекрыв на миг унылый предзакатный свет, рухнула в сугробы.

— Летим отсюда, — сказал Чудо-Юдо-Рыба-Кит. — Здесь плохо. По ночам мороз. А я уже отдохнул. Мы же куда-то летели с тобой...

— Изворчался, — с нежностью произнес Кратов. — Холодно ему! Абсолютный нуль ему нипочем, а на Церусе он замерз... Не хнычь, скоро улетим. Далеко-далеко! Только вот одно дельце сработаем.

— Садись, — пригласил Чудо-Юдо. — Поскорее. А то простудишься.

Кратов нырнул прямо из тамбура в придвинувшуюся почти встык родную, уютную кабину. Первым делом он извлек на свет фогратор, проверил батареи.

— Набери высоту, — приказал он. — И малым ходом — вдоль леса...

12.

То, что происходило на Совете ксенологов, уже слабо напоминало неторопливую, слегка чопорную игру в вопросы-ответы, с которой начиналось обсуждение. Реплики, процеженные через едва поспевающие за ними лингвары, — чтобы привести их к доступному для понимания собеседников виду, — сыпались со всех сторон. И когитр-секретарь чудом ухитрялся ввинчиваться со своими комментариями в микроскопические паузы, вызванные необходимостью синхронизации восприятия дискуссии всеми ее участниками. Ведь каждый из них не только говорил на своем языке, но и жил в собственном времени... Всеобщее одобрение в виде плотного узора из голубых огней вспыхивало все реже, гораздо охотнее мнения дробились. По долгу инициатора обсуждения Григорий Матвеевич старался увидеть каждого выступающего, крутил головой, как угорелый. И к исходу третьего часа почувствовал, что у него отнимается шея.

— Я знаю не только нашу мифологию, — медленно, с расстановкой излагал гуманоид-згунна из системы Альгораб VIII. Лицо его, с гигантским носом и высоким впалым лбом, напоминало статую с острова Пасхи, и Энграфу отчего-то чудились пренебрежительные нотки в лишенном обертонов синтезированном голосе лингвара. — Я знаю мифологию землян и многих других рас. Как вышло, что практически повсеместно существует миф о божественной каре? Боги, желая наказать, отнимают разум. Кто мы — боги, чтобы своей властью отни-

мать разум у разумных, даже если он оказался для них непосильной ношей? И за что мы хотим наказать несчастных обитателей Церуса I?

— И есть ли у нас право наказывать их, и вообще кого-либо в нашей Галактике? — подхватили его мысль в другом секторе. Григорий Матвеевич живо повернулся. Кто там у нас любитель кидать реплики с мест?.. Конечно же, икианх, и вполне знакомый. Доктор Аурзогбэт Триста Двадцать Восьмой. Косит хитрющими своими глазами и, кажется, даже улыбается безгубым ртом.

— Так может быть, у нас вообще нет никаких прав?! — запротестовали ветроносцы из газовой системы Росс 154. Ажурные купола их переливались всеми оттенками багрового и трепетали. Зрелище было завораживающее... «Но любоваться мы будем в другой раз», — остановил себя Энграф. — Оказаться от всякой деятельности, разогнать астархов и гилургов, свернуть работы по формированию пангалактической культуры... А ведь именно нашей активности мы обязаны тем, что сейчас можем видеть, слышать и понимать друг друга!

— Коллега несколько утрирует... — обронил згунна.

«Коллеги! — мысленно возопил Григорий Матвеевич. — Именно коллеги! Ветроносцы в Совете представлены профессионально-ориентированной колонией, так что уж будьте любезны!..»

— Отнюдь, — спокойно откликнулась колония. — Просто нам вспомнился другой расхожий миф, послуживший источником для целых философских течений. Тоже из божественного спектра: можно обрести абсолютное могущество, но нельзя пускать его в ход, если хотя бы одному живому существу во вселенной оно будет обращено во вред. К счастью, мы еще не достигли абсолюта и можем направлять наши совместные усилия

на благо как всей Галактики, так и отдельных ее частиц, вроде планеты Церус I...

— Да и что такое разум? — поддержал закованный в черную броню, клешнястый и пучеглазый габхэйд, обитатель заболоченных, почти что жидких планет тройной звезды Талифа. Григорий Матвеевич тотчас же вспомнил, что бывавший там Бурцев по возвращении сказал, скорчив унылую физиономию: «Молочные реки, кисельные берега. Причем буквально и повсеместно». И толком не смог объяснить, как габхэиды обходятся со своей архисложной, тончайшей техникой руками без пальцев. — Почему мы так трепетно, благоговейно к нему относимся? Разве это не объективный естественный процесс, обусловленный вполне формализуемыми химическими и физическими реакциями в наших мыслительных аппаратах? Кстати, довольно тривиально моделируемый. Нагляден в этом отношении пример человечества, гостеприимных организаторов нынешнего Совета. Они научились создавать своих людей-2, полностью и даже с некоторыми усовершенствованиями воспроизводящих образ и подобие своих прародителей, прежде чем управлять звездными процессами. Что легче — погасить звезду или создать себе подобное?

— Комментарий Совета астрархов, — проскрипел секретарь. — Погасить звезду, равно как и зажечь звезду, равно как и корректировать орбиты любых космических тел, неизмеримо сложнее... Комментарий Совета гилургов: они предлагают снабдить все небесные тела программами-инстинктами, обратив их таким образом в сверх-биотехнов, и тогда задача управления звездными процессами сведется к достаточно простым телепатическим командам.

Шквал голубых огней.

— Да, мы можем гасить звезды и формировать материю из рассеянных элементарных частиц и полей, — отозвались ветроносцы. — Мы можем создавать живые существа и наделять их разумом. Разве не способны мыслить повсеместно распространенные биотехны? А те же люди-2 землян и их аналоги в других цивилизациях? Мы уже достигли в своей деятельности высот, ранее доступных лишь богам и демиургам. Мы управляем практически всеми мыслимыми физическими процессами. И коль скоро разум — такой же физический процесс, то мы можем и должны управлять им. Это неизбежно!

— А имеем ли мы право на это? — спросил доктор Аурзогбэт Триста Двадцать Восьмой. Судя по лукавому выражению его рептильного лица, в таком праве он не сомневался, но хотел не дать остыть дискуссии. — И хотят ли того разумные обитатели Церуса I? Быть может, следует спросить их, пожелают ли они добровольно отказаться от разума — если они сумеют осмыслить наш вопрос и дать столь же осмысленный ответ. В последнем случае было бы уместно отложить нашу дискуссию на срок достаточный, чтобы те, чью судьбу мы столь самонадеянно пытаемся решать, приобрели свое мнение на этот счет.

— Другими словами — отказаться от любого вмешательства в ход событий на Церусе I?

— Возможно, и так.

— Подозреваю, коллеги, что по истечении такого срока — а он предвидится достаточно протяженным, — ни одна разумная раса Церуса I не захочет отказаться от разума, — заговорил смуглолицый виав. От человека его отличала, — и то очень условно! — разве что прическа «морской еж». В молодости Григория Матвеевича она считалась последним криком моды, и земные ландшафты в ту славную пору пестрели «ежами» всех цветов и

размеров. Стыдно вспомнить, но и сам он какое-то время... Потом мода сменилась, но у виавов это как было, так и есть — признак социального статуса «полной ответственности». — Это все равно что обратиться с аналогичным предложением к любой цивилизации из числа членов Галактического Братства — даже если внезапно выяснится, что она есть также продукт искусственного воздействия на ее эволюционный процесс в доисторические времена...

— Не исключено также, что к моменту, когда мы сочтем приемлемым явиться на Церус I за ответом на наш вопрос, там не останется уже ни одной разумной расы... — ввернул насмешник-нкианх.

Новая голубая волна.

— Прошло уже три часа, — нетерпеливо зашептал Гунганг, склонившись к уху Григория Матвеевича. — А мы столь же далеки от решения, как и до начала Совета. Или даже дальше, чем были. Они еще и острить ухитряются!

— Пусть выговорятся, — шепотом же ответил Энграф. — Если мы затеем голосование сейчас, мнения разделятся.

— А вы-то что решили для себя, коллега?

Энграф промолчал, сделав вид, что не расслышал.

— Вне зависимости от хода обсуждения, — заявил плазмод из системы Конская Голова (после каждой законченной фразы возникали непродолжительные паузы — лингвар выравнивал темпы восприятия), — наше сообщество хотело бы поднять вопрос о допустимости подобных экспериментов — мы имеем в виду рациоген и весь диапазон аналогичных исследований. Как бы любопытен в научном аспекте ни был результат, последствия его всегда остаются за пределами нравственности. Здесь необходимо четкое разграничение между этой

проблематикой и уже имеющимися у некоторых цивилизаций разработками в области биотехнологии. И такое разграничение достаточно очевидно. Биотехны, люди-2 и так далее — это частица нашей науки и культуры, они не поставлены в прямую зависимость от природы и не нуждаются в экологических нишах. Они созданы нами, мы же даровали им разум, и мы же приняли на себя ответственность за их благополучие. Иногда это достигается ассимиляцией искусственной разумной расы в среде естественного ее прародителя, есть и другие пути. И совершенно иное дело, когда объектами, а точнее — жертвами такого эксперимента становятся субстанции природного происхождения, находящиеся в значительной зависимости от законов биоценоза, как это имеет место на Церусе I. Наше сообщество настаивает на осуждении, а также, если Совет ксенологов сочтет необходимым просить о том тектонов, на запрещении всякого вмешательства в естественные процессы эволюции разума.

— Было бы полезно залучить на наш Совет создателей церусианского радиогена, — сказал богомол из Звездной Ассоциации Хаффа. — Послушать их мнение. Посмотреть на них... Просто спросить их — зачем они это сделали?

— Комментарий Совета тектонов. В самое ближайшее время будут предприняты шаги к тому, чтобы установить происхождение церусианского радиогена — если факт его существования получит обоснованное подтверждение.

Рошар тихонько задел плечо Энграфа.

— Мне только что сообщили с Церуса I, — сказал он негромко. — Кратов ушел из-под контроля.

— Что значит — ушел? — опешил Энграф. — С ним же был его двойник... как бишь его?..

— Кратову непонятным образом удалось сделать Сидящего Быка союзником, и тот отпустил его. Остановить Кратова сейчас уже невозможно. Он находится где-то в районе тех злополучных пещер. Либо он погибнет при попытке уничтожить рацииген — в чем я сомневаюсь, — либо... В общем, все решится с минуты на минуту. Это не ксенолог, а сумасшедший.

— Или провидец, — пробормотал Энграф. — Впрочем, одно другому никогда не противоречило... У нас есть свободные каналы связи?

— Разумеется. Весь тридцать шестой сектор. Отключить?

— Ни в коем случае. Наблюдайте за ним, Батист.

13.

«Когда я доберусь до цели, мозг у меня снова, как тогда, расколется на тысячи враждующих кланов. Сообразить, что надо будет предпринять дальше, я уже не смогу. А я должен пройти внутрь, сквозь эти чертовы молнии, увидеть рациоген и шарахнуть по нему из фогратора. Не уничтожить — так хотя бы привести в полную негодность. Чтобы никто никогда не смог его восстановить... И действовать я должен автоматически, рефлекторно, потому что моему сознанию в эти минуты будет, к сожалению, не до тела. *Вошел — увидел — выстрелил.* Как Юлий Цезарь какой...»

Вошел — увидел — выстрелил.

Вошел — увидел — выстрелил.

...Если, конечно, смогу увидеть. Глаза-то, они тоже работают через мозг, а мозг у меня будет в отказе. И это очень досадно, потому что мне хотелось бы увидеть этот рациоген. Увидеть — и запомнить на всю жизнь, на что нынче похожа эта дрянь. И я буду бороться с ним в его последнюю минуту, чтобы отвоевать хотя бы участок мозга для себя, для своих глаз, для своей памяти. Ну, а не совладаю... Значит, цепочка команд упрощается: *вошел — выстрелил, вошел — выстрелил...* Еще ведь и войти надо, под нескончаемым огненным ливнем. Ну, что загадывать наперед? На месте разберемся.

Вошел — выстрелил.

Вошел — выстрелил.

И — нехудо бы — увидел...

Вот они, заклятые пещеры! Белеют костischem неудачливых искателей чужой мудрости. Не за тем вы ходили, братцы, и не той дорожкой. К мудрости у каждого свой путь — если только она ему впрямь так нужна, что жить без нее никак...»

— Вниз, Рыбуля!

«Ага, заволновалась, закипела, тварина... Почуяла лакомый кус, фонтаны завывбрасывала? Ну нет, нынче я с тобой поквитаюсь. За себя, за этих бедолаг!»

— Кит, атакуем плазму!

Биотехн встрепенулся. Ни разу еще не слышал он от хозяина такого приказа, от неожиданности едва не попросил повторить. Но сработали программированные инстинкты подчинения — и короткие импульсы искаженного гравитационного поля вдавили белесое бурлящее месиво в камень, вмяли его, расплескали и разметали в клочья. «Может, и по пещерам — так же? До чего просто — скрыть их под основание, перемолоть в щебенку! Кстати, откуда я взял, что рационен будет торчать на виду, словно волшебная лампа в ожидании Аладдина? Его вполне могли замаскировать либо снабдить дополнительной защитой от шустрячков вроде меня... Пусть. Я должен войти в пещеру и увидеть его своими глазами — если, конечно, мне вообще что-то увидится в этот миг...»

— Кит, хочешь еще энергии?

— Не хочу, я уже отдохнул...

— Сейчас у тебя появится возможность подзаправиться впрок. Как только я покину тебя, по мне ударит энергоразрядное поле. Ты должен не допустить его до меня, заглотать с лапочками, чтобы ни один разряд не перепал мне. Иначе я погибну!

— Так бы и сказал. А то — энергия... Мне свою деть некуда!

«Вошел — выстрелил. Вошел — выстрелил... И — независимо от этого — увидел!»

Кратов прыгнул на обнажившееся каменное подножие сопочника, изъеденное лежавшим здесь недавно плазменным одеялом, обратившееся в трухлявую губку. Раструб фогратора чутко покачивался на уровне груди, палец лежал на клавише пуска. «Кто бы знал, что мне еще сгодится на что-то умение стрелять не раздумывая? После Псаммы я так надеялся, что с годами оно выветрится из меня, как ненужная дурь — потому что всегда, в любой ситуации, все-таки нужно думать до выстрела, а не после... У меня и теперь еще есть время подумать — до того, как я кинусь эту огненную свистопляску, не зная даже, что там, под пологом молний-охранительниц. Может быть, я заблуждаюсь? Может быть, я уподобляюсь злому гению Тун Лу? Ведь лишить мыслящее существо разума — все равно, что убить его. Право отнимать разум исстари принадлежало богам... А я не бог. Я человек. Грехов у меня хватает. И даже Бубб в конце концов признал меня обычным существом, из плоти и крови — тем более, что плоть моя в ту пору была куда как немощна. Я хочу помочь тебе, Бубб, ты-то наверняка поймешь меня и оправдаешь. Но я не враг и всем остальным. Просто вы, ребята, получили неожиданный подарок, разум для вас — что костыли. Нет, походили на костылях — и довольно, дальше топайте своими ногами...»

14.

— ...необходимость прекращения искусственного вмешательства в становление цивилизации на Церусе I для нас совершенно очевидна. Однако мы позволим себе высказать опасение, что длительный период такого «интеллектуального стимулирования» не пройдет бесследно для квазиразумных существ на планете. Должны наблюдаться остаточные явления. И если после демонтажа рацииогена сохранится хотя бы одна полноценно разумная раса, ей придется выдержать нелегкую борьбу за место под солнцем.

— А если не сохранится? Нам неизвестно, что было в этом мире до рацииогена. И сейчас мы вместо того, чтобы приступить к неспешному и кропотливому распутыванию этого ксенологического узла, намереваемся разрубить его!

— Следует признать, что промедление здесь недопустимо. Оно, как выразился коллега, также за пределами нравственности. Ежечасно Церус I становится ареной все новых трагедий, масштабы которых мы просто не представляем в силу недостатка информации. А накапливать такую информацию просто нет времени. Нужно принимать решение, и немедленно!

— Влияние рацииогена нужно пресечь, и это бесспорно. А затем мы должны бросить все усилия на то, чтобы исследовать последствия его длительного воздействия на обитателей Церуса I. И, буде в том возникнет необходимость, помочь им вернуться в нормальное русло эволюции, не считаясь ни с какими затратами ресурсов.

— А вы отважитесь разрушить рациоген, не имея предварительного прогноза этих последствий? Быть может, они окажутся губительными для планеты! Сорок лет, несколько поколений живых существ, подавление наведенным разумом эволюционно приобретенных инстинктов! Лишившись разума и утратив инстинкты, все эти расы будут обречены на гибель! Из планеты разумных Церус I превратится в планету безумцев!

— Разве мы знаем цели, с какими был установлен рациоген? Не исключено, что его появление устранило неведомую нам планетарную катастрофу. Наша главная ошибка — в том, что мы заранее приписываем анонимным создателям рациогена безнравственные цели. Но давайте исходить из той аксиомы, что всем без исключения цивилизациям нашей Галактики, как членам Галактического Братства, так и еще неизвестным, органически присущи добрая воля и благородные побуждения! Мы даже можем построить модель такой катастрофы, избежать которой позволил бы только рациоген...

— Если гипотетическая угроза и существует, то нет оснований думать, что объединенные усилия Галактического Братства не позволят устранить ее более нравственными средствами. Мы должны отвечать за чужие ошибки. В Галактике некому больше исправлять их, кроме нас. Самим фактом существования Галактического Братства мы приняли на себя всю полноту ответственности за судьбу каждого обитателя каждой из миллионов планет нашего островка мироздания. Если это не так, то в нашем пангалактическом содружестве нет смысла. Объединенные Звездные Системы Плеяд предлагают приступить к голосованию по вопросу о немедленном уничтожении рациогена!..

— В голосовании нет необходимости, — раздался усталый человеческий голос со стороны видеалов сектора тридцать шесть.

— Жив! — сказал Григорий Матвеевич. — Уцелел! Ай да плоддер!..

— Прошу подождать, — встрепенулся секретарь. — Подключаю к Совету ксенологов резервный канал. Проверка готовности. Готовность есть. Можете продолжать.

Кратов кивнул. Его осунувшееся, в пятнах копоты, лицо больше походило на терракотовую маску. На спутанные непокрытые волосы медленно оседали крупные снежинки.

— Меня зовут Константин Кратов. Так вышло, что я первый столкнулся с наведенным разумом Церуса I. Я прожил там несколько дней и ночей — то есть больше, чем кто-либо во всем Галактическом Братстве. И понял, что должен им помочь. Немедленно, не теряя ни мгновения, любой ценой. И пусть какие угодно последствия — для них... и для меня тоже. Потому что хуже, чем есть, уже не будет. Рациоген на Церусе I действительно есть. Был... Теперь он уничтожен.

— Вы видели его? — подался вперед Энграф.

— Я очень хотел увидеть его, — усмехнулся Кратов. — Но здесь он одержал надо мною верх... Я постарался, чтобы от этой адской машины ничего не сохранилось. Он сопротивлялся. Он хотел подчинить себе мой разум. И если бы я мог еще хоть чуточку мыслить в ту минуту, то не совладать бы мне с соблазном осторожно остановить его... изучить, разобрать... запечатлеть... а потом воспроизвести! Но он ничего не мог поделать с другой машиной, в которую была вложена одна-единственная программа — уничтожить его.

— Каковы последствия? Вы успели оценить их, пусть приблизительно?

— Думаю, что да. На Церусе I больше нет разума.
Экран погас.

— Григорий Матвеевич, — позвал Рошар. — Хотите посмотреть на живого бога из машины?

Энграф непроизвольно повел взглядом в том направлении, куда указывал Рошар.

Над каждым из слепых видеалов нулевого сектора горел ясный голубой свет.

— Что бы это значило? — задумчиво спросил Григорий Матвеевич. — Как вы полагаете, Батист?

15.

Кратов побывал на заколдованном озере. Постоял на берегу, зажимая нос от вонючих испарений и вглядываясь в туманные фонтаны над мертвой зыбью, пока не замерз. Никто не явился из свинцовых вод, чтобы зачаровать его гипнотическим горящим взором. Никто не бултыхался в ставшемся понизу клочковатом мареве. Да и колдовства никакого не ощущалось. Озеро как озеро, только что на редкость грязное...

В долине ему повстречался заплутавший болотник. Он сидел, вжавшись в снег, и тупо моргал нижними веками. Рядом валялась суковатая дубина. Кратов окликнул его, показал пустые ладони, пошел навстречу. Болотник продолжал торчать на месте, не сводя с него выпученных глаз. Потом лениво оторвался от насиженной проталины и медленно, по-жабы, отпрыгнул в сторону, задев лапой никчемную дубину. И снова застыл кочка кочкой.

Теперь Чудо-Юдо-Рыба-Кит нес Кратова на лесную опушку, где несколько дней назад принял его в свое чрево из сильных мохнатых лап стихотворца Бубба.

Лаз в берлогу был по-прежнему завален сплетенным хворостом. Кратов осторожно толкнул его ногой.

— Бубб! — позвал он. — Ты здесь?

Из полумрака не донеслось ни единого звука. Кратов выждал немного и броском, чтобы опередить удар дрекольем по затылку, нырнул внутрь. Никто и не собирался перехватить его при входе. В берлоге было пусто и холодно. Кратов стоял посреди этой пустоты и

холода и чувствовал, что и сам замерзает. Не телом — душой...

А когда он повернулся, чтобы уйти навсегда, груда небрежно спиханных в угол шкур зашевелилась, и из-под нее выглянула знакомая страховидная физиономия.

— Кто?.. — прохрипела она.

— Бубб! Ты не узнаешь меня?!

— Не вижу... — сипел тот. — Захворал я... Ближе подойди, может — разгляжу. В голове у меня круговерть.

— Я — Кратов, ты меня здесь vyhаживал, к летающему зверю провожал!

— Ты разве живой еще? Я думал — тебя твои дружки сожрали. Больных да увечных всегда жрут. Меня вот чуть не сожрали, да раздумали — вдруг еще встану? Жалко меня жрать — знаю много...

— Да что с тобой?

— Лешие вчера напали. Один меня по башке сильно огрел, едва последние слова не вышиб напрочь. Нынче все на охоту убрели. Самок с детенышами в новую берлогу упрятали. А я лежу здесь в дерьме один, слова пересчитываю, чтобы не растерять. Не помогает — расползаются куда-то, змеищи... Худо мне, Хрра-тов, как бы не помереть. А помирать неохота, недужить — и того сильнее. Ведь сожрут меня, и слова мои сожрут вместе со мной, вот что обидно... Заговоры все позабыл, какой из меня теперь шаман?

— Бубб, дружище, я помню все твои заговоры наизусть!

— Правда? — обрадовался тот. — Подожди-ка...

Он заворочался в своих шкурах, застонал, мотая головой в коростах запекшейся крови. Потом с трудом сел и вытащил из-под себя здоровенный лоскут тонкой древесной коры.

— Нож тут где-то был... — ворчал он, шаря вокруг. — Запропастился к лешему... А, вот! Давай-ка Расскажи мне заговор от брюшной маеты, а я его себе на коре нарежу для памяти. Что это у тебя с глазами? Хворь какая? Ты ко мне близко не садись, мне своих болячек достает, и так ни лешего не вижу, да чтобы еще из глаз потекло...

— Это не хворь, — сказал Кратов. — Это у нас бывает иногда, от сильной радости.

— Чудной вы народ, — проговорил Бубб укоризненно. — Все-то у вас не как у людей. Да леший с вами, живите как знаете... Ну, давай начинай.

Интерлюдия. Земля

— Инцидент имел место, когда по земному летоисчислению шел примерно 1450 год, — сказал Спирин. — То есть, Колумб не то что еще не открыл Америку, а был довольно-таки молодым человеком и, говоря образно, ходил под стол пешком. Здесь, где мы сейчас имеем несравненное удовольствие беседовать, отправляли свои нехитрые языческие культы в полной гармонии с матушкой-натурой индейцы тупи-гуарани, а также тупинамбас и тупиникинс. А на Москве княжил Василий Темный, таковым прозываемый за увечье уже года четыре...

— А наши земли рвали в клочья османские турки и Габсбурги, — нетерпеливо прервала его Рашида. — Мы оценили ваш энциклопедизм.

Спирин довольно захохотал и попытался поцеловать ей руку — женщина ловко увернулась. Очень невысокий, неопределенного возраста (где-то от шестидесяти до ста двадцати!), кругленький, подвижный, с короткой курчавой бородой, он выглядел настоящим любителем жизни, искателем удовольствий и развлечений. Которому самое место в Рио, но вряд ли — в этом пандемииуме, в инфобанке Тауматеки, где он занимал маленькую келью на шестом подземном этаже. Мог бы вытребовать и большую, но, по его словам, терпеть не мог голых стен. Свободные же пространства крохотной клетушки легче было наполнить кристаллотеками, древними инкунабулами из бумаги и пластика, пыльными мемографами и мемоселекторами, таинственного вида статуэтками, похожими на диковинные кораллы, пустыми пивными банками в экзотических

наклейках, объемными макетами звездных систем с застарелой паутиной между планетарных орбит, хрустальным кубком в форме банановой грозди, с облезлой надписью «Призеру регионального первенства штата Пернамбуку по древолазанию» (один банан был отколот — возможно, вследствие использования приза для бития по чьей-то довольно твердой голове, — и валялся рядышком), засохшей веткой пальмы-карнауба в естественном восковом налете, искусственным чучелом ястреба-гарпии и размалеванными по-боевому черепами, из которых по меньшей мере два человеку явно не принадлежали. Остаток места был отдан столу в консервативном стиле, на котором громоздились внавал разноцветные листки с рукописными заметками, большому видеалу и двум креслам для посетителей. В одном теснился Кратов, согнувшись вдвое, чтобы не стукаться головой о полку с черепами, и стараясь не жестикулировать. В другом сидела Рашида, по обыкновению своему красиво закинув ногу на ногу, с тлеющей сигаретой в пальцах изящно заломленной руки. Сам хозяин уместился на простеньком крутящемся табурете с подлокотниками, где и вертелся много и с удовольствием, как бы невзначай прихватывая Рашиду за голое колено.

— Обожаю, — промурлыкал он. — Когда приходят и чем-то интересуются, когда есть чем удовлетворить этот интерес... а в особенности, когда удастся разозлить хорошенькую женщину!

— И все же, Мануэль Габриэлевич, — сказал Кратов благодушно. — Об истории человечества давайте в другой раз. И предупреждаю: гневить конкретно эту женщину очень опасно. Может изурочить.

— Могу, — подтвердила Рашида, стряхивая пепел в хрустальный кубок.

— Ну извольте, — вздохнул Спирин. — Вот вам факты. Корабль назывался «Азмасфох-Вэлвиабэтха», что можно перевести на земные языки примерно как «Пронизывающий все пространства». Он принадлежал империи Тахамаук и следовал с их планеты Птэриш на их же планету Оххшеоб.

— Хм! — вырвалось у Кратова.

— Самое время рассказать об империи Тахамаук, — сказала Рашида, с неудовольствием покосившись на него.

— Тахамауки — это, барышня, очень древняя гуманоидная раса, — промолвил Спирин. — Пожалуй, древнейшая среди человекоподобных. Их чрезвычайно высоко чтут в Галактическом Братстве за колоссальный вклад в науку и культуру вселенского содружества. Когда-то они были фантастически пассионарны. За несколько тысяч лет космической экспансии они освоили — а на заре своей истории попросту завоевали! — обширные обитаемые пространства. Без всяких, заметьте, экзометральных переходов, единственно с применением субсветовых флотов! Оттого-то их кораблям и даровались столь претенциозные имена. К упомянутому же периоду времени тахамауки уже в значительной степени утратили прежнюю мобильность и не без труда управлялись с неоглядной империей. Между прочим, некоторые их колонии сейчас обрели суверенный статус и порой непросвещенными исследователями почитаются за самостоятельные цивилизации. Например, Доуген, Згунна, Гледрофидд, да и упомянутая Оххшеоб, впрочем...

— Ну, мы-то, верно, происходим не от этих ваших... томагавков, — сказала Рашида.

— Что не делает нам большой чести, — промолвил Спирин. — Забавно, но в моей молодости был период,

когда я и мои сверстники имели несказанную дерзость именно так и называть эту великую расу. Но, поверьте, топор войны эти существа зарыли еще до того, как на Земле произошло Разделение, то есть очень давно.

— Но это же была империя! — заметила Рашида.

— Это и сейчас империя, — кивнул Спирин. — Пускай и утратившая — довольно безболезненно! — некоторую часть своих колоний. И во главе ее пребывает весьма просвещенный и талантливый монарх.

— Как это может сочетаться с их древностью и, как вы говорите, мудростью? — пожала плечами Рашида. — Монархия — это варваризм...

— Ну, не знаю, — возразил Спирин. — Кому как нравится. Для кого-то административные функции — тяжелое бремя ответственности. А для кого-то, как для тахамауков — объект эстетического совершенствования. Монархия — это, черт дери, красиво... И как вы себе представляете выгоду от военных действий, в ходе которых объект раздора полностью уничтожается? — Он развернулся к идеалу. — Не желаете ли изучить «Отчет о полномасштабных испытаниях тяжелого орбитального дефлагратора»? Или «Отчет о применении гравитационного дисруптора в планетарных масштабах»?

— Что это такое? — спросила Рашида.

— Это некоторые системы космического вооружения, которые были разработаны тахамауками примерно в ту эпоху, когда люди воевали кремневыми ножами и дубинами. Разработаны, испытаны и навечно запрещены к употреблению. Орбитальный дефлагратор вызывал цепную пирогенную реакцию в кислородосодержащих атмосферах, в результате чего на какое-то время планета превращалась в огненный ад — пока не выгорало все, что могло гореть. А гравитационный дисруптор разры-

вал силы сцепления между корой и мантией в теле планеты, и та превращалась в очень большой и совершенно голый камень неправильной формы...

— Помнишь уншоршара с планеты Оунзуш? — негромко спросил Кратов.

Несмотря на жару, проникавшую даже в заповедные недра Тауматеки, Рашида поежилась.

— Вопреки звучному имени, «Пронизывающий все пространства» был простым грузовиком, — сказал Спирин (Кратов и Рашида переглянулись). — Как это и было принято, вели его автоматы, но за грузом посменно присматривали двое... э-э... суперкарго. Да, да, я знаю, что на транспортниках полагается один суперкарго, но это же тахамауки... Путь лежал неблизкий, с одного края Галактики на другой, и когда один бодрствовал, второй находился в гибернации. Хотя весь курс пролегал в экзометрии, такой полет отнимал несколько недель, а тахамауки — рачительные хозяева личного времени... «Азмасфох» даже по их меркам был весьма велик: пятнадцать тысяч метров в длину и полторы тысячи в максимальном диаметре.

— Это что, раса гигантов? — поразилась Рашида.

— Рост среднего тахамаука — три метра, — с наслаждением объявил Спирин. Идеал за его спиной немедля изобразил портрет очень худого и нескладного на вид существа, в просторном сером наряде, похожем на комбинезон на пару размеров больше, чем следовало, длиннорукого и сутулого. Изможденное лицо с высоким морщинистым лбом украшено было огромным печальным носом и запавшими карими глазами без зрачков. Кратову доводилось по долгу службы встречаться с тахамауками визави: в жизни они выглядели гораздо бодрее. — Гравитация в их мирах позволяет им роскошь быть гигантами... по нашим меркам. Ну, для тахамауков

суденышко было серийным, а между тем в те славные времена их корабли были самыми крупными искусственными объектами, проникавшими в экзотрию. Поэтому нет ничего удивительного, что жертвой нападения стал именно грузовик тахамауков.

Все развивалось по сценарию, вам обоим прекрасно известному. Резкое торможение, потеря ориентации, частичные разрушения и неуправляемый полет к черту на кулички. Один из суперкарго, тот, что был в гибернании, сразу погиб. Второй попытался бороться за сохранность груза, свою жизнь и свою честь — а он действительно рисковал ею по обычаям империи: там считалось дурным тоном пропасть без вести, не завершив дел по передаче наследства и титулов! Автоматы пострадали не так сильно, как можно было ожидать, и совсем уж по счастью невредим оказался бортовой компьютер.

— Компьютер? — переспросил Кратов рассеянно. — Какая-то счетная машина?

— Не совсем. Это архаичное название электронно-механических прототипов наших когитров. То, что было на «Азмасфохе», имело более прогрессивную элементную базу, но не являлось когитром, поэтому я лишь использую термин... Вот упрощенная схема грузовика, — Спирин эффектно размашистыми движениями выстукал на сенсорной панели код, и на экране видеала возникли очертания экзотического овоща, не то огурца, не то баклажана, самых совершенных форм. — Гравигенная секция расположена в центре... грузовые отсеки позади, впереди и частично снизу... а вот это центральный пост. — В унисон с его словами овощ вскрывался, демонстрируя свое содержимое. — Удар был один, и пришелся он вот сюда... то есть накрыл жилые помещения, большую часть груза и вскользь — генераторы. Хотя

есть основания полагать, что главной целью его был все же источник экзометральных возмущений. Сиречь генераторы.

— Почему? — быстро спросил Кратов.

— Всему причиной конструктивные особенности кораблей тахамауков. Сами генераторы упрятаны в сердцевине корабля, между тем как их эмиттеры выведены далеко наружу и шлейфом охватывают грузовые отсеки в передней части корпуса. Вот это вздутие — главная гроздь эмиттеров. ЭМ-зверь польстился именно на них.

— ЭМ-зверь? — удивилась Рашида.

— Абсолютно условное обозначение той твари, что атаковала корабль тахамауков. Согласитесь, что как-го ее нужно было обозначить!

— Почему же зверь? — не отставала женщина.

— Потому что известно, что экзометрия обитаема. Доказано очень давно.

— Кем? — выжидательно осведомился Кратов.

— Что значит — кем?! — растерялся Спирин. — Я не знаю — кем... Это, если хотите, аксиома. Просто все знают, что экзометрия обитаема.

— Давайте на мгновение допустим, что я этого не знаю, — сказал Кратов. — То есть, трудно допустить, что я не подозреваю об обитаемости экзометрии: все же, у меня есть корабль-биотехн. Я просто хочу получить историческую справку.

— Хорошо, давайте таковую справку наведем, — проямлил Спирин и развернулся к видеалу всем корпусом. За его спиной Рашида строила Кратову презрительные гримасы и совершала жесты самого уничижительного свойства. — Гм-м... Э-э... Вот! — восторженно воскликнул Спирин. — «Бюллетень экзометрической физики», издание Института физики пространства-

времени и сопространств при Сфазианском Экспонаториуме за 105 год — по нашему летоисчислению, разумеется. «Детальными исследованиями, проведенными с помощью вышеуказанной модели ЭМ-сканера, было установлено существование в экзометрическом сопространстве мобильных объектов конечной массы и устойчивой формы, что выразилось, во-первых, в равномерных, неволновой природы, искажениях структуры сопространства, а во-вторых, в торможении и рассеянии сканирующего импульса, каковое явление впоследствии было обозначено как «экзометрическое отражение». Таким образом, математическая теория неоднородности экзометрического сопространства, предложенная Атмиагутидом и Инхаомтом еще в 55 году, нашла свое неожиданное практическое подтверждение....»

— Кто сии? — справился Кратов, успокаивающе поглаживая приунывшую Рашиду по плечу.

— Атмиагутид, Иэхи-ккап Ам-ваа, — прочитал Спин. — Родился в 40708 году по нкианхскому летоисчислению, покинул материальный мир, иначе говоря — умер, в 43005 году, что соответствует нашему 97 году. Выдающийся ученый в области полиметрической математики и физики сопространств, один из создателей теории неоднородности экзометрического сопространства, а также нескольких теоретически непротиворечивых моделей ретротемпорального прокалывания.

— Это что, машина времени? — усмехнулся Кратов.

— Что-то вроде того... Инхаомт, Асвиш-фуор Ивдалудх. Родился в 40750 году, покинул материальный мир в 43050 году, то есть приблизительно в нашем 102 году. Тоже выдающийся, и в тех же областях познания, как представляется — ближайший ученик, соратник и сподвижник Атмиагутида. Вы удовлетворены?

— До некоторой степени, — сказал Кратов. — Пускай будет зверь... Что же получается? Если я что-то понял из той наукообразной беллетристики, что вы давеча процитировали, то не так давно нкианхи испытывали некий прибор, условно именуемый «ЭМ-сканером». И на порождаемые им возмущения в экзометрической ткани реагировали некие предположительно живые твари. То есть бросались на треки от этих возмущений, как черт на грешную душу. Тем самым выдавая свое до той поры ото всех скрытое существование.

Спирин кивал ему в унисон, но лицо его с каждым словом делалось все более озабоченным.

— То, что эти зверюги себя проявили во плоти, оказалось подтверждением какой-то умозрительной теории, возникшей в нкианхских же головах тоже весьма недавно...

— Я уже все понял, — поспешно сказал Спирин.

— ...между тем, как первое документальное свидетельство о нападении ЭМ-зверя на корабль Братства состоялось гораздо раньше. За несколько веков до того, как доктора Атмиагутид и Инхаомт сообразили, что коли есть сопространство, так наверняка в нем кто-то должен пасть и щипать травку.

— Ужасно! — воскликнула Рашида. — Запомнить, а главное — повторить эти языколомные имена с первой же попытки!..

— Приведенная вами цитата убедительна, — заключил Кратов, — но не иллюстрирует ничего, кроме поразительного эгоцентризма нкианхов, не удосужившихся порыться в исторических хрониках Галактического Братства. Хотя мы с вами, пожалуй, первые, кто их в том может уличить.

— Здесь какая-то нестыковка, — сказал Спирин. — Телега впереди лошади. Может быть, мы что-то напута-

ли с летоисчислениями... хотя вряд ли. Нужно поискать более глубокие отсылки.

— Поищите, поищите, — сказал Кратов. — Возможно, наткнетесь и на другие замечательные исторические казусы.

— Что вы хотите сказать?

— Только то, что история исследований экзометрии, или как это обозначено в вашем инфобанке, «экзометрического соппространства», покрыта флером недомолвок и лакун.

— Вам это, я вижу, не очень-то нравится, — заметил Спирин.

— А вам?

— Тоже не по душе.

— И правильно. За недосказанностями зачастую таются мрачные дела.

— В экзометральной навигации-то? — спросил Спирин с недоверием. — Корабли Братства столько лет бороздят его вдоль и поперек, что там уже и места не осталось для малейшей кляксы мрака... Э, бросьте вы! — вдруг отмахнулся он. — Наверняка изрядное количество исторического материала попросту утрачено за давностью. Кому три тысячи лет назад могло прийти на ум, что двое... pardon, трое теплокровных вертикальных гуманоидов вдруг захотят докопаться до изначальных истин?!

— Когда и кем был совершен первый ЭМ-перелет? — полюбопытствовал Кратов.

— В 680 году до нашей эры. Космический крейсер нкианхов «Пернатый хищник» с тремя испытателями на борту, командир экипажа — трехфлаговый адмирал Юлли Юлтусф, — быстро ответил Спирин. Он внезапно преисполнился веселья. — Какие-нибудь там ассирийцы осаждают Иерусалим и рушат стены Вавилона. Какие-то

туманные киммерийцы вкупе с урартами, о которых только разве что я и помню, лупцуют каких-то фригийцев. И вся эта шатия-братия и знать не знает, что в это время где-то за пологом звездного неба адмирал Юлтусф и его соколы...

— А вы говорите, «утрачено за давностью», — усмехнулся Кратов. — Это вам не скифские письма, не библиотека Ивана Грозного. Это вам Вхилугский Компендиум... Ладно, пока ограничимся констатацией факта, что найти черную кошку в светлой комнате легко, но поймать очень сложно — особенно, если она не хочет к вам на руки. Что нам стало известно об ЭМ-зверях? Что они реагируют на треки экзометральных возмущений. Особенно когда это солидные треки, вроде того, что оставил «Азмасфох» или ЭМ-сканер нкианхов. Что их можно подманивать и ловить. Во всяком случае, такова официальная версия происхождения кораблей-биотехнов вроде того, которым пользуюсь я... Вот только любопытно, как это выглядит на практике!

— На практике, коллега, это выглядит примерно так, — окончательно развеселился Спирин, отчески похлопывая Рашиду по ноге. — Я делаю запрос в инфобанк того же, скажем, Компендиума. Нельзя ли-де мне ознакомиться с технологической программой промыслового лова ЭМ-зверей, каковая была разработана, успешно испытана и осуществлена высокочтимыми коллегами нкианхами? Отчего же нет, отвечают мне. Делается это так. Строится ку-синус-альфа-омега-векторная гравитационная сеть с тензорными проседаниями в ку-тангенс-бета-гамма-сопространство и укладывается в сопроникающие минус-гармонические прото-области. Не понимаете? Ну, речь идет о системе координат, что позаимствована из пока еще слабо доступной человечеству области знаний, а именно: из ультра-инфра-

грависпазматической парафизики. Что, даже не слышали? Ну, и плюньте, не забивайте себе мыслительный аппарат... Тем все и оканчивается. Вся наша беда в том, что до сих пор не нашелся еще человек, из плоти и крови, с парой ног и парой рук, кто бы всякий раз на их сочувственные вопросы отвечал: да нет, все в порядке, чего тут не понять — элементарная ультра-инфразависпазматическая парафизика, продолжайте пожалуйста...

— М-да, — неопределенно сказал Кратов. Он поерзал в кресле, и ему на колени тотчас же свалился череп. — Ультра, стало быть, инфра... Ну, и чем же закончилась эпопея «Азмасфоха»?

— Как я говорил, расположение эмиттеров ввело ЭМ-зверя в заблуждение, — сказал Спирин, — и он не нанес кораблю того урона, на который явно рассчитывал. Поэтому оставшемуся в живых суперкарго пришлось экстренно прервать полет и выброситься в субсвет. Процедура выхода из экзометрии выглядела предприятием рискованным, но все же удалась. После чего подоспели спасатели, и все закончилось наилучшим образом... если не считать гибели одного из тахамауков.

— Poor Yorick¹, — пробормотал Кратов, рассеянно вертя череп в руках. — Кстати, отчего он погиб? Что там было — перегрузки, разгерметизация, отказ гибернационной техники?

— Сейчас посмотрим, — сказал Спирин. Его брови снова поползли кверху. — Забавно... То есть ничего забавного в смерти, разумеется, нет, но... несчастный тахамаук погиб от кровоизлияния в мозг. — Он пожевал губами и с кривой усмешкой прибавил: — Такова официальная версия.

¹ «Бедняга Йорик» (англ.). Вильям Шекспир. Гамлет.

— А тот, что уцелел? — спросил Кратов. — Наверное, сошел с ума?

— С чего вы взяли?! — удивился Спирин. — Впрочем... — На его чело набежала тень. — Дьявол, — сказал он энергично. — Такое ощущение, что вы пришли сюда тыкать меня носом в дерьмо!

— Это не так, — мягко возразил Кратов.

— Суперкарго Ифебегнехп действительно был отстранен от дальнейших полетов по медицинским показаниям. У него наблюдались галлюцинации, расщепление личности, приступы глубокой депрессии...

— Стас, — чуть слышно проронила Рашида.

* * *

Расставание получилось довольно скомканным. Спирин уже не вел себя так оживленно, как это было вначале. По всему видать было, что ему не терпелось остаться наедине со своим идеалом и пропахать все доступные источники информации вдоль и поперек, пока нежданно возникшие смутности не рассеются, как утренний туман. Кратов оставил ему личный номер и поспешил прочь. Ему тоже хотелось на свет и простор.

— Ой! — вдруг сказала Рашида.

— Что случилось? — насторожился Кратов.

— Ничего страшного...

И лишь когда они поднялись наверх, удалились от лифта на изрядное расстояние и уже проходили мимо макета корабля Молчащих в одну десятитысячную естественной величины, Рашида пояснила:

— Он меня ущипнул.

— Ущипнул? — не поверил Кратов. — Тебя?!

— Угу. За мягкое.

— А где у тебя мягкое? — невинно полюбопытствовал Кратов.

— Везде! — рявкнула Рашида. — Это у тебя где ни хвати, всюду гранит и сталь, а я женщина...

— «Женщина устроена так, что она вся мягкая и влажная...»¹ — пробубнил себе под нос Кратов. — Больно?

— Не очень... — Рашида вдруг разозлилась: — Я же не девочка, чтобы меня щипать! Я зрелая женщина, у меня любовники были его лет! И что ты имел в виду, говоря, что я влажная?! Не забывай, что я инженер-навигатор Звездной Разведки в отставке! И я еще помню, как тормозить потоотделение!

— Хочешь, я вернусь и отломаю ему клешни? — смиренно спросил Кратов.

— Я потому и промолчала сразу, что не хочу... — Рашида поглядела на корабль Молчащих. — Про них я тоже еще помню. По крайней мере, с ними все ясно. Летят себе и летят. Ни с кем не желают разговаривать. Это их право. И, скорее всего, это обычные грузовики-автоматы каких-нибудь переразвитых аутсайдеров. Например, тех же эхайнов.

— Видно, сегодня день такой, что все морочат друг дружке голову, — сказал Кратов в пространство. — Так ты все же знаешь об эхайнах?

— Об эхайнах, Костя, знают все, — веско пояснила Рашида. — Даже этот тип... под сенью монстрика. Что вот есть такие эхайны. Но что такое эхайны, и зачем они нужны — знают немногие. Например, ты. Ведь ты знаешь?

— Знаю, — потупился Кратов.

— Что они такое?

— Головная боль.

¹ Даниил Хармс. Лекция.

— Зубная, — строго поправила Рашида. — А зачем они нужны?

— Низачем! — заверил Кратов с охотой. — Абсолютно низачем!

— И все же ты упорно не желаешь рассказать про эхайнов даже мне, своей женщине... Что же ты требуешь от нкианхов, которые о тебе даже не подозревают? С какой стати они станут делиться с тобой, абсолютно неизвестным теплокровным вертикальным гуманоидом, своими сокровенными тайнами?

— Но мне не нравятся эти тайны! — сказал Кратов. — Не хочу я никаких тайн в фундаменте Галактического Братства! Не хватало еще, чтобы этот замечательно устроенный, светлый храм, в котором есть место всем, включая меня, тебя... и даже того типа... вдруг покосился, а то и рухнул! Ну скажи: на кой черт нкианхам тайны?

— На кой черт тайны человечеству? — пожала плечами Рашида. — Неужели ты столь наивен, чтобы надеяться, будто я не заметила, как ты скис, когда Спирин ляпнул про Разделение?

— Ну и скис, — сказал Кратов оправдывающимся тоном. — Ничего сладкого в том нет. Очень досадный и неприятный факт в нашей истории. Причем в истории древнейшей. И самое в нем досадное, что люди-то здесь как раз ни при чем, а отдуваться приходится в первую очередь им...

— И это как-то связано с эхайнами, — усмехнулась Рашида.

— Угу.

— И с феями на Эльдорадо.

— Господи, дай мне передышку, — кротко промолвил Кратов, обратив глаза к сводам Тауматеки. Над его головой в белесом тумане парило чучело калейдоплану-

са, стремительного и трудноуловимого обитателя верхних слоев юпитерианского атмосферного бутерброда. «Если вдруг откажут защитные поля и этот змейгорыныч рухнет оттуда нам на головы, ничего даже отскребать не придется, — внезапно подумал Кратов. — И уж более идиотской смерти не вообразить. Это если небеса вдруг решат, что передышки давать мне не следует, а напротив, и в дальнейшем надлежит подвергать разнообразным испытаниям. Впрочем, это же можно будет расценить и как то, что они-таки откликнулись на мою мольбу и удовлетворили ее. Самым радикальным способом. Вздор: как поля могут отказаться?! И все же... береженого бог бережет». Он взял Рашиду за локоть и повлек прочь из зоны возможного поражения, разглагольствуя на ходу: — Мне не следовало быть инфантильным дураком двадцать лет назад. Я полон раскаяния в своей глупости и гордыне. Нужно было взять эту демоницу в жены. И испортить ей жизнь, как она портит ее мне сейчас.

— Конечно, — согласилась Рашида. — Так и следовало поступить. Хотя ты и без того не сделал жизнь мою медом...

— Коли уж мы здесь, — поспешно сказал Кратов, — может быть, погуляем между этих чудес и диковин?

— У тебя назначено еще кому-то? — насторожилась Рашида.

— Нет! — Кратов замахал руками. — Клянусь чем угодно!

Они стояли у вросшего в тысячелетний гранит покореженного механизма, ни с чем привычным и понятным не сходного. Табло над экспонатом утверждало, что оный механизм был обнаружен четвертой марсианской экспедицией вскоре после их высадки в Меридиании, извлечен из скальных пород и доставлен на Землю, где

продолжительное время соблюдался в архивах НАСА в обстановке строжайшей секретности.

— Вот видишь, — сказала Рашида. — Никто не любит выставлять напоказ собственное невежество.

— Ничего в этой железяке нет такого, из-за чего следовало ее скрывать, — возразил Кратов. — Да, разумеется, никаких других материальных следов внеземных культур на Марсе больше не находили. Ни в Меридиании, ни в Умбре, ни в Море Сирен. Ни тогда, ни сейчас, когда по Морю Сирен шастают дикие туристические группы, а в Меридиании новобрачные устраивают групповые медовые месяцы... На Марсе никогда не было цивилизации. А эту штуку здесь потеряли стародавние визитеры Галактического Братства во время промежуточного финиша или вынужденной стоянки для ремонта...

— Разве трудно было уточнить? — вскинула соболями брови Рашида. — Кто, мол, наведывался к нам на Марс и посеял свой агрегат?

— Да кто ж помнит-то?! — воскликнул Кратов. — Одно время Солнечная система была как проходной двор. Кто здесь только ни побывал, не отметился! Нкианхи были. Тахамауки практически не вылезали. Кристалломимов заносила нелегкая... — Он вдруг оживился. — Лет этак пятнадцать назад мы с Фрицем Радау сделали привал на Харибде. Но не на той, что в системе Мирфака, а на той, что крутится вокруг Электры. Речь идет не об Электре из Плеяд, а о другой Электре... — Он почувствовал, что сейчас окончательно запутается, и махнул рукой. — Ладно, не в том суть... И у нас потерялся экскаватор-автомат. То ли у него самопроизвольно включился задний ход. То ли я врубил да забыл... И он потихоньку убрел в заросли. А хватились мы его уже в полусотне парсеков, в глубокой экзомет-

рии. Не возвращаться же было! — Кратов конфузливо помотал головой. — Ох, и вставили же нам клизму на плоддер-посте, семиведерную, с битым стеклом!.. Нет, у нкианхов было что-то иное. Не было им нужды скрывать свое невежество. Вообще трудно обвинить в невежестве расу, открывшую способ проникнуть в экзометрию.

— Может быть, при этом они открыли и что-то еще, — не сдавалась Рашида. — Но ЭМ-навигацию и ЭМ-связь они сделали всеобщим достоянием. А это «что-то» предпочли похоронить в своих архивах.

— Такое умозаключение настолько очевидно, что не может быть верным... Зачем? Чтобы тысячелетиями жить в постоянном страхе разоблачения?! Неужели эта случайная неувязка в спиринском инфобанке, который был им составлен, можно сказать, «на колене»... и, не исключено, на чужом... заставит тебя усомниться в честности и открытости одной из самых почитаемых галактических рас?!

— У всех есть свои скелеты в шкафах, — сказала Рашида.

— И черепа на полках, — засмеялся Кратов. — «А глаза-то косят!» — вспомнил он старца Серапиона.

— У кого? — обеспокоилась Рашида.

— Не бойся, не у тебя. У нкианхов...

Перед ними на постаменте из розового мрамора располагался и функционировал экспонат, известный как «Титанийская Модель», он же «Объект ТМ». В Тауматекке он находился уже лет сто, и все это время непрерывно действовал. В каковом состоянии, по всей вероятности, пребывал и на протяжении долгих веков до того, как был обнаружен среди руин исчезнувшей цивилизации Титанума. Энергию для своего функционирования он черпал неизвестно откуда, неудобств от трения бесчис-

ленных деталей и воздействия атмосферы не испытывал. То есть являлся практически вечным двигателем во плоти. Разобрать его и не пытались из понятного опасения невозможности повторного запуска. Скопировать же, напротив, пытались многократно и с равным неуспехом. Объект ТМ, несомненно, был уменьшенной моделью чего-то еще более невообразимого и удивительного, о чем строились самые фантастические догадки. Согласно одной из гипотез, означенная модель воспроизводила в миниатюре скрытые, до сей поры неизученные и трудно поддающиеся осмыслению внутренние механизмы планеты-артефакта Фишрволинауэркаф. Отсюда следовало, что либо прежние обитатели Титанума и являлись строителями оной планеты, либо основательно ее устройство исследовали и ухитрились, в отличие от людей, как понять, так и смоделировать. Другая гипотеза утверждала, что взорам первопроходцев Титанума явлена была действующая модель мироздания во всем его многообразии и красе, со всеми значительными галактическими объектами и их пространственно-временными взаимодействиями. Вывод: сгинувшие прототитаниды были цивилизацией поистине вселенского масштаба, знали мироздание как свои предположительно шесть пальцев и употребляли Объект ТМ и его не сохранившиеся до возрождения Титанума аналоги в качестве глобусов. Или же в строительстве указанного мироздания принимали живейшее участие, сохранив на память некоторые рабочие наброски. В последнее Кратову, например, верилось с трудом, но у этой гипотезы находились и более благодарные последователи...

— Почему она не накрыта колпаком? — требовательно спросила Рашида. — А если я захочу потрогать?

— Да на здоровье! — хмыкнул Кратов. — Эта вещьца несколько тысяч лет провалялась в рухнувшем под-

вале так называемого Дома Эшеров под грудой истлевшего хлама. Потом ее «потрогали» ковшом тяжелого скрепера, да и гусеницей тоже. Несколько десятков лет тому назад один из ее первых исследователей изнемог рассудком в тщетных потугах понять и охватить. И во временном умопомрачении прикоснулся к ней кувалдой... Как видишь, ей это не повредило.

— Тогда, конечно, я ее трогать не стану, — сказала женщина. — Что за интерес это делать, если не будет ответной реакции?

— Прототитанидам нет дела до мелкого копошения муравьев на их могилах, — размышлял Кратов. — Даже их механизмы игнорируют наше присутствие. Нас для них попросту не существует. Наши временные пласты не пересекаются. Может быть, потому Модель и неуязвима, что мы видим лишь ее пространственно-временную тень, проекцию на нашу вселенную.

— Ты сам все это придумал?

— Угу. Прямо сейчас.

Рашида молча смотрела на мельтешащие деталюшки и вспыхивающие между ними огоньки.

— Это как вызов нашему самолюбию, — наконец сказала она. — Чтобы мы не мнили о себе слишком много. Это как усмешка мертвеца...

— Ты чересчур впечатлительна, — заметил Кратов. — На самом деле прототитаниды вряд ли задумывались о нас. Как мы не забиваем себе голову заботами о тех, что придет после нас. И куда, кстати, придет. Потому что это будет уже не наш мир. Не наша вселенная. И мы даже не в силах придумать ей имя. Не говоря уже о том, чтобы представить себе ее устройство. Наверное, даже тектоны пасуют перед такой задачкой. Да у них и без того полно хлопот...

— Плохая мысль собрать все это в одном месте. А вдруг это фрагменты мозаики, которую нельзя складывать? Вдруг ее нарочно разрушили и раскидали по углам и закоулкам Галактики до нас те, кто знал, к чему это приведет? И однажды, когда все квадраттики и кружочки лягут на свои места, все и произойдет?

— Что — все?

— Ну, совсем все...

— Нет, я не смог бы с тобой прожить всю жизнь, — усмехнулся Кратов. — Эти зловещие пророчества... Это мрачное созерцание теней, отбрасываемых даже самыми светлыми предметами... С тобой кто угодно станет мизантропом. А я по натуре безудержный оптимист.

— Как давно ты гляделся в зеркало? — удивилась Рашида. — Оптимистов с такой каменной физиономией не бывает.

— Ты никогда прежде не встречала живого оптимиста. Вокруг тебя всегда вращались унылые личности. Унылые от собственного несовершенства. Отчаявшиеся завоевать твоё тело и душу личности. Только в таком окружении ты могла сиять и ослеплять.

— Встречала, — возразила Рашида. — Его звали Стас Ертаулов.

— Пока он был оптимистом, он хватался за все юбки в пределах досягаемости. Тебе будет неприятно это слышать, но ты была лишь одной из них. А уж потом... как я понимаю... он мог быть либо один, либо с тобой. И ни с кем больше.

— Кратов, — сказала Рашида. — Зачем ты хочешь сделать мне больно, Кратов?

— Вовсе не хочу. Я только пытаюсь превратить тебя в оптимиста. Этот мир не так враждебен, как при-
творяется. Скорее, он равнодушен, что уже неплохо. И не нужно выеживать все свои иголки, чтобы никому и

ничему не взбрело на ум причинить тебе вред. Правильнее будет дружески похлопать вселенную по плечу, рассказать ей анекдот, и она охотно посмеется вместе с тобой.

— Бог знает что ты несешь, Кратов! — возмутилась Рашида. — Ты похлопаешь вселенную по плечу, а она возьмет и отъест твою панибратскую руку! Вместе с твоей глупой башкой, забитой анекдотами...

— Хочешь еще одну гипотезу о Титанийской Модели? — весело спросил он. — Никакая это не модель. Детская игрушка, вот что это такое! Головоломка для развития пространственного воображения. Если соберешь ее как нужно, она оживет и мигает красивыми огоньками. Давным-давно лялька собрала ее и, как это бывает с ляльками, утратила к ней всякий интерес. Забросила под кровать в ящик с другими игрушками и забыла. А головоломка до сих пор старается, работает и мигает. Выказывает одобрение сообразительной ляльке...

— Ну тебя к черту, Кратов!

Они миновали стену, с точностью до царапин и сколов воспроизводившую фрески из подземных лабиринтов Финрволинауэркаф. Кратов давно видел указатели и хотел бы избежать свидания с этим местом в обширной экспозиции Тауматеки, но не удалось... Сцепив зубы, он с трудом отвел глаза от зеленокожей трехглазой русалки, что сквозь года, сквозь бездну тринадцати лет, посылала ему свою неуловимую, зазывную и безумную улыбку. Он и не знал, что с тех пор кто-то отважился повторить его маршрут. Не только повторить, но и доставить в Тауматеку живые свидетельства того, что не все виденное им в недрах планеты-машины было болезненным бредом...

Перед фресками стояли пятеро в открытых, сильно облегающих нарядах, напоминающих акробатическое

трико или комбинезоны для подводного плавания. О чем-то негромко переговаривались — долетавшие обрывки фраз были непонятны и в то же время удивительно знакомы. Рашида с тревогой сжала Кратову локоть, заглянула ему в лицо: «Что с тобой, Костик?» Он не ответил, напряженно ожидая, когда кто-нибудь из странных незнакомцев обернется. Словно уловив его мысли, один обернулся — движение было нечеловеческим... иная пластика, иначе приложенные мышцы... хотя все остальное казалось неотличимым. Обычное лицо... едва заметная сглаженность черт, неуловимо несхожий разрез глаз...

Иовуаарп.

— Вам нравится? — осведомился он, приветливо улыбаясь.

Кратову потребовалось значительное увилие, чтобы сбросить оцепенение.

— Не очень, — сказал он извиняющимся тоном, постаравшись придать своему голосу естественную окраску. — Я не поклонник авангардизма.

— Авангардом это назвать трудно, — промолвил иовуаарп. — Этой картине, точнее — оригиналу картины, что хранится в недоступном для посетителей месте, почти пятьсот лет. Она старше, чем «Явление Христа народу», не говоря уже о «Черном квадрате» Малевича или «Над городом» Шагала... Здесь написано «Пещерная русалка». Это неправильное название.

— А как правильно?

— Картина называется «Сон угасшего чувства». И автор тоже известен.

— Наверное, это нетрудно будет исправить, — предположил Кратов.

— Разумеется. Это как раз тот случай, когда все можно исправить.

Иовуаарп коротко кивнул — движение выглядело немного птичьим, — и присоединился к созерцающим фрески товарищам.

— Самое время рассказать про Уэркаф, — проговорила наконец Рашида, до сей поры озадаченно безмолвствовавшая. — Между прочим, и Торрент этого желает.

— Его интересует моя третья миссия, — горестно усмехнулся Кратов. — Первые две общеизвестны.

— Вот и расскажи про третью миссию.

— Не хочу. Это было... фиаско.

— Но никто не может все время побеждать!

— Если бы я побеждал хотя бы один раз из двух! Если бы...

— И что это был за странный разговор с этими эльдорадцами? Так и мерещатся подводные течения, второй и третий смыслы, какие-то туманные намеки на известные лишь вам двоим обстоятельства...

— Во-первых, это не эльдорадцы, — сказал Кратов. — На Эльдорадо, хорошая моя, живут такие же люди, как и мы с тобой. А это вообще не люди. Это иовуаарп, и живут они у черта на рогах, в звездной системе Эаиризавуунс. И даже не пытайся повторить это название с первого раза, у меня тоже не получалось...

— Я и не пытаюсь, — пренебрежительно дернула плечом Рашида.

— Во-вторых же, никакого подспудного смысла в этом диалоге не было. Как я полагаю... Этот иовуаарп видел меня в первый и последний раз. Он ни о чем не мог знать или даже подозревать.

— А было?

— Что — было?

— О чем знать и подозревать?

— Видишь ли... Есть обстоятельства, связывающие между собой планету Финрволинауэркаф, бесконечно

далекую от нее цивилизацию Иовуарп и... э-э... меня. В узких ксенологических кругах они хорошо известны. По негласному соглашению сторон широкой огласке не предаются, хотя никакой тайны не составляют. И обстоятельства эти — болезненны. Так, по крайней мере, было до недавнего времени. Но диалог, коего безмолвным свидетелем ты стала, дает мне право заключить, что в наших отношениях завершается некий этап.

— Это хорошо или плохо?

— Это естественно. «Тот случай, когда все можно исправить»... Картины обретут свои настоящие названия и авторов. Искусствоведы будут счастливы. Популяризаторы ксенологии вздохнут с облегчением: им не нужно будет больше изобретать фигуры умолчания. Иовуарп смогут открыто гулять по планете Уэркаф. И... все, пожалуй.

*Ах, если б вновь
с пряжей клубок тот
минувшего нам намотать!
Если б ушедшее
вновь нынешним стало!*¹

Остальное, увы, остается непоправимым.

Рашида тихонько погладила его по руке.

— Пойдем домой, Кратов, — попросила она. — Чем дольше мы бродим в этой кунсткамере, тем мрачнее ты становишься. Скоро ты превзойдешь даже меня. Слишком большой кусок твоего прошлого связан со всем этим...

— Я думал, что стану здесь перебирать яркие праздничные графии, со всякими там лыжными курортами, тропическими пляжами и альпинистскими лагерями, —

¹ Исэ-моногатари (X в. н. э.). Пер. с японского П.И.Конрада.

извиняющимся тоном сказал Кратов. — А получилось что-то вроде копания в затхлой гробнице. Где из каждого угла на тебя тарашатся столетние пауки. Да пыльные мумии так и норовят свалиться в твои объятия.

— Ты умеешь очень красиво говорить некрасивые вещи, — заметила Рашида.

— Лучше я буду говорить тебе красивые комплименты.

— Начинай прямо сейчас.

Кратов призадумался. Кажется, он переоценил свои силы.

— Это непросто, — сообщил он. — Слова блекнут перед реальностью. И давай-ка лучше выберемся на свет, а то мы, похоже, заблудились. Куда бы мы не пошли, я всюду вижу перед собой этот левнафаний хребет.

— Так и должно быть, — заверила его Рашида. — Эта была очень большая тварь. Она способна заполнить собой всю Тауматеку. Поэтому ее уложили колечками, как роль-мопс. — Она безразлично поглядела на какую-то звериную морду, нарочито неряшливо высеченную из бурого песчаника. — Это что?

— Не знаю, — пожал плечами Кратов. — Откуда мне знать? Все же, кос-что в этой Галактике происходит без моего участия...

* * *

Они снова брели по араукариевой аллее, с трудом раздвигая тугие струи горячего воздуха. День перевалил за половину. Скоро жара должна была немного спасть. И где-то в черной бразильской ночи их ждали неутомимые и неизбежные жернова непрерывного карнавала. С песнями и плясками. С самыми расстроенными гитарами

и самыми легкомысленными нарядами. С непременными вином и любовью.

Боязно было даже подумать об этом сейчас.

— Я хочу есть, — объявила Рашида лениво.

— Отними мышку у вон той спальной кошки, — так же разморенно ответил Кратов.

Рашида посмотрела.

— Это не мышка, — сообщила она. — И не крыска, если сделать поправку на масштаб... Это пирожок. Надкушенный.

— Пойдем лучше на пляж, — предложил Кратов. — Я буду спать, уткнувшись носом в песок. Ты будешь купаться и флиртовать с мулатами. Это для меня ты всего лишь экзотическая южная красotka. А для них ты — белая славянская женщина, загадочная душа и запретный плод. — Он помолчал, с некоторым напряжением собирая воедино плавающие и растекающиеся мысли. — Там и поедим.

Истомившийся метарасист лежал у ног своего чудища, накрыв лицо шляпой. В бессильно откинутой руке была зажата большая бутылка пепси.

— Я все же открою ему глубину его заблуждений, — мрачно сказал Кратов.

— Не смей, — устало обронила Рашида.

Она попыталась задержать Кратова, уцепившись за руку, но промахнулась и в изнеможении села на травку.

Волоча ноги, Кратов приблизился к демонстранту. Откашлялся — реакции не последовало.

— У тоссфенхов нет чешуи, — произнес он как бы между прочим.

Шляпа чуть сдвинулась, открывая печальный мутный глаз.

— Господи, еще один, — сказал метарасист сиплым голосом.

— Кто — еще один? — не понял Кратов.

— Радетель за истину, — пояснил тот, прилагая усилия, чтобы сесть. — Что вы все ко мне пристали? Не видите, человек хочет спокойно изжариться... Буквально полчаса назад явился один странный тип, отрекомендовался доктором наук и потребовал убрать с моего прекрасно изготовленного фантома чешую. С какой это стати я буду лишать его чешуи? Мне она двух бессонных ночей стоила! Я же его собственными руками, как дитя любимое, холил и пестовал, генерировал и отлаживал. В конце концов, я имею право на вымысел! Отнеситесь к этому как к шаржу, как к метафоре, а не как к точной копии! Копиям место в Тауматеке... А теперь еще и вы! — Он пригляделся. На его потном лице вдруг проступило выражение гордой неприступности. — Впрочем, вам извинительно. Вы же *оттуда*, — он ткнул пальцем в добела раскаленные небеса. — Или оттуда, — палец устремился в сторону циклопических стен Тауматеки, — что, в общем, одно и то же. Чужелюб...

Кратов, кряхтя, опустился рядом с ним на землю.

— С чего вы взяли? — спросил он устало.

— В следующий раз, — мстительно произнес метарасист, отодвигаясь, — когда захотите слиться с толпой, позаботьтесь о гриме. Чтобы закамуфлировать свой зеленый загар. И не забывайте потеть... как все нормальные люди.

— Что значит «наметанный глаз»? — сказала издали Рашида.

— Вы женщина этого человека? — спросил метарасист.

— Правильнее сказать: он мой мужчина.

— Глупо и опрометчиво.

— Это почему же?

— Потому что у вас не будет детей... — Метарасист обратился к Кратову. — Вам уже не так мало лет, любезный. Может быть, у вас есть дети?

— Нет, — покачал головой Кратов несколько обескураженно.

— И не будет. Вы слишком долго были вне Земли, чтобы думать о таких простых вещах, как семья. Вы слишком долго общались с чужиками. Инобытие отбило у вас охоту к продолжению рода, подавило самые естественные ваши инстинкты.

— Ну почему же... — Кратов начинал злиться, потому что понимал: он упустил инициативу в этом идиотском диспуте.

Рашида вдруг залилась обидным смехом.

— Спроси-ка, есть ли у него самого дети! — поднабила она.

— Какое это имеет значение? — отмахнулся метарасист.

— Еще и как имеет! Будь у вас дети, вы не валялись бы здесь, как экспонат Тауматеки, не втиснувшийся в экспозицию. Вы бы занимались их воспитанием.

— Благополучие расы важнее...

— Да вы просто болван! — воскликнула Рашида. — Разве можно с вами серьезно спорить? Анастасьев вас не похвалит... А вот у нас будут дети, — объявила она. — Столько детей, сколько я захочу от этого мужчины. С которым вы никогда и ни в чем не сравнитесь... жалкий импотент.

— Рашуля, — сказал Кратов с укором. — Ты излишне раскована в своей аргументации...

— Но он же глаз не может оторвать от моих ног! — продолжала буйствовать женщина. — От его взглядов у меня останутся синяки на бедрах! Он просто завидует тебе, и таким, как ты. Потому что ты большой и силь-

ный. Потому что ты повидал столько, сколько ему и не снилось, с его убогим воображением неудачника! Потому что тебя любят самые красивые женщины Галактики!

Метарасист вдруг просветлел.

— Но вы тоже не потеете, мадам! — сообщил он торжествующе.

— Зато вас можно выкручивать, как тряпку, — фыркнула Рашида. — Только это вам не поможет. Зорче смотрите, сударь. Не то, не ровен час, проглядите, что еще кто-нибудь вероломно не потеет втайне от вас... И, если уж на то пошло, не мадам, а мадемуазель! Идем, Кратов. Мне не стало весело. А я говорила, что люблю только радостные аттракционы.

— Хорошо, — сказал Кратов, вставая.

Метарасист проводил их тусклым взглядом.

— Мы победим, — выдавил он наконец, вскинул два растопыренных пальца и снова лег, накрывшись шляпой.

— Что ты так набросилась на беднягу? — спросил Кратов, когда они отошли. — В конце концов, у него есть право на нелюбовь к инопланетянам, ко мне... даже к тебе!

— Да, это его право! Но как можно призывать к нелюбви других?! Я еще поняла бы, увещевай он меня любить кого-то или что-то... но не наоборот! И потом, — фыркнула она, — ты, профессионал, специалист по уговорам, выглядел не слишком-то убедительно...

— Ты оказалась права, — вынужден был признать Кратов. — Я редко имел дело с фанатиками. И, как правило, дело завершалось потасовкой. Потому и фанатик, что не поддается уговорам... Но сегодня у меня нет настроения для рукопашной.

— Еще бы! Ты просто прихлопнул бы этого сморчка!

— Ты несправедлива. Ты совершенно его не знаешь. Быть может, это добрый и душевный человек.

— Это импотент! — запротестовала Рашида. — Все фанатики — импотенты!

— Один мой знакомый называет себя фашистом. Хотя он, конечно же, никакой не фашист, а овощ с того же огорода. Просто ему отчего-то приглянулось это мерзкое слово... Это добрый и душевный человек, если его не задевать за больное.

— Вот-вот!

— И к тому же, у него куча детей от разных женщин.

— Ни за что не поверю!

— Ну так я вас познакомлю!

— И он сразу же начнет на меня пялиться бараньим взглядом и тайком от тебя хватать за разные места... Все бесполезно, такова природа фанатизма. Никто от хорошей жизни не станет делиться своей ненавистью с посторонними. Когда человек живет плохо, он становится фанатиком. Когда народ живет плохо, возникает фундаментализм. Но сейчас-то почти все живут хорошо!

— И какой же вывод?

— А такой, что у этого типа что-то неладно со здоровьем. И скорее всего — с эндокринной системой. Вот он и злится на всех. На тех голых девиц — что они могут себе позволить красиво лежать на травке голышом, но не захотят, чтобы он прилег рядышком. На меня — что я одинаково хороша что нагая, что в одежде, — Кратов промышчал нечто утвердительное, — но иду мимо него с тобой, а не мимо тебя с ним. На тебя — что ты не потеешь и плевать на него хотел... Но попробуй он публично ненавидеть окружающих, ему ненавязчиво предложат отдохнуть и полечиться. И уж никакого интереса

к своей убогой персоне он не вызовет. Вот он и взъелся на инопланетян.

— Ну, инопланетянам и дела нет до его антипатий...

— Зато нам есть дело... То есть, конечно, нам с тобой как раз дела-то и нет. Но вдруг кто-нибудь да и обратит на него неравнодушное внимание...

— Поверхностно, — сказал Кратов. — Неосновательно. Ничего ты не понимаешь в хар-р-рошем, обстоятельном, замшелом фанатизме.

— Ты много понимаешь!

— Немного, — согласился он. — На эту тему недурно было бы побеседовать с покойным Олегом Ивановичем Пазуром. Это был настоящий фанатик, не чета нынешним...

— Он всех нас хотел похоронить тогда, — сказала Рашида с непонятной интонацией.

— И все же ты пришла с ним проститься.

— И я его простила... Смотри-ка! — Рашида вдруг едко захихикала.

— Что, снова Торрент? — спросил Кратов, оборачиваясь.

Возле метарасиста сгрудились блистательные новуарп и, деликатно жестикулируя, что-то ему объясняли. Судя по всему, они пытались втолковать ему отличия между его призрачным гадом и реально существующими тоссфенхами. Метарасист стоял на четвереньках и затравленно озирался.

— Скажи мне, Кратов, — промолвила Рашида. — Вот мы с тобой бродим по этому ужасному, знойному Рио. А перед этим рыскали по самой дикой сибирской тайге. Завтра отправимся куда-нибудь еще...

— Завтра, после карнавала, мы проспим до обеда, — возразил Кратов, — а потом двинем в музей Сантос-Дюмона, как ты и хотела.

— Не перебивай... Ты нашел меня, когда я хотела быть одна. Ты поманил пальцем, и я прилетела, как девчонка на первое свидание. Ты потребовал, чтобы я показала тебе последний известный мне приют Стаса...

— Насчет того, кто и кого нашел и поманил. вопрос спорный, — попытался спорить Кратов без большой надежды на успех.

— ...А потом взял подмышку, как куклу, и тащишь за собой по белу свету... И я покорно исполняю все твои прихоти и фантазии.

— Ты преувеличиваешь. Прихоти и фантазии в основном исходят от тебя...

— Но почему это? Почему ты нашел меня спустя столько лет, когда почти все забылось? И почему я позволила тебе вить из себя веревки — я, о скверном норове которой ходят легенды?!

— Во-первых, тебе это нравится. Тебе всегда этого хотелось. И сейчас ты получаешь то, о чем мечтала эти двадцать лет. Разве не так?

— Вздор!

— А во-вторых...

— Ну, договаривай!

— Во-вторых — я не знаю.

— Я убью тебя, Кратов!

— Нет, в самом деле... — Он остановился, положил ей руки на плечи, притянул к себе. — Я боюсь.

— Ты? Боишься? Разве такое возможно?! И чего же ты боишься, человек-танк?

— Я не понимаю того, что происходит. Я лишь могу предполагать. Какие-то смутные догадки, какие-то тени... Я хватаюсь за любую соломинку. Я даже на Торрента готов положиться. Хотя, наверное, уж лучше бы я сел на кактус... Я надеялся, что мне поможет Спириин. Кто знает, быть может, он и помог, только я еще этого

не понял... Я думал, что мне поможет встреча с тобой и со Стасом. Потому что... загадка таится в том, что случилось с нами тогда, в экзометрии.

— Загадка?! Но ведь все закончилось, все было ясно, все было ясно эти двадцать лет!

— Это не было ясно ни единой минуты. И... я неточно выразился. Тогда, на борту «гиппогрифа», действительно все закончилось. А мы трое... нет, четверо... покинули гибнущий корабль и унесли загадку с собой. Она — в нас. И мы можем разгадать ее, если соберемся вместе. Жаль только, что четверть ее невозвратно утрачена, унесена Пазуром в могилу.

— Ты так говоришь, и я тоже начинаю бояться, Костя...

— Может быть, я просто спятил, — принужденно засмеялся Кратов. — Может быть, спятили все тектоны, что низвергли меня с небес на Землю-матушку. Может быть, и нет ничего. Но... ты же все слышала сейчас, у Спирина. Нкианхи что-то скрывают. А это значит: тектоны что-то скрывают. Или о чем-то не знают... если такое возможно. И пытаются укрыться от своего незнания за ложью и дезинформацией. И нас хотят уберечь от удара, который мы испытаем, когда вдруг обнаружим, что есть кое-что, чего не знают даже тектоны! Представляешь, что с нами будет, когда внезапно выяснится, что тектоны чего-то не знают?! — Он зажмурился, на лбу проступили неконтролируемые капельки пота: — Я чувствую, что скоро найду ответ. Найду его с вашей помощью. И до той поры, а уж тем более — когда это случится, — лучше нам всем держаться вместе...

— Значит, Стас тебе нужен не потому, что ты хочешь ему помочь, а как один из фрагментов рассыпавшейся мозаики?

— Опять про мозаику, — усмехнулся Кратов. — Которую раскидали по белу свету от греха подальше... Да,

Стас мне нужен для этого. А заодно — и чтобы ему помочь.

— И меня ты просто держишь при себе, как собачку или кошку?

— Да.

— Чтобы я, однажды объявившись, никуда не пропала? И была под рукой в нужный момент, когда придет пора собирать мозаику?

— Да...

— И поэтому ты развлекаешь меня днем, и спишь со мной ночью?

— Нет! Вот это — нет и нет!

— Костя... — всхлипнула Рашида. — Ты меня сейчас раздавишь... ты делаешь мне больно... я нос расплющу о твою грудь!

— Э... гм... — слышалось неподалеку. Междометия звучали как бы смущенно, хотя на самом деле это была фальшь от начала до конца.

Рашида резко отстранилась, и даже отступила на несколько шагов, нервно поправляя сбившуюся прическу.

— Опять эти зрители, — проворчала она.

— Если вы обо мне, — заметил доктор социологии Торрент, как всегда, похожий одновременно и на Дуремара, и на Паганеля, и на всех чертей сразу, — то я подошел только что. В отличие от полутора десятков посторонних и совершенно случайных наблюдателей в окрестностях. И если я понимаю, что это всего лишь специфическая ваша манера сглаживать эмоциональный дискомфорт в общении со своим сексуальным партнером, то они-то уж наверняка вообразят невесть что...

— Что случилось? — спросил Кратов грубовато.

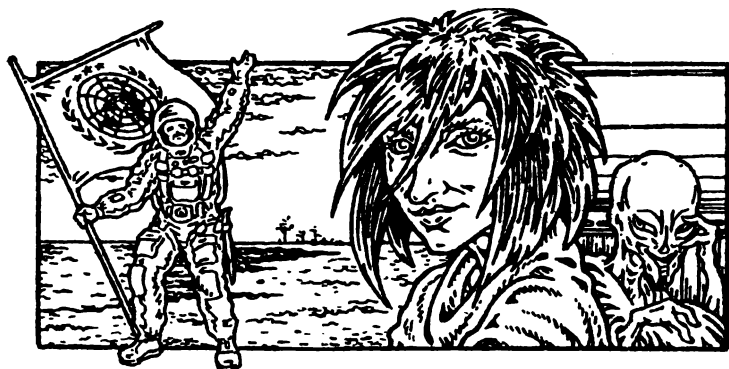
— Вот вы злитесь, — промолвил Торрент укоризненно. — А я вам Ертаулова нашел.

— Стаса? — ахнул Кратов. — Где он?!

— Скажите, господин Кратов, — уклончиво осведомился Торрент, — вы читали бессмертный роман классика английской литературы Герберта Джорджа Уэллса «Остров доктора Моро»? Или вы даже о таком и не слышали?

— Слышал, — ответил Кратов нетерпеливо. — Не читал. И кино не смотрел. А зачем мне это?

— А вот зачем, — сказал Торрент.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Пришедший первым

1.

— Ваш ход, мастер!

Кратов открыл глаза. Оказывается, он успел задремать за то время, пока противник обдумывал, куда бы ему двинуть свои войска. И даже увидел какой-то сон, припомнить который, конечно же, сейчас вряд ли смог бы.

— Я переместил Зеленого Колдуна на черное поле в секторе 1025, а Красную Даму — на лужайку перед замком Трех Секретов, — любезно пояснил Шойкхасс.

— Сильный ход, — заметил Кратов. — Вы поставили меня в затруднительное положение.

Слова были необязательны и пусты. Просто чем-то нужно было заполнить образовавшуюся паузу.

— Тактика игры и заключается в том, чтобы беспрестанно ставить противника в затруднительное положение.

— Скорее — это одно из многих маленьких удовольствий игрового процесса...

Шойкхасс выпростал из переплетения золотистых нитей, что образовывали вокруг его тела некое подобие кокона, верхнюю конечность и нарисовал на своем лице контуры улыбки. В ксенологии это именовалось корявым термином «мимиграфика». Как и у всех тоссфенхов (экономя фонетические усилия, люди величали их когда унижительным прозвищем «тоссы», а когда ласковым «тосики» — в зависимости от контекста), его яйцевидный, туго обтянутый молочно-белой блестящей кожей череп начисто лишен был мимических мышц.

— В наших мирах Зеленого Колдуна чаще называют Дремлющим Богом, — сказал Шойкхасс. — Кажется, у людей есть пословица: не будите спящего тигра...

— Собаку, — поправил Кратов. — Наши дома спокон веку охраняли млекопитающие. Хотя, возможно, у какого-то из народов, населяющих Землю и планеты Федерации, в пословице фигурирует именно тигр. Существовали нации, которые боготворили тигров, а собак употребляли в пищу. Какая угроза может исходить от бульонного мяса?.. К рептилиям же мы питали извечное недоверие.

— Вот как? — Длинный, оканчивающийся заботливо изостренным когтем палец начертил вертикальные линии в тех местах, где у людей находились брови. — В таком случае, вы и со мной должны чувствовать себя настороже.

— Так и есть. Разве можно чувствовать себя непринужденно за игровым полем с таким соперником, как вы, советник Шойкхасс?

— Нельзя, — согласно покивал тот. — Я не позволю вам расслабиться. Малейшая оплошность — и вы в Зоне Забвения.

Кратов покосился на Зону Забвения. Там уже прохлаждались две его фигуры — боевой единорог и малый сфинкс.

— Ничего, — сказал он. — У меня еще есть в запасе два трикстера.

— Один, — безжалостно напомнил Шойкхасс. — У вас остался только один трикстер. Первого вы использовали позавчера, на Эфирном Pole.

— Да, я забыл...

— Вы не забыли. Вы просто решили проверить меня. Вы не доверяете рептилиям. А мы ничего не слышали о млекопитающих вот уже несколько миллионов лет.

— И тут явились мы...

— И тут явились вы.

— ...и все опошлили, — Шойкхасс стремительно очертил скабрезную ухмылку: он неплохо знал земные анекдоты, а чувство юмора, хотя и достаточно своеобразное, было у него почти человеческим. — Эволюция — дама капризная. Ей нет нужды всюду следовать одним путем. Как и вашей Красной Даме...

— Кстати, и вашей Пурпурной Леди...

— На Земле динозавры вымерли, а рептилии деградировали. На Тоссханне все сложилось иначе.

— А ведь наши миры так похожи!

— Просто удивительно... Поэтому мы оба здесь.

— Исключительно поэтому.

Это была удивительная беседа. Они обменивались куртуазными репликами, цепляя одну за другую, нанизывая слово на слово, словно плели нескончаемое кружево из малозначащих событий и образов. Как будто в этом гигантском, совершенно пустом зале одновременно творилось две игры, и не разобрать было, где прерывалась одна и продолжалась другая. Красная Дама перемещалась в меловой период и приканчивала на корню

стада ничего не подозревавших динозавров. Орды Чингисхана огнем и мечом прокатывались по черным и белым полям, чтобы сгнать без следа в Зоне Забвения. Под высокими сводами порхало эхо экзальтированных спичей Гитлера и Сталина, перемежаемое стуком фигур по игровому полю... Шойкхасс, совсем по-человечески заложив пару конечностей (кажется, среднюю) за спину, убрел в дальний конец зала, где за стрельчатыми окнами можно было видеть медленно разворачивающийся внизу зеленовато-голубой шар в тонком ореоле атмосферы. Кратов тоже оторвал сидалище от кресла и неспешно обошел сложившуюся композицию по периметру. «Бросить бы все к чертовой матери, вернуться на стационар «Протей», залезть в горячую ванну... выпить холодного пива... уснуть и видеть сны. И пускай Пурпурная Леди сама подкараулит Красную Даму в укромном уголке Эфирного Поля и выцарапает ей зенки».

— Однако же, неплохая мысль, — буркнул он под нос.

И пихнул эту распутную бабенку в пурпурной мантилье в сторону Трех Секретов.

2.

— Так, что у нас? — быстро спросил Моргенштерн.

— Пурпурная Леди скрадывает Красную Даму возле замка Трех Секретов, — с трудом ворочая языком, сказал Кратов. — Зеленый Колдун прет к Свирели, как танк. Боюсь, мой Дождевой Маг его упустил.

— Я тоже этого боюсь... — Моргенштерн запустил пальцы под жидкую бородень и почесал шею. — Наша прошлая домашняя заготовка себя не оправдала. Чертов ящер! А где вы оставили второго единорога и малого сфинкса?

— Единорог утомлен и жует сено в хлеву на ферме Двенадцати Сосен. А малый сфинкс загадывает свои загадки призракам в Зоне Забвения.

— Ничего, — сказал Моргенштерн без особой уверенности. — Еще не все потеряно. У вас ведь есть трикстер.

— Но позиция не так плоха, чтобы пускать его в ход.

— Мы и не станем этого делать... до поры. Мы что-нибудь придумаем... с Дождевым Магом.

Моргенштерн поманил пальцем — к видеалу, воспроизводившему позицию, как ее оставили игроки перед уходом на перерыв, подкатил когитр в необычной для такого рода техники форме шара. Гроссмейстер прихватил его с собой прямо с Земли, отказавшись от услуг местных кладезей мудрости. «Бен Бецалель и его верный маленький Голем...» — подумал Кратов. Натан Моргенштерн и впрямь походил на легендарного пражского раввина — если бы тот вдруг оставил опасное баловство

с чернокнижием и на старости лет решил предаться радостям жизни. Кратов постоял над этой неразлучной парочкой, скептически обозревая мелькавшие на экране сценарии поведения Дождевого Мага. По его скромному разумению, это был тупиковый ход событий. Впрочем, сейчас он соображал настолько мало, что вряд ли годился Моргенштерну не то что в советчики, а и в мальчики для подавания прохладительных напитков. Поэтому он просто торчал позади, как декорация (а вернее сказать: как большой, в натуральную величину, насквозь глиняный и очень тупой Голем), усиленно моргая свинцовыми веками, и дожидался, пока не появится Урсула и не заберет его в свои владения.

Урсула не запозднилась, молча взяла его за локоть и повлекла за собой. Они шли пустынными коридорами «Протей», и никто не попадался им навстречу. То ли все были заняты своими делами, то ли сказано было не путаться под ногами... то ли по локальному времени была глубокая ночь. Распахнулась белая дверь («Повелитель Туманов перемещается на белое поле», — автоматически отметил Кратов), заботливые руки подхватили его, во мгновение ока избавили от одежды, уложили — ложе было не мягкое, и не жесткое, а в самый раз. «Подождите, — попытался было протестовать Кратов, — мне нужно поговорить с Данбаром!» Но сопротивляться Урсуле он был не в состоянии и в лучшие времена. «Спать!» — просто прикрикнула на него эта колдунья и легонько ткнула ладошкой в лоб. Как будто заботливо подтолкнула его, стоящего на самом краю пропасти беспомысленства.

И ему не оставалось ничего иного, как ухнуть в эту пропасть вниз головой. Голова налита была чугуном тяжестью и прекрасно справлялась с ролью гири.

Он закрыл глаза...

3.

И тут же открыл.

По крайней мере, ему так показалось.

Но вместо Урсулы в изголовье уже сидел, аккуратно уложив пузо на колени, директор «Протея» Фергус Данбар. Огромный и уютный, в окладистой русой бороде, при располагающей к доверительным беседам лысине в венчике из пышных русых кудрей, как всегда — в ковбойке с закатанными рукавами и просторных джинсах на помочах и с расстегнутой верхней пуговицей. И, как всегда, смотрел на него с нескрываемым любопытством.

— Однажды вы объясните мне, зачем ксенологу такие мышцы, — сказал он.

— Никто не рождается ксенологом, — улыбнулся Кратов. — Как наши дела, Фергус?

— Бездна, — отвечал тот с ангельской улыбкой.

— Так же, как и вчера?

— И даже еще хуже!

— Аминь...

Кратов пружинисто вскочил сразу на обе ноги — Данбар слегка посунулся назад, поглядывая на него, как на расшалившегося тельца, — и подошел к видеалу, имитировавшему распахнутое настежь окно. Сквозь наивные ажурные занавесочки пробивалось живое, теплое свечение плывшей под стационаром планеты. Полтыщи километров до прекраснейших бескрайних лугов, поросших густой зеленой травой, до изумитель-

ных лесных массивов с изобилием целительной хвои, до спокойных теплых морей с прозрачными изумрудными водами...

— Материковая Аркадия, — сказал Кратов.

Данбар привстал со своего кресла, заглядывая ему через плечо.

— Угу, — согласился он. — Жемчужное море, Берег Русалок.

— Они назовут это по-другому.

— Да уж наверное...

— Я даже знаю как. Я видел их карты.

— Не надо, — попросил Данбар. — Не хочу я слышать эти названия... в которых одни шипящие да свистящие.

— И не станет в Галактике планеты по имени Сиринга, — безжалостно продолжал Кратов. — А появится планета по имени Хиуссоахасас.

— Прекратите, Константин! — сказал Данбар. — Что за нужда вам травить душу?!

— Азарт обостряет чувства, — промолвил Кратов. — А злость — сестра азарта.

— Не хватало, чтобы вы обозлились на целую разумную расу, — проворчал Данбар. — Если бы разведчики тоссфенхов пришли сюда первыми, мы бы и слыхом не слышали про эту планету.

— Но они не пришли первыми. Они пришли одновременно с нами. И я не хочу отдавать им Сирингу.

— А уж я-то как! — вздохнул Данбар.

— И я даже не могу как следует на них разозлиться!

— И я тоже.

— Вы нашли мне то, о чем я просил?

— Угу. — Данбар выудил из нагрудного кармана ковбойки кристаллик в золотой оправке и перебросил Кратову. — У вас широкий спектр интересов. Я даже не

поленился и сам все это просмотрел. Ни одного упоминания о рептилоидах вообще и тоссфенхах в частности!

— В середине XXI века человечество серьезно полагало себя одиноким во вселенной, — пояснил Кратов. — Перед ним стояли совершенно иные проблемы.

— Счастливыцы! — Данбар вздохнул еще горше. — Не ведать о тоссах и считать, что есть какие-то проблемы!

4.

— Ганс! — окликнул Кратов.

Долговязый, угрюмого вида драйвер в мешковатом комбинезоне и шелковой куртке поверх всего (на спине был вышит беснующийся золотой дракон с вываленным алым языком), остановился и спросил грубовато:

— Ну, чего еще?

— Поди-ка сюда.

Ганс утолкал руки в карманы и вразвалочку приблизился.

— Ну? — буркнул он без особенного радушия.

— Летал? — строго осведомился Кратов.

Драйвер внимательно изучал гладкую, без видимых изъянов, поверхность потолка. Когда ему наскучило это занятие, он переключил внимание на пол у себя под ногами.

— Я задал вопрос, — свирепо напомнил Кратов.

— Ну, летал, — чуть слышно проронил Ганс.

— Засранец, — энергично сказал Кратов. — Орел хренов. Из Галактики нешто хочешь вылететь?

— Еще чего, — проворчал тот.

— И ведь вылетишь. И не то обидно, что вылетишь, хоть и драйвер ты, по отзывам, не самый скверный. А то, что репутацию ты нам запятнаешь. Опачкаешь, можно сказать, перед лицом партнеров по контакту все живые души, что есть на «Протее», своим беспримерным раздолбайством.

Ганс уперся взглядом в дальний конец коридора, ничему не возражая.

— Садился? — продолжал дознаваться Кратов.

— Нет, — прошептал Ганс.

— Врешь.

— Богом клянусь...

— Да ты в бога не веришь.

Драйвер обиженно вскинул подбородок:

— Я, блин-оладья, добропорядочный христианин, православный!

— Ладно, раб божий, — смягчился Кратов. — Где хоть летал-то?

— Где, где... — пробубнил Ганс. — Где всегда... над Аркадией.

— Еще где?

— Ну, еще над Огигией немножко.

— Тебя кто-нибудь видел? Я имею в виду — из патруля тоссов?

— Меня и наши, блин-оладья, не увидят, — горделиво заявил Ганс.

— А сам-то что видел?

Драйвер мечтательно прикрыл глаза.

— Красиво там... — промолвил он после продолжительной паузы.

— Это я знаю, что красиво. А *как* красиво? И *что* красиво?

Ганс снова зажмурился. Его обычно мрачная физиономия сделалась совершенно детской.

— Очень красиво, — ответил он. — И все красиво.

— Иди уж, православный, — хмыкнул Кратов.

Драйвер с видимым облегчением нырнул в ближайшую дверь. Кратов посмотрел на часы: до истечения тайм-аута ему оставалось сорок минут. А он уже отдохнул, набрался сил, получил указания от гроссмейстера Моргенштерна (вопреки ожиданиям, тот все же придумал, как реанимировать увядшего было Дож-

девого Мага и усилить позиции Пурпурной Леди), испортил настроение хулигану-драйверу и еще располагал изрядным запасом свободного времени. Он не спеша двигался по коридору в сторону гибкого переходника, соединявшего «Протей» со стационаром тоссфенхов (тот носил гордое имя «Эштапсаптеокх», что переводилось как «Закованный в угольно-черную чешуйчатую броню» и примерно соответствовало действительности). Навстречу ему попала стайка молодняка, в которой добрую половину составляли ксенологи, значительная часть приходилась на долю резервных операторов, а остальные были положительно незнакомы. Юнцы и юницы, как им и положено, галдели на все голоса. Завидя Кратова, они почтительно приумолкли и расступились.

— На гильотину, доктор? — участливо спросил кто-то.

— На неё, родимую, — в задумчивости ответил Кратов.

— Как там единорог? Не отдышался еще после Грота Девяти Черепов?

— Да уж скоро отдышится.

Позади него прозвучало негромкое:

— Мягко вам грохнуться, доктор...

Кратов рефлекторно вскинул над головой два растопыренных пальца. И уже свернув за очередной поворот, вдруг понял, что его проводили традиционным плоддерским напутствием.

Определенно, в этой Галактике ничего нельзя было утаить от любопытствующих...

За поворотом его поджидал Том Ван Тондер, комиссар Звездного Патруля. Стоял, заложив большие пальцы за широкий кожаный ремень, широко расставив ноги в голубых форменных брюках, заправленных

в высокие сапоги, соблюдая на морщинистом, темном от «загара тысячи звезд» лице выражение полного равнодушия.

— Вам бы платок на шею, Том, — сказал Кратов, — и два кольца за пояс. А вместо шлюза позади вас хорошо смотрелся бы добрый салун, с выпивкой, девочками и мордобоем.

— Благодарю вас, сэр, — сказал Ван Тондер. — И, если можно, звезду шерифа на грудь... Мне об этом уже говорили.

— Кто же это такой пронцательный? — сдержанно изумился Кратов.

— Вы, сэр.

— Возможно... Что-то случилось, Том?

— Можно сказать и так. Мы засекли два легких катера тоссов, что намеревались снизиться ниже контрольной зоны над Огигией.

— И, разумеется, сбили, — понизив голос, предположил Кратов.

— Нет, сэр, — невозмутимо возразил Ван Тондер. — Это запрещено уставом Звездного Патруля и протоколом о всеобщем моратории на углубленные исследования планеты Сиринга от десятого марта сего года. Мы воспрепятствовали нарушению контрольной зоны посредством вытесняющего маневрирования, а после известили об инциденте командора Шхеактэушха и советника Шойкхасса. Я счел, что и вам будет бесполезно знать об этом... в вашей игре.

— Вы поступили правильно, комиссар, — с чувством сказал Кратов.

— Благодарю вас, сэр.

Кратов испытующе поглядел на комиссара.

— Послушайте, Том, — сказал он. — А как там наши драйверы — не пошаливают?

Ван Тондер выдержал красноречивую паузу.

— Нет, сэр, — наконец ответил он, не моргнув глазом. — Такое вряд ли возможно. Наши драйверы относятся к заключенным соглашениям и протоколам со всей возможной ответственностью.

— Разумеется... — брюзгливо сказал Кратов и повернулся, чтобы уходить.

— Мягко вам грохнуться, сэр, — с чистым сердцем пожелал ему Ван Тондер.

«И ты, Брут», — подумал Кратов, салютуя двумя распыленными пальцами.

Уже возле самого шлюза, за которым заканчивалась территория Федерации и начиналась нейтральная зона, его встретил директор Данбар. К его обычному наряду довольно неожиданным образом добавился галстук.

— Доктор Кратов, — сказал он значительным голосом. — Разрешите представить вам наших гостей с Земли.

И совершил рукой изысканный жест в сторону двух незнакомцев, что без большой храбрости выглядели из-за его широкой спины.

— Шлыков, Герман Александрович, — поклонился, выходя на свет, невысокий, ухоженный, весь составленный из разнообразных округлостей молодец, примерно одних с Кратовым лет. Его безукоризненный кремовый костюм слабо гармонировал с рабочими интерьерами «Протея». Длинные светлые пряди гладко зачесаны назад, на лице застыла благожелательная улыбка. — Я представляю информационное агентство «Планетариум». Это одно из крупнейших агентств Федерации...

— Ева-Лилит Миракль, — бесцеремонно прервав его, назвалась худая, угловатая девушка в бесформенном длинном свитере из разнопестрой пряжи, из-под которого торчали голые острые колени (на правом ко-

лене имела место свежая ссадина). Черные проволочно-жесткие волосы были всклокочены и, кажется, неважно вымыты. Запавшие черные глаза глядели неприветливо и настороженно. Над большим ртом без следов помады топориком нависал огромный для такого узкого личика нос. Голос был хриплый, как бы простуженный. Рядом с лощеным Шлыковым эта девица смотрелась сущей ведьмой. — Информационное агентство «Экстра-Террестриал». — При этом имени Шлыков соорил едва приметную брезгливую гримасу. — Знаете такое?

— А как же! — соврал Кратов. — Добро пожаловать, — прибавил он без особенного энтузиазма.

— Человечество проявляет большой интерес к событиям вокруг Сиринги, — сказал Шлыков. Похоже, он загодя приготовил этот спич. — Наше здесь присутствие тому порукой. «Планетариум» в моем лице желал бы получить эксклюзивную информацию из первых уст. Как вы знаете, на Земле по-разному относятся к тому, что происходит в межзвездном эфире. Наша цель — убедить их, что люди, работающие в Галактическом Братстве, не забывают и об интересах родной планеты...

— Пожалуй, на этом наше знакомство с доктором Кратовым прервется, — вмешался Данбар. — Сейчас он направляется на очередной раунд переговоров с представителями наших коллег тоссфенхов. А уж вернувшись, ответит на ваши вопросы со всей присущей ему откровенностью.

— А можно мне с вами? — насморочным басом спросила Ева-Лилит.

— Нет, нет, — поспешно сказал Данбар, опережая изготавившегося было продемонстрировать «присущую ему откровенность» Кратова. — Сейчас мы с вами посе-

тим смотровую площадку, где можно полюбоваться красотами Сиринги в натуральных цветах и объемах...

Кратов кивнул журналистам и набрал на кодовой панели длинную комбинацию из символов графического астролинга. Диафрагма люка бесшумно разошлась, открывая проход в нейтральную зону.

— Константин, — сказал ему вдогонку Данбар. — Мягко вам грохнуться.

5.

— Сильный ход, — сказал Шойкхасс раздумчиво. — За ним чувствуется большой опыт и глубокие познания в комбинаторной теории. Наверняка за этим стоит господин Моргенштерн...

— Вы знакомы? — спросил Кратов, уходя от прямого подтверждения.

— Заочно. Лет восемь назад мы даже сыграли одну партию... по ЭМ-связи. Это было прекрасно и чрезвычайно утомительно. На каждую транспозицию уходило по два-три заката.

— Я не покажусь бестактным, если полюбопытствую об исходе той игры?

— Мы прекратили партию где-то на середине. Каждый из нас полагал, что его позиция ведет к успеху. К тому же, мы оба довольно откровенно применяли тактику блефа — а это требует чрезвычайной осмотрительности и предполагает личный контроль за ходами оппонента! — и уже запутались, кто и где сплутовал. Эти игры по галактической сети — весьма дорогое удовольствие...

— А как у нас обстоят дела нынче? Ведь вы, я полагаю, не отказались от блефа раз и навсегда?

Шойкхасс нарисовал саркастическую улыбку, как он ее понимал: один уголок рта приподнят, другой опущен.

— Тактика блефа строится на убеждении противника, что никакого блефа нет и в помине. Угадайте с двух раз, что я отвечу на ваш вопрос?

Кратов хохотнул.

— И примите к сведению, что к моменту отказа от продолжения партии у каждого из нас на руках было по меньшей мере четыре трикстера, — продолжал тоссфенх. — Какой нормальный гроссмейстер в здравом уме станет вести честную игру с такими фигурами?! У нас же с вами, как мне представляется, не больше одного. Или я ошибаюсь?

— Тактика блефа предполагает, что я с пеной у рта пушусь заверять вас в вашей прозорливости, — резвился Кратов.

Рептилонд навис над игровым полем. Все три пары его рук раздумчиво шевелились над замком Трех Секретов.

— Что вы замышляете, мастер? — рассуждал он. — К чему эти эволюции вашей Пурпурной Леди? Ведь это же цвета ей явно не присущие и не подходящие...

— На этом и строится комбинация, содержание которой я вам не открою ни за какие коврижки. Вам же знакомо неудержимое влечение к контрастам, если угодно — к катахрезам и оксюморонам. Раса тоссфенхов никогда не питала пристрастия к зеленому и голубому. Ваши цвета — красный и песочно-желтый. Цвета тоссаханнских ландшафтов и растительности. На Уссхесайсе и Эссиухше, как мне известно, примерно та же затейливая гамма...

— Вы прекрасно осведомлены о будничных реалиях наших миров.

Кратов едва удержался, чтобы не брякнуть: «Благодарю вас, сэр».

— Это моя работа, — скромно заметил он.

— Я слышал, что у людей предпочтения все же не в пример шире, — сказал Шойкхасс. — Закутанная в хлорофилловую вуаль Земля. Красный Марс. Черная Вене-

ра. Желто-зеленая Амрита. Серо-стальной Титанум. Пепельная Магия и дождливо-голубая Эльдорадо... Люди способны привыкнуть к любому небу и любой тверди. Страсть к разнообразию и боязнь рутины — в их крови. Красного, кстати сказать, цвета... Отчего же они так рвутся заполучить *еще одну* Землю? Или с той, первой, у них неладно? Она неизлечимо больна, и людям необходимо привычное глазу, заранее обустроенное местечко для отступления?

— Ваши информаторы преувеличивают недуги моей родины. Земля не так благополучна, как нам хотелось бы. Но кризис, кажется, миновал, и планета на пути к выздоровлению. Серо-желтые пятна лишаев-пустынь возвращаются в естественные пределы, а в перспективе должны и вовсе исчезнуть. Я и сам вырос среди степей и песков, но сейчас там, где прошло мое детство — зеленые сады. Что же до *еще одной* Земли... Сиринга и вправду похожа на Землю. И мне больно было бы думать, что этот прекрасный мир кому-то придет в очень умную голову перекроить по своему усмотрению. Содрать с него одежды из зеленого шелка и напялить грубый красный балахон.

— Вернее было бы сказать: красные доспехи рыцаря... Нас не страшат долгие и тяжкие труды, если они ведут к ослепительной цели. В этом заключен удивительный парадокс нашего менталитета. Вы должны знать, что три наших мира давно и серьезно перенаселены. Чего не скажешь о мирах Федерации... Побывайте на Тоссханне, где зародилась наша раса. И вы увидите, на какие чудеса изобретательности способен разум, чтобы отвоевать себе жизненное пространство. Посетите Эссиухш, чтобы узнать, с чего мы начинаем и куда идем. Тоссфенхи — терпеливая и трудолюбивая раса. Но мы не питаем страсти к перемещениям в пространстве.

Мы домоседы. Иное дело — вы, люди. Темпы вашей галактической экспансии достойны уважения. Они поражают и кое у кого вызывают настороженность. Подумать только: расстояние от Земли до Тайкуна, ее удаленнейшей колонии, составляет тридцать тысяч световых лет! Ваши корабли носятся по просторам вселенной, как по волнам маленького внутреннего моря! Прыжок с одного края мироздания на другой для вас — обычное дело, каботаж! Что вам Хиуссоахасас? Так, случайная находка, сколько их еще будет? Он даже не слишком выгодно расположен, в стороне от излюбленной вашей трассы Земля — Титанум. Между тем, с нами все обстоит иначе. Мы ждали эту планету. Мы вычисляли ее и целенаправленно искали. Пригодная для обустройства и заселения планета в каком-то десятке светолет от метрополий — это сущий дар богов нашей неспешной, основательной в поступках расе...

— Я размышлял на эту тему в минуты досуга, — кивнул Кратов. — Быть может, мы с вами, уважаемый советник, играем не в те игры. Чем строить друг другу козни на Эфирном Поле да загонять иллюзорные фигурки в Зону Забвения, не лучше ли нам обсудить некий совместный взаимовыгодный проект, в котором тоссфенхи бы выступили управляющим началом, а люди — движущей силой?

Шойкхасс подрисовал своим глазам иронический прищур.

— Вы предлагаете сделку? — спросил он.

— Ничего дурного в том не вижу.

— Я что-то упустил в игровой позиции? Мне она не кажется проигрышной для вас... в настоящий момент.

— Я и не собираюсь капитулировать. Более того: я абсолютно уверен в победе, потому что вы еще не знаете силы моего трикстера.

— Да знаю я! — рептилоид сразу четырьмя руками совершил отмечающий жест. Что недвусмысленно указывало на его внутреннее волнение.

— Скажем, мы могли бы силами нашей Звездной Разведки в обозримые сроки найти планету, целиком отвечающую вашим представлениям о благополучии, в пределах разумной досягаемости для ваших колонистов, и передать цивилизации тоссфенхов... на необременительных для обеих сторон условиях.

— Планетарная концессия?

— Она самая. И даже с правом выкупа имущества, сиречь планеты, спустя некоторое время.

— И что же это будет за срок?

— Скажем, тысяча земных лет... или вдвое меньше. Как договоримся.

— В чем же ваша выгода?

— Скажем, две сотые части добываемого сырья.

— Это все?

— Обучение наших специалистов вашим технологиям терраформирования.

— Допустим. Что еще?

— Клянусь хвостом святого Итсеасша — практически все!

— Вы даже посвящены в тайны нашего пантеона, — одобрительно покачал матовым черепом Шойкхасс. — И кажется мне, я знаю, о чем идет речь.

— Это секрет полишинеля. Разумеется, о Паворе.

— Вы так и не решились начать его колонизацию сами?

— Ну, права на Павор заявлены надлежащим образом и давно утверждены. Эта планета наша со всеми ее потрохами... а мы до сих пор не ведаем, что у нее за потроха. Руки не доходят.

— Руки не доходят — или опасаетесь прокола, как на Псамме?

Кратов помолчал, внимательно разглядывая лицо-маску рептилоида. Тот даже не пытался придать окостенелым чертам хоть какое-то выражение. «Кажется, в этом уголке Галактики все знают о моем плоддерстве...»

— И это тоже, — сказал он наконец. — Мы вложили в Псамму диких размеров средства, которые пошли прахом. Но у Павора есть громадное преимущество: он необитаем.

— Значит, там есть проблемы с атмосферой?

— Не более существенные, нежели на Уссхесайсе двести лет назад...

— Неплохо. Вы сбываете с рук повисший мертвым грузом мир, получая с того постоянный доход натуральными продуктами и технологиями. Взамен вам достается любезный вашему сердцу «голубой ряд», да еще рычаг для политического контроля над целой цивилизацией.

— Мы никогда не злоупотребляли политическим контролем. Такого рода рычаги не созданы, чтобы ими баловались.

— Это правда. Даже когда на Ггейгтуу сменился режим правления, вы не напомнили о своих правах на две их лучших планеты. А спокойно продолжали получать свой процент...

— Вот видите, мы — расчетливые и сдержанные партнеры.

— Это и есть ваш второй трикстер, о котором вы оговорились в прошлую нашу встречу?

— Скажем так: это один из моих вторых трикстеров.

— Буду с вами откровенен. Меня вполне устроила бы такая сделка. Меня — как состоятельного аристократа, обладателя значительной недвижимости как на Тоссахине, так и на Уссхесайсе. Еще одна планета не изменит моего имущественного и сословного положения. И

я, не имея права объявить о согласии с ходом, отложу его оглашение до следующего раза. Мне тоже нужно посоветоваться со своими консультантами... — Шойкхасс поиграл пальцами возле висков, будто раздумывая, какую же ему мину обозначить на сей раз. И, наконец, изобразил узенькие лукавые глазенки. — Ну, а если я предложу такую формулу: концессия на Павор — одно, а спор за Хиуссоахасас — другое? Давайте отделим пиво от мух. Ведь мы, как и вы, тоже непрочь выйти из этой ситуации с двумя мирами в кармане вместо одного! Будете ли вы огорчены настолько, что откажетесь от дальнейших переговоров о Паворе?

— Я буду огорчен, — мрачно сказал Кратов. — Но, конечно же, не настолько. Не стану же я, в самом деле, шантажировать целую расу!

— На это я и рассчитывал. — Пальцы Шойкхасса изобразили лукавую ухмылку. — Но, дабы эта психологическая пилюля не показалась вам чересчур горькой, напомню: не я принимаю окончательные решения. Возможно там, наверху, решат, что... э-э... голубь в небе не так хорош, как чижик в руках.

— В небе положено быть журавлю, — поправил Кратов.

— А в руках — просто чижик, или таки чижик-пыжик? Я не настолько сведущ в земной фауне, как желал бы.

— Воробей, — мстительно добавил Кратов. — Чижик-пыжик занят иным. Пьет водку.

— А, помню! — оживился Шойкхасс. — Пьет, а как же! Из фонтана, кажется... Но вернемся же к игре. Мне не нравятся ваши маневры возле моих фаворитов. Не затем ли все это затевается, чтобы отвлечь мое внимание от каких-то еще более неприятных интриг в удаленных секторах? Вроде Двенадцати Сосен или Вулка-

на Страстей? Не несется ли кто наперерез моему Зеленому Колдуну из области Теней Прошлого? Или... — он сплел сразу двадцать своих пальцев над головой в некое подобие «кошачьей колыбельки», — уж не придумали ли вы, как выпростать своего боевого зверя из Зоны Забвения?!

— А разве такое возможно? — спросил Кратов самым бесхитростным тоном.

— В этой игре возможно все, мой друг... — Тоссефенх разогнулся и встретил Кратова прямым взглядом — глаза в глаза. — Вот сейчас я сделаю очередной ход, который поставит вас в тупик... а в это время какой-нибудь из бесчисленных ваших кораблей наткнется на точно такую же планету... как вы это называете... «голубого ряда». Хотя правильнее было бы говорить: «зеленый ряд». Ведь вы души не чаете в хлорофилле, это фундамент вашего метаболизма... Так вот: наткнется ваш разведчик на эту планету-близнец и беспрепятственно предъявит на свою находку право «пришедшего первым»! И окажется перед вами на весах целых две планеты голубого ряда. Как поступите вы тогда? Пожертвуете ли вашими убеждениями? Отдадите нам Хиуссоахасас, чтобы поскорее заняться тем, что само идет в руки? Или продолжите эту изнурительную игру в Пришедшего Первым?

— Послушайте, советник, — осведомился Кратов. — А у вас самого — сколько трикстеров в загашнике?

6.

— Марк, все материалы по Павору — мне на ладонь, и очень быстро!

— Через полчаса, — сказал торговый атташе Марк Ларокк, кругленький, лысоватый и немного пучеглазый.

— Хорошо. Я буду у Урсулы. А если она к тому времени меня убюкает — положите в изголовье.

— Есть сложности, — вздохнул Ларокк, уложив руки на пузике. — Павор по праву «пришедшего первым» является собственностью частной компании.

— Разве его нашла не Звездная Разведка?!

— Увы, звездоходы не вездесущи... Первыми на Павор набрели вольные охотники из «Гала-Никель».

Кратов обхватил голову обеими руками.

— Это как раз та проблема, которой мне сейчас не доставало для полного счастья, — объявил он.

— Если хотите, я займусь ею, — предложил Ларокк.

— Хочу, — сказал Кратов. — За тридцать процентов агентского вознаграждения.

— Мне и двадцати достаточно. Я окучу эту парочку из спортивного интереса!

— Тихо, тихо, — Кратов сделал предостерегающий жест. — Тоссы еще не подтвердили своего энтузиазма.

— А куда они денутся! — пренебрежительно фыркнул Ларокк.

— Марк, вы что-то знаете? — насторожился Кратов. — Я имею в виду: что-то, чего не знаю я, но знаете вы, и еще тоссфенхи?

— Вы тоже могли бы знать, если бы углубленно занимались мониторингом сырьевых ресурсов... Когда парни из «Гала-Никель» набрали на Павор, то сначала прыгали до потолка, а чуть позже желали бы лечь на грунт. На планете подтверждено около двухсот открытых месторождений трансуранов, в числе которых чрезвычайно редкие элементы, например — нептуний, и даже лукашиний и шаламовий в форме устойчивых изотопов. А что творится в его недрах, одному богу известно.

— Кажется, я сболтнул советнику Шойкхассу лишнее, — проворчал Кратов. — Павор вполне пригодится нам самим.

— Подождите, я не закончил. В «Гала-Никеле» сразу поняли, что в одиночку такое чудовище не разработают. А держать его в кармане для коллекции экономически неэффективно. Они объявили вначале закрытый тендер на долгосрочную аренду Павора, потом открытый — о котором маркетологи Тоссханна просто обязаны знать! — но, видать, пожадничали, и в результате остались ни с чем. Вдобавок, Звездные Разведчики очень удачно для Федерации и самым роковым образом для «Гала-Никеля» набрали на Сильван, который меньше Павора, ближе к накатанным магистралям и обладает слабой кислородосодержащей атмосферой, после чего акции Павора упали практически до нуля. Я думаю, «Гала-Никель» немного покочевряжится для вида, но согласится. За скромную арендную плату в один процент.

— Я запросил два процента.

— И правильно сделали. Один процент — это странство для торга, да и наши с вами комиссионные.

— Сорок процентов комиссионных ваши, — сказал Кратов, — и оставьте все материалы по Павору у себя.

7.

— Отчего вы не пьете, Константин? — спросил Шлыков, поднимая к свету шарообразный бокал. — Это лучшее красное вино урожая 133 года.

— Мне сейчас нужны кристально ясные мозги, — сказал тот. — И я даже не знаю, где такие взять.

— Вы противник алкоголя?

— Скажем так: не самый ярый поборник. В большинстве житейских ситуаций предпочитаю пиво. Хотя несколько раз... — Кратов поперхнулся, углядев в масляных глазках журналиста охотничий блеск. — Ну уж нет, — усмехнулся он. — Я скорее разоткровенничаюсь перед советником Шойкхассом, нежели перед вами!

— И напрасно. Живая черточка в забронзовелом облике не помешает.

— Ну, я неподходящий объект для публичного интереса.

— А кто же тогда подходящий?

— Если вы пробудете на «Протее» еще декаду, я представлю вас Шойкхассу.

— А, этому ящеру... Поймите, Костя: моей аудитории неинтересны ящеры. Ну что любопытного может быть в инопланетянине?! То, что у него чешуйчатая кожа и четыре руки?..

— У тоссфенхов нет чешуи, — терпеливо возразил Кратов. — Их эпидермис напоминает прекрасно выработанную искусственную крокодиловую кожу. Например, производства фирмы «Кастро Кокодрилос Кубанос». И у тоссфенхов шесть рук. И две ноги.

— Да хоть двадцать, — отмахнулся Шлыков. — Это банальное преумножение числа сущностей сверх необходимого. Уильям Оккам, четырнадцатый век. Куда более занятно выглядит сам конфликт, в эпицентре которого мы находимся. Ваши прогнозы? Возможно ли вооруженное противостояние между людьми и ящерами?

— Ах, вот оно что... Вы соскучились по театрам военных действий? Пепел Хемингуэя стучит в ваше сердце?

— И соскучился, — согласно покивал Шлыков. — И пепел стучит. Место журналиста — рядом с паленым мясом. Это тоже трюизм, но ничего более свежего в нашем ремесле еще не изобрели. Вы хотите, чтобы на вас обращали благосклонное внимание?

— Хочу, — честно признался Кратов.

— Вы хотите, чтобы простые обыватели, попирающие земную поверхность и никогда от нее не отрывавшиеся, с сочувствием отнеслись к плодам ваших трудов?

— Просто мечтаю.

— Ну, так поймите их на крючок, возбудите в них интерес. Напрасно рассчитывать на сочувствие, если у вас тут ничего не происходит. Я торчу здесь уже сорок восемь часов, а никто никому даже в морду не дал! Этот ваш шериф... комиссар Ван Тондер... суконным языком, с самой постной физиономией, какую только можно себе вообразить, рассказал мне, что на прошлой декаде патруль ящеров едва не сбил нашего летчика. Подхожу к означенному летчику...

— К Гансу, небось? — ухмыльнулся Кратов.

— К нему самому. Спрашиваю: ну как ты? Небось, пальцы тянутся к гашетке — свести счета с обидчиками? А он: какие еще, блин-оладья, обидчики? Это вы, блин-оладья, о ком? О ящерах, говорю, о рептилоидах. А он: это где вы тут видели ящеров? Ну как же, говорю, а тоссы разве не ящеры?! А он: какие же они ящеры, когда

мы с ними, блин-оладья, пиво пьем в нейтралке, да анекдоты о феминах травим?

Кратов засмеялся.

— Да уж, — сказал он. — Когда руки заняты банкой пива, стрелять несподручно.

— Я его спрашиваю: но ведь что-то тебе в них наверняка не нравится! А как же, отвечает, есть у них одна паскудная особенность. Какая же? Рук, говорит, много, в покере легче мухлевать!

— Что же вас удивляет и злит?

— Я не понимаю драматургии конфликта, вот что!

— Да нет здесь никакого конфликта!

— Как же нет?! Две могущественные расы соперничают за право обладать целой планетой. Переговоры зашли в тупик. Воздушное пространство планеты, ставшей яблоком раздора, патрулируется самым жесточайшим образом. Это ли не конфликт?

— Ну, допустим, если вам так нравится...

— Тогда где же накал страстей? Где противостояние? Где скрытые пружины, интриги, драка бульдогов под ковром? Пиво они, видите ли, пьют в нейтралке!..

— Должен вас разочаровать, Герман, — сказал Кратов. — Все вами перечисленное, безусловно, присутствует в той или иной форме. Но только, если угодно, в более цивилизованной. Не обижайтесь, но ваши сведения о ситуации вокруг Сиринги настолько поверхностны, что я даже не знаю, как их с вами обсуждать. Это не ваша вина, это общая и извечная беда вашего цеха. Вы не владеете материалом. Кстати, кто вас сюда пригласил?

— Вам не приходит в голову, что мы сами могли заинтересоваться тем, что здесь творится? — напыжился Шлыков.

— Могло бы прийти, если бы прилетели вы один. Или эта страшная девушка... не к ночи будь помянута.

Но не оба вместе. Я не сведущ в рейтинге информационных служб, но такое ощущение, что ваши фирмы находятся на разных его концах.

— Так и есть, — подтвердил Шлыков. — «Планетариум» — старинное и уважаемое агентство, основанное еще в прошлом веке и располагающее сетевыми узлами на всех планетах Федерации. Что же до «Экстра-Террестриал», то это мелкая контора, которой десяток лет от роду, и специализируются они на низкопробных, бульварных сенсациях...

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Ну, хорошо: пригласил нас директор Данбар. Обещал много интересного и неожиданного. Похоже, что обманул... Вы все правильно понимаете. На Земле девять человек из десяти, а то и больше, даже не подозревают, что существует такая планета Сирина. Из тысячи лишь один знает о тоссфенхах. И единицы смогут внятно объяснить, зачем нам нужно Галактическое Братство. Вы со своими эфирными прожекторами оторвались от Земли невероятно далеко, и уже не замечаете того, что там у нас, внизу, творится и что нас действительно волнует. Я мог бы сейчас болтать с доктором Феррисом о его проекте регенерации тихоокеанских глубин. Или пытаться кого-то из «Джакартской пятерки» насчет третьей генетической революции. Или взять карт-бланш и смотаться в Канаду к антропологам с их людьми-2. Вместо этого я сижу здесь, за триллионы километров от своей семьи, в крохотном неуютном баре, пью вино, которое сам же и привез, и не могу понять, кой черт меня сюда занес.

— А директор Данбар не уточнял, какого рода ожидаются неожиданности?

— Неплохой каламбур, — сказал Шлыков. — Нет, не уточнял... Знаете, на что похоже это ваше космическое сооружение?..

— Стационар, — подсказал Кратов.

— ...этот ваш стационар? Ни на какой форпост науки и культуры он не похож, не надейтесь. А похож он на более или менее отлаженный механизм, где все детали и узлы подогнаны, хорошо смазаны и вертятся, как ему, механизму то есть, нужно. Что в особенности отвратительно... Какие-то типы с озабоченными рожами появляются в коридоре неведомо откуда и спешат неведомо куда. Куда ни загляни — светятся какие-то дурацкие экраны, на которых непонятно что. Вот сейчас поздний вечер, а в баре — ни единой живой души...

— Спасибо, — сказал Кратов.

Дверь бара бесшумно распахнулась, так же бесшумно вкатился торговый атташе Ларокк и пробрался в дальний угол, откуда тотчас же начал делать Кратову непонятные знаки и строить зверские гримасы.

— Один нормальный человек, — продолжал сетовать Шлыков. — Этот летчик... Ганс.

— Он не летчик, а драйвер, — поправил Кратов.

— Ну, неважно. И тот временами становится безобразно серьезным, ни с того ни с сего переходит на какой-то варварский сленг, который называется отчего-то «экспо», срывается с места и пропадает на десятки часов... Какие-то странные психологи, что блуждают по космическому сооружению...

— По стационару.

— ...будто неприкаянные души. Вы-то здесь зачем, спрашиваю. А один, деликатнейший, немолодой уже человек, профессор Раппопорт, отвечает: не могу вам сообщить все в подробностях, ибо связан емь словом чести, а прибавлю лишь, что и сам пребываю в изрядном неведении... Директор Данбар вот уже сутки обещает рассказать мне, из-за чего весь сыр-бор, и беспардонно манкирует!

— Спросите меня, — пожал плечами Кратов. — Я расскажу вам то же самое, только, наверное, короче. А уж когда Данбар освободится, вы вытрясете из него подробности. А заодно и выведаете про его трикстеры...

— Про что?!

— Я имел в виду: про то интересное и неожиданное, что он вам обещал. И поделитесь со мной.

— Годится, — промолвил Шлыков. — Рассказывайте.

— Издревле в Галактике существует некое джентльменское соглашение, в просторечии называемое правом «пришедшего первым». Не путать с правом первой ночи, хотя суть примерно та же... Оно заключается в том, что цивилизация, чей представитель первым ступит на поверхность некой планеты, обретает все права на ее исследование, эксплуатацию и колонизацию. Если, конечно же, пожелает. Этими правами «пришедший первым» волен распорядиться по своему усмотрению, и если они доказаны, то никто не может их оспорить. Когда-то давно, на заре Галактического Братства, такие попытки предпринимались. Доходило до локальных вооруженных конфликтов, которые не приводили ни к чему полезному, а единственно лишь к истощению ресурсов конфликтующих сторон и пустой трате времени... Вы, Герман, сейчас сделались похожи на бультерьера, учувшего крысу, но принужден вас разочаровать: последний такой конфликт разрешился миром и признанием права «пришедшего первым» полторы тысячи лет тому назад...

— А эхайны? — спросил Шлыков.

— Какие еще эхайны? — спросил Кратов рассеянно.

— Э, бросьте! Меня вам не провести, я не «страшная девушка» из «Экстра-Террестриал»!

— Я слабо понимаю, о чем идет речь, — сказал Кратов. — Но если бы и в самом деле где-то вдруг запахло...

гм... паленым мясом, то бишь возникла угроза межрасового конфликта, то вы были бы в числе последних, кому я своей властью позволил бы туда сунуться.

— Подите к черту! — обиделся Шлыков. — Стал бы я тогда вас спрашивать!.. Ладно, рассказывайте, что было дальше.

— Дальше было вот что: два года назад произошло событие беспрецедентное, как радостное, так и неприятное. Была открыта планета Сиринга, безусловно относимая к «голубому ряду». Вы знаете, что такое «голубой ряд»?

— А вот вы мне сейчас и расскажете.

— Это неформальное обозначение планет, абсолютно пригодных к обитанию для человеческой расы. Земля — типичный образчик «голубого ряда». Да еще, пожалуй, Амрита. К примеру, тот же Титанум к «голубому ряду» не относится, а Магия, Эльдорадо и Царица Савская относятся с большими оговорками. Упомяну, что на другом конце этой цветовой шкалы существует так называемый «черный ряд». То есть небесные тела, на которых люди жить никогда не смогут и не станут, а лезут в этот ад исключительно по врожденному любопытству.

— Вы переоцениваете людей, — сказал Шлыков недоверчиво. — Кому может быть любопытен ад?

— Например, мне. И я там бывал не однажды.

— Дадите интервью?

— Уж лучше сам опишу... когда-нибудь. Двинемся же дальше. «Голубой ряд» в Галактике очень редок, для Звездного Разведчика нет большей удачи, чем найти такой мир и увековечить свое имя. Поэтому я и назвал открытие Сиринги событием беспрецедентным и радостным. Омрачено же ликование было тем, что в тот же день и час на орбите планеты появились корабли тоссфенхов. Образно говоря, мы потянулись к жемчужине — и столкнулись руками.

— Наши предки бы в подобной ситуации не церемонились. Спалили бы корабли конкурентов к чертовой матери — и концы в океанскую воду!

— Поэтому у наших предков зачастую не оставалось потомства... Тоссфенхи, как и мы, предъявили на этот мир право «пришедшего первым». Но, поскольку наши расы не питают взаимного предубеждения и неприязни, — что, увы, еще встречается в межрасовых отношениях! — мы договорились не впутывать в наши внутренние дела высшие инстанции Галактического Братства и обо всем договориться полюбовно.

— Ну, и?..

— Чем по сей день мы и заняты. Опять же говоря красиво, мы сами загнали себя в патовую ситуацию. Первый год смешанная комиссия реконструировала поминутный хронометраж орбитальных маневров людей и тоссфенхов. Выяснено было, что люди встали на орбиту на четырнадцать минут раньше. Зато тоссы... тоссфенхи раньше нас вошли в верхние слои атмосферы, и уже оттуда их вытащили к столу переговоров. Решено было до прихода к согласию воздержаться от высадки на поверхность Сиринги — что означало бы безусловное заявление упомянутого права. Над планетой циркулируют патрули обеих рас. Установлена контрольная зона, куда не следует влетать кому-либо, кроме патруля. А ниже ее — запретная зона, в которой нарушитель будет попросту уничтожен и распылен...

— И что же, не находилось смельчаков-патриотов, которые рискнули бы на благо отечества взять эту планету силой?

— То есть нарушить запрет и высадиться на Сиринге? В общем, здесь все патриоты. И смельчаки есть. А вот идиотов или провокаторов пока не отмечено. Впрочем, запретная зона *действительно* непреодолима

для кораблей Галактического Братства. А во-вторых, попытка ее преодолеть связана с таким шлейфом политических, этических и иных последствий, что никакому разумному человеку, со сколько-нибудь сложившимся пониманием социальной ответственности, это даже в голову не придет. Если чей-либо корабль будет уничтожен, между нами и тоссфенхами возникнет напряженность. Оборвутся научные и экономические связи. Пострадавшим посочувствуют, но впредь не захотят с ними иметь дело другие расы. Будет создан скверный прецедент, быть автором коего — честь самая сомнительная. И далее в том же духе...

— Но что-то же здесь происходит?!

— Разумеется. По-прежнему работает смешанная комиссия, которую возглавляют директор Данбар и командор Шхеактэушх. Пользуясь благоприятным моментом, возникли несколько побочных комиссий по культурным и экономическим контактам. Вон тот человек в углу, что пытается привлечь мое внимание неуклюжими телодвижениями — торговый атташе Ларокк, он уже заключил несколько прекрасных контрактов с тоссфенхами и наверняка на этом не успокоится. Драйверы и ксенологи обеих рас совместно развлекаются и выпивают... Когда мы расстанемся — то расстанемся очень близкими друзьями.

— Как скоро это произойдет?

— К сожалению, очень скоро.

— Отчего же «к сожалению»?

— Потому что нам будет не хватать друг друга. Прецедент с Сирингой имет двоякую ценность. Быть может, он послужит очередным примером того, как развязывать гордиевы узлы. И еще — как завязывать морские узлы Галактического Братства. Если бы Сиринги не было — ее следовало бы выдумать.

— Но с чего вы взяли, что это закончится скоро?

— Ну, во-первых, ничто не тянется вечно. Либо договорятся Данбар и Шхеактэуш, либо... закончится наша партия с советником Шойкхассом.

— Какая еще партия? — ревниво осведомился Шлыков.

— Разве директор Данбар ничего вам не рассказывал? — с самым невинным видом изумился Кратов. — Да ведь это самое уморительное, что здесь происходит!

— Ну же, не томите душу!

— Я прибыл сюда полгода назад и был весьма огорчен развитием событий. Мы встретились с советником Шойкхассом и, как бы даже и в шутку, придумали, как решить этот спор с помощью, так сказать, божьего промысла. Полный, конечно, бред... Я предложил разыграть планету, а уж советник получил право выбора оружия. И он выбрал игру, известную по всей Галактике, на Земле именуемую «маджиквест».

— А, этот плод греха шахмат, домино и детской ролевой игры «Шел солдат со службы»! — Шлыков отставил бокал и напрягся, пытаясь осмыслить услышанное. — Подождите. Вы что же — хотите сказать, что играете в кости на целую планету?!

— Угу, — кивнул Кратов, поднимаясь.

— Вот это и есть то, что я называю «сенсация»... — пробормотал Шлыков. — Э, э, куда вы наострились?

— Увы, мой друг, — притворно вздохнул Кратов. — Дела. Мой черед бросать кости...

— Константин! — закричал вдогонку Шлыков. — Подробности — мне, а не этой выдре! Побожитесь!

Кратов уже направлялся к выходу, когда на него набросился Ларокк.

— Все хорошо, — страстно пробормотал он. — Все идет отлично. Президент «Гала-Никель» отказался.

— Что же хорошего? — подивился Кратов.

— А то, что у них тяжелое финансовое положение. Вторую неделю идет совет директоров...

— Почти все, как у нас!

— Я сделал информацию о желании тоссфенхов арендовать Павор, этот монструозный неликвид, широким достоянием ограниченной гласности.

— Спасибо, — горько усмехнулся Кратов. — А как вы намерены воздействовать на тоссов, если они тоже откажутся?

— Воздействовать на тоссов, — резонно заметил Ларокк, — станете вы. За ваши шестьдесят процентов коммиссионных.

— Я лучше повешусь, — буркнул Кратов, по стеночке выползая в коридор.

В коридоре его также поджидали.

— Я все слышала, — задушенным басом объявила Ева-Лилит Миракль. От «страшной девушки» пахло крепким табаком, пивом и какими-то совершенно не гармонировавшими с ее инфернальным обликом духами. — Так что подробности — этой выдре, а не тому суслику.

8.

— В моем распоряжении десять минут, мадемуазель, — сказал Кратов. — И это действительно шестьсот секунд, а не три часа, как вы опрометчиво полагаете.

— Мы успеем, — просипела Ева-Лилит и угрожающе шмыгнула красной носярой. — Во что вы играете с тосиком?

— Вы, я вижу, не теряли времени даром. По крайней мере, освоили терминологию. На Земле игра называется «маджиквест». Правила ее таковы...

— Я умею играть в «мадж».

— ?!

— В чем дело? Вы полагаете, что ксенология, русская водка и «маджиквест» — это привилегии мужчин?! Я еще восемь лет назад выполнила норматив мастера.

— Тогда вам нет нужды объяснять, почему Шойкхасс выбрал именно эту игру.

— Послушаю вашу версию.

— Вы знаете, сколько лет этой игре?

— Ее придумали в конце прошлого века. Кажется, в Индии...

— Ничего похожего. Ее *занесли* на Землю. Вместе с иными плодами галактической интеграции.

— Наш учитель говорил про Индию! На худой конец, про Таиланд!..

— Ваш учитель был обычным самозванцем, — мягко возразил Кратов, — каких всегда полно вокруг всякого популярного времяпровождения. Словно мух возле сами знаете чего. Уж не знаю, чему и как он вас там учил. Так

что я бы на вашем месте не слишком кичился мастерским нормативом...

— Ну вот, — пробурчала Ева-Лилит. — Только подцепишь какую-нибудь приятную заразу, и окажется, что во всем виноваты *чужики*!

— Барышня, вы что — метарасистка?!

— Сочувствующая. А вы?

— То, что вы называете «интеррасист».

— Было бы нелепо ждать от вас чего-то иного!

— Так вот: на самом деле происхождение «маджиквеста» уходит корнями в такую древность, что нам, жалким эфемерам, и вообразить невозможно. Изобрел ее неизвестно кто и неизвестно где. А усовершенствовали, упорядочили правила и ввели в повсеместное употребление дэшуонги с Беты Жирафа, древние рептилоиды, заложившие несколько кирпичей в самое основание Галактического Братства. Они же и подсунули ее сейл-командору Майтхилишарану Арора, каковой имел удовольствие доставить «маджиквест» к белым куполам родной Индии, как вы справедливо отметили — в 89 году прошлого века. Тогда же началась, а спустя пять лет благополучно угасла эпидемия поголовного увлечения «маджиквестом», единственным следствием которой стало учреждение тысяч игровых федераций, клубов и кружков. Большая часть оных к концу прошлого века счастливо развалилась, а сам «мадж» превратился в органичную компоненту человеческой культуры, наравне с шахматами, рэндзю и, если хотите, детским лото. Несмотря на это в галактических масштабах игроки Федерации лавров не снискали. Есть, конечно, имена, чтимые под любыми звездами. Возьмем хотя бы гроссмейстера Натана Моргенштерна, который, кстати, сейчас находится на «Протее».

— А, я его видела, игривый такой старичок, очень похожий на раввина-расстригу!

— Игривый — во всех смыслах, не исключая «мадж». Поосторожнее с ним... Вот он, например, объясняет это печальное обстоятельство естественными различиями в протекании мыслительных процессов у рептилоидов и теплокровных гуманоидов. Мы по-разному строим иерархию ценностей, по-разному прогнозируем игровые ситуации. А что ни говорите, «маджиквест» придуман рептилоидами для рептилоидов...

— Что мешало вам отказаться?

— Во-первых, мое честное слово, — усмехнулся Кратов. — Ведь не мог же я предложить ему поединок на татами!

— Вы увлекаетесь спортивными единоборствами?

— От случая к случаю... Только не стоит об этом сообщать всему миру, мисс!

— Весь мир и не подозревает о существовании «Экстра-Террестриал». Наша аудитория намного ограниченнее... Что же «во-вторых»?

— Вы знаете, что цель игры в «маджиквест» — обойти соперника в завоевании некоего великолепного трофея, который возникает спустя первый десяток или два транспозиций. Иными словами, это игра в «пришедшего первым». А это значит, что мы с Шойкхассом сговорились за условным полем боя переиграть реальную ситуацию, что завела две разумных расы в тупик.

— Итак, вы дали слово, и тосс, с типичным ящерским хладнокровием, вас подловил.

— Угу... Ситуация складывалась для нас не самым удачным образом, потому что, вдобавок к явной человеческой неспособности на равных сражаться с рептилоидами, вскорости открылось: Шойкхасс — гроссмейстер, а я — жалкий дилетант. Но, ко всеобщему удивлению, я оказал мэтру отчаянное сопротивление и даже выиграл у него несколько секторов. Мы вошли в азарт, и решено

было отнестись к происходящему во всей ответственностью. Тем более, что у смешанной комиссии дела шли по-прежнему ни шатко ни валко... Мне позволено было обзавестись тренером-аналитиком; и я выдернул с метрополии Натана Моргенштерна. Да и сам Шойкхасс, подзреваю, не погнушался теоретической поддержкой... Мы с удивлением следили за тем, как против нашей воли тактика развития игры, а чуть позднее — и определившийся трофей поразительным образом согласуются с причинами, по которым мы торчим в этом уголке вселенной. Это была какая-то мистика. Божий промысел во плоти!

— Я вся горю от нетерпения!

— Мы трижды бросали по шесть костей, чтобы определить характеристики трофея, и знаете что вышло? Речная Свирель!

— В чем же, блин-оладья, мистика?!

— А в том, фройляйн, что планета называется «Сиринга»! Так звали нимфу, любви которой помогался козлоногий бог Пан, но ничего не добился, потому что Сиринга обратилась в тростник. И расстроенный Пан не придумал ничего лучшего, как вырезать из тростникового стебля самую первую свирель... Но в момент наименования трофея челюсть отпала не только у меня, но и у советника Шойкхасса! Я впервые видел по-настоящему озадаченного тоссфенха — с пастью, распахнутой настежь!

— Почему, почему, почему?!

— Потому что тосское название планеты, Хиуссоахасас, переводится как «флейта прохладных струй»!

Ева-Лилит восторженно взывала (так могла бы радоваться жизни сирена воздушной тревоги времен последней мировой войны).

— Мое! — воскликнула она. — Все — мне, а не этому улизанному хвошу из «Планетариума»!

— Не жадничайте, — строго сказал Кратов. — У вас разные экологические ниши, поэтому хватит всем. — Он посмотрел на часы. — Итáк, фрекен, пошли последние десять секунд нашего с вами удивительного свидания.

— Ладно вам, — сказала Ева-Лилит. — Кому достанется Сиринга?

— Нам.

— Откуда такая уверенность? Ведь в «мадж» вы все равно проиграете!

— Проиграю. Все так и думают. Но я-то играю на выигрыш и потому не имею права думать иначе, и не буду. К тому же, у нас обоих карманы набиты трикстерами.

— И что с того?

— Раз вы — маджик-мастер, сеньорита, то должны помнить: вводимый в игру трикстер имеет ту особенность, что он не обязательно приносит успех его употребившему, но непременно наносит урон противнику. Я очень надеюсь, что мой трикстер сыграет в мою пользу. — Кратов помолчал. — Успеть бы только его употребить...

— Еще вопрос: зачем на ксенологическом стационаре психологи?

— Психологи нужны не только журналистам, — сказал Кратов, — а и ксенологам. У ксенологов тоже бывают нервы.

— Ксенологам нужны психоаналитики! А таким дуболомам, как вы, от стресса лучше всего помогают теплые, ласковые бабы.

— Все, все, выметайтесь.

— Последний вопросик, наираспоследнейший! — просипела Ева-Лилит. — Это у вас что на экране?

— Одна информационная подборка, — уклончиво промолвил Кратов. — Праздное, извольте видеть, любопытство...

— А я и поверила!

— Ну хорошо. Вот это — статистика древних звездных экспедиций, отправленных с Земли и близлежащих обитаемых миров в эту область пространства и не вернувшихся в срок. А это — стандартная программа планетологических экспериментов, установленная для проекта практических исследований дальнего космоса «Луч». Утверждена Комитетом по использованию космического пространства ООН 31 августа 2096 года.

— И что? — осторожно спросила «страшная девушка».

— И то, — ответил Кратов. — И прихватите с собой того «жучка», что вы приклеили к ножке кресла.

— Пардон, — растерянно сказала Ева-Лилит. — Но их там два.

9.

— Все готово, — торжественно сказал директор Данбар.

— Будьте чрезвычайно внимательны, — распорядился Кратов. — Вне зависимости от развития событий. И, когда все произойдет — если произойдет по моему сценарию, — немедленно дайте мне знать.

— Любопытно, каким образом? — усмехнулся Данбар. — По взаимному соглашению доступ посторонних в зал для игры и связь игроков с внешним миром запрещены под страхом проигрыша. Этак мы снова загоним себя в угол.

— В зале есть окна. Такие, знаете, стрельчатые. Пошлите кого-нибудь из драйверов, пусть полетает снаружи, как бы между прочим, и посветит прожекторами. Цветами! Сиринги, зелеными и голубыми.

— Константин, — тихо сказал Данбар. — А если вы просчитались?

— Значит, я просчитался, — с неохотой ответил Кратов. — Игра есть игра... Узнаю о собственном фиаско, выйдя из зала. А из зала я выйду, скорее всего, не победителем... — Он тяжело вздохнул. — Но, по моим прогнозам, *это* должно случиться с часу на час. Первыми идем мы. Потом ветроносцы с Росса 154. Потом орки с Гнемунга. Потом еще три расы, но с очень большим отставанием, все они остаются за флагом.

— Ну, не знаю... Мы просканировали все пространство вокруг Сиринги, все его уголки и закоулки.

— На этом-то и строится весь расчет. Раз вы ничего не нашли, значит — тоссы не найдут и подавно. Только следите, чтобы сдуру никто — ни тоссы, ни в особенности комиссар Ван Тондер, — не вздумали пускать в ход оружие!

— Действие протокола о всеобщем моратории на углубленные исследования планеты Сирина от десятого марта сего года распространяется на космические аппараты Федерации и Тоссханны. Для Ван Тондера это как чтение Библии на сон грядущий.

— И все же, и все же... А скажите, Фергус, зачем вы притащили сюда этих борзописцев?

— Господин Консул! — с укоризной сказал директор Данбар. — Вы совершенно не заботитесь о скрижалях!

— Хм! — Кратов с сомнением покосился на дверь, к которой, по его предположениям, наверняка прилипло чье-то ухо с простенькой золотой сережкой. — Вы считаете, что Десять заповедей были высечены на камне такими же пустобрехами?!

10.

— Как это вам удалось? — с одобрением спросил Шойкхасс. — Я ведь, признаться, уже и забыл про ваших зверьков! — Он начертил на лбу две извилистых линии, что должны были свидетельствовать о напряженной работе мысли. — Что теперь прикажете делать с двумя единорогами вместо одного, да еще с этим затейником-сфинксом?

— Вам остается капитулировать, советник, — не удержался от небольшой язвы Кратов.

Тоссфенх изобразил кривую ухмылку.

— Я обдумаю ваше предложение. Но предоставим же вашей четвероногой троице перебираться через Огненные Мосты и займемся Пурпурной Леди.

— Подождите, — забеспокоился Кратов. — Какие еще Огненные Мосты?!

— А, простите, — сказал Шойкхасс. — Я только что пустил в дело свой трикстер. Разве вы не заметили это по записи транспозиции?

Кратов выругал себя за ротозейство и обратился к таблице последних ходов. Действительно, трикстер только вступил в игру и, как водится, все и всем испортил. Перекрыл боевым тварям Кратова торную дорогу к лагерям противника. Но и самому Шойкхассу навечно отрезал доступ к живительной влаге Водопадов Ободрения. И коль скоро советник решил отказаться от дармового восстановления тактико-технических качеств своих фигур, это могло означать лишь то, что у него созрел план скорого и победного завершения партии.

— Надеюсь, ваша амазонка не страдает суицидальным комплексом? — с плохо скрываемой иронией осведомился Шойкхасс.

— Отнюдь, — проворчал Кратов. — Это вполне здравомыслящая и рассудительная особа.

— А значит, при серьезной угрозе ее чести и достоинству она непременно ретируется. Или же у вас в резерве есть еще какая-то... чуть не сорвалось с языка «гадость»!.. нетривиальная комбинация.

Ничего подобного у Кратова не было. В камерном анализе партии они с Моргенштерном, уж и не чая одержать верх, уповали на строенную мощь вырвавшихся на волю зверей, которая могла повергнуть порядки Шойкхасса в хаос и на какое-то время отвлечь его от стремительного бега напролом к желанному трофею. Теперь-то уж не оставалось никаких сил на земле и на воде, способных задержать его.

Кроме единственного трикстера, который еще не обрушил на игровое поле весь свой разрушительный порыв.

— Вижу и чувствую, — продолжал резвиться тоссфенх. — Зуд в ваших ладонях невольно передается и мне. Но наберитесь смирения и оцените все изящество, с которым я стану омрачать вам доброе расположение духа на протяжении всего вечера.

— Сейчас утро, — буркнул Кратов.

— Перефразируя вашу старинную пословицу — что человеку утро, тоссфенху — вечер...

Жизнерадостно потирая руки — их число, казалось, возросло еще вдвое! — Шойкхасс кружил по залу. Словно выбирал, с какого конца приступить к нарезанию именинного торта. Кратов, тихонько вздыхая, тащился за ним на небольшом расстоянии. Ему нужно было продержаться, оказывая отчаянное и по возможности

эффективное сопротивление, еще не меньше двух часов. Ничто не свидетельствовало в пользу того, что ему это удастся.

— Но до того, как на ваши войска падет предгрозовая тьма, — сказал Шойкхасс, — позвольте мне слегка порядовать вас, мастер.

— Какой я вам мастер...

— Мы всесторонне рассмотрели ваше великодушное предложение, сделанное нам в предыдущую встречу, о концессии на Павор. И сочли его весьма перспективным. Когда прикажете приступить к переговорам?

— Торговый атташе Ларокк занят подготовкой документов с нашей стороны. Он вас известит.

— Со своей стороны мы так же хотели бы сделать жест доброй воли...

— Неужели откажетесь от Сиринги?!

— Увы, друг мой. Лично я сделал бы это лишь из уважения к вам, но... Спор зашел чересчур далеко. Весь Тоссханн с живейшим интересом следит за развитием событий. Полагаю, что и Федерация не ожидает от нас малодушной капитуляции.

«Федерация даже не подозревает о том, что вы существуете, — подумал Кратов. — Или это тоже было сказано с подковыркой, хитрый ты чемодан из крокодиловой кожи?»

— Федерация была бы счастлива, если бы вдруг бесследно исчезли все камни преткновения на пути к нашему всеобъемлющему сотрудничеству, — сдвоенно-душничал он.

— Ну, вне зависимости от того, чем разрешится ситуация с Хиуссоахасасом, мы, бесспорно, останемся самими искренними друзьями. Особенно если получим в подтверждение дружбы концессию на Павор... Вы слы-

хали о терраформ-технологии «кремниевой трансмутации»?

— Я не самый большой специалист в этой области.

— Будь вы и специалист, я бы простил ваше невежество. Когда мы предложили эту технологию Совету гилургов, они тоже изумились ее простоте и действительности... Вы уже как-то отмечали наше пристрастие к песчаным ландшафтам. Там, где природные условия не отвечают нашим вкусам, мы способны создать привычную для нас среду обитания искусственно, используя стандартные терраформ-технологии.

— Превращаете зеленый шарик в песочно-желтый, — поддакнул Кратов. — Что и светит Сиринге в случае вашей победы...

— Мы не ищем легких путей. Нам нравится видеть, как планета меняет свой облик на наших глазах. Конечно, наши представления о прекрасном отличны от ваших и порой вступают с вашими эстетическими чувствами в дерзкое противоречие. Мы любим превращать ваши миры в наши. Все же, мы очень разные.

— «Мы не можем ждать милостей от природы»¹? — спросил Кратов.

— Но возможен и обратный процесс, — продолжал Шойкхасс, пропуская толстенную шпильку мимо ушей. — Научная мысль иногда движется в самых непредсказуемых направлениях. Казалось бы, зачем нам технология, позволяющая обращать сухие, лишённые заметной растительности пустыни во вполне пристойные по земным понятиям сероземы? Разработчиков в свое время лишили вознаграждения и сгоряча даже хотели казнить — время было строгое. Но потом вспомнили о том, что у нас есть друзья с самыми разнообразными экологиче-

¹ Иван Мичурин (1855 — 1935), биолог и селекционер: «Мы не можем ждать милостей от природы. Взять их у нее — наша задача».

скими запросами, а следовательно — есть рынок сбыта для подобных знаний...

— У нас тоже есть сходные технологии, — заметил Кратов.

— Конечно, есть. Вы же гораздо более динамично прогрессирующая раса, нежели тоссфенхи. Вы глубже интегрированы в ноосферу Галактического Братства. Но — ваша технология, в отличие от нашей, требует больших затрат энергии и, что особенно важно, времени. Вы предпочитаете открыть десяток новых планет, чем подогнать под свои запросы одну-единственную. Все ваши опыты по практическому терраформированию ограничены Землей, где вы вот уже два века пытаетесь устранить следы собственной неаккуратности, да еще, пожалуй, Титанумом. Мы за тот же срок превратили Уссхесайс из мертвого, голого, лишенного атмосферы каменного шара в достаточно комфортабельный мирок.

— Хорошо, — сказал Кратов. — Цена нашему согласию — разумеется, Сиринга?

— Разумеется, Хиуссоахасас, — кивнул советник.

— Меня распнут на стенах главного шлюза, если я соглашусь.

— А вы не соглашайтесь. Наоборот, шумите и скандальте, порицайте хладнокровных ящеров за присущее им коварство, призывайте на мою голову громы, молнии, фограторные импульсы. Моя голова, — Шойкхасс похлопал себя по лакированной плечи, — и не такое сносила. Зачем вам соглашаться на предательскую сделку? Когда можно попросту забыть про трикстер в кармане...

— Стало быть, я забываю про трикстер, — размышлял Кратов. — Даже не забываю — всего лишь не успеваю употребить его до того момента, как партия стано-

вится безнадежна. Или употребляю там, где будет нанесен ущерб и мне, и вам в равных долях. — Шойкхасс энергично кивал в такт каждому его слову. — Вы с гиканьем и свистом устремляетесь за Речной Свирелью, между тем как Сирина мягко планирует на ваши шесть ладоней. А затем человечество ни с того ни с сего вдруг оказывается облагодетельствовано замечательной терраформ-технологией...

— Никто не усмотрит связи. Всем известно, что в сравнении со мной вы... как бы вам сказать, чтобы не обидеть... игрок довольно скверный. Даже гроссмейстер Моргенштерн был бы в затруднении спасти такую запущенную позицию. Так что это будет не подношение сомнительного свойства, а утешительный приз проигравшему в честной борьбе. Мы, тоссфенхи, даже среди рептилоидов славимся великодушием. И потом, мы можем оформить это как первоначальный взнос за концессию на Паворе!

— Советник, а ведь вы опасаетесь моего трикстера! — погрозил пальцем Кратов.

— Конечно, опасаясь, — согласился тот. — Механизм трикстеров для того и введен в правила игры, чтобы до определенной степени уравнивать шансы игроков разного класса. Кто знает, что взбредет в голову этому вашему трикстеру?! А я не люблю рисковать. Мы, тоссфенхи, великодушны, но не безрассудны. Мы ценим хорошо подготовленные экспромты.

— Выходит, моя позиция не так уж и слаба, как вы пытаетесь ее представить. Беззастенчиво используя свой авторитет гроссмейстера и изначально присущую мне, как представителю теплокровных млекопитающих, доверчивость!

— Ваша позиция далеко не так сильна, как воображаете вы, — жестко проговорил Шойкхасс, — да и маз-

стро Моргенштерн. Я просто хочу сэкономить ваше и свое время. А еще — сохранить спонтанно возникшие между нашими расами добрые отношения. А еще — дать вам прилично заработать. Ведь у вас есть в этом деле свой естественный меркантильный интерес?

«Уж не его ли микрофончик содрала с ножки кресла сеньорита Миракль?!»

— Есть, — счел за благо согласиться Кратов. — Но не стоит его переоценивать. Даже по земным меркам я состоятельный человек. Что мне тысяча-другая лишних энектов? Так что я не буду на вас в обиде, если вы решите пренебречь моими меркантильными интересами. Я тоже устал от этой игры и хотел бы поскорее прихлопнуть вашего Зеленого Колдуна, надругаться над Красной Дамой и пропиликовать марш победы на Речной Свирели. И уж всего дороже мне, как профессиональному ксенологу, добрые отношения. Я даже не уверен, что они пострададут, если Сиринга все же достанется людям. А вы сомневаетесь?

— Да, пожалуй, что и нет, — раздумчиво сказал тоссфенх. — Это единственное, в чем я не сомневаюсь. Мы настолько сблизились за эти два года, что горячие головы в нашем Канцеляриуме строят планы ассоциированного членства в Федерации...

— Это был бы сильный ход. Самый сильный ваш ход в этой игре. Мы — вместе с вами — получаем Сирингу. На которую вам, собственно говоря, уже наплевать. Ибо взамен вы легко и непринужденно получаете доступ к Павору и Сильвану. А также к Мантикоре, Сенбернару и Юаньгуй.

— Вас это тревожит?

— Напротив. Я даже предполагаю, что вы справились бы с колонизацией этих не слишком приветливых к людям миров гораздо скорее и успешнее. Но...

— Но?

— Вряд ли эта в высшей степени разумная идея найдет поддержку в административных кругах Федерации. По крайней мере, в настоящий момент.

— Я тоже реалист, мастер Кратов... Итак?

— Простите?

— Что вы скажете? Как вам мой план почетного проигрыша? Говорите совершенно откровенно: никто нас не услышит.

— Я не прошу себе, если не употребляю трикстера против такого великого игрока, как вы, советник...

— Ну, что ж — это дипломатичный и честный отказ, — медленно и, как показалось, разочарованно промолвил Шойкхасс. — В конце концов, я тоже фанат игры. Оставить ее в кульминационной фазе, не узнав всех истинных путей ее развития, для меня было бы чрезвычайно огорчительно. Не считите, что я пытался склонить вас к предательству интересов человеческой расы. Я лишь хотел пощадить ваше самолюбие. Чтобы вы оставались в счастливом заблуждении, будто с выгодой сдали партию, а не продули самым бездарным и безобразным образом. Чтобы питали в себе иллюзию, что могли еще долго и умело сопротивляться. Не хотите — как хотите. Потому что отныне события на игровом поле станут разворачиваться самым ужасным для Пурпурной Дамы и Дождевого Мага образом. И ничто им не поможет — ни бог из машины, ни даже целая свора взбесившихся трикстеров... Вот мой ход, мастер.

Шойкхасс переместил Красную Даму на задворки замка Трех Секретов — под защиту колдовских чар Дремлющего Бога. Бережно сомкнул пальцы на затейливой шляпке оскалившегося демона...

И опустил фигуру перед вскинувшей ладони в магическом пассе Пурпурной Дамой — на дорожку белого

мрамора, куда из стрельчатого окна падали синезеленые отблески прожекторов вертевшегося вокруг нейтралки катера.

— Трикстер, — объявил Кратов.

11.

Совершив посадочный маневр над морским побережьем (Материковая Аркадия, Жемчужное море, Берег Русалок), громоздкий, лишенный изящества в обводах, покрытый совершенно неуместными в этом раю броневыми плитами космический аппарат без опознавательных знаков опустился на песчаную косу. С грохотом и лязгом выдвинулись опоры, закрепляя это доисторическое чудище в устойчивом положении.

Прошло еще минут десять-пятнадцать, и в брюхе аппарата вскрылся люк.

Человек в тяжелом, стеснявшем движения скафандре спрыгнул на светлый песок, погрузившись почти по колено. Поколебавшись, откинул забрало шлема. Лицо было обычное, только очень бледное, отчего на нем контрастно выделялись пышные черные усы.

Еще несколько минут человек просто стоял и дышал, прикрыв глаза. Казалось, он получал от этого удовольствие.

Затем он поднял руку и требовательно щелкнул пальцами (в тугой перчатке из металлизированного каучука щелчок получился совсем слабым), и из люка ему спустили длинный сверток в полупрозрачном чехле.

Чехол был снят и брошен под ноги. Сверток оказался прямоугольным полотнищем из тяжелой, пропитанной быстротвердеющим составом материи на титановом древке. Материя была расправлена и буквально на глазах обратилась в застывший прямоугольник, белый с си-

ним рисунком — стилизованное изображение материков внутри концентрических окружностей, в обрамлении лавровых ветвей, над которым восходили три большие, неравные по размерам звезды.

12.

— Эффектно, ничего не возразишь, — заметил Моргенштерн. — Да только что вы сейчас намерены делать с этим вашим трикстером?

— Ей-богу, не знаю, — усмехнулся Кратов. — Мне нужно было лишь прервать игру. Что я и сделал.

— Воображаю, как трещит черепушка у бедного Шойкхасса!

— И ошибетесь. То есть, конечно, трещать-то она трещит, но не из-за моего несообразного трикстера. Советник сейчас занят просчетом вариантов дальнейшего развития событий, после того, как в наш спор за планету нагло вмешалась третья сила.

— Во-первых, трикстер — всегда третья сила, выступающая на стороне ее величества Случайности. А во-вторых, ни один гроссмейстер не перестанет обдумывать отложенную партию, какие бы хляби небесные не разверзлись.

— Еще пива?

— Пожалуй...

Кратов сходил к бару и принес очередную охапку жестяных банок.

— А вы почему здесь, а не там? — спросил Моргенштерн.

— Я не специалист по общению с юдьми, — пояснил Кратов. — Будь это те же орки, те же ветроносцы — тогда обращайтесь ко мне. А с людьми, да еще из XXI века, пускай разговаривают психологи. И, разумеется, директор Данбар.

— Эти парни одолели почти восемьдесят световых лет, проведя больше двухсот лет в гибернации, чтобы найти Сирингу и взять. И лишиться невинности, воткнув в ее пышное лоно флаг Организации Объединенных Наций... которой давно не существует. Да-а, страдальцу Фергусу нелегко будет объяснить этим ребятам, отчего мы прибыли сюда за считанные часы и целых два года мозолились, не коснувшись изумрудных трав Аркадии даже носком ботинка.

— Откуда им было знать о Галактическом Братстве, о ксенодипломатии, о праве «пришедшего первым»?..

— ...которое они с таким варварским блеском реализовали?

— Эту банку, — со значением в голосе объявил Кратов, — я поднимаю за тех, кто летел к Сиринге двести сорок лет, и все же пришел первым.

— Лехаим, — сказал Моргенштерн. Он высадил свое пиво единым духом, стер пену с усов, застенчиво рыгнул и спросил: — Этим кораблем... как бишь его?.. «Луч XII»... командует, разумеется, ваш соотечественник, русский? Вы же всегда были лидерами в освоении звездных трасс!

— Угу, — пробулькал Кратов. Покончив с банкой, он колоссальным усилием воли подавил отрыжку. — Но этот корабль стартовал в эпоху, когда национальный признак уже не играл прежней роли. Все уже определялось профессиональными качествами. Командира зовут Маттео Гримальди, и он уроженец не то Андорры, не то Монако — на сей счет в первоисточниках существуют разночтения. Но русских в экипаже пятеро, в том числе одна женщина. Ее имя Александра Морозова, но комментаторы тех времен предпочитают ласковое «Олеся»...

— И вы, несомненно, вскорости за нею приударите, — с непонятной укоризной предположил Моргенштерн. — Все знают, что Галактический Консул любит только самых красивых или самых необычных женщин. Причем всех сразу.

— Глупости, — смутился Кратов. — Несомненно лишь то, что вскорости меня на «Протее» с собаками не сыщут...

*Едва барабана послышится грохот,
Солдат на ногах уже, к бою готовый.
В столице одни укрепления возводят,
А мне вот на юг продвигаться походом¹.*

Чтобы окончательно успокоить ваше внезапно проснувшееся национальное самосознание, сообщу также, что евреев там шестеро, хотя трое считают себя североамериканцами, а один — русским.

— Тогда я выпью за евреев, которые не побоялись остаться евреями даже в космосе, — возгласил Моргенштерн.

От Кратова потребовалось немалое умственное напряжение, чтобы оценить всю глубину этой сентенции. Груда пустых банок на столике бара, увы, не располагала к интеллектуальному подъему.

— А я за тех евреев, что искренне посчитали себя русскими, — наконец придумал он.

— Непонятно отчего, — сказал Моргенштерн, — не то в виде метаболической реакции на ваш тост, не то пиво чересчур свежее... но мне придется покинуть вас на время... хм... мастер.

— Идите к черту! — пожелал ему Кратов.

Моргенштерн выбрался из своего угла и нетвердой походкой устремился к выходу из бара. В дверях он

¹ Ши цзин, книга песен и гимнов (XII — V вв. до н. э). Пер. с китайского М. Е. Кравцовой.

вдруг замер, отшатнулся, подобрал живот и совершил нечто вроде мушкетерской отмашки шляпой. А затем вдруг исполнился неподобающей суетливости и трусцой канул в коридор.

13.

Вошедшая Ева-Лилит приветственно шмыгнула носом.

— Нигде никого нет, — пробасила она. — Вот тоска-то!

— Не понимаю, — сказал Кратов. — Вы хотели сенсацию. Вы ее получили. Так чего же вы ошиваетесь на полупустом стационаре, в то время как ваш коллега берет интервью у астронавтов из прошлого?!

— Вы и вправду не понимаете, — фыркнула «страшная девушка», плюхаясь в свободное кресло. На ее высоко заголившемся бедре темнел свежий синяк. — Я ньюсмейкер-модератор, и Шлыков ньюсмейкер-модератор, но мы животные разных видов. Шлыков не станет брать у них интервью. Его фирму не интересуют подробности. Ее интересуют только заголовки, поскольку новостей на Земле и в Галактике столько, что их не вместит никакая сетка вещания, да и никакое человеческое восприятие. Сообщение о том, что из небытия возник звездолет-призрак и мечом Александра Македонского пал на гордиев узел вокруг Сиринги, будет состоять из пятнадцатисекундного видеоряда и закадрового текста. И все! А деталями, когда все устаканится, а Шлыков сгинет, как ночной кошмар, займусь я. И это будет трехчасовое интервью в шести эпизодах, с планами интерьеров «Луча», интимными подробностями типа «кто с кем и как часто», поисками прямых потомков и прочим оживляем. И в одном из эпизодов найдется местечко вам, не беспокойтесь...

— Хотите пива? — осведомился Кратов.

— Я хочу подохнуть, — сказала Ева-Лилит. — С тех пор, как я попала сюда, меня преследуют тридцать три несчастья. Я непрестанно чихаю, кашляю и рыдаю. Потому что у меня аллергия дьявол знает на что, быть может — на этих ваших чужиков... тоссов.

— Но вы не видели, а следовательно, и не обоняли ни одного живого тосса, — заметил Кратов.

— Зато я обоняю вас и всех этих типов, что шляются в нейтралку, чтобы там миловаться с этими отвратительными ящерами... Я все время разбиваю колени о какие-то выступы. От вашего ледяного пива у меня болит горло. Никто в радиусе восьмидесяти световых лет не курит мои любимые сигареты и не моет голову моим любимым шампунем. Я не рождена для этого места. Мне тесно в ваших коридорах, похожих на кишечник кашалота. Спасибо хотя бы за то, что по ним не летают пташки и не гадят мне на голову, и не приходится выстригать целые пряди, чтобы избавиться от говна в прическе... Господи, за что мне это испытание? Только за то, что я хочу довести до моих зрителей, которым в сущности плевать на все, радостное известие, что у Федерации появился еще один угол, куда можно будет приткнуться, когда земное бытие станет окончательно невозможным?! — Последние слова она произнесла на остатке дыхания, почти шепотом. После чего нервным движением вскрыла ближайшую банку.

Возникший как бы из пустоты Ларокк деликатно дотронулся до кратовского плеча.

— Все хорошо, — сказал он интимнейшим тоном. — Совет директоров сместил президента. Они распродают все, вплоть до пресс-папье. Сюда уже летит их менеджер.

— Что такое «пресс-папье»? — рассеянно спросила Ева-Лилит.

— Тоссы тоже согласны, — сказал Кратов, не испытывая никаких чувств по поводу этой удачной во всех отношениях сделки. — Свяжитесь с Шойкхассом.

— А он меня не убьет? — усомнился Ларокк. — После того, как вы нагрели их с Сирингой?

— Бизнес есть бизнес, — промолвил Кратов не слишком уверенно. — Сиринга — это Сиринга, а Павор — это Павор... В любом случае убить он захочет меня.

— Что значит «нагрели»? — оживилась Ева-Лилит. Загадочно улыбаясь, Ларокк удалился.

14.

— Никто никого не нагревал, — энергично возразил Кратов. — Нашли кого слушать! Это же торговый атташе Ларокк!

— Так, так, — протянула «страшная девушка». — Теперь я понимаю, для чего вам понадобились эти странные, как бы вовсе к делу не относящиеся сведения. О древних звездных экспедициях, о хронометраже планетологических исследований... Вы точно знали, что сюда летит третий лишний, и делали все, чтобы расчислить ему дорожку!

— И снова мимо! — Кратов вылил в себя остатки содержимого пивной банки, внимательно исследовал этикетку, поинтересовался даже сроком конечной реализации. Ему настоятельно требовались время и силы, чтобы собраться с мыслями. Ева же Лилит буравила его горящими черными глазищами и нетерпеливо, во все нарастающем темпе, барабанила костлявыми пальцами по столешнице. — Ничего я не знал... точно. То есть, вначале я не поверил, что такой лакомый кусочек, в такой невероятной близости от метрополии, мог быть вне поля зрения окрестных галактических цивилизаций. В числе которых тоссфенхи, к примеру, даже не числятся... Я сделал запрос в отделение истории космических исследований. Там мне подтвердили: да, верно, еще в середине XXI века на основании данных, полученных орбитальным телескопом «Хойл», было доказано наличие у звезды Мелисса — в ту пору она так не называлась, — больших планет с кислородосо-

держашей атмосферой. А из этого с полной предопределенностью следовало ее включение в планы перспективных исследований. Ибо наших предков в первую очередь интересовали поиски новых земель. А поскольку в означенных планах имя «Мелисса» не фигурировало, нам, за рутинной и текучкой, не бросилось в глаза еще два года назад, когда великое стояние над Сирингой только затевалось, упоминание о старой экспедиции звездолета «Луч XII». Одной из немногих, что не воротились в срок... А потом как-то сразу взяло и бросилось.

— Разумеется, вам?

— Нет, это был один из астрофизиков, доктор Юрай Малох.

— Я могу с ним поговорить?

— Можете. Он улетел с «Протея» полгода назад... И мы сразу поняли, что Гримальди и его ребята — единственный и самый сильный наш трикстер в этой игре.

— Трикстер характерен тем, что последствия его применения трудно предсказуемы и не всегда идут во благо его обладателю...

— Еще бы! Гримальди мог опоздать, потому что планеты у Мелиссы были открыты не только людьми, но и другими расами. И означенные расы тоже некогда отправляли к ним свои корабли. Кстати, они все еще летят и, вполне возможно, вскорости здесь объявятся... Гримальди мог не долететь вовсе, потому что все эти годы его посудину грызла метеоритная пыль и выжигала космическая радиация. Мы оценивали его шансы как один к тысяче...

— «Мы» — это значит, что на «Протее» все знали о Гримальди? •

— Практически все, — согласно кивнул Кратов. — И очень на меня надеялись.

— А ваша задача, как игрока, состояла лишь в том, чтобы не продуть Шойкхассу прежде, чем просияет «Луч XII»?

— Здесь мои шансы на успех были еще плоше. Он — гроссмейстер, а я... так, жалкий неофит, построивший всю тактику на блефе.

Ева-Лилит снова взвыла, как это умела делать только она: сиреной воздушной тревоги.

— Но эта тактика себя оправдала! — сказала она. — Вы запылили мозги не только тоссам, но и мне, и этому хомяку из «Планетариума»!

— Наверное, оправдала. Но сейчас я не знаю, что лучше — приобретенная планета или утраченная дружба...

— Конечно же, планета! — горячо возразила Ева-Лилит.

Кратов лишь уныло вздохнул.

— Да бросьте, — сказала «страшная девушка». — Этот чужик вряд ли заподозрит, что вы почти год водили его за нос.

— Во-первых, у тоссфенхов нет носа, — заметил Кратов. — Во-вторых, он не глупее нас с вами, а в некоторых отношениях и мудрее... во всяком случае, меня. А в-третьих, чем дольше я работаю в Галактическом Братстве, тем чаще задумываюсь о системе вселенских ценностей. Мне постоянно кажется, что мы платим слишком большую цену не за тот товар.

— Не забивайте себе голову пустяками, — пробасила Ева-Лилит. — Поделите Сирингу пополам. Отдайте одно полушарие тоссам, а другое оставьте себе!

— Такие эксперименты в Галактике уже проводились.

— И что же?

— Результаты... пока не обнадеживают. Можно поделить планету. Можно расселить на ней две расы так,

чтобы они сосуществовали не пересекаясь. Или пересекаясь как можно реже и лишь в силу крайней необходимости. Но жить на планете будут не только ксенологи и не обязательно ксенологи, а обычные люди и обычные тоссы. Со всеми их недостатками. Со врожденной и пока еще не изжитой, увы, ксенофобией. А тут еще этот идиотский всплеск метарасизма на Земле-матушке... Зачем нам дополнительные сложности к уже известным и более или менее изученным? — Кратов горько усмехнулся. — И потом — Сиринга отныне одна из планет Федерации. Каково на ней будет тоссам? Как вообще можно жить на чужой земле, постоянно сознавая, что однажды тебя могут вежливо, со всевозможной учтивостью, с извинениями и реверансами, попросить освободить занимаемую площадь? Конечно, сейчас мы даже не можем вообразить причину, по которой это вдруг произойдет. Но кто знает, что ждет нас в темном будущем?

— Почему это будущее — темное?

— Темное — не значит «мрачное». Всего лишь скрытое от наших взоров...

Длинные пальцы с обломанными ногтями легли на сжатый кратовский кулак.

— Этак вы с ума сойдете, — нежно проурчала Ева-Лилит.

— Просто я еще не отошел от игры. Честно говоря, внутри у меня все дрожит от напряжения. Так, что поверхность выпитого пива покрыта мелкой рябью.

— Вам нужна... нужен психоаналитик. Может быть, я справлюсь?

Кратов приподнял бровь.

— Все знают, что Галактический Консул любит самых красивых женщин, — продолжала девица. — Но также и самых необычных. А где в мире вы еще сыщете такую уродину, как я? Конечно, ни одна женщина не

обязана быть уродиной. Чудеса косметической пластики, то-се... Но должна же я хоть чем-то выделяться из толпы?!

— Если выделяться — то зачем же именно этим?.. — начал было Кратов, и вдруг почувствовал, что у него положительно не осталось никаких сил на умные беседы. И что эта лохматая ведьма несомненно права.

Он уже собрался известить ее об этом, как вдруг дверь бара с треском распахнулась.

15.

— Константин! — сказал выросший на пороге Моргенштерн. — Я пришел лишь за тем, чтобы с извинениями покинуть ваше общество. В конце концов, мой удел состоит не в том, чтобы пропускать сквозь себя пивные реки, а в кознях и хитросплетениях прекраснейшей игры во вселенной!

— К чему эти словесные орнаменты, — буркнул Кратов. — Вы что, где-то нашли себе достойного соперника?

— Достойный ли — это решит игра, — чванливо сказал Моргенштерн.

Ему пришлось посторониться, потому что в дверном проеме вдруг обозначилась несуразная многорукая фигура в золотом коконе.

— Мастер Кратов, — обратился советник Шойкхасс, нетвердым жестом начертив на матово-белом челе складки чрезвычайной озабоченности. — Мы двое сочли, что вы вряд ли решите вернуться к неоконченной партии. И... как бы поделикатнее выразиться... вознамерились устранить лишние звенья.

Тоссфенх совершил двумя верхними конечностями красноречивое движение, как будто выдирал с корнями застарелый сорняк из грядки. При этом он на миг утратил равновесие и с трудом успел зацепиться остальными четырьмя за что придется, а именно: за дверь, за гроссмейстера Моргенштерна и за едва не выпавшую из тайников его одеяния немалую емкость хрустального стекла. Емкость была наполовину пуста.

— Клянусь хвостом и жвалами святого Итсеасша! — потрясенно вымолвил Кратов.

— Не богохульствуйте, мастер, — величественно произнес Шойкхасс. — Здесь дамы. Впрочем... я не уверен. — Ева-Лилит обескураженно сделала слабую попытку придать своей куделе видимость прически. — Вас удивляет мое состояние?

— Признаться, да.

— А что же, прикажете мне радоваться?! Упустить целую планету, которая сама шла в руки! Мы, древняя раса великих ящеров, бездарно уступили каким-то жалким *суаиха*...

— Вы хотите меня убить? — спросил Кратов, придав своему голосу столько кротости, сколько позволяло выпитое пиво.

— Хочу, — с удовольствием заявил Шойкхасс. — Но не стану. Я переполнен обидой и... этой отравой, — он гневно посмотрел на хрустальный сосуд. — Однако, не объявлять же Федерации войну из-за дурацкой планеты!

— Так мы идем играть? — нетерпеливо осведомился Моргенштерн.

— Но, с другой стороны, — советник пририсовал своим глазам задумчивость, — наивно и самонадеянно было бы с нашей стороны рассчитывать вырвать лакомый кус из пасти таких прославивших на всю Галактику хищников, как люди! Впрочем, нам, кажется, достался Павор... Что же до этого, — Шойкхасс снова посмотрел на полупустую емкость, — то я злоупотребил горячительным из благородных побуждений. Я просто попытался уравнять наши с гроссмейстером Моргенштерном шансы. И даже великодушно предоставил ему определенную фору!

— Да пойдем же! — теребил его за выпуклости кокона Моргенштерн.

— Мы с Натаном будем в нейтральной зоне, — заявил тоссфенх. — В игровом зале. Благоволите не беспокоить. Там есть пиво и... все что нужно. Этот ваш идиотический трикстер натворил дел... Я проиграл планету. Но там, — сразу три длинные руки простерлись в сторону нейтралки, — я непременно выиграю! — Моргенштерн негодуя дернулся. — Еще мгновение, дорогой Натан... Послушайте, мастер... А если бы это были не люди? Если бы это был кто-нибудь из тех, что отныне и навсегда остался вторым... вы позволили бы им высадиться?

— Я ни секунды не размышлял об этом, — честно сказал Кратов. — Но, согласитесь, эти люди, что шли к Сиринге два с половиной века и взяли ее с лету, заслуживают этой планеты больше, чем мы — толпа засранцев, пытавшаяся выторговать друг у друга право на поступок.

— Вы хитрый маленький *суаиха*, — погрозил пальцем Шойкхасс. — Вы далеко пойдете, увы всем нам...

Моргенштерну наконец удалось вытащить его в коридор. Уже оттуда донесся его воинственный фальцет: «Насчет непрямого выигрыша: Шойк, вы всегда удачно пишете против ветра?» — «Что вы имеете в виду, Натан?! Ни ветер, ни смерч, ни прочие атмосферные явления никак не сказываются на моей каллиграфии...» — «Что?.. Но я не имел в виду: пишете! Я хотел сказать: пишете, совершаете мочеиспускание, ссыте, мать вашу!»

— Этот ящер был очень огорчен, — сказала Ева-Лилит.

— Но убивать меня все же не стал, — хмыкнул Кратов.

— И... он довольно мил.

— Поживите среди них — и одним метарасистом на белом свете станет меньше.

— А что такое *суаиха*?

— Чужик, — сказал Кратов. — А точнее — «млекопит». Уничижительное прозвище людей на языке тоссефенов.

— Так мы идем... играть? — строго спросила «страшная девушка», умело воспроизводя капризные интонации гроссмейстера Моргенштерна.

— Похоже на то, — вздохнул Кратов с притворной обреченностью. —

*Вконец отоцавший кот
Одну ячменную кашу ест...
А еще и любовь!¹*

— А, эти ваши любимые «танка»...

— «Хокку», — поправил Кратов. — Трехстишия называются «хокку», а «танка» — это пятистишия. Чем менее я трезв, тем чаще цитирую очень старые «хокку». Можно предположить, что перед тем, как упасть в беспомыслие, я вообще перестану изъясняться прозой.

— Не нужно беспомыслия. Лучше скажите мне комплимент.

— Это обязательно?

— Я знаю, что это непростая задача... Но мы же *суаиха*, а не какие-нибудь там чужики!

Кратов сосредоточился.

— У вас большой манящий рот. — сказал он. — Ваших губ хочется касаться. У вас прекрасные черные глаза, самые большие в мире. У вас самый большой в мире нос...

*Длинноногая кукла...
Верно, с детства мама ее
Много за нос тянула!²*

¹ Басё (1644 — 1694). Пер. с японского Веры Марковой.

² Перефразировка хокку «На празднике кукол» Бусона (1716 — 1783).

— Негодяй! — воскликнула Ева-Лилит.

— У вас прекрасные волосы. Только их нужно хорошенько вымыть и расчесать.

— А каким шампунем вы пользуетесь?

— Каким придется. Сейчас, например, помню только, что на картинке — палевая киска с голубыми глазами.

— Знаю, «Поцелуй сиамской кошки»... Терпеть не могу: ужасно неудобные флаконы!

— Я сам вымою вам голову, — пообещал Кратов.

— Я уже мурлыкаю, — нежным басом откликнулась Ева-Лилит, принимая его руку.

Кода

— Ваше имя? — спросило существо, похожее на большого краба в перламутрово-сизом панцире, вставшего на дыбки, карциноморф-хтуумампи из звездной системы Каус Бореалис (если верить энциклопедическому справочнику «Галактические расы», издание Сфазианского Экспонаториума, выпуск 529-й и до настоящего момента последний).

— Константин Кратов.

— Откуда прибыли?

— С планеты Земля. Это метрополия Федерации планет Солнца.

«И вскорости собираюсь убыть обратно... Потому что на означенной метрополии никто и знать не знает об этом моем внезапном (даже для самого себя!) маршброске в глубины Галактического Братства. Я бросил все дела на Земле, взнуздal Чудо-Юдо и пролетел очертя голову без малого сто парсеков, в погоне за иллюзорной надеждой на успех... Есть люди, которые ждут меня к ужину. Есть удивленная мама, с которой я лишь перебросился парой слов. Есть женщина, которая твердо намерена провести со мной эту ночь. Что бы ни приключилось, я вернусь к ужину — хотя вряд ли успею переодеться в смокинг. Убедительно объясню маме, что ничего страшного со мной не случилось — хотя, быть может, незаметно покривлю душой. И ночью буду в нужной постели — хотя и чуточку усталым...»

— Ваш родной язык?

— Русский... Но я хорошо знаю астроллинг!

— Это несущественно, — краб отмахнулся сразу четырьмя лапами. Прямо из пола перед ним вырос не-

большой круглый пульт на тонкой ножке, и краб расторопно застучал по нему крохотными многосуставчатыми пальчиками. — Земля... русский язык... Цель визита?

Кратов в некоторой растерянности переступил с ноги на ногу.

— Скажем так: воспоминания, — нашелся он наконец.

Краб расправил все четыре стебелька с разноцветными глазами-шариками (из каких-то неясных соображений природа определила, что два глаза должны быть черными, один — белым, а один — красным) и обратил их на визитера. Кратов, испытывая сильнейшее смущение, зачем-то расправил плечи и выпятил грудь. Ничего ему так не хотелось, как поспешно извиниться и удрать.

— Даже я удивлен, — изрек наконец хтуумампи. — И как же долго вы будете расходовать бесценное время моего патрона на свои... гм... воспоминания?

— Он даже не успеет заскучать, — пообещал Кратов.

Краб совершил всеми свободными конечностями нечто вроде легкой физзарядки: возможно, это был эквивалент недоуменного пожатия плечами.

— Патрон ждет вас, — объявил он солидным голосом.

Мембрана в колоссальной стене дрогнула и бесшумно стала вскрываться.

«Я боюсь, — подумал Кратов. — Это какая-то глупость. И как бы упомянутый патрон меня... того... не съел. Иными словами, не понес по кочкам. И хорошо бы, просто узнал. На что, увы, рассчитывать не приходится. Прошло два десятка лет, срок для этого фантастического создания мимолетный, но все же не пустой, а заполненный разнообразными удивительными — по

моим, человеческим меркам! — событиями и свершениями. И вдобавок, в нашу первую встречу я был в скафандре».

Цокая копытцами, которыми оканчивались ходульные конечности, хтуумампи обогнал его и первым проскользнул в образовавшийся проем. Впереди, насколько хватало взгляда, простирался залитый слепящим бело-зеленым светом туннель. Кратов шагнул следом за перламутровым крабом и споткнулся о незамеченное, торчавшее из пола металлическое ребро. Его предупредили, и он был готов к чему-то похожему... Он достал из нагрудного кармана куртки темные очки и нацепил на нос. «Теперь-то уж меня и родная мать не узнала бы...» — мелькнуло в голове. И даже за слегка приглушившими полыхание окулярами глаза испытывали некоторое жжение и начинали слезиться. «Я представлю перед ним, не зная, как и что говорить, и при том обливаясь слезами...» Между тем хтуумампи бойко чесал по ребристому полу, изредка увлекаясь и взбегая по стене, полого закруглявшейся кверху. Ему не было никакого дела до пробиравших гостя малодушных колебаний. «Ну, и чего я трясусь? — мысленно укорил себя Кратов. — В конце концов, я с тектоном болтал как равный, не то что с ним!.. Никто здесь меня не то что жрать — словом худым, на родном, кстати, русском языке, обижать не намерен. Здесь так не принято. Если бы он не хотел меня видеть — просто отказал бы через своего членистоногого секретаря. Соблюдая при этом все приличия и правила хорошего тона... А уж коли я сейчас перебираю ногами в неизвестном, но вполне определенном направлении, значит — у него, существа чрезвычайно занятого, внезапно образовалась свободная минутка. По его, разумеется, масштабам, с моими никак не сопоставимыми. За эту *его* минутку я успею

изложить свою странную просьбу. И даже смиренно выслушать вежливейший, деликатнейший, обставленный необходимыми реверансами отказ...» Из стен туннеля торчали огромные металлические конструкции непонятного предназначения, похожие где на стрелы транспортеров, где на гротескно увеличенные хирургические инструменты. Иногда сверху свисали толстенные шланги, напоминавшие гигантских кольчатых червей и даже, как показалось Кратову, слабо пульсировавшие. На всякий случай он обходил особенно подозрительные места, пригибая голову. И был чрезвычайно благодарен своему сопровождающему, что тот не имел обыкновения оборачиваться.

Туннель, кажется, закончился. Вернее сказать, он вдруг распахнулся до размеров доброго поля для командных состязаний, а затем, по ту его сторону, снова сужался и тянулся дальше, неведь где и чем оканчиваясь. Хтуумампи резко притормозил свой бег и мгновенно застыл, благоговейно сложив лапы на пластинчатой груди — этакий памятник самому себе.

Все пространство колоссального ангара, объемом никак не меньше кубического километра, затянуто было серебряной широкоячеистой паутиной. В местах пересечений тенета утолщались, образуя большие пористые шары, излучавшие всеми мыслимыми цветами. Это делало циклопическую конструкцию похожей на переплетение множества веселых елочных гирлянд. Прямо из пола вырастали телескопические штыри и упирались остриями в массивный свод из громадных броневых плит, что уложены были внахлест на манер лепестков гигантской диафрагмы. Внутри штырей пробегали темные волны пульсаций.

Кратов снял очки и утер слезы. Ему было сейчас вовсе не так весело, как к тому располагала обстановка.

Красота, впечатляет, но... Все чересчур большое для простого человека с Земли. Слишком много пустоты, слишком яркий свет, слишком холодно, и как бы не подхватить насморк на сквозняке...

*Провел я как-то ночь
В опочивальне князя...
И все равно продрог.¹*

Он вернул очки на место и огляделся. В паутине то тут, то там наблюдалось шевеление, но это были всего лишь другие хтуумампи, по всей видимости — инженеры-ремонтники. Карциноморфы издревле славились по всей Галактике замечательными техническими талантами... Панцирем книзу, проворно перебирая конечностями, они двигались по паутине, как по ровной поверхности. Иногда сквозь ячейки, ловко лавируя, с сумасшедшей скоростью проносился гравитр — неземной, разумеется, конструкции.

Кратов с озадаченным видом приблизился к своему проводнику и уж было протянул руку, чтобы потрогать его за плечевое сочленение. В этот миг он уловил волну неподдельного интереса к своей персоне, источник которой находился над его головой. Он едва удержался, чтобы не отпрянуть в смятении.

Астрарх был прямо над ним.

Стометровая серебристая многоножка с распяленными между голенастых лап сетчатыми перепонками антенн ЭМ-связи, с расправленными воронками вживленных гравигенераторов, со вздыбленными гребнями эмиттеров силовых полей, с ровными рядами глаз-бусин, каждая величиной с человеческую голову. И все эти бусины были обращены книзу.

Стиснув зубы, Кратов неспешно попятился. Ему совсем не хотелось вести беседу, задрав башку... Едва

¹ Кёроку (1656 — 1715). Перевод с японского Веры Марковой.

только он отошел на достаточное расстояние, как паутина внезапно просела, словно гамак, до самого низу. Невероятное существо медленно опустилось и зависло, не касаясь поверхности пола, напротив него.

— Патрон, — обратился к астрарху хтуумампи, выглядевший в сравнении с ним уже не внушительных размеров карциноморфом, а крохотным пальмовым крабиком. — Это доктор Константин Кратов с Земли. Тот, кто желает поделиться с вами своими воспоминаниями.

— Я предупрежден, — сказал астрарх.

Голос был металлический, пронизывающий до костей, словно оглушительно звонкая челеста, такая же огромная, как и все вокруг. Казалось, он наводнял собой все помещение ангара. Обычные слова на русском языке, произнесенные с такой вселенской экспрессией, звучали как самая фантастическая музыка, и смысловое наполнение слетало с них, как шелуха с переспелого плода... Между тем, занятые своими делами ремонтники продолжали спокойно сновать по тенетам, не уделяя внимания происходящему. Не то пообвыкли и зареклись удивляться, не то их органы слуха были более терпимы к запредельным звуковым колебаниям.

— Мы встречались? — спросил астрарх.

— Да... — Кратов торопливо кивнул. Ему потребовалось усилие, чтобы преодолеть спазмы в горле и обрести способность нормально разговаривать. — Это было двадцать земных лет назад, в районе искусственного шарового скопления МХ 75761, иначе называемого «Восемью-Восемь». Корабль Федерации терпел бедствие. Нужно было снять с него экипаж и доставить на базу «Антарес»...

— Это сделал я, — горделиво подтвердил астрарх.

— Да... — Кратов замялся, не зная, как ему обращаться к этому исполинскому существу: то ли «учи-

тель», как он делал это, общаясь к тектонам или пожилыми мыслителями из старших галактических рас (все мыслители старших рас изначально казались ему пожилыми, хотя это было зачастую не так; но астрарх отчего-то не производил такого подавляющего впечатления, даже несмотря на поистине космические габариты), то ли «патрон», как из каких-то своих соображений поступал хтуумампи.

Астрарх пришел к нему на помощь.

— Меня зовут Лунный Ткач, — сказал он. — Это приблизительный смысл моего имени на том языке, что был для меня родным, пока я не стал тем, кто я сейчас. Красиво, правда? Нет той нарочито холодной отстраненности, как у стариков-тектонов... Если ты, братик, обратишься ко мне просто «Ткач», я не испытаю неудовольствия.

Кратов с трудом сдержал нервическую усмешку. Уж кем-кем, а «братиком» его не величал никто! Из каких, любопытно знать, кладезей астрарх черпал свои познания в русском языке? Уж не из детских ли книжек?!

— Да, Ткач, это сделали вы, — кусая губы, чтобы не расплыться, промолвил Кратов. — И я был одним из спасенных.

— Привет, — сказал астрарх. — Ты сильно изменился.

— Я избавился от скафандра, — сдержанно пояснил Кратов.

— Ах, да... — в голосе Ткача отчетливо прозвучала звенящая ирония, которой было так много, что она делалась необходимой.

— Нам повезло, что вы, со своим шаровым скоплением, случились поблизости.

— Мы выбрали это удачное местечко, потому что ждали: вот-вот из экзометрии вывалится маленький ко-

рабль, из-за которого, собственно, все и затевалось, — заявил астрарх. И тут же прибавил: — Это я так шучу. Если по правде, то это было распоследним местом, где следовало бы летать маленьким кораблям с маленькими существами. Да и большим небезопасно...

— У нас не было выбора, — пожал плечами Кратов.

— В шаровом скоплении была хорошая работа, — мечтательно сказал Ткач. — Нас собралось тридцать два, и каждый скатал из вещества вселенной, энергии сфер и своих мечтаний по одной звезде. А потом мы их зажгли. Моя звезда разгорелась до желтого накала. Как и та, что освещает ваши планеты. Обожаю этот цвет! Это значит, что она непременно будет греть бока теплокровным тварюшкам вроде тебя, из которых в свое время выйдет толк... А еще мы собрали в одном месте шестьдесят четыре блуждающих планеты-сиротки из всех уголков мироздания, шестьдесят четыре холодных каменных шара, и запустили их по орбитам вокруг наших звезд, чтобы они оттаяли. Каждая из планет проходит в своем пути мимо восьми разных звезд. Здорово, а? Надо уметь! Поэтому скопление и получило такое смешное имя. И я хочу дожить до того дня, когда в этом удивительном мире сможет поселиться какая-нибудь из тех рас, что еще привязаны к планетной тверди. Какие-нибудь теплокровные тварюшки... Там будет нескучно жить, братик. Восемь времен суток, каждое — своего цвета, и никогда не наступают сумерки. Шестнадцать времен года, которым еще нужно будет выдумать названия. Вот задачка-то! Голубые снегопады, зеленые дожди и золотая сушь. Тем, кто там водворится, придется поднапрячь свое воображение... Ты достаточно вольная комета, чтобы летать где хочешь?

— Ну, в каком-то смысле... — промямлил Кратов, мучительно стараясь понять, что имел в виду этот блистательный хвастунишка.

— Тогда бросай все и лети на Восемью-Восемь! Просто так слетай, без дела. Тебе должно понравиться: я чувствую, у тебя довольно хаотический характер... — Озадаченно хмурясь, Кратов попытался в спешке проанализировать свои мысли, в надежде уяснить, что в них привело астрарха к такому умозаключению. — Поброди по планетам, полюбуйся. Непременно загляни на ту, что отмечена в лоции скопления как... — одна из рук астрарха стремительно начертила прямо в воздухе светописную строку «8*8-ЛТ-31». Символы и цифры слегка подрагивали и сыпали холодными искрами, как замороженный в пустоту фейерверк. — Это мое любимое местечко. Я бы слетал с тобой, да паучата не отпустят, пока не залечу все повреждения...

— Патрон, мы не арахноморфы, — почтительно вмешался в разговор хтуумампи. — Мы происходим от древнейших океанических членистоногих...

— Я помню, братик, — беспечно отмахнулся Ткач. — Вы замечательные, милые, но вам бы еще чуточку юмора!

— Юмор — это аберрация разума, — буркнул перламутровый краб.

— Тогда я, наверное, кажусь тебе самым большим клоуном в Галактике? — удивился астрарх (на Кратова обрушился водопад лучистой энергии трудно скрываемого смеха).

— Нет! Нет! — возопил окончательно потерявшийся хтуумампи. — Отнюдь не самым!

— Позвольте, Ткач, — вмешался Кратов. — Как-нибудь я последую вашему совету. Разумеется, не в самое ближайшее время... Но, наверное, там и сейчас небезопасно маленьким кораблям?

— Ну, теперь там гораздо спокойнее! — Астрарх проворно перебрал руками, и перед ним из ничего возникла светящаяся схема шарового скопления, с аккуратно расставленными во взаимном равновесии цветными светилами и чинно плывущими по скрупулезно рассчитанным орбитам планетами. — Вот моя 8*8-ЛГ-31, — сказал Ткач, плавно поднося длинный суставчатый палец к одному из серых шариков. — На ней уже ничто никому не угрожает. Слабая, но устойчивая газовая оболочка. Как ты и любишь, азотно-кислородная смесь. Открытые водоемы из растаявшего реликтового льда. Такой забавный феномен, как газовые гейзеры... Вот разве что в этом районе пока не слишком спокойно, — палец погрузился в самую сердцевину схемы, бесцеремонно пронизывая солнца и распахивая планеты. — Там еще остались пятеро из нас — внести последние штрихи в небесную механику. На некоторых планетах... здесь, здесь и здесь... работают гилурги. Сглаживают рельеф, восстанавливают водные ресурсы, генерируют атмосферу. Если наша работа принесет свои плоды... — Ткач звонко сомкнул руки, и схема пропала. — Кто знает, будет ли смысл продолжать широкомасштабную экспансию... дорогостоящие и опасные исследования звездных систем... освоение неблагоустроенных миров... И не проще ли будет сразу строить миры по своему вкусу?

— Вот уж не знаю! — воскликнул Кратов. — Это предмет для дискуссии... Возможно, и проще. Только все ли согласятся на готовенькое?

— Еще бы, — весело отозвался Ткач. — Страсть к экспансии трудно преодолеть. Особенно теплокровным тварюшкам... Да и нужно ли? Древнему ориентировочному рефлексу обязано своим возникновением Галактическое Братство. Если бы разумными существами не

двигала любознательность, где бы сейчас находился каждый из нас?! Есть расы-завоеватели, которые рвутся вширь, словно их распирает изнутри пассионарная энергия. Открыть как можно больше миров, увидеть своими глазами и узнать все на свете... И есть расы-строители. Они находят гармонию в созидании того, что прежде не существовало. В этом разница между тобой, братик, и мной. Надеюсь, мы прекрасно дополняем друг дружку... Но ведь ты пришел сюда не затем, чтобы выслушать мою праздную болтовню о путях цивилизаций?

— Вы правы, Ткач.

— Ты говорил, что желаешь поделиться своими воспоминаниями.

— Боюсь, я неверно сформулировал свои намерения.

— Ну, так не бойся! — По телу астрарха прокатилась волна, сочленения мелодично зазвенели. Возможно, это был его смех. — Никто тебя не съест...

«Он читает мои мысли, — подумал Кратов обреченно. — Болтается в своем гамаке и читает! И при этом не испытывает никаких моральных угрызений. Еще бы! Пришла теплокровная, мягко говоря, тварюшка. Что ей нужно — она сама не знает. Да еще и дрейфит без удержу... Он просто развлекается. У него хорошее настроение. И не мне, с моими заботами, судить его. А может быть, ему просто скучно торчать в этом затянутом паутиной коробе, среди мрачных деловитых паучат. Ему хочется на простор, в пустоту и бесконечность, где холод ночи сменяется жаром звездных корон. Его гнетут замкнутые пространства. И мой визит — лишь возможность ненадолго отвлечься от тоскливых мыслей».

— Я хочу, чтобы вы нашли наш корабль, — сказал Кратов.

Астрарх издал странный, неживой звук, словно внутри его гигантского туловища вдруг ударил гонг и эхом раскатился во множестве хрустальных пустот.

— Корабль? — переспросил он. На голову Кратова проливались потоки кристально-чистого изумления. — Пустая, вымороженная металлическая скорлупка?..

Ткач произвел неувловимое движение конечностями и прынул по стропам паутины навстречу отшатнувшемуся перед лицом этой сверкающей громадины Кратову. Это было все равно, что оказаться на пути самого большого из всех больших китов, нет — скорее, даже венерианского левиафана! «Господи, а как же еще он должен меня называть? — ошалело подумал Кратов. — Как можно называть собеседника, который в пятьдесят раз меньше тебя?! Не братом же, не коллегой, только братиком, и спасибо, что не мелюзгой...»

— Я не спрашиваю, для чего тебе нужен мертвый корабль, — сказал астрарх. Лица у него не было, и на тупом конце туловища, обращенном в сторону Кратова, в неслышном никому ритме двигались не то трехметровые жвалы, не то добавочные манипуляторы для особо тонких операций. — Вероятно, это серьезная необходимость. Ты не стал бы обращаться ко мне с нелепой прихотью. Ведь так, братик? — «Братик» вышел из оцепенения, вспомнил о необходимости дышать и поспешно кивнул. — Но ты должен осознать всю сложность задачи.

— Я думаю, это будет нелегко даже вам, Ткач, — согласился Кратов, надеясь, что астрарх не уловит подначки в его словах.

— Нелегко. Или даже невозможно.

Несколько серебристых рук приподнялись и сложились в рамку, внутри которой затрепетало бархатно-черное полотно с редкими россыпями дальних звезд.

— Вот здесь я нашел вас, — проговорил Ткач. — Эта синяя точка — ваш корабль. Так выглядели окрестности шарового скопления Восемью-Восемь двадцать лет назад... Так они выглядят сейчас.

В самом центре тьмы возник медленно вращающийся клубок пылающих солнц в лохматых коронах, внутри которого едва угадывались тускло подсвеченные камушки планет. С аккуратной, геометрически выверенной схемой, виденной чуть раньше, это не имело ничего общего.

— Погляди, братик, — сказал астрарх. — Все эти слабые сигналы исходят от бесчисленных космических тел, что несутся по своим орбитам мимо скопления, в сторону скопления или разлетаются прочь от него.

— Я не вижу никаких сигналов, — сконфуженно промолвил Кратов.

— Прости, — если в эмоциях Ткача и прослеживалась ирония, то очень слабая. — Я должен был знать, что твои глаза не приспособлены к восприятию полного спектра оптического излучения...

Картина изменилась. Черноту звездного неба прочертили нити волосяной толщины, по которым ползли слабо различимые точки. На окраинах шарового скопления их было особенно много, по мере же удаления от звездного клубка число нитей сходило на нет.

— Метеоритные потоки, блуждающие планеты и просто обломки камней, — снисходительно пояснил астрарх. — Осколки взорвавшихся космических кораблей и сами корабли. Среди них есть и обитаемые, на входе в экзометрию и на выходе из нее, и давно брошенные, вроде вашего. Их здесь, за тысячи лет галактической экспансии, миллиарды. Когда-нибудь можно будет заняться коллекционированием этой разновидности бесполезного хлама... Как же я найду тот, что нужен тебе, братик?

Вытянутый палец устремился к живой карте.

— Попробуем угадать? — спросил Ткач.

Одна из точек стремительно надвинулась, занимая собой все пространство между раздвинутых рук астрарха... Беспорядочно крутящийся, лишенный формы, ноздреватый обломок пыльно-бурого цвета.

— Еще?

Почти правильных очертаний пепельно-серый шар со вмятинами застарелых кратеров и змеящимися черными разломами, очень напоминающий собой рассыпшуюся от ветхости Луну.

Палец потянулся в другой угол карты. Похоже, игра в звездную орлянку забавляла астрарха.

— Достаточно, — выдавил Кратов упавшим голосом. — Я напрасно отнял ваше время, Ткач.

— Отчего же? — Сочленения астрархова тела смешливо лязгнули. — Всякое космическое тело подчиняется простым законам небесной механики. Оно имеет начальные координаты, собственную массу и скорость. На него воздействуют гравитационные поля других тел. Почти все параметры уравнения известны. Двадцать лет пустой, неуправляемый корабль летел по воле этого уравнения, как самый тупой из метеоритов. Он мог угодить в область пространственных возмущений, вызванных перемещениями больших масс и потоков энергии при строительстве шарового скопления, и рассыпаться в атомный прах. Он мог очутиться в поле притяжения какой-нибудь из свежеиспеченных звездных систем и сгореть в недрах светила. С ним могло произойти что угодно.

— Так у меня есть надежда? — спросил Кратов.

— Это сложная задача, — задумчиво прозвенел астрарх. — Но, с другой стороны, я надолго застрял в доке после тех повреждений, что схлопотал в кометном поясе... У меня есть время, и задача имеет решение.

Ткач с лязгом подобрал под себя все лапы и стал похож на старинный дирижабль с плетеной гондолой под брюхом.

— Я найду тебе корабль, — объявил он торжественно. — Если только он еще существует... При одном условии.

— Все, что в моих силах, — произнес Кратов, клятвою поднимая правую руку.

— Обещай мне никогда не быть таким серьезным, братик, — хихикнул астрарх Лунный Ткач.

Содержание

<i>Прелюдия</i>	7
Часть 1. Парадиз	21
Часть 2. Злые птицы	123
Часть 3. Эпицентр I	182
Часть 4. Эпицентр II	254
Часть 5. Пришедший первым	371
<i>Кода</i>	444

ЛУЧШИЕ

КНИГИ

ДЛЯ ВСЕХ И ДЛЯ КАЖДОГО

◆ **Любителям крутого детектива** — романы Фридриха Незнанского, Эдуарда Тополя, Владимира Шитова, Виктора Пронина, суперсериалы Андрея Воронина "Комбат", "Слепой", "Му-му", "Атаман", а также классики детективного жанра — А.Кристи и Дж.Х.Чейз.

◆ **Сенсационные документально-художественные произведения** Виктора Суворова; приоткрывающие завесу тайн кремлевских обитателей книги Валентины Красковой и Ларисы Васильевой, а также уникальная серия "Всемирная история в лицах".

◆ **Для увлекающихся таинственным и необъяснимым** — серии "Линия судьбы", "Уроки колдовства", "Энциклопедия загадочного и неведомого", "Энциклопедия тайн и сенсаций", "Великие пророки", "Необъяснимые явления".

◆ **Поклонникам любовного романа** — произведения "королей" жанра: Дж.Макьют, Д.Линдсей, Б.Смолл, Дж.Коллинз, С.Браун, Б.Картленд, Дж.Остен, сестер Бронте, Д.Стил — в сериях "Шарм", "Очарование", "Страсть", "Интрига", "Обольщение", "Рандеву".

◆ **Полные собрания бестселлеров** Стивена Кинга и Сидни Шелдона.

◆ **Почитателям фантастики** — циклы романов Р.Асприна, Р.Джордана, А.Сапковского, Т.Гудкайда, Г.Кука, К.Сташефа, а также самое полное собрание произведений братьев Стругацких.

◆ **Любителям приключенческого жанра** — "Новая библиотека приключений и фантастики", где читатель встретится с героями произведений А.К. Дойла, А.Дюма, Г.Манна, Г.Сенкевича, Р.Желязны и Р.Шекли.

◆ **Популярнейшие многочисленные детские энциклопедии:** "Всё обо всем", "Я познаю мир", "Всё обо всех".

◆ **Уникальные издания** "Современная энциклопедия для девочек", "Современная энциклопедия для мальчиков".

◆ **Лучшие серии для самых маленьких** — "Моя первая библиотека", "Русские народные сказки", "Фигурные книжки-игрушки", а также незаменимые "Азбука" и "Букварь".

◆ **Замечательные книги известных детских авторов:** Э.Успенского, А.Волкова, Н.Носова, Л.Толстого, С.Маршака, К.Чуковского, А.Барто, А.Линдгрена.

◆ **Школьникам и студентам** — книги и серии "Справочник школьника", "Школа классики", "Справочник абитуриента", "333 лучших школьных сочинения", "Все произведения школьной программы в кратком изложении".

◆ **Богатый выбор учебников, словарей, справочников по решению задач, пособий для подготовки к экзаменам.** А также разнообразная энциклопедическая и прикладная литература на любой вкус.

Все эти и многие другие издания вы можете приобрести по почте, заказав

БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

По адресу: 107140, Москва, д/я 140. "Книги по почте".

Москвичей и гостей столицы приглашаем посетить московские фирменные магазины издательства "АСТ" по адресу:

Каретный ряд, д.5/10. Тел. 299-6584.

Татарская, д.14. Тел. 959-2095.

Б.Факельный пер., д.3. Тел. 911-2107.

Арбат, д.12. Тел. 291-6101.

Звездный бульвар, д.21. Тел. 974-1805

Луганская, д.7 Тел. 322-2822

2-я Владимирская, д.52. Тел. 306-1898.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

Анджеи Сапковски
ВЕДЬМАК

**ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ**

**СЕРИЯ
"ВЕК ДРАКОНА"**

В серии готовятся к выпуску произведения признанных мастеров жанра фэнтези — Анджея Сапковского, Роберта Джордана, Лоуренса Уотт-Эванса, Кристофера Сташефа, Глена Кука, Терри Гудкайнда, Дэйва Дункана, а также талантливых молодых авторов: Мэгги Фьюри, Марты Уэллс, Грегори Киза и других.

"Век Дракона" — это мастера мечей и волшебства, войны с кровожадными чудовищами и ошеломляющие поединки, великие герои и отважные воительницы, невообразимые страны и невероятные приключения...

**Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, д/я 140 АСТ — "Книги по почте".**

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ

СТИВЕН КИНГ

Имя, которое не нуждается в комментариях. Не было и нет в «литературе ужасов» ничего, равного его произведениям. Каждая из книг этого гениального автора — новый мир ледящего кошмара, новый лабиринт ужаса, сводящего с ума.

Читайте Стивена Кинга — и вам станет по-настоящему страшно!

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Это книги, написанные по мотивам самого знаменитого телесериала планеты, бесценный подарок для всех, кто верит, что мир паранормального ежесекундно сталкивается с миром нормального. Монстры и мутанты, вампиры и оборотни, компьютерный разум и пришельцы из космоса — вот с чем приходится иметь дело агентам ФБР Малдеру и Скалли, специалистам по расследованию преступлений, далеко выходящих за грань привычного...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

Литературно-художественное издание

Филенко Евгений

Эпицентр

Редактор А. Лукашин
Художественный редактор О. Адаскина
Компьютерный дизайн А. Сергеев
Технический редактор О. Панкрашина

Подписано в печать 22.03.99.
Формат, 84×108¹/₃₂. Усл. печ. л. 24,36.
Тираж 12 000 экз. Заказ 3280.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиенический сертификат
№ 77.ЦС.01.952.П.01659.Т.98. от 01.09.98 г.

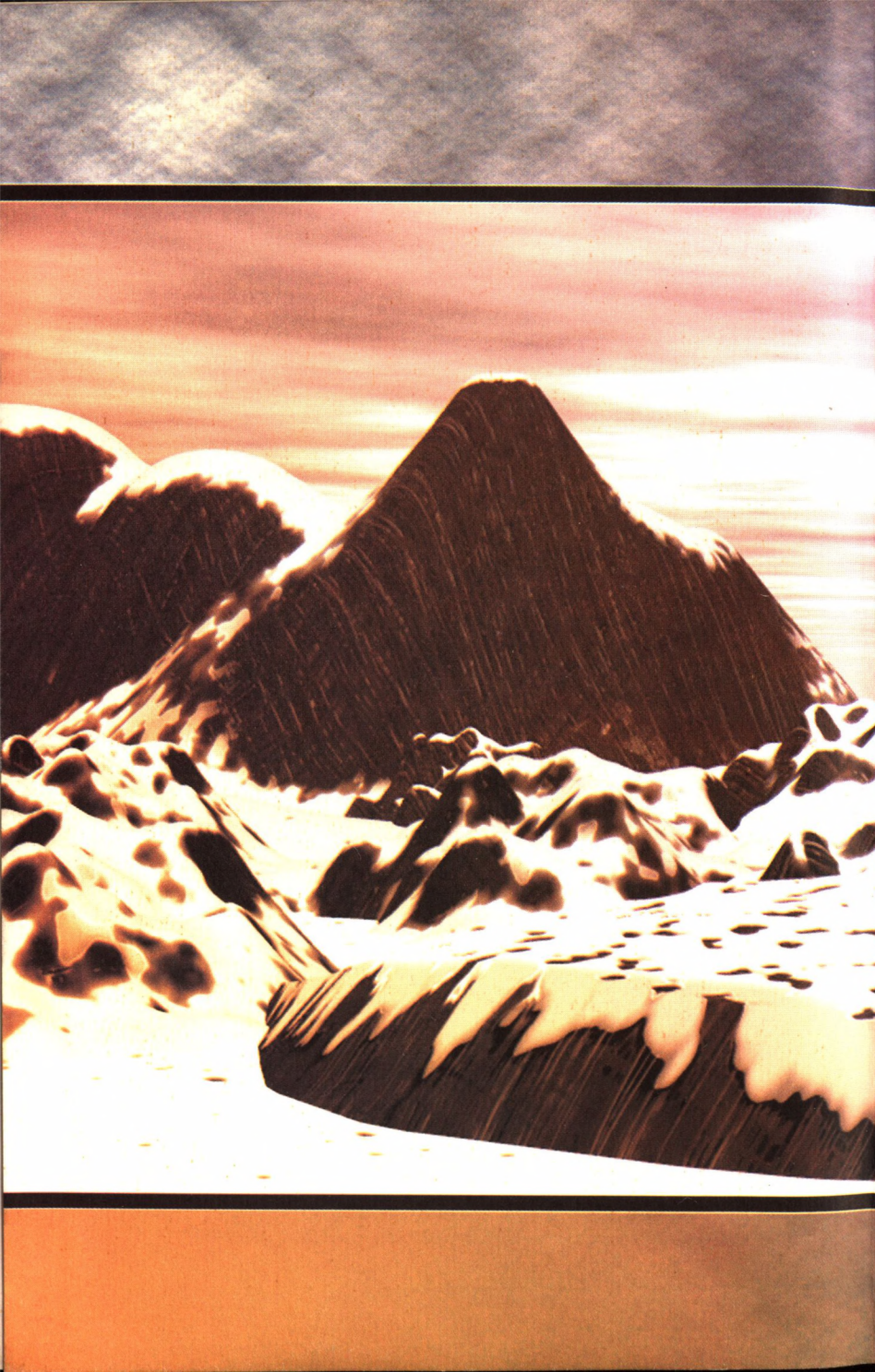
ООО «Фирма «Издательство АСТ»
ЛР № 066236 от 22.12.98.
366720, РФ, Республика Ингушетия,
г. Назрань, ул. Московская, 13а

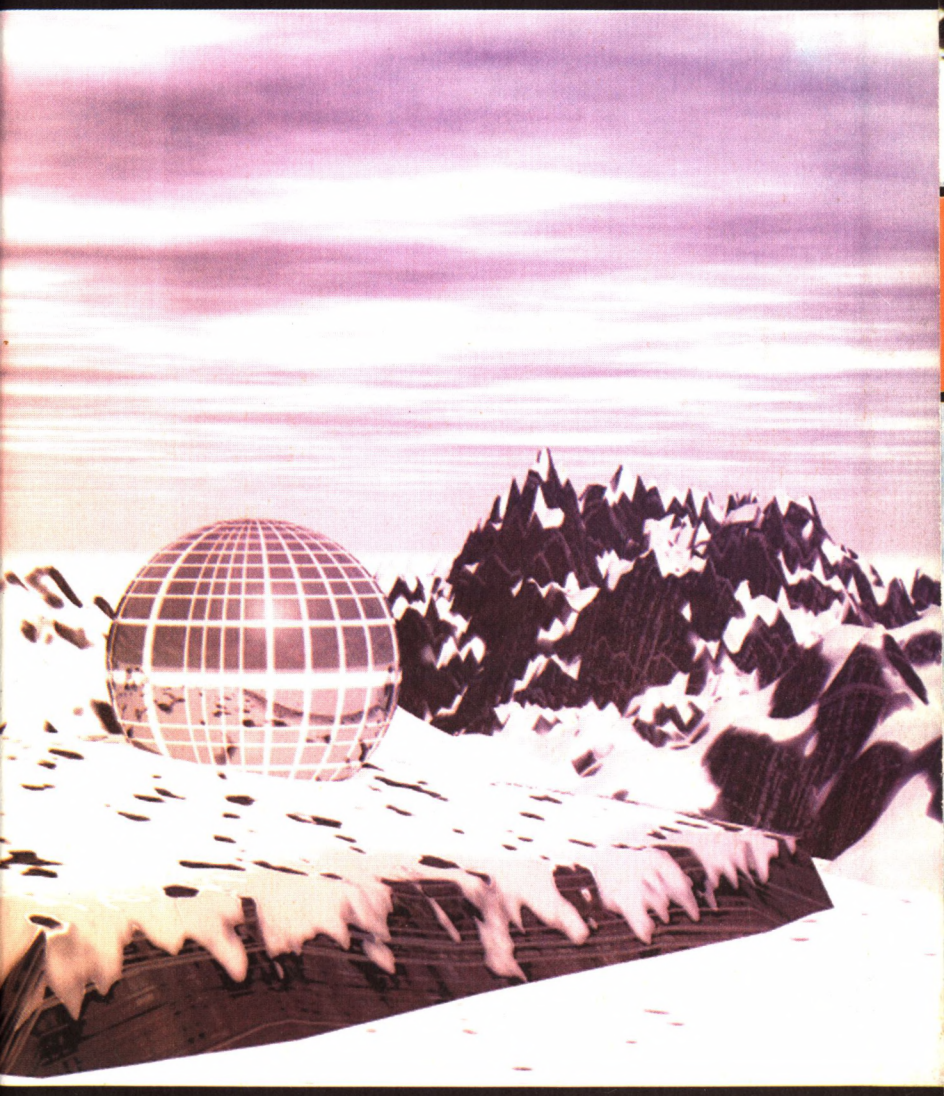
Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: ast pub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Книжной фабрике № 1 Госкомпечати России
144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25

ISBN 5-237-02162-X

Он — галактический консул.

Тайная миссия ведет его сквозь опасности и приключения, от звезды к звезде, от планеты к планете...

К планете, где, в результате чудовищной ошибки, животные обрели разум, но сохранили звериную жестокость...

К планете, оказавшейся в центре запутанного политического конфликта одновременно «открывших» ее рас...

К планетам, где обитают гуманоиды и негуманоиды и где правят чуждые человеку законы...

К планетам, которые надо спасти, пока еще не поздно...

Читайте захватывающую фантастическую эпопею Евгения Филенко «Галактический консул»!

Л А Б И Р И Н

З В Е З Д Ы Й